

А. ВУГАЛБТЕР

ВАШЕ
ОТКРЫТИЕ
ОБЩЕСТВА

Издание переработанное и расширенное

2018-19

А. Л. Вугальтер

ВАШЕ ОТКРЫТИЕ ОБЩЕСТВА

Издание переработанное и расширенное

Днепр
«Середняк Т.К.»
2018-19

УДК 301
ББК 60Ю55
В 88

Предисловие член-кор. НАН Украины
Мирослава Поповича

Предисловие президента Ассоциации философского искусства
канд. филос. наук **Назипа Хамитова**

Редакторы: **Е.А. Солодовник**
Л.И. Файбушевич

В 88 Вугальтер А.Л.
Ваше открытие общества / А.Л. Вугальтер. — Днепр:
Издатель «ФЛП Середняк Т.К.», 2018. — 374 с.
ISBN 978-617-7696-09-3

В монографии затронуты широко обсуждаемые философией проблемы, которые рассматриваются с точки зрения, отличной от общепринятой. Авторский «конек» — не идея-фикс, но особый исследовательский подход. В плане раскрытия темы читателю предлагают не «проглотить» ответ, но задуматься над вопросом. Несколько фрагментарная структура изложения предопределена желанием обсудить только те идеи, которые выражают авторский взгляд.

Исследование носит не столько просветительский, сколько аналитический характер и поэтому рассчитано на эрудита: философа, социолога, политолога, экономиста, — и не существует преград для любознательного читателя. Для ученого, продвинувшегося в изучении природы общественных явлений дальше, чем автор, работа может представлять сопоставительный интерес.

УДК 301
ББК 60Ю55

В авторской редакции

ISBN 978-617-7696-09-3

© Вугальтер А.Л., 2018

A. L. Vugalter

**A SOCIETY,
WHICH YOU ARE DISCOVERY**

Edition revised and extended

Dnieper
«Seredn'ak T.K.»
2018-19

B+BC+BD+BL

CB

D

GF+GN

H+HB+HM+HN+HT+HX

JA+JC

P

Q+QA+QB+QC+QH

Preface Corresponding Member of National Academy of Sciences of Ukraine
Miroslav Popovich

Preface President of the Association of Philosophical Art
doctor Sciences Nazip Khamitov

Editors: **E.A. Solodovnic**
L.I. Faybushevich

A.L. Vugalter

A Society, Which Your Are Discovery / A.L. Vugalter. - Dnieper:
Publisher "Ent. Seredn`ak T.K.", 2018. - 374 p.

ISBN 978-617-7696-09-3

In the monograph affected widely discussed in the scientific problems, which are considered under the author's point of view, different from the usual. Author's feature is no fixed idea, but a special research approach.

Author suggested to reader not to "swallow" a response, but ponder the question. Several fragmented structure of the described is predetermined by the desire to discuss only those ideas that express their own opinion of the author.

The study is not so much educational as analytical in nature and, therefore, is designed to erudite persons: philosophers, sociologists, political scientists, economists, and there is no barrier to the inquisitive reader. For a scientist, advanced in the study of the nature of social phenomena further than the author, the work will be of comparative interest.

In the author's edition

ISBN 978-617-7696-09-3

© A.L Vugalter, 2018

Предисловие автора

В монографии затронуты проблемы методологии теоретического исследования общественных явлений, онтологии, эпистемологии, злободневно-острые вопросы этики, религии, политологии и политической экономии.

Автор, стремясь избежать воспроизведения прописных истин, отказался от общеобразовательного характера повествования, но предлагает вполне оригинальные решения затронутых в книге тем. В то же время в проблематике и аргументации своих суждений делается упор на достижения мировой науки не только общественного направления, но и физики, астрономии, математики, логики, психологии, биологии, лингвистики, кибернетики и пр.

Данную работу трудно подвести под известную школу или направление. Не классицизм, не неоклассицизм; не модернизм... Не удастся избежать разве что клейма «*постмодернизма*», под которым понимают все, чего не было до того. Мы не ставим перед собой задачи *подражать* какой-либо философской школе или *отличаться* от нее, что по сути одно и то же. Такая отстраненность объясняется тем, что философ исследует социальные явления *непосредственно*, не придавая доминирующего значения критике существующих теорий, с одной стороны, и не высказывая личных пристрастий по конкретно-практическим вопросам — с другой. Когда мы приводим в своем исследовании работы иных авторов, фрагменты разных воззрений, то делаем это не с целью их критики и не в подтверждение собственных умозаключений, но в сравнительных и познавательных целях.

Тем не менее, это вовсе не означает, что тематика книги лежит в стороне от «вечных вопросов». Напротив, работа акцентирует внимание на стыках и противоречиях тех или иных научных направлений, демонстрируя известную истину: на большинство традиционных вопросов не может быть никаких ответов, так как сами вопросы традиционно бессмысленны, *что, в свою очередь, предполагает постановку новых вопросов.*

Тем более интересно отметить, что ряд событий, возможность наступления которых вытекает из исторической логики, действительно состоялись в промежутке между двумя изданиями книги (1995—2018). Речь не идет об успешности календарного прогноза, то есть предсказания на определенный момент или определенный период, но лишь о тенденции разворачивания событий, о принципах. Это, в частности:

потеря Украиной Крыма;

гражданская война реакционного (просоветского) свойства на

Востоке Украины;

упорное нежелание украинского Верховного Совета (Верховной Рады) предоставить крестьянину право свободного распоряжения сельскохозяйственной землей, то есть право купли-продажи земли. Аналогичная ситуация, препятствующая развитию капитализма, сложилась и в России, и в Беларуси.

Китай, как и ожидалось, обогнал экономику Украины не только по величине удельного внутреннего продукта, но и в плане внедрения новейших зарубежных технологий. Весь мир стал вдруг пользоваться плодами низкокачественного труда китайского рабочего. Однако, полуфеодалские формы ведения бизнеса, выраженные в отсутствии частной собственности на землю, а значит, в отсутствии рынка сельскохозяйственной земли, в конце концов, сведут его успехи на нет. Ярким показателем неверия зарубежных предпринимателей в эффективность китайской экономики служит низкий уровень портфельных инвестиций.

Отметим также сходство внешней экономической политики стран, которых затронул мировой кризис, начавшийся в 2008 году, с их политикой в период «великой депрессии» 30-х годов минувшего столетия. Как и предполагалось, в аналогичных ситуациях люди действуют *однотипно по необходимости*, а не разумно.

Однако если та или иная научная гипотеза подтверждается со временем реальными событиями, это еще не говорит в пользу общей теории. Действительно, поскольку гипотез может быть много, а находят подтверждение лишь некоторые, значит, мы имеем дело со случайностью.

Условия в стране тотального социализма (когда закладывались основы первого издания книги) были крайне неблагоприятны для формирования философской мысли, если сравнить их, например, с либеральным режимом рабовладения в Древней Греции. Там свободомыслие преследовали, разве что, постфактум, тогда как в СССР — превентивно, как и в эпоху средневековой европейской инквизиции. Тем не менее, некоторые идеи, которые четверть века назад зарождались как результат философского анализа исторических событий, известных на уровне урезанной, противоречивой и искаженной информации, доступной советскому читателю, сегодня получили документальное подтверждение и уже стали общим местом.

Незавершенность исследования и открывшиеся возможности побудили автора переиздать книгу в переработанном и расширенном формате.

Философия — элитарный срез человеческой культуры. Отсюда цель работы — исследование как таковое. Здесь не оценивают полезность событий и не дают практических советов, поскольку предпола-

гается, что это искажает познавательный процесс. Исследователь отходит от большинства традиционных представлений о предмете, избегая однозначных в своей простоте умозаключений. Поэтому в книге отсутствуют поддерживающие академическую традицию определения.

Представленная здесь *почти целостная* картина мира, с островком человеческого общества в нем, вполне оригинальна. Когда мы говорим о преходящем характере научной теории, то подчеркиваем, что ее практичность противоречит ее ошибочности, но при этом мы не противопоставляем бренность человеческих знаний вечной истине божественного откровения, как это делают теологи, и т.п.

Некоторые пассажи представляются узнаваемыми на первый взгляд, однако внимательное чтение позволяет уловить принципиальные отличия от известных концепций. Некоторые мысли, впервые изложенные нами более двадцати лет назад, были впоследствии повторены разными авторами. При этом, хотя книга находится в библиотеках разных стран мира, а также в Интернете, факт их знакомства или незнакомства с нашей работой не установлен.

Способ изложения материала, отражая авторский метод, носит отчасти фрагментарный характер, в котором, однако, прослеживается единый подход к рассмотрению разнородных вопросов. Рассматриваемую тему мы раскрываем не изолировано в исторической, каузальной или логической последовательности, но в многогранности мыслительного пространства. Поэтому извечное противоречие между временной последовательностью речи и рядоположенностью разнообразных моментов бытия проступает в работе особенно отчетливо. *Целостность создается разнообразием.*

Структура текста перекрестна, что означает:

рассмотрение в отдельной главе, как правило, двух или более взаимосвязанных проблем;

ряд тем повторно рассматривается в различных главах в разной связи;

каждая из взаимосвязанных глав уточняет другие.

Все это подвигает читателя на целостное восприятие монографии.

В отличие от концептуальных работ по философии, данная работа — не учение, а исследование, поскольку автор не поучает читателя, но считает необходимым доказать и объяснить, прежде всего, самому себе то, что, казалось бы, само собой разумеется или, наоборот, трудно поддается осмыслению, а значит, требует особого подхода.

Делиться мыслями — естественное свойство человека общественного. Объяснять другим следует столь же строго, как самому себе.

Объясняя себе, мы становимся на место читателя. Таким образом, мотив распространения собственных мыслей совпадает с мотивом исследования, являясь его моментом.

Впервые книга была издана в 1995 году под названием **«Ваше открытие общества, или Философский вояж»**, Киев: March-A, 143 с. Для настоящего издания книга была переработана и дополнена.

Изложение, близкое к первому изданию книги, но преобразованное и дополненное, дано в части первой под названием **«В поисках ответа»**. Вторая часть, получившая название **«Найденные вопросы»**, представляет расширение исследования.

Электронная копия книги была размещена в Интернете в июле 2018 г. Настоящая копия книги была технически отредактирована по замечаниям читателей в январе 2019 г.

Предисловие Мирослава Поповича к изданию 1995 года

Представленная рукопись посвящена самым общим проблемам философии истории (философии общества), а также методологии ее исследования.

Несомненно, это сфера, которая в общественном сознании в наше время представляет собой сплошное «белое пятно», усыпанное осколками рухнувшей идеологии, и интерес к ней у общества велик. Это значит, что книгу, наверное, купят. Далее, автор пришел в эту область, так сказать, «со стороны», но не отягощен ни предрассудками, ни положительным опытом и окинул территорию свежим взглядом человека, имеющего солидные познания в другой сфере. Такой свежий взгляд всегда полезен.

Должен сказать, что по многим решающим положениям мне позиция автора импонирует. Наконец, книга написана легко, с вызывающим юмором и соответственно легко воспринимается.

Считаю публикацию книги А.Л. Вугальтера полезной в нашем мятущемся и ищущем обществе, преодолевающем массу мертвых традиций.

Попович М.В.
12.07.1995

Послесловие Назипа Хамитова к изданию 1995 года

Главным достоинством и недостатком работы является ее оригинальность. Как и всякое самостоятельное исследование, она отражает личность автора и тем самым порождает *небезразличие* к тексту и желание спорить.

Наиболее существенным признаком работы является попытка объединить в небольшом объеме всю систему воззрений о социуме — начиная от гносеологии и оканчивая политэкономией. Можно уверенно утверждать, что автор излагает эскиз собственной философской системы. Появление подобных работ симптоматично - в наше время узкого философского профессионализма ощущается потребность в панорамных исследованиях социальности и человека, способных интегрировать разные области знания и давать целостное видение реальности.

Эвристически ценными, на мой взгляд, являются рассуждения автора о диалектике и *полилектике*. Могу согласиться и с тем, что мировоззрение есть не знание, а принцип, выступающий по своему познавательнo-психологическому происхождению как вера. Мне импонирует также свободный, разомкнутый способ изложения, обращение к чувствам и образам.

Вместе с тем, в работе есть целый ряд моментов, вызывающих желание подискутировать с автором. Не могу согласиться с необходимостью введения понятия «тяжелая материя» рядом с категориями пространства и времени. Рассуждая о феномене религии, автор заявляет о выраженной социально-политической функции и фактически отождествляет ее с церковью, тем самым значительно сужая возможность постижения религиозного сознания. Бросается в глаза и привязанность автора (в его философских рассуждениях) к стилю и принципам диалектико-материалистического учения, использование и модернизация характерного преимущественно для него категориального и понятийного аппарата.

Но все эти моменты не снижают эвристический потенциал исследования и лишь оттеняют авторскую неповторимость.

Считаю, что работа вполне заслуживает публикации и может найти своего читателя — особенно среди ученых, пересматривающих свои мировоззренческие основания.

Хамитов Н.В.
10.05.1995

ВВЕДЕНИЕ

Начнем с того, что философии следует отстраниться от распространенного *мировоззренчества* с вычлениением априорного «главного» и требованием полной завершенности в решении проблем, но одновременно признать, что принцип незавершенности (фаллибилизм) сам по себе являет завершенную мысль.

Действительно, если полагать истину абсолютной и бесконечной, как абсолютна и бесконечна природа вещей в целом и в каждой своей части, то становится очевидным, что ни один шаг, ни множество шагов «в поисках истины» ни на йоту не смогут приблизить нас к истине, ибо невозможно приблизиться к бесконечности. Принцип беспредельной истины не изменится, если признать мир конечным, но неопределенно большим.

Если единая и единственная вселенная существует точно подсчитанное время и имеет ограниченный, точно измеренный размер, как утверждает современная космология, значит, у познания есть внешние пределы, которые существуют *здесь и теперь*. Правда, насущная гносеологическая ограниченность не впервые возникает в истории науки, что заставляет *предположить* ее преходящий характер на будущие времена.

Так или иначе, процесс познания не является подобием целенаправленного движения. Эпистемологии, аналогично истории, видна не будущая цель, но траектория пройденного пути. Наука, таким образом, подобна идущему в никуда, оставляющему за собой все более *длинный и путаный* след. При этом уровень знаний определяется не степенью приближения к истине (к чему приблизиться нельзя), но длиной этого следа — образа связности и преемственности науки...

Вот почему, между прочим, то или иное научное *открытие*, сделанное в определенную историческую эпоху, не могло быть совершено в *предыдущие исторические периоды*, хотя многие считают иначе.

В то же время любая *определенность* — будь то куст сирени, годы жизни человека, структура графита или политический режим современной Франции и т.п. — есть *внутренняя граница бесконечности*. Поэтому истина в одно и то же время непосредственно реальна, недостижима и непостижима.

Необъяснимые в своей связности процессы и явления лежат в основе познания и составляют сущность так называемых «законов природы», в том числе законов человеческого общества. Поэтому простое выявление и «безучастное» признание фактов до их объяснения и независимо от возможности их объяснения является *исходным моментом истинной*

науки, в отличие от обывательского мышления, для которого: *что не объяснимо, то и не существует*. Однако задача «объяснить по возможности» и требование «непрерывно объяснить» нечетко разделены, что составляет трудность и интерес научного исследования.

Отказ от *мировоззренчества*, конечно, ничего общего не имеет с искусственной локализацией исследований. Но философское исследование должно контролировать размеры и грани своего предмета, в пределах которых оно сможет иметь достаточную завершенность.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

В поисках ответа

Раздел 1. ФИЛОСОФСКОЕ ЗНАНИЕ

Философия как образ жизни

Бытует небезосновательное представление о философе как субъекте созерцания и объекте обреченности. Принято думать, что к философии обращаются, чтобы обрести душевное равновесие. Поэтому философа отождествляют с умиротворенностью и невозмутимостью. Заметим, что равновесие обычно покидает душу и становится предметом изучения, когда человека охватывает озабоченность. Поэтому философских откровений чаще всего ищут в юности и под старость. Получаем реальное противоречие: душа достигает равновесия, как только становится ясно, что оно недостижимо.

Речь идет о философии как разновидности эскапизма — интеллектуальных приемах защиты психики от шока и депрессии. Хотя эти приемы много слабее лекарственной химии, они могут поспорить с техническими методами врачебной психологии. Озабоченный безработностью индивид перестает искать выход из психологических тисков, как только начинает понимать банальную вещь: никто из обращающихся к философии в поисках душевного равновесия не может его обрести таким способом.

В юности человек впервые начинает мыслить самостоятельно, что приводит к разногласию с самим собой. Возникает ощущение неудовлетворенности, которое усиливается воспоминаниями детства, когда субъект еще находился в ладах с самим собою. Хотя его мысль направлена на достижение согласия с самим собой, в процессе мышления выясняется недостижимость этого. *Мыслящий субъект — тот, кто перестает понимать сам себя.* Ощущение непонимания приводит к активным поискам «истины» в форме всеобъясняющей концепции. Часто индивид пытается ухватиться за любую догму или примкнуть к лидеру, ... только чтобы перестать мыслить самому.

К старости мышление затухает и субъект вновь, как в детстве, примиряется, казалось бы, сам с собой. Однако депрессивное состояние, свойственное этому возрасту, требует, но не находит средств психологической защиты. Коварная неудача поджидает человека, решившего на склоне лет отдохнуть и развлечься, «занявшись философией».

В подобных случаях к философии обращаются как к чему-то вполне простому, не требующему ни особых знаний, ни умственных и душевных усилий. Индивид, желающий поскорее найти истину и уверовавший, что достиг понимания жизни, загоняет себя тем самым в эпистемологический тупик. Философское невежество и верхоглядство неизбежно дают о себе знать.

Определения философии

Что можно сказать о ныне господствующих академических определениях философии? Они изобилуют ничего не означающими и ни к чему не обязывающими терминами, как то:

- фундаментальные принципы;
- наиболее общие сущностные характеристики;
- предельно обобщенная картина мира;
- теоретические методы постижения действительности;
- гносеологические критерии;
- особая форма познания;
- всеобщие законы развития мира и общества;
- общий и фундаментальный характер реальности и т.п.

Общая черта таких определений — их аксиологическая окраска, подводящая читателя к мысли о наивысшей ценности философских знаний (в отличие от всех прочих наук). Одно это обстоятельство свидетельствует об изначальной антинаучности академической философии.

Но это не все. В определение дисциплины каждый автор вставляет концепцию, свойственную той или иной философской школе, так что все остальные определения оказываются нефилософскими.

Мы остановимся на классификационном методе определения философии как одной из наук. Можно, разумеется, по-разному классифицировать науки. В наших целях разделим их на *основные* (специальные) и *служебные* (методические).

Возьмем, например, математический аппарат какой-либо физической теории. По сути, он представляет собой неотъемлемую часть физического метода, часть самой физической теории. Однако оказалось, что те же самые методы, основанные на формализации мышления, можно использовать и в других науках, например, в государственной статистике, фармакологии, экономике и пр. На основе сходства методов (а не объектов) образовалась отдельная наука — математика, которую мы относим к категории *служебных*, тогда как физику — к *основным*. Такой раздел математики, как логика, следует отнести к служебным более высокого ранга, ибо он обслуживает все остальные разделы математики, а также другие науки и сам себя. А вот математическая теория множеств представляет собой синтез основной и служебной и также обслуживает самоё себя и т.д.

К *служебным наукам следует отнести и философию*. Особое место философии в этой классификации мы видим в том, что она обслуживает не научные теории непосредственно, но умы ученых, которые их разрабатывают. В этом смысле философию правильно назвать метанаукой, или межнаучной инфраструктурой. Метанаука, называемая

философией, избрала предметом изучения научные изыски и самоё себя. Но не все так просто.

Из «науки обо всем» философия по истечении тысячелетий сама превратилась в специальную науку — обрела свой предмет и свой метод, которые, как и в любой иной науке определимы, в основном, индуктивно. В дедуктивном же плане отметим, что, в отличие от специальных наук, предмет и метод философии взаимообразны. Предметом философии выступает ее метод, а метод и есть ее предмет.

Любой специальной науке присуща некая доля неопределенности (устраняемая в деталях, но не в целом). Для философии же объектом исследования служит сама связь между определенностью и неопределенностью.

С указанной проблематикой корреспондирует еще один каверзный вопрос: «Познавательна ли философия»? И здесь уместно сказать, что философия делится на фундаментальную и прикладную.

Объектом *фундаментальной философии* становятся такие области познания, которые исторически не успели или не смогли обособиться; и это все, что можно сказать об ее объекте. Так например, от философии отпочковались такие междисциплинарные науки как классическая и математическая логика, а в новейшее время — кибернетика, синергетика, культурология, методология, науковедение, теория систем, когнитология и др.

Прикладную философию определим, сравнивая ее с другой метанаукой — прикладной математикой. Философ сам и своими методами изучает объект приложения, тогда как достижениями математики пользуется другой ученый — специалист. Объектом прикладной философии служит не мир вещей, но научные теории. Так образовалась философия логики, философия математики, философия физики, философия экономики etc.

Но существует и совершенно иное мнение относительно метода философии. Так, Э.Ю. Соловьев писал: «Мы в последнее время, слава богу, научились рассуждать в таком плане, спокойнее к этому относиться, и принимать, что философия не есть наука. Но, на мой взгляд, в очень строгом смысле слова, философия вообще не есть знание. По этой причине мне очень нравится совокупность рассуждений, которую Ясперс предъявил нам как философскую веру. Я думаю, что понятие философской веры более точное, более квалифицированное, чем выражение «философское знание»».

О методе философии

Вторгаясь своими методами в специальные науки, философы не пытаются открывать новые явления, свойства и пр. (для этого методы философии малопригодны), но стремятся выяснить связи между явлениями, изучаемыми разными науками, а также связи между такими всегда сущими явлениями, которые находятся вне области интересов специальных наук. Философа, например, не интересует, зачем и как птица строит гнездо, но он пытается уловить связь между строительством гнезда и общебиологическими процессами как таковыми и, даже, процессами, происходящими в *третьем мире*, то есть вне мира живых и неживых сущностей.

Вопреки сказанному, некоторые аспекты социальной жизни, недоступные специальным наукам, находятся в сфере непосредственных интересов философии. Философия вторгается в область общественных наук, как конкурент специальной науки, путем непосредственного изучения объекта науки, тогда как в иных случаях ее объектом служат лишь научные теории.

Философские методы, обычно представляющиеся методами познания, в действительности являются только формальными приемами рассуждения. Формализация — синоним инвариантности, а именно общности применения или многократности повторения. Так, совокупность типичных приемов телодвижения, используемых токарем в работе, следует назвать методом, ибо они многократно повторяются. Абстрагирование от конкретных деталей — тоже метод, поскольку повторим и может быть использован в разных областях науки, и т.д.

О философской классификации

Классифицировать философию можно, вообще говоря, по любым основаниям деления и любым способом. Так что известное общепринятое деление философии можно было бы считать чистейшим произволом этой метанауки, если абстрагироваться от истории ее развития.

Так, исторически в философии различают *онтологию* как познавательный аспект (философию о чем) и *телеологию* как прикладное средство (философию для чего). Философия истории, религии, логики, политики — это онтология. Философия радости, умеренности, аскетизма, помощи ближнему, борьбы за лучшее будущее человечества и т.п. — все это целеполагание.

К философской сфере относят также *эпистемологию*, как *познание процесса познания*, и *аксиологию* (философию блага), философию морали (*этику*) и философию искусства (поэтику, или *эстетику*) и т.д.

Что доступно эпистемологии? Этим вопросом давно уже занимаются физиологи, психологи, кибернетики, специалисты по когнитивной этиологии (К. Лоренц) и др.

Философией иерархий и стратификаций занимается *аксиология*. Сюда отнесем теорию государственных институтов и экономическую теорию полезности, теорию исторического развития и евгенику, дарвинизм и тимологию (Л. Мизес)...

Чем, например, отличается философская дисциплина «этика» от ее объекта — морали? Если мораль задается вопросом: «Что хорошо, а что плохо?», — то философия морали выясняет, что хорошее и плохое существуют как нечто объективное или субъективное, они альтернативны или являются разными сторонами одного и того же и т.д.

Аналогичным образом, эстетика, как философская дисциплина, не решает вопрос: «Что прекрасно, а что безобразно?». Она занимается тем, что выясняет, что в искусстве безусловно, а что вызывает сомнения...

В отличие от *логики*, философия логики не ищет приемов перехода от одной истины к другой, она не предлагает метод, позволяющий узнать, когда противоположности едины, а когда распадаются на части и т.д. Все эти специальные знания сами по себе есть объекты ее познания. Так, философия изучает особенности логических понятий «противный», «противоположный», «различный», но не способ их применения. Философия, например, подмечает, что противоположные понятия должны иметь единый субстрат, определяющий их направленность. Например, «красный» и «большой» не могут быть противоположны ни по цвету, ни по величине, однако они противоположны по звучанию и едины грамматически.

Но почему тоже самое не могут делать специальные науки? Могут и делают, и тогда это называют философским отступлением.

О многообразии философских школ

Сосуществование философских школ с противоположными взглядами или придерживающихся парадигм, находящихся в разных плоскостях научного мышления, всегда вызывало вопросы. На первый взгляд представляется, что наличие противоборствующего множества школ в той или иной области знаний свидетельствует об их непродуктивности и равной ошибочности. Однако факт наличия принципиально различных подходов в таких эффективно развивающихся науках, как физика, химия, математика, астрофизика, ставит под сомнение такую точку зрения. Разнообразие само по себе не может служить признаком антинаучности.

Разумнее признать, что сущностное разнообразие школ проявляет присущее человеку разнообразие способов мышления. Трудность же в том, чтобы не спутать реальные внутренние противоречия с кажущейся противоречивостью разных направлений.

Так что же означает разнообразие философских школ и направлений? Что оно *может* означать? Сама философия дает такие варианты объяснений.

1. Не удастся создать монистическую теорию обо всем.

2. Не удастся дать объяснение одного и того же феномена, которое полностью удовлетворило бы всех.

3. Одно и то же можно объяснить разными способами, равно удовлетворительными или равно неудовлетворительными.

4. Философия развивается путем изменения ее взглядов.

5. Разбиение на отдельные школы происходит постфактум путем нахождения существенных отличий и схожих позиций в высказываниях отдельных авторов. Причем сами авторы могут, даже, не задумываться о том, к какой школе относится их философствование. Строгой классификации философских школ не существует, и стремление к строгости не наблюдается. (Наиболее строгую классификацию предлагает «Википедия», группируя школы по буквам алфавита). Дело в том, что школы сравнимы эпистемологически, но не логически, ибо не имеют общего основания. Не будучи сравнимыми логически, они непротиворечивы.

Надо признать, что, помимо философских *теорий*, существуют философские *учения*, например религиозные или атеистические. Поэтому в число философских школ следовало бы включить и многообразие религиозных верований и атеистических учений. Причем, то обстоятельство, что религия (атеизм) сама оказалась объектом философских исследований, не исключает ее из числа философских школ.

Философия и метафилософия

Объект философии — природа вещей, в том числе природа общества и индивида, природа знания и познания. (*Под природой вещей философия понимает условно первичное, еще не познанное, но уже проявившее себя*). Философию также рассматривают также как способ лечения души...

Объект же метафилософии — сама философская мысль, философская теория.

Если к философии подходят эпитеты «положительная и объективная», то к философии философии — «критическая и субъективная».

Примеры работ по философии: «Метафизика» Аристотеля, «Философия истории» Г.В.Ф. Гегеля; его же «Философия религии» и

«Философия природы» и т.п.

Примеры известных работ по метафилософии: «Критика чистого разума» И. Канта, «Феноменология духа» Г.В.Ф. Гегеля, «Немецкая идеология» К. Маркса и Ф. Энгельса.

Методологически философия есть наука о науке и, одновременно, о самой себе. Иными словами, *философия все опосредует*. Но способна ли философия опосредовать самоё себя? Сама постановка такого вопроса (см., например, работы Л. Витгенштейна, 1889—1951) позволяет говорить о «философии философии», или метафилософии. Философия есть в известном смысле обобщение, а «философия философии» — это обобщение обобщения.

Попутно отметим, что любое обобщение противоречиво как таковое, ибо состоит в отрицании или игнорировании границ высказывания, тогда как при ближайшем рассмотрении такие границы обязательно себя обнаружат, то есть исключения из общих правил неизбежны. Поэтому метафилософия есть двойное противоречие. Такова природа познания и таковы его свойства.

Феноменологический и конструктивный подходы

Обратимся теперь к паре методологических понятий: феноменологический и конструктивный. Их различие продемонстрируем на известном историческом примере. Если рассматривать природу теплоты, то к феноменологическому подходу отнесем теорию *теплорода* (А.Л.Лавуазье, 1783), а к конструктивному — сменившую ее корпускулярно-кинетическую теорию (Дж. Дальтон, 1803 г.; Дж. Джоуль, 1848 г.; Р.Ю.Э. Клаузиус, 1860 г.).

Интересно, что М.В. Ломоносов еще в 1748 году предложил свою корпускулярно-кинетическую теорию. Однако сделал это до открытия самих корпускул Дж. Дальтоном. Это означает, что ломоносовская теория была столь же феноменологична, как и теория Лавуазье.

Из современных физических теорий феноменологичной остается теория электромагнетизма, природа которого, по убеждению Р. Фейнмана, не известна. Что уже говорить об эйнштейновской теории гравитации, которая так же феноменологична, как и теория теплорода? Интересно, что И. Ньютон категорически отказывался от феноменологического объяснения сущности гравитации. Именно по поводу гравитации он писал: «Гипотез не измышляю».

Анализ познавательного процесса позволил открыть любопытнейшую вещь: теплота есть макровосприятие микроявлений.

А наоборот: известны ли примеры макровосприятия мегаявлений? — Да: это образ вселенной.

Феноменологический метод удобно определить в терминах ... кибернетики. С точки зрения кибернетики, это описание внешних контактов «черного ящика» — предполагаемой единицы описания (отдельного организма), ни о форме существования, ни о сущности которого ничего не известно. В первом варианте (макровосприятие микроявлений) исследователь находится вне «черного ящика», не зная, что происходит внутри, а во втором (макровосприятие метаявлений) — внутри его, не зная, что происходит снаружи.

Итак, мы выяснили, какой мыслительный прием называют феноменологическим. Собственно философия, во все времена пользовалась исключительно феноменологической методологией, а когда обращалась к конструктивизму, то обособливалась в ту или иную специальную науку.

Паранаука и парафилософия

Феноменологический метод исследования при очевидной эффективности чреват соскальзыванием исследователя в область паранауки. Так, изучение свойств теплорода следует считать *научным*, пока исследователь относится к нему как к «чёрному ящику». Но, как только фантастическую сущность теплорода начинают отождествлять с реальностью (неосязаемой жидкостью), так сразу совершают скачок в *паранауку*. И не мудрено. При известном различии, наука и паранаука — близкие родственники.

Что объединяет науку и паранауку? — Всё, за исключением денотата, который отсутствует у последней. Не обнаружен в природе теплород, однако существовала теория теплоты. Не обнаружены в природе явления, называемые телепатией и телекинезом, однако существует парапсихология. Не обнаружены на Земле инопланетяне, но существует уфология. Не обнаружены явления, служащие предметом «изучения» теологии, астрологии, краниологии, хиромантии, теософии, эзотерики, антропософии...

Бывает, что творческая личность совмещает в своем сознании научное и ненаучное (астролог и астроном И. Кеплер, краниолог и экономист К. Маркс, богослов и экономист Т. Мальтус...).

Заметим, что все паранауки (как, впрочем, и научные феноменологические теории) *нефальсифицируемы*, однако не все нефальсифицируемые знания ненаучны. Придумать критерий, отличающий науку от паранауки, не удалось даже такому тонкому мыслителю, как К. Поппер. Однако «каждый имеет право быть таким, каким его создала природа» (И. Хмелевская).

В чем заключается полезность философии?

Вообще говоря, философские представления, так или иначе, присутствуют в мышлении, а в научном мышлении — в первую очередь, и не обязательно носят книжный характер. Но это присутствие зачастую скрыто от самосознания ученого. Поэтому специалисты не видят связи между конкретной наукой и философией, каковую можно наблюдать, скажем, между наукой и математикой, наукой и логикой. Иногда представители специальных наук демонстративно отказываются от услуг философии (прежде всего академической), однако, аргументируют свой отказ, опять-таки, философскими соображениями.

Так, Г. Кантор пришел к идее трансфинитных множеств (порядковых множеств, элементами которых служат актуальные бесконечности) демонстративно отказавшись от философии. Он узрел препятствие *свободному мышлению* в точности там, где оно и должно было находиться, а именно в академической философии. Однако если читатель вдумается, то легко придет к выводу, что «отец теории множеств» отказался от существовавших на тот момент философских догм в пользу выработанных им новых философских представлений, которым затем была придана математическая форма.

Напротив, известны случаи, когда ученый, создавая собственные представления о реальности, мог бы воспользоваться соответствующими философскими нарративами, если бы был с ними знаком. Классический пример — предвосхищение идей специальной теории относительности в «Философии природы» Г.В.Ф. Гегеля. А. Эйнштейн же пришел к тем же выводам самостоятельно, не будучи знакомым с работой Гегеля. Такова жизнь науки.

Не приходится говорить ни об особой полезности философии, ни о ее полной бесполезности.

Философия несет бремя неосознанной человеческой потребности и расплачивается за эту нужность и непостижимость вечным поиском... Она, как и любая наука, в меру полезна и бесполезна, в меру абстрактна и конкретна, практична и непрактична, объективна и субъективна...

Антинаучность научного метода

Что такое научность? Удовлетворительное *определение* научности читатель вряд ли отыщет среди нагромождения бессмысленных фраз в учебной или справочной литературе. Проблема научности — предмет исследования, но не априорный императив. Мы не преследуем цель указать, что следует понимать под научностью и как ее достичь, но относимся к этой проблеме как к денотату.

Как известно, сознание имеет две стороны: самосознание, или *мышление*, и подсознание, или *интуицию*. Мышление структурировано; по своему понятию оно не существует вне определенных форм. Эти формы могут образовываться *неосознанно* в процессе подражания и воспитания или, напротив, *осознанно* — в процессе обучения и творческой деятельности.

Форму, опирающуюся на *самосознание*, называют *методом*. Использование метода ограничено его определенностью.

Формальный, методический, подход полезен преимущественно при уточнении ранее открытых законов, утилизации уже известных явлений и тому подобное, тогда как научные открытия есть результат работы неформального сознания, т.е. подсознания, не стесненного методическими рамками.

В то же время разработка или использование каждого нового метода знаменуют очередной шаг в познавательном процессе, позволяющий продолжить работу, начатую *подсознанием*, уже в области *самосознания* и т.д.

Таким образом, научное творчество включает процесс взаимодействия и *взаимоотрицания* самосознания и подсознания. Упорство же, проявленное исследователем в использовании того или иного научного метода, ведет после фазы успеха в *тупик антинаучности*, пока новый более продуктивный метод не придет на смену старому и т.д.

Действительно, метод как логический инвариант вступает в противоречие с исторически преходящей научностью.

Так, эффективные в свое время феноменологические (по своему методу) теории в области химии (флогистон) и физике (теплород) и т.п., после новых открытий стали считаться ненаучными или не вполне научными.

Так, принцип предельной элементарности электрона, изначально господствовавший в физике, игнорировал логику познания, но был «посрамлен» впоследствии открытием еще «более элементарных» паракварков, имеющих дробный электрический заряд.

В общественно-экономической области можно упомянуть марксистское учение, связывающее общественные отношения с техническим прогрессом (правда, неизвестно, откуда взявшимся и непонятно каким способом формирующим эти отношения).

Возобновление в 21 веке рабского труда и работорговли указывает на бездоказательность теории исторического материализма, казавшейся очевидной в 19 веке, хотя должна была вызывать сомнения с момента возникновения. Согласно теории, изобретение технических новшеств считалось материальным процессом, а создание новых общественно-экономических отношений — нематериальным, что

абсурдно. Не может материальное воздействовать на нематериальное, ибо они разной природы по определению. Новая теория не появилась, но несостоятельность старой теперь очевидна.

Не менее преходящей оказалась и маржиналистская теория, объяснявшая весь комплекс ценообразования и хозяйственных отношений «последней каплей» блага, ниоткуда свалившегося на головы людей. Феноменологическая теория маржинализма держится на признании фантастических сущностей и, в отличие от физической теории теплорода, изначально не предназначена для практического применения. Она хорошо объясняла экономические процессы *постфактум*.

В наше время статика теории ценообразования сменилась динамикой теории стоимостных потоков. Постепенно утверждается мысль, что цены не могут быть движущей силой экономики уже потому, что являются производными стоимостных потоков.

Согласно современным взглядам, «*изначально ненаучными*» принято считать ряд подходов, предлагающих иное объяснение ряда явлений, нежели это делает *наука*. (Сама тавтология этой фразы свидетельствует о проблемности категориального противопоставления). Мы дадим *индуктивное* различие методов науки и ненауки. К последней относят: теологию, парапсихологию и прочие оккультные науки, а также иные обскурантные «знания», характеризующиеся такими предикатами, как паранаука, псевдонаука, лженаука, квазинаука, альтернативная наука, имитация науки и пр. В философской классификации этому перечню соответствуют методологические термины, такие как: *фаллибилизм* (Ч. Пирс), *супранатурализм*, *антропонатизм*, *антропоморфизм* и пр. То, что этот вопрос не имеет простого решения, подтверждает практика присвоения научных степеней и званий лицам, занимающимся паранаукой. Ведь паранаука, как и наука, есть процесс исследований, а также накопления, систематизации и распространения исторически преходящих знаний.

Подытоживая, заметим такое.

1. Содержательное наполнение всех этих положений привело к пониманию нетривиальности проблемы и невозможности обнаружить однозначные формально-логические критерии отграничения научного знания от ненаучного.

2. Распространено мнение, что научность — это подход, метод, который может позволить (или не позволить) познать истину. Однако если истина исторически преходяща, то какова функция метода?

3. В другой интерпретации речь идет не об объективной истине, но о непротиворечивости мысленных моделей и реальности, что неправомерно сводит содержательную науку к математической категории так называемых *паранепротиворечивых* логик (Ф. Миро-Квисада, 1976).

Психологические и логические методы исследования

Здесь мы намерены рассмотреть два круга вопросов:

психологические методы исследования как способы труда ученого-теоретика, учитывающие особенности человеческой натуры;

логические методы как приемы мышления, подсмотренные и заимствованные у самой природы.

Известно, что для решения любой задачи требуются волевые усилия, чтобы преодолеть самого себя. Психологический метод указывает на пути себя-преодоления.

Примерами использования законов *психологии*, отнесенных к творчеству самого исследователя, могут служить:

метод многократного возврата к одному и тому же вопросу;

метод отказа от решения проблемы в традиционной постановке и т.п.

Определение логического метода состоит в требовании закрытости (самодостаточности) системы отношений. Это означает, что весь набор логических выводов *априори* содержится в исходных посылках, хотя и в неявном виде. Задача состоит в том, чтобы неявное превратить в очевидное.

Логический метод возник как результат использования ранее достигнутых научных результатов в качестве «направляющих» для дальнейших исследований. Именно здесь заложены преемственность и прогрессивность научного процесса.

Так например, закон инерциального движения может стать источником *логических* методов, как то:

принципа недостижимости (ведь конкретной вполне инерциальной системы не существует, и существовать не может);

принципа спонтанности (для инерциального движения не требуется никаких причин);

принципа единства противоположностей (инерциальный процесс в равной мере относится как к покоящемуся телу, так и к движущемуся) и т.п.

Методы исследования можно классифицировать не только по основанию «психологические—логические», но и «объяснительные—поисковые». В настоящей работе предпочтение отдано поисковым методам.

Заметим, однако, что метод, как формальное средство, не способен полноценно заменить сущностного познания; он лишь ступенька к познанию.

Например, если вы намерены опровергнуть примитивизм известного закона инерции, преодолеть однобокость закона общественного развития и т.п., то метод «преодоления невозможного» облегчит изучение проблемы, о которой «подумать страшно», но не может заменить необходимого объема знаний о самом предмете и, разумеется, не способен заменить момент творчества.

Раздел 2. ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Исследование и конструирование

Творчество *ученого-прикладника* (конструктора) состоит, как известно, в *искусном* комбинировании ранее открытых и описанных законов и закономерностей, явлений, процессов, свойств и т.д. В этом плане работа *ученного-прикладника* близка по своему характеру к работе инженера-конструктора, врача, проектировщика.

Задача *ученного-исследователя*, напротив, состоит в том, чтобы усомниться в истинности известных законов, опровергнуть очевидные факты, выяснить, на каком уровне познания возникает латентная инвариантность отношений между явлениями, что позволяет представить проблему в понятиях, дать им логическое описание или количественную оценку в форме постулируемого закона или, как вариант, вывести новые соотношения, новые знания из уже известных.

Если *конструктор* видит свою цель в том, чтобы из кусков гранита сложить замок, то *исследователь* стремится расколоть гранит, чтобы узнать его состав, структуру, обнаружить кристалл гранита — инвариант его структуры, — измерить параметры присущих ему свойств, сравнить их со свойствами других минералов...

Результат работы *прикладника-конструктора* практичен и рационален в том смысле, что, руководствуясь его проектом, организованное множество работников может непосредственно осуществить его идеи. При этом реализованный проект (например, построенный дом) сразу же приобретет некую потребительную полезность.

В противоположность сказанному, результаты работы *исследователя* сами по себе бесполезны, непрактичны и в этом смысле иррациональны. Они могут оказаться (а могут и не оказаться) практически полезными лишь *через посредство* конструирующей (инженерной) мысли.

Так, исследователь стремится обнаружить инвариантные связи в хозяйственных отношениях, построить математическую модель экономики, тогда как ученый-практик на основе полученных знаний формирует систему юридических актов, следование которым, в свою очередь, позволит удовлетворить *интересы* одних слоев общества, может быть, в ущерб интересам других и т.п.

Если исследовательский метод телеологически нейтрален, то конструктивистский — целесообразен, непосредственно направлен на достижение «полезного результата».

При этом, невзирая на исходную субъективность целеустремленного творчества, полезные результаты конструкторских разрабо-

ток могут найти нецелевое применение. Так, здание, предназначенное для тюрьмы, в дальнейшем может быть использовано как гостиница (Олимпийские игры в США), арсенал — превращен в музей изобразительных искусств (Киев) и т.д. То есть, объект продолжает жить своей собственной жизнью, отличной от первоначального замысла.

Напротив, творчество исследователя объективно изначально, по своей интенции, и имеет лишь две цели: сам научный процесс и удовлетворение любознательности самого исследователя и многих других.

Конструкторская мысль моделирует нечто такое, чего никогда не было, реализуя тем самым задачу «обобщенного разума», тогда как мозг исследователя создает модели существующих явлений, процессов, свойств, отношений, отображая то, что уже создано природой (обобщенным разумом). Таким образом, если работа конструктора вписывается в представления о *фундаментальных структурообразующих свойствах природы*, которые мы называем «обобщенным разумом», то для исследовательского труда мы не можем подобрать аналог в мире объективного, что означает антропологическую трансцендентность. Эта трансцендентность представляет самостоятельную философскую проблему.

Но обратимся к социальным примерам. В чем отличие *политической экономии* от теоретической экономики (экономикс)? Предмет у них один и тот же — это хозяйственные отношения: производство — распределение — перераспределение и потребление, покоящиеся на устойчивой структуре межличностных отношений. Цели же разные.

Политическая экономия по своей идее — это фундаментальная наука, занимающаяся только исследованием (поэтому ее еще называют *фундаментальной экономией*), тогда как теоретическая экономика — прикладная дисциплина, предлагающая правительству и бизнесу *способы* модификации хозяйства или *средства* количественного регулирования. (Следует подчеркнуть, что в соответствии со своими задачами экономика есть общее название узконаправленных наук: макро- и микроэкономики, экономики сельского хозяйства, экономики деревообработки, экономики торговли и т.п. Они различаются так же, как физика и прикладная механика, биология и животноводство и т.п.). Исходя из указанного соотношения, политическая экономия может служить научным базисом для теоретической экономики и пользуется ее результатами для проверки своих идей.

Тем не менее, сказанное — это только принцип, *далекий от действительности*. Сегодня мировая политическая экономия, если она не выродилась в учение об *общих* хозяйственных проблемах, скорее, является философской дисциплиной, которая, вследствие голый умозритель-

ности, никак не способна взаимодействовать с экономической наукой, лишая последнюю теоретических основ, а значит — рационального субстрата. Поэтому-то современная экономическая наука больше напоминает алхимию или химическую науку до открытия электронной структуры атома. Теоретическая экономика, невзирая на ее *амбициозность*, не способна ни на однозначность оценки, ни на однозначность рекомендаций. «Дайте мне однорукого экономиста» — вот пожелание президента США Г. Трумэна, характеризующее неопределенность экономических рекомендаций.

Особенностью науки об обществе (политической экономии, истории, социологии, социальной психологии ...) является возможность ее использования с идеологической целью. К идеологическим относятся разнохарактерные моменты, прежде всего:

- аксиологические и моральные категории, определяющие, что хорошо для общества, а что плохо;

- адресованные правительству предложения по выбору наилучшего пути;

- абсолютизация идеи общественного прогресса и саморегулирующих свойств капиталистической экономики;

- нравственная проблема в модели эксплуатации человека человеком;

- идеи о добром царе, мудром правительстве, добропорядочном бизнесмене, трудолюбивом крестьянине и прогрессивном рабочем;

- назначение виновного, будь то общественный строй, злонравный народ, историческая личность или божье проклятье и т.п.

Идеологические издержки общественных наук не отрицают возможности их научного существования и развития. Так например, в межгосударственных распрях каждое из государств вольно аргументировать свою правоту специально подобранными историческими фактами, что, однако, не умаляет добросовестный нейтралитет исторической науки как таковой и т.д.

Итак, мы охарактеризовали особенности творчества ученого-исследователя в сопоставлении с близким к нему и противоположным ему творчеством ученого-конструктора, раскрыв их различия и взаимозависимость, а также вытекающие из этого социальные проблемы.

Настоящая работа является исследованием общественного бытия. Здесь не ставят вопросы типа: «Что делать?», «Кого защитить?» etc.

Метод циклического возврата

Если вы исследуете некую проблему впервые, то можете быть уверены в том, что ваш подход будет, по необходимости, поверхностен и односторонен, а самые оригинальные мысли в итоге окажутся плодом досадных заблуждений.

Предлагаемый метод состоит в многократном возврате исследователя к началу одного и того же вопроса. При этом не следует упрямо, но безуспешно, изо дня в день пытаться решить один и тот же вопрос, ибо это путь к мистике.

Напротив, диверсифицируя познавательный интерес, изучая новые и новейшие проблемы, вы возвращаетесь к одному и тому же вопросу, обогащенные новыми и разносторонними знаниями, что позволяет рассмотреть его под новыми углами зрения, уточнить место данного вопроса в общей системе знаний, взглянуть извне и воспользоваться новыми методами для решения.

Другой задачей циклических возвратов является преодоление инертности сознания — следствия общественных предубеждений, отпечатков первых впечатлений — того, что бросается в глаза и что обычно называют субъективизмом. Иными словами, речь идет об освобождении от личной предубежденности, как психологического фактора.

Высвобождение анализирующего аппарата мозга от груза памяти путем фиксации промежуточного результата на бумаге — вот психологический смысл метода.

Подумайте, например, какая политическая партия вас более привлекает в качестве *предмета исследования*: демократическая или фашистская? Правильно, вы сразу остановили свой выбор на одной из них. Однако после многократного возврата к этому вопросу (по зрелом размышлении, используя исторические аналогии и т.п.) становится ясно, что, невзирая на их несовместимость, они исторически равнозначны, ибо все зависит не от их идеологии и уж, конечно, не от самоназвания, но от той роли, которую они вынуждены играть в объективно сложившейся ситуации.

Так, Российская социал-демократическая рабочая партия, жидущаяся первоначально на гуманистических идеях, поэтапно под давлением обстоятельств трансформировалась сначала в военно-революционную партию коммунистов-большевиков, затем (период военного коммунизма) — в партию государственного террора, затем (во времена НЭПа) в ней проявились черты либерализма, затем (период коллективизации деревни) она преобразовалась в партию тоталитаризма и т.д.

Если вы впервые пытаетесь ознакомиться с проблемой отношений труда типа рабовладение, то предустановкой будут служить негативные социальные образы. И только возвращаясь к теме многократно, вы сможете выявить и отбросить эмоции, как ненаучные аргументы. По здравом размышлении, ясно, что возникновение рабовладения лежало в основе возникновения цивилизации. Рабство было первым общественным видом труда. Оно характеризуется принуждением к труду извне (другими), что позволяло многократно умножить количество труда по сравнению с трудом свободным, то есть самопроизвольным.

Таким образом, метод циклического возврата есть психологический прием, позволяющий исследователю последовательно уточнять, углублять и расширять познания о предмете.

Метод преодоления невозможного и Удивительный феномен управления

«Возможно то, что существует или иногда случается» — писал в «Аналитиках» Аристотель. *Возможно* и такое ранее не встречавшееся событие, *причина* возникновения которого существует или иногда случается, — добавьте вы. *Возможным* будем считать также то, для чего существует аналог или известен механизм создания (возникновения).

На основе опыта или знаний, или подспудно возникших представлений мыслитель склонен подсознательно устанавливать рамки и барьеры для своей фантазии. Этим и определяется категория *невозможного*, что относится не столько к объективной реальности, сколько к собственно познавательной сфере человека. Кто, например, имеет целостное представление о работе тепловой электростанции — сложной системы, одномоментно включающей мириады состояний — или о квантовых явлениях, или о распространении электромагнитных волн, не говоря уж об общественной сфере? Никто. Но это не означает, конечно, *невозможность* существования этих феноменов.

Кроме того, возможное понимают не в психологическом плане, но как отрицание запретов в природе вещей. Определение невозможного состоит в том, что оно не существует, тогда как его противоположность — *возможное* *неопределимо как понятие*. Если вы моделируете реальность посредством абстрактных понятий, то такая модель будет иметь смысл, если только эти понятия попарно противоположны.

Поэтому, с одной стороны, мы не постулируем тривиальное обобщение о том, что «*все возможно*». С другой, логичным требованием к познающему сознанию будет принцип преодоления *иллюзии всевозможного*. Ведь любой закон есть отображение определенных ограниче-

ний, свойственных объективному миру.

Наоборот, общее невозможное заслоняет собой частное возможное, создавая *иллюзию невозможного* там, где для решения задачи требуется лишь изменить подход. Преодолению такой *иллюзии* и посвящена эта глава.

Невозможное, как нам представляется, действительно *не возможно*, но лишь в некоей одной плоскости — именно в той, в которой мы обычно представляем то или иное явление. Только после осознания человеком невозможного он станет искать пути его преодоления... в иной плоскости. Так, невозможно создать вечный двигатель, постоянно работающий от однократного приложения человеческой силы с *нарушением* закона сохранения энергии, но прекрасно работает *много- сильный* двигатель, построенный *без нарушения* закона.

За социальным примером обратимся к проблеме энергетики управления. *Определение понятия управления состоит в том, что малое воздействие, малая энергия способны вызвать большие изменения большей энергии.* В противном случае будем иметь прямое воздействие, а не управление. Но как возможно такое, коль скоро наука признает действие законов сохранения импульса, сохранения энергии и др.? Как будет показано ниже, энергетический феномен общественного управления редуцирует к техническому смыслу. Потому-то вначале рассмотрим простейший технический пример, на котором можно было бы продемонстрировать энергетическую сущность управления — общую для технических и социальных систем.

Рассмотрим работу «*усилительного устройства*» — так называемого регулятора потока — заслонки, установленной на трубопроводе воды, которая управляет ее потоком. Поток воды создается работой мощного насоса, тогда как перемещение заслонки требует минимальных энергозатрат. Ясно, что заслонка может только в разной степени *уменьшать* (!) проток воды, что и называют регулированием, или *управлением*. А раз *нет усиления* из ничего (вопреки названию этого устройства), то нет и нарушения закона сохранения энергии, и *невозможное* остается не возможным, но в другом смысле — возможным. Таким образом, чуда не происходит, но в итоге выходит, что *меньший поток энергии воздействуют на больший*, что, конечно, не означает, что большая энергия создается меньшей.

Но что смогла бы сделать заслонка, будучи установленной не на трубопроводе, а, скажем, посреди широкой реки? — Ничего. Вывод: чтобы управлять, недостаточно иметь управляющий орган и мощный поток энергии, но прежде всего, необходимо чем-то ограничить этот поток (заклучив его в трубу, например). Назовем это требование *условием локализации управляемого агента*.

Теперь приведем пример управления из живой природы: приручение лошади. Сначала, на лошадь следует надеть сбрую (условие локализации). Затем остается, используя систему рефлексов, воздействовать на ее мозг. Очевидно, что слабосильный наездник не непосредственно управляет мощным телом лошади, но через *управляющий орган* — ее мозг, что возможно лишь постольку, поскольку лошадиная сила подвластна слабым сигналам лошадиного мозга.

Итак, возвращаясь к основной теме, отмечаем, что *невозможное*, взятое в одном плане (человек слабее лошади), вполне *возможно* в другом плане: человек использует слабые средства обуздания, *действующие, однако, сильнее, чем спонтанная воля лошади*.

Вообще говоря, *феномен управления* внутренне присущ живой природе как таковой. Так, подсолнух поворачивается в сторону солнца, хотя поглощенной мощности солнечных лучей (управляющей силы) явно недостаточно для этого; так, вылупившийся из яйца утенок непосредственно следует за движущимся предметом, подчиняясь слабым сигналам мозга (что называют подражательным рефлексом) и т.д.

Обратимся, наконец, к управлению в обществе. Посмотрим, как работает *условие локализации управляемого агента* в человеческой истории.

Плененный воин, становится легко управляемым *рабом* только после того, как его лишают всех прав.

Пролетарий в буржуазном обществе включается во взрослую жизнь уже лишенным средств существования, которые достаются ему в необходимых размерах лишь при условии найма на работу к капиталисту.

Социалистический *пролетарий* изначально лишен и средств существования (как в буржуазном обществе), и свободы выбора (как в рабовладельческом обществе). Если бы он не трудился на директорат, то остался бы нищим, но даже этого выбора он лишен.

Когда говорят об управлении, то обычно подразумевают, что один навязывает свою волю другому. Читатель же видит, что управление существует в живой природе, прежде всего, как непреднамеренность. Поэтому обречена на неудачу попытка объяснить общественные отношения *только произвольно целенаправленным действием* (управлением в обыденном понимании слова), но упускающая из виду действие *спонтанной составляющей* (от подражательного поведения ребенка до различных форм общественной самоорганизации и т.п.). Отсюда становится понятной реализуемая *возможность невозможного*, когда малая элитарная социальная группа «фильтрует» доступную информацию перед передачей ее народу, *управляя* таким способом общественным процессом.

Продолжим наш экскурс в область человеческого управления.

В чем выражаются отличительные свойства *лидера*? Это, личность, которая на единицу затраченных усилий стремится получить максимальный результат. Но в этом, как мы видели, и заложена *идея управления*: малым воздействием достичь большого эффекта.

Если лидер — это человек управляющий, то его противоположность и объект воздействия — это *конформист*. Последнему особо присущ синдром подражательства, стадности.

Однако не всякие объекты воздействия могут стать управляемыми. На лошади можно пахать, на зебре — нельзя; на собаках можно ездить, на волках — нельзя и т.д. Так и люди подразделяются от природы на легко управляемых и неуправляемых.

Из сказанного ясно, что должно существовать еще нечто (помимо эффекта обуздания), что необходимо для управления. Если вместо воды по трубопроводу пустить пар, то его поток можно или открыть, или полностью перекрыть, но регулировать его невозможно. Здесь не важно, почему это происходит, раз изменить ситуацию все равно нельзя.

В период, называемый *предреволюционным*, скачкообразно изменяется восприимчивость каждого к управляющему воздействию. Немногие становятся лидерами де-факто, а большинство — *нонконформистами*.

Особый научный интерес, на наш взгляд, должны вызывать специфические механизмы управления, действующие внутри *«силовых структур»*: армии, полиции и др. Почему вооруженный до зубов солдат не то что позволяет собой управлять, но, напротив, особенно склонен стать объектом управления? Почему княжеская дружина есть самочинный субъект подавления и принуждения, а армия — *главный карательно-ограничительный институт, средство локализации управляемого агента* — народных масс? Самим своим существованием и возможностями она держит общество в определенных рамках подобно тому, как трубопровод обеспечивает возможность регулирования *заключенного в нем* потока. При этом армия логически отлична от трубопровода тем, что состоит из одного «материала» с устрашаемым ею обществом. Это все равно, как если бы трубопровод был не металлический, а водяной. Поэтому остается неясным, благодаря какому механизму армия управляется внутри самой себя. Как это возможно и почему это возможно?

Известный эффект достигают путем разделения однородной армии на касты — офицерский и рядовой состав с противоположно направленными векторами в экономической, социальной, культурной и моральной проекции. Тем самым ограничивающий «трубопровод»

превращают из водяного в металлический. Благодаря эффекту прямого насилия, армия структурирована жёстче, чем остальное общество.

Отметим, в качестве примера однородности, что в период гражданской войны, когда большая часть командиров была выборной, армия превратилась в нечто неуправляемое, что потребовало ее роспуска и создания *ab ova* (М. Фрунзе).

Ясно, что организованное офицерское правление простым своим существованием предупреждает самоё возможность спонтанной организации солдат, ставя их тем самым в положение *самых бесправных граждан государства*. В то же время стереотип слепого подчинения, культивируемый в армии, является необходимым моментом ее организации, как таковой. Современная армия есть высшая школа раболепия.

Малые организованные силы управляют *большими* неорганизованными силами — этот факт здесь лишь отмечен и требует специального исследования. Ничто, казалось бы, не способно объяснить ситуацию, когда один солдат внутренне готов по приказу офицера арестовать другого солдата — своего товарища, но он и не помышляет о том, чтобы арестовать своего офицера. Суть в том, что офицер — участник возможного инцидента — непосредственно найдет поддержку у всего организованного офицерского корпуса, а значит, у всей армии. Здесь управляемость базируется на *отношении личной зависимости*, состоящей в *интересе подчиненного угодить начальнику* и тем самым уменьшить степень его насильственного произвола. Офицер же понимает, что его привилегированное, по сравнению с солдатом, положение в армии есть результат не личных заслуг, но работоспособности системы. Отсюда создается самостабилизирующаяся, саморегулирующая, *самоуправляемая* ситуация: как только кто-либо один будет не согласен подчиняться, так сейчас-же ему будут противопоставлены много согласных.

Мотивом для добровольного подчинения может также служить *чувство соперничества*, порождающее конкуренцию между *равно бесправными*, чему, в частности, способствует система дифференцированных солдатских званий и т.п.

Но если вооруженное множество субъектов — армия — способно самоуправляться, то такая же способность и по тем же причинам должна быть присуща и остальному обществу. Отсюда особая устрашающая роль армии и прочих силовых институтов в управлении гражданским обществом представляется не столь необходимой и очевидной. Для выполнения функции устрашения необходимо, чтобы управление внутри военизированной структуры было более эффективно, чем в гражданской сфере, что достигается с помощью *прямого*

воздействия как органического средства внутриармейского регулирования, о чем смотрите ниже.

Действие и противодействие неразделимы — это один из общих законов природы, так что здесь доказывать ничего не приходится. Управление, зиждущееся на насилии с использованием армии и пенитенциарных органов, и управление спонтанное, основанное на свободе выбора, свойственное хозяйственной деятельности, являются взаимообусловленными сторонами одной медали. *Ведь не будь свободы, не нужны были бы и средства ее ограничивающие.*

Для выхода из логического тупика, в который нас загнала строгая последовательность рассуждений, взглянем на проблему управления с иной стороны, где учитывают *силы реакции*, создающие неконформизм, чем ослабляют и подрывают *управляющее воздействие*. Особенностью *двойного феномена* «управление—реакция» является спонтанное возрастание сил реакции со временем, что в итоге приводит к краху текущей управляющей системы. Назовем эту тенденцию *законом разрушающего воздействия*.

Отсюда становится понятным *двойственный* характер силовых структур:

1) создание ограничительных условий для управляемости общества;

2) ослабление общественных сил реакции, противодействующих управляющему началу.

Феномен армии, как указывалось, интересен еще и тем, что объединяет в себе противоположности слабосильного управления и *прямого воздействия*, где *силы уравновешены*. Цель *прямого воздействия*, как нам представляется, состоит в том, чтобы принудить объект воздействия опуститься в «*потенциальную яму*» управляемости.

Прямое воздействие, таким образом, есть предел управляемости, а значит, предел общественной организации, как таковой. За что, например, ведутся гражданские войны? — За *формы управления*. А захватнические и освободительные? — За *зоны управления*. Так что, если мы считаем, что войны (пример прямого воздействия) имеют столь же объективные начала, что и мирные периоды (пример управляющего воздействия), то это должно означать признание *невозможного в возможности* сосуществования *общество-разрушающих* и *общество-образующих* начал. Это означает, что проблемы управления не могут быть вполне разрешимы в пределах собственных рамок, но решаются, прямыми силовыми средствами. Военные действия, которые ежедневно происходят в разных районах мира, и угроза их распространения — вот психологический фактор, воссоздающий общество как самоуправляемую систему.

Следующая особенность *общественного управления* состоит в том, что субъектом не требуется руководить непосредственно. Управляющему вовсе ненужно думать за управляемого, но последний сам (в своих мыслях и поступках) будет действовать в интересах власти имущего. Так, когорта ученых и изобретателей работает на свое правительство и т.п.

Где же здесь эффект усиления? Отвечая на вопрос, подходим к определению очередного *невозможного*, когда результатом внешних комплексных усилий является информационная продукция мозга «*управляемого субъекта*» (термин, содержащий противоречие в самом себе). Это есть *управление наоборот*. На ученого нужно трудиться, его нужно кормить, одевать, развлекать и т.п., а в результате получим слабый след пера на бумаге. Конечно этот результат промежуточный. Он будет подхвачен (усилен) множеством других людей, занятых физическим трудом и претворен в ирригационное сооружение, атомную электростанцию и т.п. Но это не может сокрыть факт *ослабления* (а не усиления) воздействия, как один из моментов управления.

Управление по ослаблению отчетливо представлено в искусстве, в частности сценическом. Здесь сталкиваемся с очередной трудностью — кто кем управляет: зрители артистом (коль скоро они оплачивают искусство последнего) или артист зрителями, передавая перцепиентам определенное настроение и мировоззрение автора? Но это пример закрытой системы, в которой понятие управления (равно как и пары *возможное — невозможное*) становится условным.

Здесь мы подошли к *границе определения* понятия управления. Преодолейте эту границу, и вы сотворите невозможное.

Метод безразличия

Начнем с анализа психологии ученого. Речь о том, что ученый стремится «объективно» исследовать предмет, раскрыть его истинную природу, отыскать то, что есть на самом деле. Но для этого он не должен предвосхищать результат тем, «что хотелось бы найти».

Что касается отношения ученых разного профиля к своему труду, то следует констатировать, что естествоиспытатель и социолог обречены работать в разной психологической ауре.

Естествоиспытатель, в отличие от социолога, считает себя «выше» объекта своего исследования. Ему поэтому намного легче настроиться на теоретически *безразличное* отношение к предмету.

Напротив, социологу приходится прилагать особые усилия, используя специальные защитно-психологические приемы, чтобы в теории стать *беспристрастным* к интересам своей социальной группы, к

судьбам человечества, чтобы, отбросив желаемое, проникнуть в суть неизведанного. И это не считая необходимости преодолеть политическое давление и идеологическую предубежденность.

С этой целью удобно вообразить себя инопланетянином, которому любопытна природа человеческого общества и абсолютно *безразлична* его судьба.

Можно поступить иначе: вообразить общество людей состоящим из насекомых, подопытных кроликов и др.

Третий подход вполне отражает природу бытия. Мы привыкли думать, что мир существует для нас, что «если звезды светят, то это кому-нибудь нужно» (В. Маяковский), тогда как природа не просто безразлична в отношении человека, но он *сам* — лишь «проект» *кишечной палочки, среда ее обитания*, а не «царь природы». Вполне возможно, что генетические изменения популяции кишечной палочки ... изменили эмоциональный фон некоторой части человечества в направлении цивилизационного развития, проявления *интереса* к науке и генерирования полезных новшеств, что, в свою очередь, привело в действие так называемый механизм положительной обратной связи, то есть механизм *самоподпитки* этого интереса. (Фантазировать при незнании можно сколько угодно). *Поскольку человек изначально действует не в своих интересах*, становится объяснимой ситуация, связанная с прогрессирующим процессом уничтожения человеком собственной экологической ниши, что, на удивление, еще более усиливает научное напряжение как возможный источник *защиты человечества от самого себя*, и т.д.

Продолжая начатую тему, отметим, что социолог вынужден больше расходовать усилий на преодоление собственной *идеологии*, чем на исследование предмета как такового. В этом он подобен экспериментатору, целенаправленно борющемуся с им же создаваемыми помехами, но не способному преодолеть их до конца. Эти «помехи», как мы понимаем, состоят в невольном отображении в теории *некоего интереса*, вместо представления феномена в чистом виде без субъективизма т.п.

Чувство безразличия, таким образом, есть труднодостижимое психологическое состояние, которое отличает ученого-исследователя от идеолога-практика или «домашнего философа» (Г.В.Ф. Гегель).

Метод расширения предмета познания

Понимание означает отрицание уникальности предмета и поиск аналогов. Понимание отдельного явления требует поиска схожих хотя бы по одному признаку явлений, и тогда можно обнаружить и вычлени-

и иные схожие моменты, что и составляет искомую сущность. Поэтому нельзя понять явление, рассматривая его изнутри. Остановимся на двух примерах.

1. Невозможно понять, например, сущность социалистического государства, исходя только из практики социалистического бытия. Нельзя осознать лживость источников государственной информации путем их внутреннего анализа. Закрытость границ и ограничение доступа к информации исторического содержания — вот приемы идеологической защиты в странах социализма (и не только в них).

2. Феномен «внезапности» нападения Германии на СССР в 1941 году представлялся самоочевидным советским людям. Впоследствии стало ясно, что точно такая «внезапность» имела место и при нападении Японии на военно-морскую базу США, нападении Германии на Францию и Бельгию. Во всех случаях страны-жертвы (включая СССР) знали о готовящемся нападении заблаговременно, к чему пытались подготовиться. Однако отсутствие достаточных навыков владения новой военной техникой, организации обороны и психологическая неподготовленность жертвы — вот три момента, не позволившие эффективно противостоять агрессорам в начальный период войны. Здесь внезапность является синонимом неготовности.

Метод акцентуации «трудных мест»

Не редко автор научной работы стремится обходить *трудные места* в изложении материала. Тогда у читателя возникает впечатление, что он недопонял чего-то самого простого — того, что наиболее ясно автору и посему не требует пространных разъяснений. Большей частью это происходит неосознанно и может быть связано со слабой разработанностью темы. Так известно, что, даже, отличающийся строгостью логических построений К. Гаусс чистосердечно считал некоторые математические утверждения самоочевидными, в чем усомнился и предложил строгое доказательство другой математик — Н. Абель.

Вопреки сложившейся практике, способность выявления трудных мест в теоретическом анализе позволяет представить неслучайные узловые вопросы исследования в виде научной проблемы. Уже «простое» акцентирование внимания на так называемом *трудном месте* в исследовании — нерешенной или трудноулаживаемой проблеме — само по себе есть момент творчества, точнее — первый его результат.

Чаще всего трудность проявляется там, где проблема лишь ощущается, но по ней не удается собрать достаточного количества связанных сведений, что не позволяет воспользоваться ни одним из известных логических методов. Поэтому явное выделение трудного ме-

ста и концентрация внимания на путях его разрешения есть *особое средство* исследования.

Например, благодаря известному факту существования в Австралии первобытных племен, образ жизни которых не изменился за последние 40—50 тысяч лет (основной вид занятий — собирательство), мы приходим к выводу, что переход от первобытного, по существу животного, существования к фазе саморазвития (приведшей человечество к цивилизации) *не есть необходимость, присущая самой природе человека*, а, напротив — случайность, сопряженная с некоторыми внешними обстоятельствами. Здесь речь идет не о решении проблемы, но об ее обнаружении — фиксации *трудного места* в теории. Пользуясь объявленным методом, акцентируем внимание читателя на том, что именно *неизвестно*, какие условия возникли или должны были возникнуть на Земле для метаморфозы большей части человечества от состояния дикости к цивилизации.

Напомним читателю, что согласно известной концепции, при возникновении человечества в нем уже якобы была заложена потенция заведомо большая, чем требуется для простого выживания, тогда как в отношении бытия иных существ действует принцип минимальной достаточности. Однако простым установлением нерешенности проблемы (когда предполагалось, что решение очевидно) развенчивается *идея предопределенности* возникновения цивилизованного общества, «человека разумного», обреченного на социальное развитие.

Собственно говоря, феномен человека, состоящий в том, что неизменный биологический вид может существовать в виде различных общественных структур, не является биологическим исключением. Так, волки в холодную зиму, меняя форму летних отношений, собираются в стаи. Перелетные птицы изменяют структуру своей организации на период перелета. Белые медведи на острове Шпицберген в последние годы научились ловить дельфинов, а тюлени стали питаться мелкими морскими млекопитающими, тогда как ранее питались рыбой и т.п.

Напротив, *неподражаемая особенность* человеческой популяции заключается в *саморазвитии общественных отношений*. И это тоже следует считать трудным местом, поскольку любая особенность, коль скоро она исключительна, выпадает из единой природы вещей, что свидетельствует о прорехах теории.

Чтобы заняться поиском трудных мест, следует смотреть на собственную теорию как отчужденную от автора. Поэтому метод *акцентуации трудных мест*, который следует считать разновидностью метода безразличия, есть психологический прием, позволяющий обнаружить проблему там, где обыденному и морально заинтересованному мышлению «все ясно».

С другой стороны, целый ряд проблем, которые невозможно

решить напрямую, удастся раскрыть, используя новые подходы. Завыка здесь в том, что такие подходы возникали сами по себе или по иному поводу, но не в связи с поиском ответов на «сакраментальные» вопросы. Отсюда вытекает невозможность отыскать нужный подход специально, то есть в связи с поиском решений трудных проблем. Полезный вывод заключается в том, что, обозначив особо трудную проблему, следует отложить ее решение, переключившись на иные вопросы.

Эстетика науки как философская категория

Непредубежденный читатель может задаться вопросом: Зачем связывать исследовательскую науку с эстетикой, относящейся к области человеческих чувств, а не рассудка? Разве наука творится не разумом, а эмоциями?

Мы не исследуем здесь роль чувства в научном творчестве, а эстетику привлекли, главным образом, потому, что идея *прекрасного* исторически давно представлена в науке и поэтому может быть использована как *метод познания*.

Эстетическое восприятие объединяет науку и искусство. Но если эстетичность есть средство и побочный результат научного творчества, то для искусства — это самоцель и *средство эмоционального общения*. Искусство постольку оказывается доступным массам, поскольку выражает *мнения народа* о прекрасном. Смысл эстетического общения состоит отнюдь не в общении художника с массами (как это принято считать), но в единстве восприятия разными людьми предмета искусства и формировании на этой основе единого мироощущения, единой эмоциональной направленности, а отсюда, некоторым образом, и единого мировоззрения.

Наука — это не только *объект* приложения эстетического, но и вид деятельности, *рядоположный* искусству. Научный процесс вызывает эмоции, сродни тем, которые вызывает искусство. Как искусство, так и наука, с одной стороны, подмечают и раскрывают прекрасное в объективном мире, а с другой, генерируют его.

Разумеется, эстетика науки доступна, прежде всего, людям науки. Этим она отличается от эгалитарной эстетики искусства. Можно предположить, что именно потребность в прекрасном служит движущим мотивом (или одним из мотивов) в *фундаментальных науках*, коль скоро прикладное значение фундаментальных открытий не прогнозируемо, а значит, не может служить мотивацией научной деятельности.

Такие характеристики научной эстетики как *симметрия* и *просто́та* облегчают восприятие теории и оперирование ею, позволяя

последовательно усложнять модели реальности, углубляя тем самым познание.

А. Сначала остановимся на *симметрии*. Отметим, что мы используем научное понятие *симметрии* как синоним *инвариантности* в мире хаоса: пространственной, временной, процессуальной, логической... Как принято считать, наука видит свою задачу в обнаружении симметрии в природном хаосе. В этом состоит *красивость* научного подхода, противоположного *нерасчлененности* обыденных представлений. (Вообще говоря, безразлично, что выбрать за «систему эстетического отсчета»: симметрию ли с элементами хаоса (асимметрии) или асимметрию с вкраплениями инвариантов).

Однако стремление науки к *абсолютной* симметрии отчасти противоречит чувству прекрасного. Действительно, эстетическое воздействие оказывает повторяемость *почти* одинаковых музыкальных фраз, появление *почти* одинаковых «барашек» на море, *почти* симметричная композиция жанровой картины, ритмы и рифмы стихотворения, *почти* единая линия сюжета и т.п.

Прослеживается *почти-симметрия* и в плане образования научных понятий. Так, хаос материального разнообразия объединила красота античной атомистики, хотя атомы полагались как разнородные частицы; представление об атоме как неделимой частице было впоследствии аранжировано единой «планетарной моделью», сменившейся, в свою очередь, изящной системой *взаимопревращаемых* элементарных частиц и т.д.

Интересно, что Р. Пенроуз нашел простейший алгоритм достижения почти-симметрии в построении весьма сложной мозаики, что подтверждает тесную связь понятий *простоты* и *симметрии*. Это наталкивает на мысль о том, что функционирование человеческого мозга может быть построено на принципах не сложнее, действующих в неживой природе. В свою очередь, это позволяет говорить об «обобщенном разуме» как о нон-антропоморфном принципе. (Можно предположить существование более сложного разума, чем человеческий, ... если бы знать, что это такое).

Теперь примем к рассмотрению понятие, противоположное симметрии — *хаотическое многообразие* под названием «история человеческой цивилизации». Речь идет о многообразии стран, народов, культур, политических режимов, деяний государственных мужей, военных действий, бунтов, революций и т.д. Перечисленное многообразие явлений скрывает внутреннюю красоту истории от поверхностного взгляда. Но достаточно было философии (еще древней) вычленить ограниченное количество форм управления государством (аристократию, демократию, тиранию, олигархию и др.) и раскрыть феномен их

повторяемости во временном и пространственном срезах (то бишь, инвариантность), и история как целое предстала в изящной форме *почти* «спирали», а исторический процесс в виде последовательности приливов и отливов.

Представляется неслучайным тяготение души к симметрии, ибо понятия тождественности и повторяемости, которые служат субстратом в определении симметрии, являются одновременно ведущими в определении *структурности* (организованности), как антипода *хаоса* вообще и безусловной составляющей общественного бытия и, вообще, всего живого. Именно принцип повторяемости позволяет ввести понятие структурности и ее количественной характеристики — *сложности*. Сложная структура — это структура, состоящая из структур. Так, лабиринт — пример структуры — состоит из *подобных*, повторяющих друг друга прямолинейных или дугообразных участков, поворотов, перекрестков, что теперь называют фракталами (Б. Мандельброт, 1975 г.). Если же мы будем последовательно усложнять наш лабиринт, то тем самым выйдем за пределы понятия структуры в область хаоса. (Например, последовательное усложнение административной службы с сохранением единоначалия неизбежно приводит к обратному эффекту: невозможности управлять).

Хаос, являясь противоположностью структуры, неизбежно присутствует в ней как тенденция разрушения в чем-то схожих между собой элементов.

Вы видели, как из процесса углубления структуризации возникает хаос, но остается вопрос: как, за счет чего происходит противоположный процесс — *структуризации хаоса*? Остается констатировать, что процесс «*возрождения из пепла*» есть свойство природы, но понимание его сущности отсутствует (взять, хотя бы, процессы выхода из общественных кризисов). Вопрос стоит так: «Приводит ли углубление хаоса (по аналогии с углублением структуры) к его противоположности — возникновению структуры?».

Но что означает «углубить хаос»? Его можно, например, *многократно реплицировать*, чтобы получилось подобие структуры с элементами симметрии. Можно также отыскивать в хаосе элементы подобия и пытаться их уничтожить... *бесконечным* разнообразием. Но поскольку, на поверку, способы разнообразия ограничены, а не бесконечны, то этим устанавливается *предел* хаотичности.

Заметим, что понятие *повторяемости*, используемое в описании дискретно-качественной модели мира, имеет свой аналог — *инерционность* — в непрерывно-количественной модели. А представление о структуре структур аналогично высшим производным, характеризующим неравномерность непрерывного движения, что теперь называют

темпоральностью (термин М. Хайдеггера).

Действительно, инерционность некоего процесса означает его качественную определенность в отношении множества сопутствующих ему процессов, что позволяет говорить об их структурированности во времени, а моменты ускорения или торможения процессов приводят к усложнению структур. Так, различие скоростей протекания общественных процессов влечет за собой многоукладность экономики и т.п.

Б. Другим моментом прекрасного, наряду с почти-симметрией, выступает простота теории. Ведь хаос не много выигрывает в красоте, будучи симметрично удвоенным.

Во-первых, простота условна.

Во-вторых, простота — не критерий истинности (как нередко утверждают ученые), но психологическое средство, а именно средство эффективного использования теории.

В-третьих, простота труднодостижима.

Если симметрия — это нечто объективное, то простота — суто субъективное. Понятие простоты антропоморфно, хотя природа ничем не обязана человеку.

С другой стороны, пара понятий простота—сложность, как и симметрия—хаос, есть характеристика структурированности, и с такой точки зрения эти понятия объективны.

Реальность, вообще говоря, не может быть описана простым способом, ибо природа не обязана быть представленной человеку в простом, доступном пониманию виде. Совершенно иное дело, когда речь идет о сравнении разных, но одинаково верных в практическом смысле подходов, из которых могут быть более простые и более сложные. Но если сравнивать не с чем, то оценка по уровню сложности бессмысленна.

Вас восхищает простота формулировок некоторых устаревших «законов природы»? Но они потому и просты, что на большее человеческий ум исторически не был способен. Но уже больше века наши знания настолько сложны, что их понимают считанные специалисты, ... правда, каждый по-своему.

Просто ли, например, доказательство так называемой «великой теоремы П. Ферма», занимающее 130 журнальных страниц математических формул (Э. Уайлс, 1994)? Если доказательство описать языком художественной литературы (что, в принципе, возможно), то оно заняло бы много толстых томов, напечатанных петитом. Значит, на сегодняшний день доказательство Э. Уайлса является простейшим из известных и равнозначных и т.п.

Хотя вполне простых явлений в природе не существует (как и сложностей, не поддающихся упрощению), но можно создать упрощенные

модели реальности и таким образом провести исследование на более простых, доступных пониманию уровнях.

Простота формулировки есть условно конечное звено длиной цепочки последовательного аналитического абстрагирования и, одновременно, момент последующего усложнения на более высоком уровне. Это утверждение, прежде всего, касается формулирования объективных законов. Так, закон инерции предельно прост, но человечество шло к этой абстракции без малого 2000 лет (считая со времени написания Аристотелевой «Физики»). Теперь же он стал одним из рядоположных элементов многосложных представлений о мире.

Особое место занимает простота формулировок в математике и кибернетике. Так, сложная система дифференциальных уравнений электромагнитного поля Дж. Максвелла получила в трудах О. Хэвисайда весьма простое представление, что, однако, нисколько не упростило вычисления. Напротив, операторы П. Лапласа облегчают решение линейных дифференциальных уравнений, но, опять-таки, не технически, а психологически: благодаря облегченному восприятию формулы. И т.д.

Таким образом, простота закона природы или математической формулы, или... не является результатом чистого «озарения». *Но простота есть сущность научной фундаментальности. Напротив, если формулировка сложна для восприятия, значит, существует вероятность, что анализ не был доведен до конца.* (Последнее утверждение само может служить рекурсивным примером простоты формулировки концепции о труднодоступной истине).

Тем не менее, есть простота и простота. Поэтому в поисках истины, вопреки сказанному, следует особенно опасаться простых и логически завершенных суждений. *Коварная простота, минуя истину, способна выражать односторонность суждений, бессодержательность представлений и софизм формулировок. Глубокая истина и бесстыжая ложь, как правило, сходятся в своей простоте.*

Поистине, что может быть понятнее и красивее социологических штампов (простота которых есть синоним односторонности), таких как:

«Богатство недр — залог благосостояния граждан»;

«Государство — для аборигенов»;

«Плановость и порядок — основа экономики» и др.?

Философия есть искусство размышления. Ей присущи атрибуты искусства в большей степени, чем художественной литературе. Но в действительности процветает философ-ремесленник, как представитель казенной идеологии. Так, в Википедии находим: «Философ — профессиональный [то есть зарабатывающий на жизнь — Автор] мыслитель, занимающийся разработкой вопросов мировоззрения. Философом также может называться человек, принадлежащий к определённой философской школе...».

Итак, мы видели, как стремление к красоте служит психологическим средством теоретического исследования.

Раздел 3. ЛОГИЧЕСКИЕ МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Закономерность и закон

Понятие *закономерности* отражает определенный этап процесса познания, когда констатируют инвариантную, стабильную обусловленность явлений, но еще не ясна их природа, не понята причина их возникновения. Поэтому закономерность есть некое предельно-достижимое в историческом плане знание.

Смысл закона (в отличие от закономерности) состоит в том, что он обнаруживает инвариантные *связи* явлений и процессов в виде тенденции, не будучи «привязанным» к целостному явлению.

Явление природы, закономерность общественного процесса, проявляющие себя постоянно, регулярно или эпизодически, требуются обнаружить и понять, но *закон* как абстракцию, как мысленную модель реальных инвариантных связей необходимо создать (построить, сформулировать).

Поскольку закон характеризует некую объективную тенденцию, постольку он сам становится *универсальным* практическим средством, как, скажем, ветка дерева, превращенная умелой рукой в лук, который можно использовать и как оружие, и как смычок, и как приспособление для сбора бананов, и т.д.

Итак, стабильность *связей* не означает стабильности, фатальности самого *явления*, иначе закон не смог бы служить *орудием произвола*. То есть, его можно было бы использовать только узконаправленно; например, закон тяготения — только для падающих на землю тел. Поэтому правильно сказать, что *закон*, лишенный произвольно варьируемых «переменных», вырождается в *закономерность*.

Например, *явление* всемирного тяготения есть постоянно и повсеместно действующая закономерность, не имеющая своего объяснения: «Все тела падают на землю». Такая информация еще не поднялась до уровня *закона*, но она сможет трансформироваться в закон, если будет учтена *стабильная связь* между отдельными характеристиками: силой тяготения, массами притягиваемых тел и расстоянием между их центрами.

Закон тяготения одинаково применим, как к падающему телу, так и взлетающему, тогда как закономерность отражает тот *фатальный* факт, что под действием силы тяжести все тела рано или поздно упадут на землю.

Обратимся к экономике. Капиталист стремится получить максимальную прибыль от вложенного капитала. Это утверждение выражает *закономерность*. Но исчерпывается ли этой закономерностью вся

стратегия буржуазного производства? Сколь велик фактор фатальности?

Если вкладывать прибыль в экстенсивно расширяющееся производство, то она вскоре станет сокращаться из-за того, что средства труда изнашиваются непрерывно, а возмещаются порционно. Если вкладывать в новые технологии, то период процветания удлинится, но упадок все же неизбежен, вследствие перенасыщения рынка традиционными товарами. Если — в новые потребительские свойства товаров, прибыль начнет, наконец, устойчиво возрастать. А если вкладывать прибыль в прямое стимулирование рынка? В организацию труда? И т.д. Иными словами, целевая закономерность в виде максимизации прибыли *есть малая толика стратегии капиталистического производства.*

Значит, указанная закономерность действует только «*при прочих равных условиях*», когда ее не нарушают меняющиеся обстоятельства.

Любой предприниматель искренне желает увеличить прибыль предприятия, равно как глава государства — национальный доход (что, впрочем, не одно и то же). Вызывает недоумение, почему они этого не делают всегда. — Потому, что не знают *как*, а того, что знают, всегда будет недостаточно для практического использования.

Ошибочно принимая условный инвариант — закономерность — за экономический закон, «математики от экономики» не перестают создавать теории и выводить формулы оптимизации прибыли на все времена, в чем уподобляются искателям счастья. Проблема вакуума в области законов экономики *не может быть решена математическими изысками.*

Но есть закономерности и закономерности. Поиск закономерностей и связанных с ним обобщений в области социальных и иных неточных наук не следует рассматривать как попытку объяснить все известные факты. Этого заведомо невозможно достичь. Поэтому их ценность определяется осторожной фразой: «Что-то в этом есть».

Как нельзя создать вечный двигатель, так нельзя в неточных науках сформулировать строгие законы, из чего следует, что заведомо бессмысленно пытаться это сделать. По этому признаку образы мышления исследователей, работающих в непересекающихся («параллельных») областях знаний, разнятся. И когда физик Р. Фейнман (пытавшийся подвизаться в области психологии) упрекает психологов в произвольности и даже фантастичности их теорий (которые сравнивает с культом «карго»), то он как раз не учитывает философскую сторону вопроса — гносеологических различий между этими предметами.

В двусмысленное положение поставила себя экономическая наука, которая не очень успешно пытается опереться на самую точную

науку — математику, сама оставаясь *существенно неточной*. В ином положении находится такая неточная наука, как медицина, успешно использующая синтетические лекарства и средства диагностики как продукт точных наук. Вообще, «неточная» не означает «малополезная». Но это означает, что метод *законопостижения* здесь ограничен.

Итак, разрушение фатализма *закономерности* способно приблизить исследователя к формулированию закона — инструмента мышления, позволяющего с большим или меньшим успехом управлять ситуацией.

Закон или необходимость?

Логика естественных наук опирается на понятия закона и возможности, элиминируя необходимость. Строгая необходимость тождественна единственности. *Необходимость есть единственная возможность при сложившихся обстоятельствах*. Закон касается устойчивых отношений между явлениями природы. Определяющим моментом для закона служит устойчивость отношения. Из формулировки закона не следует необходимость какого-либо процесса, но только его возможность или невозможность. Согласно закону как таковому, при одних условиях должны происходить процессы одного вида, а при других — другого, так что, вообще говоря, связь между законом и каким-либо процессом строго не определена.

Заметим, что систематическое использование законов в физике (а затем и иных естественных науках) началось со времен И. Ньютона, то есть сравнительно недавно, если мыслить историческими масштабами. Естественных наук физическая методология пока не коснулась.

Однако в истории, социологии и политической экономии до сих пор центральное место занимает понятие необходимости, которому придают смысла закона, хотя эти понятия лежат в разных плоскостях. Определяющим моментом для необходимости служит устойчивость процесса. Так, общественное развитие понимают как *в среднем* необходимый процесс (то есть закономерность). При этом вопрос об *устойчивых отношениях* между формой семьи и экономическим укладом, между политическим режимом и неурожаем и т.п. (что могло быть областями приложения закона) вообще не ставится.

Между тем, общественный закон должен был бы иметь нейтральную формулировку, ка-то: «Число беспризорных растет в экономических укладах, использующих детский труд» или «Поток людей, приговоренных к трудовой повинности, обратно пропорционален массе хлеба, ежедневно потребляемого каждым трудящимся».

Метод абстрагирования

Метод абстрагирования, или аналитический метод, состоит в последовательном упрощении изучаемой проблемы путем искусственного «отбрасывания» ряда *конкретных* субстанций.

Абстракция как предельное упрощение необходима, чтобы раскрыть глубинные сложности в самом простом, прежде всего в простом.

Так например, движение мы начинаем изучать с того, что абстрагируемся от всех видов криволинейного движения, затем от всех видов ускоренного движения, оставляя для рассмотрения чистую инерциальную форму. В то же время хорошо известно, что в конкретной действительности инерциальное движение в чистом виде не существует, так что *абстракция* по своему понятию есть просто тенденция мышления, чистое стремление к идеалу.

Вопреки кажущейся *малозначимости*, именно такой подход позволил сформулировать понятия скорости, ускорения, расстояния и времени, установить тождество неподвижного и движущегося и др., то есть позволил создать систему базовых понятий и сделать *фундаментальные* открытия.

Однако для некоторых исследователей абстрагирование — не научный метод, но *занимательная игра*, в которой разрыв между *отвлеченным и конкретным* не преодолен. Обычно такие философы (часто называющие себя субъективистами) противопоставляют абстрактное конкретному как высшее низшему: «Я субъективный экономист, а не бухгалтер».

Между тем, *конкретное* мышление не проще абстрактного. Не многие умеют мыслить абстрактно, но еще меньше людей способно мыслить конкретно в сложных обстоятельствах.

Мышление бывает *абстрактным* в двух противоположных смыслах. В первом — когда одновременно с абстракцией создается «мостик» перехода к реальности. Например, абстракция нигде не встречающегося инерциального движения позволяет, тем не менее, в большинстве случаев считать таковое возможным на Земле.

Во втором смысле абстракция конструируется без такого «мостика», так что не имеет значения, что было положено в ее основу: очевидная реальность или голая фантазия. Это могут быть проектные и конструкторские разработки *в принципе не пригодные для реализации*; военная стратегия, которую нельзя осуществить; схоластическая интерпретация математических теорий... Речь идет не об *ошибках* мышления, но о *пороке* образа мышления.

Тем не менее, этот вид абстрагирования считается научным с точки зрения критерия фальсифицируемости К. Поппера. Например, по абсурдному проекту можно построить некую автоматизированную систему, чтобы убедиться, что она неработоспособна. Однако это еще не означает, что ее абстрактная модель — исходный проект — образец научности, а не игра чистого воображения.

Но в философии даже противоположные формы мышления могут быть взаимно интересны, ибо отсутствует критерий, по которому можно определить, кто мыслит более правильно.

В общем случае метод абстрагирования может служить вполне универсальным логическим приемом познания. Все нижеизложенные методы, так или иначе, являются конкретизацией видов абстрагирования.

Метод мысленного моделирования

Моделирование может быть использовано как для исследования, так и для прогнозирования.

Смысл *исследовательской* модели состоит в том, что создается специальное упрощенное *структурированное* представление о некотором явлении или процессе. Так, чертеж дома является его моделью. Он позволяет исследовать будущую (или уже существующую) конструкцию дома на прочность, позволяет целесообразно скомпоновать помещения и т.п.

Сущность прогностической модели состоит в том, что мысль в ряде случаев работает быстрее, чем происходит развитие реального процесса, что позволяет исследовать «поведение» модели до наступления действительных событий и таким образом предугадать их.

Наконец, внедрение человека в микромир с его сверхбыстрыми процессами потребовало создания модели «растягивающей время», которая противоположна прогностической, но с исследовательской точки зрения сохраняет полезность.

Исследовательская модель может носить непосредственный, чисто мысленный характер (математическая модель, логическая, кибернетическая и т.п.) или быть опосредована натуральными (физическими) явлениями (игрушечная модель железной дороги, энтомологическая модель общества и др.).

С другой стороны, *исследовательская* модель, равно как и *прогностическая*, может быть двух типов:

представленческая, или непрерывная, аналоговая, целостная, одномоментная, типа «восковой отпечаток», геометрический образ и пр.;

логическая, или дискретная, элементная, многочастная.

В качестве примера *представленческой* модели для оценки границ возможного использования физического прототипа, рассмотрим заведомо «неудобный» случай. Скажите, возможно ли использовать стакан воды в качестве модели... железной дороги? Наверное, да. Процессы, возникающие при колебаниях воды в стакане, могут моделировать устойчивость и саморегулирование других процессов, которые присутствуют, так или иначе, в каждом элементе, в каждом состоянии железнодорожного состава: в двигателях, в разгоне и торможении поезда, в системе управления движением и др. Судя по всему, стакан воды может служить физической моделью не только железной дороги, но всего, чего угодно.

Поэтому, если, забыв о границах осмысленного использования модели, вы стали бы настаивать на том, что стакан воды — это единственная или наилучшая модель железной дороги, или самая важная модель и т.п., то тем самым лишили бы процедуру моделирования ее практической полезности и впали бы в омут *всеобщей объяснительной идеи*. Последнее скорее свойственно авраамическим религиям, объясняющим все и вся божественным промыслом, а также является презумпцией традиционного материализма, готового все проблемы списать на «материальное единство мира».

Теперь сделаем следующий шаг: смоделируем реальную железную дорогу с помощью игрушечной конструкции и пристальнее всмотримся в сущность моделирования.

Моделирование представляет собой такой способ *мысленного* сравнения двух сопоставляемых объектов, который позволяет выделить общие признаки, отождествляющие модель с ее предметом.

Если «наложить» множество свойств настоящей железной дороги на множество свойств ее игрушечной модели, то в «пересечении» множеств попадут тождественные свойства, а вне пересечения окажутся противоположные.

Очевидно, что процедура сравнения модели с ее предметом может быть проведена «вглубь» пошагово: в группе «тождественных» признаков можно тщательнее «отфильтровать» более схожие признаки от менее схожих и т.д.

Механизм *логического* моделирования продемонстрируем на примере экономической теории. Предлагаемую дискретно-логическую модель будем создавать путем наложения ряда *упрощающих* и одновременно *ограничительных* требований на общие представления о предмете, как-то:

целостность экономики (добыча-переработка-торговля-потребление-добыча...);

непрерывность производства (в отличие от фактической дис-

кретности хозяйственных процессов);

закрытость (самодостаточность) экономической системы (условия: численность работников остается неизменной; неистощимость сырья и почвы).

Таким путем мы исключили из рассмотрения великое множество разнонаправленных тенденций и сложностей хозяйственной структуры.

Исследование такой модели позволяет соткать субстрат, к которому в дальнейшем можно последовательно добавлять те или иные конкретные факты для достижения более реалистичной картины.

При работе с моделью (исследовательской или прогностической) используется принцип, который мы назовем *«конструирование вместо природы»*.

Исследователь анализирует, какова должна быть природа вещей, чтобы она смогла проявиться в том или ином конкретном виде. При этом он мысленно конструирует, «прокручивает» варианты возможных связей и интуитивно... *отгадывает* результат (или впадает в заблуждение).

Так, Д. Бернулли (1700—1782) построил математическую модель водяного потока, хотя природа многих гидродинамических явлений не ясна по сей день. Остается неизвестной природа электромагнетизма, хотя успешно работающая математическая модель этого явления была составлена Дж. Максвеллом еще в 19 веке. И т.д.

В заключение отметим, что метод моделирования относится к числу наиболее общих методов исследования, так что все нижеизложенные методы, так или иначе, раскрывают и детализируют его.

Метод прогнозирования и выбор решения

Прогнозирование есть мышление «по вероятности». Поэтому начнем наши рассуждения с рассмотрения сущности случайных процессов.

Проведем мысленный эксперимент со сжатой пружиной, которая, высвободившись, подбрасывает вверх шарик, монету или шестигранную игральную кость.

Расположение точек на шарике, которыми он каждый раз будет соприкасаться со столом при своем падении, непосредственно зависит от спектра сил, развиваемых пружиной при ее распрямлении. В итоге, спектр окажется равновероятным, то есть неопределенным.

При тех же условиях предметы с меньшей степенью симметрии, скажем игральная кость, будут падать не на любую точку своей поверхности, но только на одну из своих граней. В этом случае, как мы понимаем, *результат уже не будет зависеть от своей причины* — усилий пружины, — но только от имманентных свойств подбрасываемых

предметов (их формы).

Аналогично игральной кости «работает» закрытая урна с оцифрованными шарами одинакового размера, которые каждый раз после изъятия и возвращения шара тщательно перемешивают. Если фиксировать номера вынутых шаров, получим *почти равномерное распределение*.

В действительности игральная кость может коснуться поверхности любой своей точкой, но в следующий момент она займет *устойчивое* положение и ляжет на одну из своих сторон. По аналогии, нельзя вынуть из урны, скажем, полтора шара и т.п. Назовем эту особенность генерирования случайных процессов *эффектом устойчивости*.

Эффект устойчивости позволяет прогнозировать множественный результат наступления событий без знания причин их побудивших.

Обратимся теперь к социальной сфере. В отличие от приведенных примеров, конечное множество общественных форм (исторически определенные общественные формации и типы государств, известные религиозные направления, существующие виды семейных отношений и др.) не является вполне закрытым и устойчивым, так как предполагает возможность распада одних форм и образования иных, ранее неизвестных. Это накладывает на прогноз неопределенность, дополнительную к той, что является следствием разнообразия условно неизменных форм.

Так, вопреки событиям недавнего прошлого (гибели всемирного центра социалистического уклада) и изменившимся условиям социального бытия, причины возникновения социализма сохраняются в мире, так что можно спрогнозировать с некоторой вероятностью дальнейшее появление государств *просоциалистического* толка из числа стран «третьего мира», но нельзя рассчитывать на то, что это будет такой же самый «социализм».

Процесс социальных и экономических явлений, напротив, представляется строго детерминированным. Но это только на первый взгляд. Так, до сих пор не удалось обнаружить не то что каузальную связь, но и какую-либо общую закономерность в последовательности мировых экономических кризисов, которые шествуют по планете уже два века.

Специфическая *трудность* использования вероятностного метода для социального прогнозирования связана с противоречием между множественной сущностью понятия вероятности и необходимостью единичного, одноразового прогноза «на завтрашний день». Случайным (не детерминированным), согласно определению, может быть ряд событий, процесс и не единичное событие. Но понятие вероятности не распространяется на единичные события, хотя кажется иначе. Это

приводит к противоречию: субъект старается как-то обосновать свое решение даже тогда, когда основания для этого отсутствуют.

Пусть, например, вам предоставлена возможность однократного выбора лотерейного билета в одной из двух куч. Причем известно, что в одной куче находится много выигрышных билетов, а в другой — мало. Поскольку выбор одноразовый, его результат непредсказуем. Тем не менее, интуитивно, вопреки логике индивидуального поведения, вы подойдете к куче с большим количеством выигрышных билетов... и вытяните, быть может, «пустой» билет.

Другой пример. Пусть, изучив устойчивые связи событий, произошедших в разное время в третьих странах, и сравнив их с событиями, происходящими в вашей стране, вы по аналогии определили группу возможных вариантов развития событий «на завтрашний день». Существует ли способ угадать путь развития? Очевидно, нет, ибо, опять-таки, *не существует критерия надежности для однократного выбора*. Но здесь включается «интуиция», ориентир предложен, и «доводы» приведены...

Важно отметить, что сплошь и рядом существуют такие ситуации, когда ничто невозможно предугадать, несмотря на имеющуюся информацию. Поэтому человек обречен разрушать нишу своей жизни.

Подойдем к этому вопросу с другой стороны. Жизненный срез под названием «выбор решения» тем схож с игрой в шахматы, что ни в начале, ни в середине игры еще не ясны конкретные действия по достижению цели. Сначала игроки делают некоторые «косвенные» ходы, постепенно расчищая дорогу к цели. При этом, возможно, ни один из ходов не был безусловно необходим, а некоторые, вообще, были лишними и, даже, затрудняли целенаправленное движение. Но как иначе без ошибок достичь незримой цели?!

Жизнь тем отлична от игры, что ее цели условны, множественны, взаимно противоположны, узконаправлены и краткосрочны. Если шахматная игра конечна и поэтому алгоритм ее решения должен существовать в принципе (хотя и неизвестен), то в бесконечно многообразной жизни принципиально отсутствуют достаточные основания для принятия единственно правильного решения.

С другой стороны, если бы имманентный человеку механизм принятия решений был строго детерминирован, а не произволен, то процедура выбора решения стала бы ненужной. Более того, известны случаи, когда *причинное начало вообще отсутствует*. Например, в город ведут две параллельные дороги. Какую из них вы выберете? Такая ситуация имеет название «*Буриданов осел*». Здесь логика действий состоит в том, чтобы действовать, не озираясь на логику.

Вообще говоря, отсутствует жесткая связь между знанием (ин-

формированностью) и конкретно принятым решением. Но стохастическая зависимость существует. Это утверждение касается множества решений, принимаемых одним и тем же лицом или многими лицами. Речь идет не о том, что на определенность решения влияют сопутствующая ситуация и психофизиологическое состояние индивида. Это само собой разумеется. Речь о том, что принимать решения, не детерминированные знанием — атрибутивное свойство мозга. Один и тот же индивид, находясь в одних и тех же условиях, в одном и том же состоянии, располагая одними и теми же знаниями способен принимать альтернативные решения. Таков феномен индивида, отличный от феномена популяции, для которой связь между множеством принятых решений и знанием тоже не вполне детерминирована, но стохастически обусловлена.

Все это наводит на мысль, что в основе конкретной деятельности животных и человека заложен некий генератор потока *случайно-произвольных решений*, имеющий те или иные *причинные ограничения*. В частности, можно много рассуждать о причинах, побуждающих детей играть, однако ясно, что там, где отсутствует произвол, где нет места случаю, там нет и *игры* — *сердцевины любого целесообразного деяния*. При этом, чем *уже цель*, тем *разнообразнее* набор допустимых средств. Напротив, широкое направление предъявляет жесткие требования к выбору взаимоувязанных средств.

Например, если революционеры ставят перед собой одну и только одну цель — *победить*, то тем самым подразумевается, что пригодны, могут и должны быть использованы самые разнообразные средства. Но если задача ставится так, что в результате революции непременно и сразу должно образоваться республиканское демократическое правовое гуманное общество, то уже в ходе революции должны быть приложены усилия, направленные на формирование соответствующих государственных институтов во взаимном согласии их устройства, что, впрочем, невозможно, так как указанная палитра целей не совместима с задачей преодоления сопротивления старого общества.

Итак, мы выяснили, что возможность (невозможность) прогнозирования заложена самой природой вещей, причем, выбор решения не является прямым следствием прогноза.

Метод неопределенности

Здесь воспользуемся известным открытием, сделанным в области квантовой механики и принадлежащим В. Гейзенбергу — «*принципом неопределенности*» — в качестве метода познания. Таким образом, закон природы будет использован как основание метода познания.

В живой природе и обществе этот физический принцип имеет аналогии.

Речь идет о том, что получение более точной информации в одном аспекте знаний нередко возможно лишь ценой потери точности в других областях. В одних случаях этот феномен обусловлен природой *познания*, в других — природой познаваемого *объекта*.

Любое измерение требует некоторого времени. Чем короче промежуток измерения, тем *точнее* смысл измеряемого параметра. Однако при нулевом временном интервале (моменте) теряет смысл любой параметр. Это противоречие и создает *неопределенность вывода*.

Эффект разброса результатов измерений можно наблюдать, например, при сплошной переписи населения. Поэтому сплошную перепись населения страны стремятся провести в наиболее короткий срок, обычно несколько дней. Наиболее точное значение численности населения страны можно было бы получить, если провести перепись в течение одного часа. Но тогда такой показатель, как смертность (изменчивость вообще), не сможет быть определен, даже, с минимальной точностью. Действительно, число умерших и родившихся во время проведения переписи есть величина случайная. Для получения устойчивой цифры, нужно подсчитать за более длительный период: скажем, за один год.

Одно качество достигается за счет снижения другого. *Подобные противоречия неразрешимы в принципе, что создает неопределенность в понимании результатов.*

Так, общественное разделение труда (прежде всего в науке) позволяет малой группе людей достичь большего успеха в одном виде деятельности за счет игнорирования глубоких знаний и падения навыков в остальных сферах. Отказ от разделения труда сделает труд, конечно, более «гармоничным», но произойдет это за счет снижения уровня навыков и глубины знаний в каждой из сфер деятельности. Однако именно к этому призывает рукопись-учение К. Маркса и Ф. Энгельса «Немецкая идеология»: «Во всяком случае, при коммунистической организации общества отпадает подчинение художника местной и национальной ограниченности, целиком вытекающее из разделения труда, а также замыкание художника в рамках какого-нибудь определённого искусства, благодаря чему он является исключительно живописцем, скульптором и т.д., так что уже одно название его деятельности достаточно ясно выражает ограниченность его профессионального развития и его зависимость от разделения труда. В коммунистическом обществе не существует живописцев, существуют лишь люди, которые занимаются и живописью как одним из видов своей деятельности». И т.п.

Другой пример — неопределенность статистических прогнозов (экономических, социальных, демографических, метеорологических...), где действует правило: чем меньшей задана точность прогноза, тем он надежнее. На языке теории вероятностей то же высказывание звучит так: *уменьшение точности за счет увеличения доверительного интервала повышает надежность* того, что истинное значение попадет в указанные пределы.

Следует также учитывать, что макроэкономические показатели не могут быть однозначными. Так например, известно, что измеренное (и вычисленное) значение средневзвешенной цены должно иметь некую статистическую погрешность, возникающую из-за ограниченных размеров выборки. Но погрешность измерения *должна* иметь место и при сплошном измерении цен и стоимостных потоков, вследствие того, что объект измерения всегда подвижен. Подвижен и сам процесс измерений, для которых не бывает в точности повторяющихся условий.

Таким образом, неопределенность значений социальных и макроэкономических показателей заложена в их природе.

Например, *безадресные* и *безыменные* выборочные опросы населения позволяют выявить *истинную картину* того или иного социального явления (поскольку на респондента оказывают минимальное воздействие), однако таким способом затруднительно получить равномерно распределенную случайную величину, что не позволяет судить о ситуации в целом. Напротив, если выполнить адресное и поименное социальное обследование, то указанные недостатки элиминируются, однако *статистическая картина искажается* (поскольку на респондента оказывают максимальное воздействие).

Еще одна интерпретация принципа неопределенности заключается в том, что попытка как можно детальнее описать одно из взаимосвязанных явлений препятствует однозначному определению другого явления. Так, если сосредоточить внимание на количестве шарфов и шляп, которые можно было бы купить на одни и те же деньги, то труд, затраченный на их изготовление, будет представлен неопределенно-средней абстракцией. Если же сосредоточить внимание на природе конкретного труда по изготовлению товаров разного вида, то деньги представляются чем-то неопределенно-индифферентным в отношении товарного разнообразия, а сам товар выступает как средняя неопределенная потребность человека вообще.

Эффект неопределенности специфически проявляется в процессе классификации. Действительно, когда вы классифицируете некие явления, предметы или свойства по *избранному вами признаку*, то все остальные различительные признаки отождествляются между со-

бой и таким образом игнорируются.

Например, можно дать или экономическую, или политическую характеристику исторического момента, но не удастся сделать это одновременно, хотя они взаимозависимы.

Итак, метод неопределенности позволяет при углубленном изучении предмета игнорировать второстепенные особенности и одновременно напоминает об их существовании.

Метод классификации

Метод классификации широко известен и хорошо разработан в теории. Здесь остановимся на некоторых его особенностях, носящих социальный оттенок.

Классификация — это один из способов постижения реальности через сравнительное определение понятий и построение логической структуры массива знаний. При этом следует учесть, что смысл каждого элемента классификации обрывается различными нюансами в зависимости от контекста, что, в свою очередь, отрицает классификацию как метод.

В качестве примера рассмотрим пару понятий: *интерес-безразличие*.

Интерес может быть для себя и для чего-то другого. Интерес для себя — это, например, интерес к самому *процессу* индивидуальной деятельности. Если у вас есть интерес к рисованию или к стяжательству — это интерес для себя (то есть, интерес ради интереса). Если вы копите богатство для шикарной жизни, то здесь мы имеем интерес для иного. В таком же плане следует различать интерес к *процессу* труда и к его *результатам*. Интерес к результатам труда распадается, в свою очередь, на интерес к полезности (нужности) продукта, интерес к его качеству (функциональности, долголетию, ремонтпригодности...), количеству и стоимости.

Далее, *интерес* может быть самопроизвольным и вынужденным. Если богатый человек ни в чем не нуждается и при этом занимается столярным делом — это самопроизвольный интерес. Если же вы пролетарий, то вынуждены трудиться, чтобы прожить. Раб проявляет интерес к работе под ударами плети, а член трудовой бригады или коллективного хозяйства проявляет интерес к труду ... вследствие морального давления своих коллег. *Вынужденный интерес, в итоге, порождает безразличие*.

К разным результатам приводит, как известно, индивидуально контролируемый интерес к труду (рабочий-сдельщик) и коллективно контролируемый интерес (барщина, колхозные отработки, бригад-

ный подряд...). Интерес к коллективному труду всегда ниже индивидуального. Но, вопреки низкому интересу к труду, коллективный труд может быть производительней за счет более целесообразной его организации и применения более экономичных средств труда. Капитализм приложил немалые усилия, чтобы совместить несовместимое: сочетать высокую организацию с высоким интересом, — и достиг в этом успеха.

В общем случае классифицируемые свойства интереса и безразличия накладываются друг на друга, моделируя пеструю мозаику конкретных форм общественных отношений.

К методу классификации непосредственно примыкает метод членения вопроса. *Вопрос сам по себе есть некое утверждение, где отсутствуют одно или несколько логических звеньев, которые необходимо найти. Таким образом, любой вопрос, поскольку он содержит утверждение, имплицитно выражает чужое мнение.*

Правильно поставить вопрос — значит составить близкую к реальности микромодель некой ситуации. Ответ на вопрос — нахождение недостающего звена (звеньев) логической цепи — вовсе не должен, по нашему мнению, носить формально-логический характер, но предполагает исследование проблемы, как таковой, с последующим уточнением вопроса и, возможно, заменой одного вопроса другим.

Важную роль в этом деле может сыграть *метод членения вопроса*. Рассмотрим следующий традиционно-схоластический вопрос-пример: «Сколько чертей может разместиться на острие иглы»? Что утверждается в этом вопросе *неявным* образом? — То, что размеры чертенка могут быть сколь угодно малы и кончик иглы есть точка нулевого диаметра. Таким образом, этот вопрос распадается на несколько:

Существуют ли черти?

Действительно ли они могут стать бесконечно малыми?

Что такое бесконечно малая величина?

Может ли бесконечно малая величина по своему понятию принимать дискретные значения? И т.п.

Членение вопроса позволяет абстрагироваться от выраженного вопросом *чужого мнения* и вникнуть в суть проблемы.

Еще пример — деление научных теорий на предсказательные, объяснительные, методические и смешанные.

Предсказательная теория позволяет только предсказывать результат некоторых определенных действий индивида или направление развития естественных процессов (в закрытой системе). Такая теория не способна объяснить суть явлений. Например, понятие теплорода в теории тепла А. Лавуазье или так называемая Стандартная (квантовая) теория в физике элементарных частиц, или теория заболеваний... Та-

кие теории, хотя и позволяют логически связать уже известные факты и систематизировать знания, но не позволяют представить явление в образах.

Объяснительная теория позволяет представить явление в образах, но не позволяет делать прогнозы. Сюда отнесем такие науки, как историю, сейсмологию, макроэкономику и др.

Методическая теория ничего не предсказывает и не объясняет, но позволяет исследователю построить специальную теорию: предсказательную, объяснительную или иную. Сюда отнесем математические и некоторые философские теории.

В общих случаях научная теория носит смешанный характер. Метод классификации позволяет раскрыть проблему всесторонне и сразу на многих уровнях.

Метод сопоставления

Метод сопоставления имеет две формы: *аналоговую* и *гомологовую*.

Аналогия есть перенос идей из одной области знаний в другую, особенно в тех случаях, когда наукой не выработаны собственные понятия. Возможность и продуктивность аналогий базируется на идее единства мира и инвариантности его процессов.

Так, наука о запахах пользуется понятиями зрительного, вкусового и тактильного восприятия. Обсуждая общественные процессы, мы пользуемся понятием силы, определенным физикой, а когда говорим о политической борьбе, привносим сюда представления о спортивной игре и т.д.

Перенос идей в существенно схожих ситуациях называют *гомологией*.

Так, медицина изучает физиологию и психологию человека на ... собаках и крысах. Когда философия, изучив разделение функций у общественных животных, переносит сформировавшиеся представления на человеческое общество, то *не выходит за рамки* естественной лаборатории, созданной самой природой.

В обоих случаях нечто вполне очевидное и изученное переносится в область темную и сложную.

В плане представлений о социуме метод сопоставлений является одним из ведущих и широко используется в настоящей работе.

Методы диалектики и полилектики

А. *Диалектическая логика* представляет некий способ *неформального* (то есть внелогического, вопреки названию) моделирования, который от-

носится к первоосновам познания — механизму образования понятий — и выражает комплексный подход к любой проблеме.

Диалектика, как тот или иной набор методов из якобы «единственно правильного» способа мышления, встречается в работах некоторых философов, начиная с глубокой древности. Основная идея диалектики, восходящая от Гераклита Темного и Зенона Элеата к немецким философам Ф.В.И. Шеллингу, Г.В.Ф. Гегелю, Ф. Энгельсу и др., — *принцип единства противоположностей* — утверждает, что любое понятие имеет смысл лишь одновременно и в сравнении с противоположным понятием (*произвольно взятым из ряда других противоположных понятий*), причем смысл этот теряет свою определенность как в точке полного тождества понятий, так и в точке предельной абстракции — когда понятию уже ничто не противопоставляют. Вдумчивый читатель, наверное, заметил, что само понятие «*принцип*» подразумевает формализованный (а вовсе не содержательный) подход, что, по существу, отрицает особую роль диалектики в познании. Иными словами, формальный элемент присутствует в диалектической логике по ее понятию. Тем не менее, диалектика не является исчислением, это не логика.

Что же это за логика вне логики? Недоразумение, заключающееся в том, что диалектику принято относить к логике, происходит, как представляется, из названия центральной работы Гегеля «Наука логики», где этому термину дается иное понимание: «Логике [диалектику — Автор], стало быть, следует понимать как систему чистого разума, как царство чистой мысли». Диалектическая логика для него есть полноценная теория познания, а не формализованная система исчисления или отдельные методы мышления.

Как набор методов, диалектика есть формализованное знание, что позволяет легко сделать ее объектом логического анализа, с одной стороны, и рассматривать ее как черновой набросок особого исчисления. По примеру существования множества математических логик (исчислений) следует полагать, что диалектика может оказаться одной из предтеч эпистемологических логик, а не единственно правильной наукой, как ее понимал Гегель.

Исходным моментом диалектики Гегель считал «метод отрицания отрицания», результатом которого является возврат к тому, что было, но уже с некой добавкой, которая символизирует историческое развитие мышления.

Гегель, как видится, понимал диалектику как систему, близкую к той, что сегодня считают исчислением логики: «Система логики — это царство теней, мир простых сущностей, освобожденных от всякой чувственной конкретности». Но это только видимость. У него, как и у

других философов-диалектиков, отсутствует систематическое изложение диалектики как метода. Он пользуется диалектикой как специфическим способом мышления, так что читателю приходится «выуживать» то, что относится собственно к методу. Так поступил, в частности, Ф. Энгельс («Диалектика природы»), обнаруживший в гегелевской диалектике целых три «закона» (которые суть частные примеры приложения принципа «единства противоположностей»).

Сфера диалектики — природные явления (и не только), поскольку они выражены в понятиях. Это логика философских понятий. Гегелевская диалектика — робкая попытка создать методологию познания. Его «логика» состоит преимущественно из интерпретаций (примеров), формализацию которых предстоит еще создать.

С другой стороны, нельзя формализовать должным образом то, что для этого не предназначено. Для этого нужна новая, неэпигонская, логика, по отношению к которой диалектика Гегеля вдруг (!) окажется частным случаем, притом не совсем верным. Однако, судя по характеру претензий автора «науки логики», такой поворот дела его бы не обрадовал.

Образование понятий — не единственная область применения диалектической модели. В нее укладываются и явления природы, и логика доказательств, например: третий закон И. Ньютона (тела действуют друг на друга с силами, равными по модулю и противоположными по направлению), явление магнетизма (неразрывное единство северного и южного полюсов), теорема К. Гёделя о неполноте арифметики, доказывающая ограниченность средств формализации и т.п.

Интересным представляется вопрос: «Следует ли от диалектики, как логики, требовать непротиворечивости и полноты, притом что объектом ее анализа служит противоречивость как таковая»? Философия не знает ответа.

Здесь коснемся только вопроса предвосхищения диалектикой зародившейся на рубеже 19—20 веков *интуиционистской логики*, принцип которой: «логике присущ не только атрибут формальности, но и содержательности», — корреспондирует с гегелевским высказыванием: «... неудачно уже утверждение, что логика абстрагируется от всякого содержания, что она только учит правилам мышления, не имея возможности вдаваться в рассмотрение мыслимого и его характера».

Сравнивая между собой обе логики, отметим, что из интуиционистской логики, как и из диалектики, элиминирован «закон исключенного третьего», но там нет также и «закона двойного отрицания» — основы диалектики. Следует, правда оговориться, что закон исключенного третьего элиминирован из интуиционистской логики, ибо не поддерживает непроверенное на истинность высказывание, а не пото-

му, что там признают истинность противоположных высказываний. Закон же *двойного отрицания*, как возвращение к первоначалу — не совсем то же, что диалектический принцип «*отрицания отрицания*», который предполагает возврат к прошлому «на более высоком уровне».

Таким образом, интуиционистская логика лишь поверхностно смахивает на диалектическую.

Вообще говоря, диалектику Гегеля и его эпигонов понимают трояко:

- 1) как свойство вещей;
- 2) как закон природы (в том числе общества);
- 3) как объяснительный принцип.

Объяснительный принцип не относится ни к методу, ни к логике. Смысл его в следующем. Как только удастся представить явление или процесс как единство противоположностей, так сразу объявляется, что тем самым раскрыта его сущность и на этом научная мысль останавливается. Таким образом, диалектика выступает проводником обскурантизма.

Так, «достаточно» объявить, что магнитный стержень есть воплощение «закона единства противоположностей» (пример — «Философия природы» Гегеля), как сразу становится «ясно»: там и открывать больше нечего. То, что это вовсе не универсальный закон природы, показало дальнейшее развитие физики. Оказалось, магнитное поле, будучи всегда замкнутым, не имеет полюсов, но зато имеет направление, а «полюса» суть проявление неоднородности направленного поля. Итак, пара противоположных понятий: северный и южный магнитные полюсы, — выражает направление и потому есть вектор, есть целое от природы, а не нечто насильно-мысленно совмещенное.

Так, подмеченное на некотором этапе человеческого процесса историческое развитие, «объясняется» реализацией пресловутого «закона отрицания отрицания», и на этом основании развитие признают необходимым. Этот «вывод» представляет для нас особый интерес. Ведь, если развитие необходимо, то все страны были бы отнесены к числу развитых, и не существовало бы пестрой картины стран и народов с разным уровнем культуры, разным общественным укладом и т.п. Получается, что признак необходимости присущ только некоторым странам — передовым. Здесь отметим, что глобализация (которая началась не вчера) способствует усреднению мировой культуры, в том числе путем «окультуривания» отсталых народов. Но это иной механизм распространения культуры, отличный от «необходимого».

То же замечание касается и эволюции биосферы. Если бы существовала необходимость ее развития (теория Ч. Дарвина), то мир жизни должен был состоять только из высших животных — млекопи-

тающих. Но без простейших бактерий млекопитающие существовать не могут.

Здесь подчеркнем, что *принцип необходимости* как и естественные законы касается *отношений, но не процессов*. Наблюдаемое развитие живой природы (в том числе общества) подчинено не необходимости, но *достаточности*. При этом философия не имеет основания утверждать, что этап текущего развития будет продолжаться долго и приведет в итоге к качественным изменениям и притом в лучшую сторону.

С другой стороны, диалектический закон «отрицания отрицания» (закон *вечной изменчивости*) нельзя признать состоятельным, поскольку он игнорирует противоположный закон природы — «закон инертности». Таким образом, особый смысл всеобщности, который ему приписывают, на самом деле отсутствует.

Вообще, диалектика, как и всякий иной научный метод, не вполне научна. *Диалектика антинаучна* именно потому, что она метод, формальность, то есть нечто застывшее.

В то же время эффективность диалектического метода теоретического исследования неоспорима. Дело в том, что существование противоположных, а также противных, понятий обычно предполагается в исследовании лишь *латентно*. Так вот, диалектика требует представлять их в явном виде, чтобы определить одно понятие через отрицание противоположного. Например, если бы кроме «стола» на свете не существовало больше никаких вещей, противных ему в понятии, то и стол не смог быть никак определен.

Между тем, пара противоположных понятий в этом смысле — необходимый минимум. Рассмотрение отдельного понятия изолированно от противоположного не может быть истинным, а рассмотрение только пары противоположных понятий не может быть достаточным. Поэтому вполне резонно от *пары* противоположностей — «ядра диалектики» — перейти к *многомерным векторам противоположностей, или к полилектике*.

Б. *Полилектика* как расширение диалектики приняла на вооружение многосторонность понятийного смысла, а значит, *обязательное наличие* у каждого отдельного понятия множества противоположностей, у каждого действия — множества причин и следствий, множества целей и истоков и т.д. Кроме того, она вобрала в себя иные элементы методов познания.

В этом смысле полилектика подобна игре с участием многих игроков. Можно сказать, что это философия *теории игр*: ее эпистемология, онтология и логика. Объединяет полилектику и теорию игр наличие более двух активных начал любой природы. Например, игра с

экологической нишей человека, игра с преступностью, игра с восстановлением здоровья, игра с экономическими кризисами (прощение долгов банкам и крупнейшим корпорациям), игра в политические режимы... Но, в отличие от математической теории игр, философская концепция не связана с идеей оптимизации и не сводится к ней.

Так, с точки зрения полилектики, защита экологической ниши человека не может не повлечь, в итоге, ее разрушение. Однако здесь возможно добиться множества промежуточных результатов, называемых «условно оптимальными» и т.п.

Если в *диалектике* формальный принцип присутствует имплицитно, как момент, как потенция, то *полилектика* демонстрирует нам неистребимость формально-логического начала, лишая его, однако, главенствующего положения.

Обратимся к примерам, подобранным так, чтобы подчеркнуть методологическую (формальную) сторону полилектики, быть может, в ущерб смысловой.

1. Красота—безобразность есть одномерный (то есть диалектический) вектор противоположностей.

2. Двумерный вектор (полилектический) будет состоять из двух *пар понятий*:

красота—слабость;

безобразность—сила.

Под эти понятия легко, например, подвести идею эмансипации женщин (то есть идею их «омужествления»).

3. Перейдем теперь к трехмерному вектору понятийных пар, или, в общем случае, к *матрице противоположных понятий*:

1) «красота—слабость» и «религиозность—аполитичность»;

2) «безобразность—сила» и «атеизм—политичность»;

3) «нейтральность—сила» и «религиозность—политичность».

Приведенный набор, равно как и любой другой, можно интерпретировать как угодно, например, так:

1 вектор — это религиозная и аполитичная в своей массе женская половина общества;

2 вектор — атеистическая и политизированная в своем большинстве мужская половина;

3 вектор — теократическое государство.

Отсюда моделируемую общественную ситуацию можно представить таким шуточным пассажем: «Привлекательность женщин, при их беспомощности, побуждает мужчин, невзирая на расхождение мужского мировоззрения с женским, поставить религиозность во главу государственной политики». И т.п.

Полилектика, как логический метод, предполагает структури-

рованное комплексное исследование той или иной проблемы, тогда как *диалектика* остается лишь моментом в процессе аморфного исследования. Поэтому *диалектика* есть не что иное, как одномерная *полилектика*.

Конечно, данное определение полилектики — это даже не введение в новую логику, что потребовало бы монографической разработки темы.

Тем не менее, как читатель успел заметить, в настоящем исследовании мы систематически пользуемся как диалектическими, так и полилектическими приемами.

Раздел 4. СОЦИАЛЬНАЯ ОНТОЛОГИЯ И ГНОСЕОЛОГИЯ

Воззрение на мировоззрение

Интеллект индивида характеризуется набором знаний. Если эти знания взаимоувязаны, ранжированы, то можно говорить о дополнительном качестве — системе знаний. Если термин мировоззрение отождествить с системой знаний, то больше и добавить нечего.

Однако существует и специфическое понятие мировоззрения, как представления человека о мире в целом. Мировоззрение оперирует такими всеобъемлющими категориями, как мир, вселенная, природа, материя, обобщенный разум, время, пространство, мораль, истина, жизнь...

При этом игнорируются такие непривычные, хотя и более осмысленные, физико-математические понятия, как траектория четырех-вектора в псевдоевклидовом пространстве событий (Г. Минковский), энергия-импульс, мировая линия, симметрия, эргодичность и пр.

Новых понятий в социологии и политической экономии хоть отбавляй, но в осмысленности они проигрывают физическим, и на роль объекта мировоззрения не претендуют.

Подсознательное стремление к мировоззренческой форме постижения мира естественно для человека, ибо избавляет от необходимости думать об одном и том же многократно. Эта естественная тяга к *мировоззренчеству* привела, как нам кажется, к всеобъемлющей идее бога в большинстве мировых религий.

Всеобщность мировоззрения переплетается с концепцией единой и бесконечной вселенной. Хотя диаметр вселенной, как будто, измерен астрофизиками, в глазах философа мир *традиционно* представляется бесконечным. Различают актуальную и потенциальную, абсолютную и «дурную», а также большую и малую *бесконечность*.

С другой стороны, ничто не мешает считать мир конечным. Но это должна быть столь большая (малая) конечность, что, сколько бы человек не изучали мир, он ни на волосок не смог бы приблизиться к истине. Хотя нельзя приблизиться к истине, поскольку априори о ней ничего не известно, однако можно *исправить* прежние представления о мире.

Иными словами, на поверку оказалось, что бесконечен не мир, но истина.

Но существует и другое мнение. Согласно Пирсоновой концепции *фаллибилизма*, истина существует как нечто вещественное, как существует отдаленная звезда. И наука к ней приближается. Возникает противоречие: исследователь изначально знает о том, о чем собирает-

ся узнать подробно.

Если читателю удастся постулировать более строгую логику познания, то он обретет истину на все времена.

Внутренние пороки мировоззренчества — *односторонность* (выраженная в предельности понятий) и *фантастичность* (необходимость которой состоит в том, чтобы объяснить все и сразу).

Первой из специальных наук, которой пришлось признать фантастичность философствующего мировоззренчества, была, по-видимому, астрофизика, споткнувшаяся на серии сменяемых одна другую космогонических теорий, оказавшихся не более чем произвольными логическими построениями, включающими случайный набор фактов. Однако самую последнюю из своих фантазий астрофизика считает почему-то «единственно правильной» и называет особым термином — *космологией*. Хотя надо отдать должное научному прогрессу. Современная космология (в отличие от исторических аналогов) качественно продвинулась, объединив сразу три мира: микро-, макро- и *мегамир*.

Согласно современной космологии, мир ограничен как сверху, так и снизу, не стационарен (раздувается), многомерен и лишь в этом смысле, возможно (!), безграничен. (Здесь многомерность понимают чисто количественно — как произвольное увеличение числа измерений в *пространстве вещей и физических полей*, в противоположность ограниченному четырем измерениям *пространству событий* в теориях относительности А. Эйнштейна).

При этом, как и в случае с понятием «настоящего времени», среднее звено — *макромир* — *антропоморфен*.

В этой связи заметим также, что физические представления объединяет то, что стало известно, а философские — неизвестное.

Особняком стоит мир «чистой математики», которая считает себя ничем не обязанной ни физике, ни философии (например, теория актуально бесконечных множеств Г. Кантора).

Но, несмотря на всю наукообразность своих составляющих, *мировоззрение*, как представляется, есть не знание, а принцип. А всякий принцип по своему познавательнo-психологическому происхождению есть *вера*. Поэтому мировоззрение есть вера в ту или иную «модель» мира (изначально фантастическую), в которую удобно укладываются все конкретные истины. Заметим, что философии всегда «удавалось» создать целостное представление о мире, тогда как ни физике, ни математике это не удастся. Эту замечательную особенность философия по-сестрински делит с религией.

Подобно философии, современная физика (а с ней и астрофизика), гоняется за «теорией всего», полагая, что недостает лишь послед-

него штриха. И только математика уже 85 лет как стала сомневаться в возможности объять необъятное (работы К. Гёделя по математической логике).

В качестве доказательства беспомощности *всеобъясняющего мировоззренчества*, приведем существенную вариабельность атрибутов многочисленных религий и концепций атеизма. Та же аргументация связана с множественностью философских школ. Такое разнообразие мировоззрений само по себе не означает, что объекта не существует (не существует бога или мира без бога, или единого и единственного мира...), однако говорит об отсутствии объяснительного принципа.

Самостоятельную роль здесь может играть *этическая* составляющая, которую каждая религия стремится представить как свою неотъемлемую часть. Ведь моральным догмам, несмотря на внутреннюю противоречивость, неопределенность и историческую ликвидность, присущи признаки правдоподобия и глобальной применимости, вследствие чего они легко могут стать предметом веры.

Мировоззрение как образ мыслей распадается на ряд локальных воззрений, например, социальное или экономическое. Общественные науки пытаются понять хоть что-то, и потому не столь амбициозны, однако и им присущи общие недостатки мировоззренчества.

В свою очередь, в социальном мировоззрении можно, например, выделить исторические учения («Политии» Аристотеля, «Философия истории» Г.В.Ф. Гегеля и др.) и социальные учения (социалистические, коммунистические, фашистские, анархистские, морально-религиозные и т.п.).

Исторические учения пытаются создать закрытую логическую модель общественного процесса, а социальные — модель «наилучшего» общества. По самому своему подходу к теме и то, и другое подобно продуцированию мифов, обращенных в одном случае в прошлое, в другом — в будущее.

Здесь важно обратить внимание на такое. Хотя *всякое* понятие абстрактно, *фантастично* по происхождению, некоторые, тем не менее, могут иметь истинно-конкретное приложение в узко специфическом ареале действительности.

Поэтому не следует отрицать конкретные исторические или социальные учения во всех частностях. Так, вполне продуктивной можно считать идею *ограниченной* направленности исторического процесса в виде социального развития — деградации и т.д.

Что касается последней пары понятий, то они одномоментно присущи не только обществу, но живой природе вообще. По сути, соединение этих понятий служит одним из определений жизни. Интересно отметить, что данные процессы асимметричны: если развитие

есть процесс длительный, постепенный, волнообразный, идущий мелкими шажками — эволюционный, — то периоды деградации краткосрочны, *обвальные*, катастрофичны. При этом деградация сопровождает процесс развития, но происходит латентно до последнего момента — момента катастрофы.

Отсюда, по-видимому, возникает иллюзия, что деградация есть нечто случайное, не свойственное природе живого.

Итак, мы показали, что именно следует понимать под мировоззрением, и в каких случаях удобно им пользоваться, а в каких — преодолевать подобный шаблон мышления.

Начала и пределы

Что служит субстратом любой системы знаний, любой теории? — Описание стабильных явлений, стабильных отношений, *не нашедших объяснения в пределах этой теории*.

Чтобы нечто можно было рассматривать как начало (оно же граница) некой теории, следует задаться вопросом: «Объяснимо ли это нечто в пределах этой теории?» Так например, электронная структура атома служит главным основанием химической науки и одновременно является ее пределом, за которым начинается иная наука — физика, а одним из начал биологии являются теоретические результаты, полученные другой смежной наукой — биохимией. Медицина, в свою очередь, опирается на биологию, химию и т.д.

Таким же образом и социальным наукам *доступны* основания, полученные психологией (политизированные черты характера), физиологией (принцип спонтанной активности), биологией (теория видов), кибернетикой (теории моделирования и авторегулирования), математикой (теория статистики, топология) и др.

С другой стороны, как ни странно, *начала науки не есть для нее нечто исходное*. В известном смысле наука развивается не от простого к сложному, как принято считать, но, напротив, идет по пути вскрытия своих начал. Каждый новый шаг в науке по необходимости возвращает ее к уточнению старого и разведке новых начал, разрушению старых границ и возведению новых.

Например, *экономическая наука* от случайных математических формул, зиждущихся на коэффициентах и процентных соотношениях, сумела перейти к качественно новому основанию — системе понятий математического моделирования, так называемой эконометрики.

А вот *политология* заиклилась на внутрисистемных понятиях, как будто ей не требуется искать опору вовне.

Когда же теория, перестает сознавать свои границы, представ-

ляясь всеобъемлющей и завершенной, она умирает как процесс (или замирает на время, чтобы возродиться в новом качестве).

Таковой была *алхимия* со своей идеей «философского камня», поздним отголоском которой, между прочим, стала квазинаучная идея «флогистона».

Таковой была *физика* в эпоху конструирования «вечного двигателя», что оказалось невозможным.

Таковой была *математика* в плане поиска доказательства «пятого постулата» Евклида и решения уравнений высших степеней, что тоже оказалось невозможным.

Такова современная *астрофизика*, выдающая преходящие гипотезы мироздания за окончательную теорию.

Таковой остается *социология*, пока она путает произвол юридически закрепленных прав с фатальным действием общественных законов.

Лишена оснований и философия, так что неясно, что в ней возможно, а что нет. При этом нельзя сказать, что философия преднамеренно искажает реальность. Нет, она просто недопонимает ее, чем и гордится. Но все меняется, так что нет оснований отчаиваться.

Тождественность и иллюзорность мироощущений

Тождественное, «правильное» восприятие мира, подтвержденное всем комплексом ощущений в их взаимной согласованности, является *обычным* делом.

Так, мы видим определенные очертания и цвет стола и одновременно можем его потрогать, попробовать его на зуб, постучать по нему, подвигать его; можно даже обнюхать и полизать этот предмет. Атрибутом тождественности восприятия служит инвариантность модели объекта, зафиксированная в памяти: стол можно окрасить, сломать, поджечь и др., но образ стола сохранится.

Столь же обычной является *иллюзорность* объективного мира. В чем же состоит сама возможность существования *иллюзорности*? Какова гносеологическая сущность иллюзий?

Нам представляется, что иллюзорен не сам мир, но односторонность его восприятия.

Рассмотрим в качестве примера явление миража в пустыне, когда предметы (водоем, гора и т.п.) кажутся расположенными намного ближе к путнику (вследствие особых оптических свойств нагретого воздуха), чем это имеет место в действительности. Можем еще рассмотреть иной вид миража — типа «фата-моргана», когда преломленные в воздухе небеса представляются водоемом и т.п.

Иллюзорным, по существу, является восприятие плоского рисунка как объемного образа. Известные приемы черчения создают на плоскости иллюзию перспективы. Стробоскопический эффект — основа кино — создает иллюзию непрерывного движения при быстром перемещении отдельных картинок и др.

В приведенных примерах налицо подсознательное «умозаключение», основанное лишь на одном и только одном зрительном восприятии объекта в особых условиях (скрытых или явных), тогда как комплекс прочих ощущений был заложен в памяти при иных (обычных) обстоятельствах.

Обратимся за примерами к экономике. При низкой платежеспособности населения возникает иллюзия, что *не хватает денежных средств* на покупку товаров, тогда как в действительности недостаточен поток выпускаемых потребительских товаров. Конечно, недостаток денег — это не простой статистический факт, но результат более или менее сложного умозаключения, основанного, однако, на анализе ограниченного набора фактов из жизни обывателя: деньги в кармане — товар на прилавке. Но достаточно проследить цепочку комплементарных факторов, касающихся производства товаров, форм оплаты товаропроизводителей и механизмов ценообразования, чтобы прийти к противоположному выводу: не хватает товаров.

Этот вид иллюзорности является результатом одностороннего осмысления ограниченного набора фактов, выхваченных из целостного явления или из единого процесса. В экономической истории известна лишь одна попытка «объять необъятное». Это «Капитал» К. Маркса. Однако всеобщность оказалась необъяснимой.

В то же время ясно, что никому *не известен* достаточный набор человеческих ощущений или полный комплект фактов некоторого явления. Этой неполнотой снимается противоположность *тождественности* и *иллюзорности*. Поэтому, читатель, отнеситесь скептически к собеседнику, говорящему «одну только правду».

Поистине, правда есть форма выражения самонадеянной лжи.

С другой стороны, если бы не существовало тождественного сознания, то нельзя было бы осознать его иллюзорность. Факты иллюзорности сознания подтверждают, таким образом, существование истинного. Возвращаясь к приведенным примерам, заметим: водоем дальше, чем представляется, но небо близко; товары производят в ограниченном количестве, тем не менее, они лежат на прилавках и т.д.

Истина и ложь, являясь понятиями процесса восприятия, в то же время заложены, как возможность, в самой природе вещей. Поэтому определять *истину* (в отрыве ото лжи) через понятие *соответствия*

между мышлением и объектом, как того требует традиция, тавтологично.

Объективным субстратом лжи служит множественность явлений одной сущности. Напротив, достаточная определенность в материальных связях ассоциируется с понятием истины.

Теперь рассмотрим вид иллюзий, причина которых заложена в ограниченной помехоустойчивости психики и граничных свойствах нервной системы, таких как предельная скорость распространения нервных импульсов и т.д. Например, параллельные линии, перечеркнутые короткими штрихами, направленными в разные стороны, создают впечатление расходящихся линий. Более того, возможно начертить такую объемную конструкцию, которая воспринимается как реальный образ, хотя существование ее невозможно в реальном мире.

Еще один вид иллюзий *психического* происхождения — так называемые, *логические* ошибки. Мы не оговорились: иллюзии сознания традиционно принято относить к предметной области традиционной и математической логики, из чего легко сделать ошибочный вывод, будто логика *описывает* процесс сознания, а не денотата. *Речь идет об интерпретации логики в реальную жизнь.* Сюда относятся такие виды логических ошибок, как:

постулирование основания (доказательство того, что было изначально дано);

подмена тезиса (доказательство не того, что требовалось);

после этого — значит вследствие этого (обнаружение причинных связей у фактически несвязанных явлений);

общее понятие остается понятием, не создавая дополнительной реальности (образовать общее понятие вовсе не означает что-либо *доказать*) и т.п.

В чисто формальных суждениях ошибки отсутствуют, но могут возникать при интерпретации логики, когда на субъект оказывает воздействие одновременно множество различных причин.

Вот пример интерпретации формулы «после этого — значит вследствие этого». Если шаман вызывает дождь и после этого, разумеется, идет дождь, то для неискушенного ума создается впечатление, что дождь пошел вследствие этих заклинаний, хотя всем известно: «Если дождя нет, значит будет». Здесь посторонним воздействием служит авторитет шамана.

Рассмотрим еще пример интерпретации формулы «общее понятие создает дополнительную реальность». Если теолог, желая *доказать всемогущество* бога, в качестве доказательства приводите примеры *необузданности* стихий (извержения вулканов, землетрясения, засухи, солнечные затмения, эпидемии и др.), то тем самым он подводит от-

дельные события под *общее понятие «произвола природы»*, хотя возникает иллюзия, что речь идет о едином активном начале, обладающем интеллектом человека, но более сильном — божестве. В тоже время, образовать общее понятие вовсе не означает что-либо *доказать*, в частности, доказать связь разрозненных явлений с богом. «Но если не бог, то кто?» — вопрошает теолог, *постулируя основание*. Паства верит в подобные доказательства так же, как верит в бога и потому, что верит в бога.

Но логические ошибки как вид иллюзий свойственны не только обывательскому, религиозному или политическому мышлению, а и науке. «Чем тело тяжелее, тем оно быстрее падает» — считал ошибочно Аристотель. Это иллюзорное мнение сохранилось по сей день, правда, как обывательское.

Вообще, логические ошибки носят двойственный характер.

С одной стороны, они возникают под воздействием внушения, парализующего самостоятельность мышления. Внушение является способом непосредственного эмоционального воздействия или принимает форму самовнушения «от авторитета», будь то авторитет родителя, церкви, известного ученого, политика и т.п.

С другой стороны, логические ошибки проистекают от лености одностороннего мышления, не желающего или не способного рассмотреть логическое предложение всесторонне. *Различение истины не является врожденным свойством человека (животного, вообще), но требует усилий*. Так, даже опытный вычислитель делает не менее одной ошибки на сто вычислений. Природа человека несовершенна.

Для полноты картины следует отметить существование иллюзий, возникающих в форме болезненных ощущений, связанных с психическими нарушениями, в том числе под воздействием психотропных веществ. *Эта сторона вопроса исключена из нашего рассмотрения, поскольку при душевной болезни восприятие мира вообще притупляется и подменяется изнутри продуцируемыми образами-галлюцинациями*.

Итак, мы показали, что тождественность и иллюзорность — две стороны процесса осмысления и оценки мира. Но ни природе самой по себе, ни ее восприятию человеком не присущи ни истина, ни ложь, являющиеся понятиями мысленного моделирования процесса мироощущения.

Обобщенный разум как феноменологический принцип

Прежде всего, заметим: считать мышление человека уникальным равносильно утверждению, что оно внеприродно, нематериально. И дело вовсе не в том, что мышление присуще и другим видам животных, но

в том, что оно — момент более общего явления, еще не выявленного специальными науками. Отсюда возникает концепция обобщенного разума, или феноменологическое представление реальности, по недоразумению трактуемое как объективный идеализм (Г.В. Лейбниц, К. Фишер, Ч.С. Пирс, К. Маркс). Обобщенный разум не есть мышление, но мышление — его разновидность. (Отметим, что здесь мы изменили введенный Г.В.Ф. Гегелем онтологический термин «всемирный разум», на эпистемологический — «обобщенный разум»). Отличительная черта нашей концепции в том, что она осознается как феноменологическая.

Понятие обобщенного разума зиждется на понятиях структурированности и хаоса. Структура есть множество агрегатов, состоящих из более простых элементов, при том, что эти агрегаты в чем-то подобны друг другу. Напротив, хаос представляет неагрегированное множество простых элементов или множество несхожих между собой агрегатов. Элементами структуры могут служить вещи, процессы, явления и сами связи между ними.

В механизмах структуризации, наряду со случайностью и произволом природы, удастся вычленить естественные правила, закономерности и фундаментальные законы. Этой группе законов соответствует укоренившаяся в философии идея *обобщенного разума*. Термин «обобщенный разум» носит антропоморфный характер лишь номинально, являясь, по сути, понятием феноменологическим. Это всего лишь принцип, точка зрения, согласно которой разнородные явления природы, никак не связанные между собой, могут иметь нечто общее в способе своего возникновения и проявления.

Эти принципы-начала представляют особую трудность для поиска и изучения. Вот, например, три начала земной жизни:

1) энергетическое начало (баланс поглощаемой и излучаемой Землей солнечной энергии (энергии-импульса, согласно общей теории относительности));

2) генетическое начало (молекулы ДНК и т.п.);

3) принципы адаптации и борьбы за существование (оба феноменологического свойства).

Все живое и неживое усложняется, развивается, деградирует и воспроизводится по законам «обобщенного разума». По этим законам (известным или еще неизвестным) бактерии трансформируются в водоросли, рыбы — в земноводных, первобытное общество — в цивилизованное и т.д. По этим законам птицы выют гнезда, креветки формируют свои фаланги, пчелы лепят соты, моллюск конструирует ажурную раковину, зародыш газели развивается в красивейший организм взрослой особи...

Вообще говоря, в определении активного начала структурообразования важно оттолкнуться от определенной «системы отсчета», без чего понятие обобщенного разума теряет смысл.

Например, если субъектом действий признавать не саму птицу, а исходить из целостного представления о жизни, где птица — один из ее моментов, то правильным будет сказать, что гнезда *возникают* посредством птиц и т.д. Так и журавлей в треугольную стаю собирает породившая их природа общественного существования, а не ведущая птица, и т.п. (Речь идет о том, что всегда можно отыскать такую точку зрения, согласно которой активное и разумное начала находятся вне птицы).

Так и человек. С точки зрения субъекта, именно он конструирует некое изделие, а с позиции целостности жизни (учитывая то, что сам человек — творение природы) это изделие *возникает* по законам обобщенного разума, будучи лишь опосредствовано конкретным индивидом. Когда субъект задумывает некоторую конструкцию (например, проект здания), то считает только себя самого субъектом действия, на чистую *забывая*, что сам он является моментом жизни, а в более узком смысле — особью человеческой популяции и частицей общества.

Человек, очевидно, не является субъектом творения и функционирования собственного организма, хотя может мысленно проследить за функционированием различных физиологических систем своего организма (дыханием, кровообращением, пищеварением и т.д.) и даже, оказать на них то или иное *неестественное* воздействие. Можно сказать, что человек мыслит всем своим организмом, и мозг — лишь специализированная часть жизненно-мыслительной системы, а *воля есть проявление неосознанной биологической необходимости*. (Посему смешными представляются нередко встречающиеся требования, предъявляемые к государственным деятелям, «*проявить политическую волю*», как будто некто намерен переделать их биологическую сущность вместе с их окружением).

В смысле своего возникновения и функционирования *общественные* отношения аналогичны человеческому организму, подобно тому, как это бывает с разнородными структурами. (Эту идею высказывал еще Э. Дюркгейм). *Общественные отношения функционируют не так, как придуманные и изготовленные человеком механические часы, но подобно самому организму человека, возникшему и существующему без посредства человеческой воли и человеческого разума*. Таким образом, общество имеет естественную, а не искусственную природу.

Из сказанного ясно, что изменение и репликация общественных отношений есть проявление обобщенного разума, но не является результатом взаимодействия людей, как *субъектов* действия, тем более

действий отдельных личностей. Здесь следует осознать простую, хотя и противоречащую устоявшимся представлениям, истину: общественные отношения по своему понятию относятся к целой популяции (муравьям, пчелам, людям...), но не к отдельным особям.

Особо отметим, что философия вовсе не приписывает всем вещам атрибут разумности. Обобщенный разум — не более чем предельная абстракция, в которой философия нуждается так же, как естественные науки в своих законах. Абстракцией являются и общественные отношения, тогда как образ общества, «сидящий» в сознании (а значит, и мозге) каждого, суть объективная реальность.

Рассмотрим с этих позиций феномен сознания, как один из моментов обобщенного разума, раздвоенного на *подсознание* и *самосознание*. Они разнятся, как *неконтролируемая* и *самоконтролируемая* части нервной деятельности, как продуцирующее (изобретающее) и направляющее-ограничивающее начала.

Путем накопления знаний, самосознание может, например, направить и *активизировать* изобретательное подсознание. При этом свойство изобретательства имманентно присуще подсознанию, а не самосознанию. Трудность заключается в том, чтобы понять *посюсторонность* скрытого феномена подсознания, присущего, так или иначе, не только человеку, но и иным животным. Напротив, *самосознание* является преимущественно человеческим атрибутом, позволяющим представлять самого себя независимым, свободно мыслящим, произвольно действующим, то есть наделенным индивидуальностью субъектом действия. (Как теперь принято считать, зачаточными формами самосознания обладает не только человек, но все гоминиды, а также слоны, дельфины, вороны и сороки).

Физиологическая, а значит естественная, природа самосознания не вызывает сомнения у современных психологов и физиологов, но многое остается не выясненным до конца. Каким, например, образом самосознание придает человеку ощущение индивидуальности? Вместо ответа на этот вопрос (что *невозможно сделать средствами философии*) проанализируем понятие индивидуальности, как некой сущей в себе и вне себя структуры. Индивидуальность может быть представлена иерархией следующих уровней:

- конституциональный (рост, вес, фигура тела, формула крови, характер и др.);

- информационный (набор приобретенных навыков и накопленных знаний, как моментов самосознания);

- репродуктивный (семейное положение конкретной личности);

- социальный (положение в обществе, круг друзей и врагов, зависимых лиц, род деятельности, общественно признанная за личностью

собственность, известность...).

Мы видим, что не только *самосознание как одна из сторон индивидуальности*, но и *индивидуальность в целом суть явления обобщенного разума*.

С другой стороны, обобщенная разумность есть синоним жизненности. Живое разумно не потому, что имеет разум, но потому, что оно живое. Другое дело, что земная жизнь стратифицирована. Так, нервной деятельности, а особенно высшей нервной деятельности (работе мозга), отвечает более сложный вид разумности: многократно опосредованный и многоцелевой и т.п.

Выше мы говорили о продуктах обобщенного разума. Теперь поговорим о процессе.

Согласно концепции объективной активности природы, приписываемой Ч. Дарвину, развитие есть результат случайных флуктуаций. Но случайные колебания в целом симметричны. Напротив, развитие в целом (биологическое или общественное) — процесс асимметричный, односторонний, то есть противоположный случайности. Парадокс «неантропоморфной целеустремленности» возникает из необоснованной догмы, что случайность сродни естественному началу, а целеустремленность — искусственному: человеческому или божественному. Между тем, то, что философия называет *обобщенным разумом*, и есть *естественная целеустремленность*.

Случайными, непредсказуемыми, могут быть лишь *формы* развития, но развитие как таковое есть *предопределенная направленность*. Поэтому, предполагая развитие истории, следует предполагать и цели. И наоборот: *если отрицать цель, то следует отрицать и развитие*.

Под категорию обобщенного разума подпадают не только земные формы жизни, но также сложные процессы, имеющие простое происхождение, которые по многим показателям не относятся к категории живых. Вот некоторые явления неживой природы, с которыми допустимо связывать обобщенный разум:

1. Простое гравитационное воздействие спутников Сатурна на космическую пыль, находящуюся вокруг него, создает столь сложные по структуре и форме кольца, как будто они искусственные.

2. Процессор — этот мозг компьютера — устроен логически весьма просто, что не мешает ему решать задачи неограниченной сложности (доказательство называется «машиной А. Тьюринга»). Заметим, что инженерные решения, используемые при создании процессора весьма сложны, тогда как выполняемые им функции предельно просты. Так и мозг, как порождение живого, вещь весьма сложная (достаточно отметить чрезвычайно сложные структуры ДНК, белка,

нейронов и их связей), тогда как для выполнения им мыслительных функций требуется примитивная логическая структура.

3. Удивительные и непредсказуемо сложные кривые линии можно получить в результате графической интерпретации алгебраических многочленов даже невысоких степеней...

С одной стороны, приведенные примеры работы обобщенного разума наталкивают на мысль, что логика работы мозга на биофизическом уровне может быть также весьма простой. С другой, многие вещи, формы и явления, созданные даже неживой природой, представляются человеку столь сложными, что он готов приписать им не то что искусственное, но даже сверхъестественное (божественное) происхождение.

Таким образом, главное отличие нашего понимания обобщенного разума от иных его определений состоит в отрицании антропоморфизма и антропопатизма. Мы никоим образом не сводим математическую правильность геометрической формы улитки или целесообразность нервной системы муравья, или искусность строгого орнамента, «изображенного» на кольцах Сатурна и Юпитера, к уровню человеческого понимания. Те же структуры, созданные искусственно, имеют иную природу. Иную по происхождению, но общую по результатам. *Эту общность по результатам, столь распространенную в мире, мы называем обобщенным разумом.*

Иное дело панпсихизм (Г.Ф. Фехнер, К.Э. Циолковский, Д. Чалмерс). Смысл его состоит в том, что различным предметам вменяется человеческое свойство мыслить (а также ощущать и реагировать). Антропоморфны, по существу, такие разновидности панпсихизма как анимизм (Э. Тейлор) и гилозоизм (Р. Кедворд), концепция самосознающих монад (пифагорейцы, платоники, Г.В. Лейбниц) и пр.

Насколько близки нашему взгляду или далеки от него иные идеи, параллельные принципу обобщенного разума, как-то: идеи деизма, религии, уфологии, гегелевского логоса, материи-разума У.К. Клиффорда и пр. — судить читателю.

Бытие сознания

Трудно сравнивать сознание первобытного человека и человека цивилизованного — настолько они разнятся, хотя физиологически они тождественны. В то же время физиологически и функционально различные формы сознания насекомых и животных других видов, в том числе человека, могут быть принципиально однотипными, ибо любые формы сознания представляют, так или иначе, синтез трех моментов:

1) спонтанной активности;

- 2) отражательной способности;
- 3) механизма регулирования действий.

Будет правильно говорить об *особом сознании* муравьев, сознании пчел, голубей, волков, сукатов, людей, других общественных животных...

В предыдущих главах мы разделили сознание на само- и подсознание. Здесь предложим иную классификацию:

функциональное сознание, присущее всем живым существам, имеющим нервную систему;

познавательное сознание, присущее только (или преимущественно) человеку.

Функциональное сознание отличается от *познавательного* отсутствием понятийного аппарата. Например, собака способна дифференцировать словесные команды человека (реагируя сообразно цели), но не способна генерировать сами понятия, а функциональное сознание пчелы начисто лишено понятийной структуры.

Напротив, функциональное сознание человека, при известном сходстве с сознанием остального животного мира, действующее в подсознательной области, неотделимо в своей актуализации от понятийного представления, подобно тому, как магнитный стержень неотделим от магнитного поля.

Объектами *функционального* сознания служат конкретные разрозненные жизненные ситуации, тогда как объектами *познавательного* (понятийно образующего) сознания служат связи между явлениями и т.п. Функциональное сознание обеспечивает определенные навыки, сноровку и др. Познавательное же сознание есть инструмент формирования образов и логических структур.

Это противопоставление носит, разумеется, относительный характер. Филогенетически функциональное сознание человека первично по отношению к познавательному, но *онтогенетически*, напротив, познавательное сознание само продуцирует вторичные формы функционального сознания.

Профессиональное сознание ближе к функциональному, а общественное сознание человека (в отличие от сознания общественных животных: насекомых, креветок, птиц и пр.) смещено к познавательному типу.

При этом известно, что общественное сознание крестьянина — одно, торговца — другое, артиста — третье, политика — иное и т.д. Другими словами, общественное сознание, безусловно, связано с общественным бытием. Но означает ли это, что общественное бытие *каузально определяет* общественное сознание, как полагали К. Маркс и Ф. Энгельс? — Не означает. Дело в том, что понятие общественного бытия уже включает в себя понятие общественного сознания, так что

одно не может быть причиной другого.

Так например, если иметь в виду исторический процесс формирования крестьянского быта, то общественное сознание крестьянина является атрибутивной составляющей этого процесса, но не его следствием (сначала индивид стал крестьянином, а затем у него появились общинное сознание). Если же некоего горожанина переместить в деревню — в среду иного общественного сознания, — то его исходное мнение об обществе может претерпеть изменение, но может и остаться в первоначальном виде. При этом функциональное сознание индивида, связанное с практической деятельностью, способно быстрее приспособиться к новым условиям, чем общественно познавательное.

Обывательское (таборное) сознание цыган, религиозное сознание иудеев и т.п. не меняются на протяжении тысячелетий, несмотря на изменения социальной обстановки. Напротив, Восточная Германия, военнополитическое воздействие на которую было оказано Советским Союзом, исключительно быстро сменила общественный статус, причем, дважды: сначала — в направлении социализма, затем назад — в сторону капитализма. Причиной такой легкости метаморфоз было исторически не устоявшееся, граничное состояние буржуазно-феодалных отношений в Германии, вышедшей из феодального уклада лишь в середине 19 века.

Рассмотрим еще одну разновидность диссонанса бытия и сознания. Когда противопоставляют цивилизованного человека дикарю, то делают это и по интеллекту, и по *поведению*. Но когда сопоставляют общественные домены (государства, княжества, племена и пр.), жители которых находятся на одном интеллектуальном уровне, то обнаруживают различия только в шаблоне *поведения* (политический строй, экономические отношения, моральные устои, религиозный статус и т.д.). Иными словами, поведенческий стереотип бытия лишь косвенно и слабо связан с интеллектом.

Таково в жизни людей значение и место сознания — быстро меняющегося и инертного, ведомого и ведущего и т.п.

Понятие о понятии

Теория познания имеет дело с традиционным набором своих *объектов*, как-то:

предмет познания, или *денотат* (объект, вещь, явление, ситуация и пр.);

процесс восприятия объекта;

образование понятия как мысленной модели объекта, включающей модель самого процесса восприятия, или *десигнат*;

наименование понятия (образование термина понятия).

(Заметим, что этот перечень некоторым образом пересекается с «семантическим треугольником» Г. Фреге. Однако наше исследование направленно более на понимание природы вещей, чем на способ выражения мысли через понятие; поэтому читатель не встретит здесь повторений *a la* Фреге).

Первое, что бросается в глаза: определение понятия дано через самого себя, или рекурсивно (гносеология в числе своих *объектов* содержит... *объекты*). Это означает, что здесь мы имеем дело с метатеорией, металогией — *метазнанием*.

Другая особенность определения состоит в том, что *термин* связан только с понятием и никогда — с объектом. Иными словами, понятие есть нечто иное, нежели его термин. Возьмем, например, понятие, названное термином «ручка». Пусть имеется много одинаковых ручек. Чтобы отметить определенную ручку, на ней следует сделать зарубку, привязать к ней ярлык и т.п., ибо термин «ручка» вместе со своим понятием обозначает любую ручку.

В-третьих, понятие обязано отражать *способ* своего образования. Более того, существуют понятия, которые не моделируют ничего, кроме способа своего образования (например, религиозные представления и пр.).

Поясним сказанное на примере сравнения понятий «тень» и «зеркальное отображение». Когда зрачок человека или объектив фотоаппарата «смотрят» на тень, отбрасываемую каким-либо предметом, то на сетчатке глаза или на пленке фотоаппарата появятся ее изображения. При этом тень отображает предмет независимо от того, направлен на нее объектив фотоаппарата или нет. Напротив, зеркало само по себе, как известно, не отображает очертания предмета. Отображение предмета возникает только на сетчатке глаза (когда вы смотрите в зеркало) или на фотопленке (когда вы фотографируете зеркало), но оно не существует ни в зеркале, ни в хрусталике глаза, ни в объективе фотоаппарата, составляющими с зеркалом единую оптическую систему. Поэтому мы вправе утверждать, что понятие зеркального изображения моделирует лишь *способ* своего образования.

Читатель может возразить: «Но изображаемый предмет-то, денотат, существует!» Действительно существует — ответим мы, — но существует и понятие, соответствующее этому предмету. Мы же говорим об ином понятии — понятии зеркального изображения, которому ничего не соответствует, кроме процедуры его образования.

То же наблюдаем в кругу религиозных представлений: существуют могучие, непреодолимые человеком силы природы и соответствующие им понятия. Наряду с этим существует *понятие бога* — зер-

кального отражения природных сил и общественных проблем, — выражающее лишь способ своего происхождения и т.д.

Равным образом ничто не соответствует «наиболее общему» понятию *материи* (в отличие от гегелевского понятия «*тяжелой материи*», которому, помимо способа его образования, соответствует нечто взятое вне связи с процессом или структурой).

Пойдем дальше. Нет, и не может существовать взаимной однозначности между понятием и его объектом. Понятие есть модель инвариантных признаков многих объектов, тогда как единичный объект служит источником образования различных понятий. Сравним, например, отображение экономического роста в процедурных понятиях *скорости* (производной по времени) и *темпа* (экспоненты). Закавыка здесь в том, что первое подобно отображению в прямом зеркале, тогда как второе — в кривом.

Понятия однородные (*конкретные*) и многообразные (*абстрактные*) различаются способом своего образования. Для образования конкретного понятия достаточно лишь интуиции. Такие же абстрактные понятия, как красота, дух, материя, политика и т.п. требуют для своего раскрытия специальных знаний.

Так, конкретное понятие *дом* есть логический синтез представлений о всевозможных жилищах, а также представлений о семье, быте и т.п.

Обратимся к абстрактному понятию *политика*. Его содержанием является управление государством, борьба за власть в государстве, процессы образования и распада государств, формы межгосударственных отношений и весь круг связанных с этим проблем.

Сюда же следует отнести понятие силы в физике, которое есть абстракция и от силы сжатой пружины, и от силы тяжести, и от силы удара, и от силы давления сжатого воздуха, и от силы трения, и от магнитной силы и т.д.

Дом — это любой из множества домов; политика сама является множеством ее определений; сила тяжести — бессмысленное понятие, пока ему не противопоставлено понятие сжатой пружины, и т.д.

Остановимся подробнее на *процедурных* понятиях, которые создаются специальными науками. Такое понятие понимают как название процедуры — комплекса измерений и порядка количественных преобразований, а *воспринимают* как самостоятельную сущность. Например, «валовой внутренний продукт» (ВВП) воспринимают как комплексную оценку хозяйственной деятельности на территории государства. Понимают же под ним (в основном), годовую сумму денежного дохода, полученного предприятиями-производителями от продажи продукции (вещей и услуг) «конечного потребления», с добавлением

денежной суммы, которая условно равна первоначальной цене изношенных за этот год оборудования и производственных зданий. Процесс измерения заключается в сборе сведений бухгалтерской отчетности по всей стране, а процедура количественных преобразований представляет простое сложение. (В действительности и измерение, и расчет ВВП намного сложнее описанного и включает, даже, виртуальную стоимость мнимой аренды жилья у самих себя и такой фантастический фрагмент, как «продукт теневой экономики». Помимо теоретического момента, ВВП отражает перверсии международной политики и подтасовывается так, чтобы сократить членские взносы государства в международные организации. В итоге, *специальное понятие — это далеко не то, чем его считают неспециалисты*).

Заметим, что процедурному понятию противостоит не противоположное, а противное понятие, то есть любое другое из множества понятий той или иной специальной науки.

Итак, мы видели, что есть понятие — этот наиболее употребляемый термин философии — и почему изучение его есть предмет себя познающей науки — эпистемологии.

Об информации

Что такое информация? — Информация — сигналы естественного происхождения или созданные искусственно, в том числе специально, о том, что было в прошлом или может произойти в будущем, или находится в другом месте, или непосредственно не доступно восприятию или нашему пониманию. (Иные определения отражают иные взгляды: 1) информация — свойство материальных объектов; 2) информация — свойство самоорганизующихся систем и т.д.).

Основным (а в расширительном смысле — единственным) средством обмена информацией является речь. Она не только выполняет коммутативную функцию, но играет роль механизма индивидуального запоминания. Люди запоминают прошедшие события именно в форме речи, обмениваются друг с другом информацией о прошедших событиях путем передачи предварительно запомненного.

Познание и активность

Зададимся вопросом: «Какова роль познания в активности субъекта, самопроизвольности его действий»? Трудность вопроса состоит в том, что обычно кажется, будто *именно человеческое знание является неким активным началом, выступая в роли информационного источника, от-*

вечающего на вопросы: «Куда стремиться»? «Что делать»? и «Как действовать»? — тогда как животные, напротив, «знают», что делать безо всяких знаний.

Прежде всего, мы думаем, здесь следует различать причину (источник) активности и средства активизации. Так, причина движения паровоза — это горение угля в топке, а средства движения — паровой котел, механизм передачи и колеса. Но, с тем же успехом, можно сказать, что причиной движения служит энергия нагретого пара и т.д., то есть имеет место *условность* в определении причины, поскольку цепь причин уходит в бесконечное прошлое. За неимением абсолютной первопричины, важно правильно определить *очередность* расположения звеньев единой цепи, в которой каждое предыдущее звено относится к последующему, как причина к следствию.

Начнем с того, что необходимый фактор активности «входит в человека» вместе с пищей. Голодающий, как известно, ко всему безучастен. Тогда источник активности человека представим в виде последовательности: пища — эмоции — чувства — познание — действие — снова пища... Здесь модель активной жизни представлена *замкнутой* направленной цепью. Отсюда и возникает соблазн любое звено цепи представить в качестве *первопричины* жизненной активности.

Интересно попутно отметить, что замкнутая цепь должна состоять более, чем из двух звеньев, чтобы на ней могло быть определено направление. На двухзвенной цепи может быть определен только режим колебания. (*Поэтому, между прочим, вопрос о том, что первично: курица или яйцо — не может иметь смыслового ответа уже потому, что в его постановке заложена вышеназванная логическая ошибка*). Когда же круг замкнут, становится ясно, что причина вне его.

Процесс познания, как звено причинной цепи, инициируется комплексом чувств, а *объект* познания представлен многообразием природы, так что *модель жизни, как множества активных начал, подобна не одиночной цепи, а, скорее, разветвленной сети замкнутых и незамкнутых цепей*. Более того, поскольку неисчислимо множество жизненных факторов не позволяет создать близкую к реальности модель в виде *замкнутых цепей*, то «источник активности» зачастую оказывается вне конкретно-ограниченного набора известных признаков.

С этих позиций человек представляется, скорее, в виде пассивного орудия провидения и случая, чем в виде спонтанно активного начала. Так, волей индивидов определяются их поступки, но не волей людей создается их история.

Таким образом, познание есть одновременно следствие и один из преходящих источников активности в сложной сети сосуществования активных и пассивных начал.

Научный практицизм

Наука, вообще говоря, трёхцельна.

Первая цель — сам процесс исследования, процесс расширения и углубления познания. В этом наука подобна искусству, в котором процесс и цель совпадают.

Вторая цель — приобретение и распространение знания. И здесь налицо аналогия с искусством, цель которого — удовлетворение эмоционально-художественных вкусов потребителей.

Но, кроме того, от науки требуют результатов особого рода, а именно, действительного продуцирования неких полезных новшеств, то есть таких, которыми хоть кто-то может воспользоваться, пусть, даже, в ущерб другим. Вообще, один из признаков объективности науки состоит в адекватности ее практического приложения, что является третьей целью.

Процессу науки, свойственен принцип поступательного движения — развития, которое представляется *чередованием* открытий и их реализации. (В этом наука отлична от искусства: эмоционально-художественная сфера человеческого восприятия носит биологически стабильный характер. Вот почему «художественная ценность» произведений искусства столетней и тысячелетней давности не ветшает, сопоставима с ценностью произведений сегодняшнего дня, хотя постоянно возникают новые более сложные жанры и формы).

Практическая сущность законов природы — скелета науки — заложена в самой возможности их телеологического толкования. *Цель, вообще говоря, есть образ и логика мышления, присущие практике.*

Действительно, мы говорим: «Чтобы добиться одного (т.е. достичь некой цели), надо сделать другое (т.е. действовать определенным образом, реализуя некие средства)».

Сопоставлять возможности, соизмеряя их с интересами своего положения, находить и принимать решения вне зависимости от степени изученности вопроса, действовать, не имея точных знаний и при этом получать сообразный цели результат — это и есть практика.

Возьмем второй закон Ньютона: «Сила пропорциональна массе и ускорению». В этой нейтрально-научной формулировке еще не содержится какая-либо цель. Закон приобретает практический смысл, когда удастся увязать его с некой целью, например: «Чтобы тело получило ускорение, к нему следует приложить силу». То есть *система естественных законов представляет собой в практическом смысле (но не с точки зрения ее разработки!) некий набор инструкций, в которых описаны некоторые нетривиальные возможности и способы их реализации.*

Это свойство законов следует назвать *принципом телеологического детерминизма*.

С другой стороны, явления природы и общества, как независимые от индивида, не могут подпадать под телеологические категории. Действительно, сами законы сформулированы таким образом и выражают содержание такого свойства, которое не зависит ни от желания, ни от способа их использования, тогда как их практический смысл, напротив, состоит в возможности телеологического толкования и зависит от конкретной ситуации их практического приложения.

Наука, например, вопрошает: «В чем состоит сущность политической деятельности и почему политическая мораль имеет особый статус»? Практик отвечает: «Чтобы стать главой государства, следует играть роль порядочного человека (памятуя о паталогической забывчивости народа), но в своих конкретных действиях презреть стыд и гордость, честность и справедливость, сострадание и общественный интерес, стремясь деморализовать своих соратников незаконными привилегиями власти и т.п.». Иной, напротив, *жаждет власти*, чтобы осчастливить одних, отомстить другим, наказать третьих; этих направить, тех проигнорировать и т.п.

Конечно, став политиком, например, главой государства, субъект вынужден поступать не столько так, как он полагал до того, сколько действовать по необходимости, зачастую вопреки своим предубеждениям. Но правильно ли деятельность политика считать *профессионально аморальной*? Разве рабочего (представителя любой другой профессии, бездомного или безработного) интересует, куда пойдет изготовленная им деталь — на пушку или на плут? Иными словами, мораль принужденной вины присуща любой профессии и работа политика не специфична, но *рядоположна* иным профессиям.

Вообще говоря, *практичность* науки следует понимать шире, чем просто *полезность*. Новый ткацкий станок полезен в том смысле, что способен одеть большее количество людей, нежели старый, но новый телескоп позволит рассмотреть более удаленные звезды без всякой пользы для кого бы то ни было. Однако и то, и другое есть результат научных достижений. Создание телескопа — не самоцель (как например, та или иная космологическая теория), но и не практическая цель (как например, создание космической ракеты). *Интерес человека* относится к категории наиболее общих и потому неопределимых понятий. Это означает, что *философия оказалась беспомощной* в плане телеологического постижения.

Общественная наука (если это наука, а не учение), как и естественная, нравственно и идеологически нейтральна в ее практической реализации, что является атрибутивным критерием научности. Ее

воздействие подобно действию усовершенствованного оружия, вкладываемого одновременно в руки противоборствующих политических структур или противостоящих слоев населения. Поэтому, когда разделяют буржуазную и пролетарскую науки, то речь идет не о науке, а ее противоположности — идеологии.

Приведем пример из макроэкономики. Если экономическая наука признает, что фрикционная инфляция есть «естественный» способ приспособления денежного обращения к условиям инновационного развития, то те общественные структуры, которые заинтересованы в стабильном развитии, будут поддерживать инфляционный процесс, а желающие затормозить его постараются противодействовать инфляции. Но истина, действительная связь экономических явлений, *равно независима* от обеих противоборствующих сторон. При этом сила той или иной общественной структуры не определяется знаниями, а лишь укрепляется ими. (Как известно, нужная информация всегда концентрируется у власти, обходя стороной простых граждан).

Обобщая, заметим следующее. Общественная наука способна условно постичь, описать и немного спрогнозировать те или иные моменты исторического процесса, однако, этим ее практичность и ограничена. *Общественная наука не способна изменить направленность и последовательность общественных процессов, поскольку сама является частью истории.* Более того, научное открытие само по себе, непосредственно не влечет использования своих результатов.

Тем не менее, целесообразное использование научного открытия *возможно*, хотя и проблематично, как проблематично использование посаженной рощи или возникшего из морских глубин острова, или открытого месторождения полезных ископаемых и т.п. Практика может использовать новейшие или давно забытые научные открытия, но с необходимостью *не нуждается* в науке. Напротив, любое *социальное* открытие по своему определению есть критика существующей практики и потому должно преследоваться государственными службами. Равным образом *естественнонаучное* открытие должно вызвать противодействие конкурентов в сфере науки и бизнеса.

Итак, реализация научного открытия есть «яблоко раздора» в общественной борьбе.

Заметим, что человек, как вид животного, способен жить, во все не теоретизируя, но реализуя в повседневной жизни естественно-практический механизм мышления. Напротив, «ударившись» в науку, человечество перестало понимать очевидное: природа, формируя человека, тем самым уже предварила определенный набор истинности его *действований*. Как говорится: «Дал бог день, даст и пищу». В таком смысле общественный процесс не есть отражение научного развития, как

такового, но сам включает науку, как один из своих моментов. Иными словами, история не должна быть благодарна науке за свое развитие, поскольку последняя сама является моментом исторического процесса, объектом практических воздействий.

Из сказанного, между прочим, непосредственно следует ошибочность, иллюзорность распространенной *технократической* идеи, согласно которой государством должны управлять люди науки. Управление неразрывно связано с дифференцированными интересами социально-экономических групп, тогда как наука нейтральна, поскольку *идеологизация* и политизация науки исключают в ней собственно научное. Поэтому, чтобы управлять, ученый должен отказаться от научного подхода.

(Путаница возникает из-за того, что под наукой часто понимают не исследовательский процесс, но высшую ступень образованности. Не так трудно отыскать интеллектуала-обскуранта, как это представляет правительственная идеология).

Ряд вопросов вообще не может быть решен теоретически, ибо объективно отсутствуют алгоритмы их решения. Например, будущее не вполне присутствует в настоящем, поэтому столь проблематичен прогноз исхода войны или политической борьбы. Законы квантовой механики не позволяют предсказать точные координаты элементарной частицы при известном значении ее скорости, а теория вероятности не способна предсказать возможность единичного выигрыша и т.п.

Теперь рассмотрим практическую роль знаний с иной стороны. Наука является участницей процесса, в котором стремление каждого к привилегированному общественному положению соседствует с тенденцией обвального усреднения.

Первая тенденция аналогична процессу концентрации масс звездной материи, когда из размытой космической пыли образуются гигантские звезды. Вторая — эквивалентна тенденции усреднения температур, — так называемой «тепловой смерти Вселенной». Иными словами, здесь мы имеем дело с глобальными закономерностями, которые в общественном плане проявляются в межличностном, групповом, сословном, классовом, международном и т.п. согласии и противостоянии — *тождестве* и *борьбе* интересов.

Между прочим, *борьба, вопреки бытующему мнению* (К. Маркс), *не является движущей силой истории* (ибо действие не бывает односторонним), *но, скорее, сущностью исторической инертности*. Действительно, именно необходимость преодоления социального сопротивления тормозит, растягивает во времени любые прогрессивные начинания и т.д.

Итак, история, как целостное понятие, как процесс согласия и борьбы, не подвластна философам, экономистам, политикам, физикам и др. Она не допускает *непосредственного* воздействия, что является фундаментом научно-исторического взгляда.

Если бы возможно было прямо воздействовать на историю в целом, то это должно было быть внеземное, божественное воздействие, тогда как человек — всего лишь «тело» этого процесса: активное и инертное одновременно.

С другой стороны, общественный процесс, как момент жизни, есть производное от баланса энергии, получаемого обществом и излучаемого вовне. Но это тема прошедших и ожидаемых мировых катаклизмов, а не самости исторического процесса.

Производ искусственного творения

Под искусственным, в отличие от естественного, принято понимать то, что было создано человеком. В то же время различение искусственного и естественного есть чистая условность, ибо сам человек — творение естественное, а значит, не способен продуцировать сверхъестественное. Однако есть искусственное и искусственное.

Так, создание автомобиля принципиально отличается от получения «новых» элементарных частиц на физических ускорителях. Автомобиль можно изготовить той модели, какой захотел изобретатель, но элементарные частицы получаются (или не получаются) сами по себе, независимо от намерений экспериментатора.

Промежуточное положение занимают искусственно созданные химические соединения. Можно, казалось бы, синтезировать те химические вещества, какие захотел инженер-химик, однако природные свойства химических элементов накладывают определенные ограничения. Собственно говоря, и в механике далеко не все произвольно, но есть свои ограничительные законы.

Таким образом, производ искусственного творения — вещь относительная.

Иной подход к проблеме можно наблюдать в экономической теории. Здесь экономические явления, процессы, отношения и соответствующие им понятия традиционно принято считать суто искусственными образованиями, а историческая изменчивость якобы подтверждает производ человека в социальном творении.

На естественности, произвольности экономических отношений мысль обычно не застревает, но сразу переключается на поиски исторических инвариантов, что позволяет взирать на будущее человечества как на то, что еще не открыто, хотя всегда существовало. До-

статочно, де, открыть или придумать общественный закон, экономическую закономерность, и человечество перейдет в новый экономический уклад.

Философия подводит читателя к мысли, что тот или иной экономический уклад есть искусственный конструкт, но статус его столь же естественен, как статус радия, полученного экспериментально и существующего только в эксперименте.

Что дает такое понимание истории? Философия не знает ответа. Однако ясно, что предыдущее бытие не содержит последующее, ни в каком смысле, хотя кажется иначе. Просто среди многочисленных процессов одни изменяются быстрее других. Так, отстающие народы повторяют путь передовых (разумеется, с известными оговорками). И только в этом смысле можно прогнозировать историю.

Абсолютная истина и критерий истины

Что такое абсолютная истина? Это понятие означает, что нет и не может существовать такой точки зрения, относительно которой некоторое утверждение из истинного превратилось бы в ложное. Например, рассмотрим такое утверждение: «Баренцево море в 20 веке находилось приблизительно (с точностью ± 10 км) в таких-то координатах».

Здесь ясно, что «невозможность существования иной точки зрения» не подлежит доказательству. Пусть вам неизвестна точка зрения, с позиции которой это утверждение ложно, однако неизвестно доказательство того, что ее не существует. Иными словами, это утверждение — императив, а значит, *абсолютная истина не есть нечто самоочевидное, но также императив*.

Что касается приведенного примера, заметим, что 20-й век — понятие историческое, связанное с существованием человеческого общества и лишь при этом условии имеющее смысл. Значит, и все утверждение в целом условно, хотя представляется абсолютной истинной. Мы указали только на одну из условностей, но их можно отыскать и более. Условный (исторический, культурологический) смысл имеет, например, само название моря и т.д.

Аналогичный пример императива — утверждение: «дважды два равно четыре». Это утверждение правильно, ибо соответствует правилам арифметики. Оно могло бы оказаться ошибочным, но не может быть ни истинным, ни ложным, ибо является не объектом познания, но императивом.

Если все же полагать, что существуют объективно-истинные и объективно-ложные знания о природе вещей и явлений, то, естественно, возникает вопрос о критерии истины. И, конечно, трудно приду-

мать какой-либо объективный критерий, кроме как *опыт* или *практику* (различия между последними, скорее, надуманные, чем содержательные). Но здесь сразу возникает несколько вопросов.

1. Может ли быть что-либо практичнее человеческой истории? Вопрос, очевидно, риторический. Тем не менее, известно, что история ничему не учит и, вообще, отсутствует ее единое понимание и толкование.

2. Ну, а религиозная практика? Позволило ли многовековое служение религиям найти истинного бога, истинную мораль, истинные каноны, истинную веру? Может быть, практика государственного атеизма прояснила религиозные «заблуждения»? Все это риторические вопросы.

3. Зачем, вообще, нужен такой критерий, который определяет *истинность постфактум*? Речь, по-видимому, должна идти о таком критерии, который бы позволил предсказать результат, а не вынуждал учиться на ошибках.

К тому же ясно, что любой научный результат, любое научное понятие суть промежуточное, содержащее в отношении будущих знаний как истинные, так и ложные представления. Поэтому в историческом смысле можно говорить лишь об *условной истине-лжи*.

Наука, по своему понятию, есть последовательность сменяющих друг друга полезных заблуждений.

Отсюда истинными разумно назвать только те моменты старого научного воззрения, которые смогли *сохраниться в новом* и поскольку они сохранились.

Напротив, если те или иные представления о мире вовсе не претерпели изменений за многие века — значит, они вовсе не научны. Да и практика, как таковая, не является чем-то навсегда данным, но сама меняется вследствие научных открытий, накопленного опыта и пр.

Посмотрим теперь на проблему истинности с другой стороны. Не каждый человек имеет свое особое мнение о том или ином предмете. Те же, кто имеют, могут в одних случаях сходиться в своих оценках, в других — царит полный разброд мнений. Это порождает следующую проблему: «Можно ли каким-либо образом определить кто прав, если каждый из спорщиков остался при своем мнении»? Существует ли некий признанный всеми критерий, чтобы определить, например, кто прав в споре о вере: христианин, мусульманин, индуист или атеист?

Для продолжения темы выскажем, прежде всего, ряд принципиальных положений:

1. Как известно, истина вовсе не зависит от мнения любого человека или всех вместе взятых.

2. По необходимости каждое мнение в какой-то мере ошибочно. Не-

которые мнения могут быть истинны и ошибочны одновременно.

3. Широким народным массам присуща только смена знаний в процессе их исторического обновления, но не присуще углубленное проникновение в суть вещей. Смутное, приблизительное, искаженное понимание явлений, отягченное повышенным самомнением, — норма и закон общественного сознания.

4. При возникших принципиальных разногласиях спорщики расходятся, прежде всего, в *критериях истины*, что сразу ставит непреодолимый барьер на пути сближения идей.

5. Не следует признавать некое мнение правильным только потому, что оно высказано с *беспристрастной* точки зрения. Напротив, беспристрастное мнение, как ни к чему не обязывающее, наименее состоятельно. Под «пристрастием» же понимаем *осторожно-взвешенную* интенцию к истине. Иными словами, *наука* — дело эмоционально сбалансированное.

Из сказанного следует, что после более или менее успешного или безуспешного обмена мнениями, каждый может считать себя правым (если не *доказано* иное), ибо иным умом, кроме своего собственно-го, иным жизненным опытом, иными знаниями, помимо индивидуально приобретенных, субъекту пользоваться не дано. Как неизвестен способ снабдить каждого эталонным мозгом, эталонным набором знаний и навыков, так неизвестен универсальный способ определить, кто прав или кто более прав. Прийти к общему знаменателю могут те, кто *хотят* этого, например, если признают доказательства.

Указанное противоречие не может быть преодолено в рамках логики и потому является источником вечной борьбы, что позволяет нашему читателю надеяться на исследовательский успех.

В общем случае общественное мнение оказывает не *критериальное*, но *суггестивное* воздействие на каждого в отдельности, оупляя индивида и уничтожая в нем спонтанное стремление к истине.

Надеюсь, мы показали, что поиски истины в такой абстрактной и обобщенной форме, каковой является «критерий истины», бессодержательны по своему определению и потому обречены на неудачу.

Авторитет критики

Предметом критики служат различные формы человеческой и только человеческой деятельности, как-то: поведение отдельного лица; действие политической партии; отдельные суждения; теории или учения; содержание юридического закона и т.п.

Особую группу предметов критики составляют объективные общественные формы и процессы: войны; народные движения; эконо-

мические формации; политические режимы и разновидности общественного сознания (религиозные, национальные, классовые, семейные и др.).

Критик есть вдумчивый потребитель информации. Он подходит к предмету или (1) с позиций автора, или (2) с позиций авторитетов, или (3) опираясь на собственные взгляды на предмет, или (4) смешивает эти подходы.

Цель критики — показать заблуждения автора некой теории или ошибки неких субъектов действий.

В общем случае, следует различать критику идей, критику общественных явлений (деяний) и критику общественного сознания. Сначала остановимся на первой.

Критика и познание имеют различные объекты своего «приложения» и ставят перед собой различные задачи. Критика ищет в некой теории внутренние противоречия, рассматривая логическую структуру теории и т.п., но не изучает сам объект этой теории, как это делает исследователь.

Критически настроенный читатель, например, говорит: «С одной стороны, вы доказываете, что научный метод есть необходимый момент познания, но, с другой стороны, вы показываете, что любой метод служит помехой открытию. Поскольку, далее, вы никак не связываете противоположные суждения, то значит, они эклектичны, то есть вульгарны, низкопробны». Таким образом, критик дает оценку.

Именно формирование оценки является, на наш взгляд, конечной целью критики. В этом смысле критик по необходимости односторонен, что требует преодоления. Так, приведенный выше пример критики следовало бы признать справедливым, если бы в нем не была упущена третья сторона — естественная двойственность научного метода: повышение продуктивности мышления за счет ограничения фантастической составляющей.

Единственное в чем не сомневается критик (в отличие от исследователя), так это в самом себе. Поэтому ахиллесовой пятой критики является, так называемая, авторская слепота, когда критик, выдвигая правильные аргументы против некоего автора, сам повторяет его ошибки.

Исследователь, в отличие от критика, склонен сомневаться не в той или иной известной теории (ибо не теории являются объектами его изучения), а в самом себе: в объеме и глубине понимания объекта теории — реальности.

Например, в «Немецкой идеологии» К. Маркса и Ф. Энгельса вся критика осуществляется с единой точки зрения, а именно, с точ-

ки зрения практицизма (называемого ими материализмом). Авторы пытались кардинально решить задачу: спроектировать общество, из которого вымарано собственно общественное начало.

В другой работе («Развитие социализма от утопии к науке») Ф. Энгельс критикует теоретиков социализма: А. Сен-Симона, Ш. Фурье, Р. Оуэна — за то, что их идеи есть плод произвольных домыслов, а сам механизм перехода к социализму представляется ими в виде чисто рассудочного процесса: достаточно общество просветить, чтобы все образовалось само собой. Кроме того, у Энгельса вызывает законное недоумение вопрос, почему народное счастье должно наступить с приходом именно этих «утопистов». Он, однако, *не осознает*, что фантастичность («утопизм») социалистических идей заключается не столько в том, что их нельзя реализовать мирным путем, сколько в том, что, будучи реализованными, они не способны принести ожидаемого благополучия. Утопический социализм оказался идеализированной моделью отживающего свой век феодализма, а вовсе не революционным укладом, более передовым, нежели капитализм. Логический вывод, который следовало бы сделать из этой критики (говорим мы) — полностью отказаться от рекомендаций, ставящих своей целью счастливое завершение как таковое. Но что читаем у Энгельса в заключении: «Поэтому социализм теперь уже не рассматривается как случайное открытие того или иного гениального ума, а как неизбежное следствие борьбы двух исторически возникших классов». И затем: «Таким образом, становится возможным общественное производство по заранее обдуманному плану». В итоге, *благие намерения* признаются автором естественно необходимыми.

От критики идей перейдем к критике общественных явлений.

Заметим, что критика индифферентна к вопросам истинности и причинности, поскольку это не оценочные категории. В то же время вся человеческая история рассматривается критикой или как непрерывная цепь ошибок и аморальных поступков, социальной незрелости целых народов, их идеологов и властителей, или, напротив, в виде логически совершенной схемы, как проявление высшей целесообразности.

Характерный пример поиска ошибок в действиях воюющих сторон и выявления аморального поведения агентов общества находим в историческом исследовании Ф. Энгельса «Крестьянская война в Германии». Множество допущенных ошибок, по мнению автора, не только препятствовало экономическому освобождению крестьян, но ознаменовало начало нового витка крепостничества. Тонкость здесь в том, что авторский критицизм противоречит его же общеполитической установке как сторонника материального понимания истории.

Аналогичный пример — «Критика политической экономии»

(«Капитал»), в которой К. Маркс подверг этико-идеологической (а не объективной) критике буржуазный строй, существовавший в тогдашней Англии. Но, в основном, это *учение* (сделавшее автора великим) носит исследовательский характер, что выгодно отличает его от безудержного критицизма предшествующей ему «Немецкой идеологии».

В завершение темы коснемся критики общественного сознания.

Предварительно заметим, что критика рассматривает свой предмет с *заранее определенных* «полюсных» позиций, как то: научность, целесообразность, полезность, моральность и т.п. *Критик вынужден занять определенную социальную позицию, возможно не осознавая, что всякая позиция как таковая — момент произвола и случайности.*

Например, такой объективно существующий срез общественного сознания как православие совершенно по-разному будут критиковать с позиций идолопоклонства, ислама, католицизма, атеизма и т.п.

Другой пример односторонности — критика фашизма. Недомыслие, заблуждение, корыстные интересы, варварство, раболепие, деморализация общества ... — вот ряд критических терминов, предлагаемых взамен научного исследования объективного общественного феномена. Тягостность ситуации препятствует научному беспристрастию, но дает широкий простор для критики.

Специальным вопросом критики является проблема *авторитета*. Понятие авторитета, как достаточного аргумента в доказательствах, основанного на *общепризнанности*, носит двоякий характер.

1. В традиционном понимании *авторитет есть объект веры*. Это может быть вера в правильность некоего учения или политического действия, в совершенство искусства художника и др. Что касается исследовательской деятельности, то здесь апелляция к авторитету есть постулирование основания — утверждение (авторитетное подтверждение) того, что оспаривается и должно быть доказано.

Надеемся, наш читатель, обладая критичным умом, не верит в возможность существования вечно правильного решения, скептически относится к сверхъестественной гениальности и т.д., и намерен продолжить поиск истины, а не просто присоединиться к раз навсегда сформировавшемуся мнению — то есть, не признает авторитеты.

2. Но можете ли вы игнорировать воздействие авторитета целиком? В таком случае, чью работу вы выберете для своей критики? Будет ли это деятельность великого множества второстепенных особ или некоторых авторитетных личностей? В этом смысле авторитет есть не сверхчеловек, но известная (историческая) личность, воплотившая в себе некоторые достижения своей эпохи, преходящие как сама история.

В то же время, очевидно, что ограничивая себя авторитетами, вы тем самым упускаете из виду возможно более глубокие открытия, оставшиеся незамеченными обывателем.

Раздел 5. ФЕНОМЕН ВЕРЫ

Вера и религия

Принято думать, что вера в бога — главное в религии. Что это такое необходимое начало, без которого функционирование религиозных институтов (церквей, мечетей, молельных домов или сектантских кружков и т.п.) невозможно. Предполагается, что без веры в бога (богов) невозможна вера в силу религиозных ритуалов и пр. (хотя ряд религий обходится без богов).

Сама постановка вопроса заставляет усомниться в истинности таких представлений. Действительно, трудно найти религиозную личность, которая воспринимала бы мифы о бытии богов и творимых ими чудесах не иначе, как иносказания, хотя бы частичные. Именно так преподносят верующим многочисленные *толкования* старинных религиозных текстов (священных книг): Ветхого и Нового заветов, Корана, Авесты, Риг-веды, Типитака и пр.

Современные теологи и теософы с большой готовностью соглашались с научными и техническими открытиями, «снимающими» устаревшие представления, ставшие религиозными мифами. Они даже склонны сомневаться в различных деталях жизнеописания святых, отрицая тем самым существование причинной связи между конкретикой вероисповедания и функционированием религиозных институтов. Но вообще без веры религия существовать не может, хотя не обязательно символом веры служит божественное начало. Примерами небожественных форм религии могут служить конфуцианство, буддизм, советский атеизм и отчасти джайнизм.

При этом религия решает суто социальные задачи, по отношению к которым содержание религиозной проповеди носит подчиненный характер. Что общего во всех религиях, так это содружество веры, как способа мышления толпы, и государственности, власти вообще.

Религиозные институты, равно как и атеистические (например, коммунистическая партия СССР), служат государству. В этом состоит их институциональная сущность. Можно утверждать, что религия — идеологическая основа государственности. Но эта основа не достаточна и не необходима.

Даже в тех странах, где религия и атеизм «отстранены» от государства, последнее в действительности контролирует и направляет деятельность таких институтов. Обычно в этих случаях создается специальный государственный орган типа «комитета по делам религий» и т.п.

Напротив, неуправляемые религиозные течения, неподкон-

трольные государству конфессии и секты жестко преследуются государством.

Церковь всегда играла роль одной из идеологических институций государства, служащей для создания, так сказать, необходимого идеологического фона, — наряду с литературой, драматургией, кино, прочими разновидностями искусства и информационной «текучкой» СМИ.

Хотя в религии, как таковой, нет места для конкретных политических тезисов (на практике это не совсем так), религиозность и, более того, приверженность к определенной религии культивируется государством, как признак хорошего тона, признак «добропорядочности», национального единства и проправительственной лояльности. Таким образом, с детства вырабатывают привычку идти «строим и в ногу» со всеми, а всем — с государством. Культивируется конформизм, как средство морального угнетения, когда каждый боится «оторваться от масс». В результате иноверец вызывает подозрение в наличии особых интересов, как интеллигент, затесавшийся в народную среду.

Природа такого страха заложена, как мы понимаем, в надломленном сознании индивида, вынужденного примириться с исполнением религиозных ритуалов или атеистических проповедей, несмотря на все сомнения по поводу происхождения религиозных мифов или убогости атеистических умозаключений. Но эта *вынужденность* признается верующим как личный недостаток, а не порок общественной системы.

В то же время такое *квазинейтральное* использование религии государством не исключает прямого подключения ее к конкретной политике, что нашло проявление в существовании автокефальных церквей, теократических режимов, миссионерства, прозелитизма и пр.

Так, религиозная ниша, отведенная сознанием обывателя для своей веры, в большей своей части оказалась занята политикой.

Религия и атеизм

А. Философский аспект

Схоласты средневековья измышляли много неразрешимых задач религиозного содержания, о чем уже упоминалось. Не так ли поступают и атеисты, решая неразрешимую задачу, чем умножают длиннейший ряд «доказательств» о невозможности существования бога и божественного? Но разве могут что-либо доказать или опровергнуть атеистические рассуждения, если априори предполагают, что нет предмета для обсуждения — нет самого бога?

Если верующий сначала постулирует существование бога, а затем приводит доказательства, то атеист таким же образом постулирует

ет несуществование бога и тоже доказывает это. При этом никто не думает доказывать что-либо самому себе, но доказывает другому. Самих же себя верующий и атеист причисляют к категории самосознающих. Посему и те, и другие для защиты своего мнения пользуются известными софистическими приемами, как то: «постулирование основания», «круг в доказательствах» и пр.

Ни религиозное учение, ни его опровержение невозможно *фальсифицировать* (критерий научности К. Поппера). Представим ли мы ситуацию с богом или без него, — ничто не позволит опровергнуть гипотезу, лишенную строгой определенности? Но если дать строго логическое определение тому, что интуитивно понимают как «бог», то получим не религиозно-атеистически взгляд, но философский. Это тоже интересная тема, но нас занимает не она.

В то же время *вера не есть заблуждение, ибо здесь отсутствует процесс познания*. Поэтому она не может быть ни доказана, ни опровергнута.

Заметим еще, что проведенный в предыдущих главах анализ происхождения *иллюзий восприятия* показал, что всегда существует некий прототип ошибочного восприятия — пусть даже совершенно иной природы и свойства. Но парадигма бытия (небытия) бога относится не к иллюзии восприятия, но к *иллюзии мышления*.

Итак, *бог существует*, как минимум, в виде иллюзии мышления. Он *существует* в сознании, в наших представлениях, в многочисленных образах и логических конструкциях. Бог *существует* в сознании как верующего, так и атеиста. (Иначе, против чего бы последний мог возражать)?

Мы выяснили, где существует бог. Следующий вопрос: как он существует?

Обсуждать вопросы бытия бога как *целостного образования* — значит изначально полагать его, как некий предмет, который может существовать или не существовать. Атеист задается вопросом, что такое бог, как если бы спрашивал: «Что такое гиппопотам?» Ясно, что в такой постановке вопроса возможность существования бога или имплицитно заложена с самого начала (тогда, что же после этого опровергать?), или с самого начала отрицается (тогда, зачем же доказывать?).

Очевидно, исследовательская наука не может заниматься ни доказательством существования бога (или богов, а также чертей, ведьм и т.п.), ни его опровержением. Но сам факт религиозного сознания и существования религиозных институтов не требует доказательств и может служить предметом изучения.

Религия (в отличие от атеизма) является предметом изучения многих наук: философии, истории, этнографии, психологии, психиа-

трии, политологии, политической экономии и др. Атеизмом же интересуется, по-видимому, только социальная статистика.

Атеизму ничего не остается, как навязывать *верующим* ответы на вопросы, которые те не ставят. Напротив, *самопостижение неверующего* действительно нуждается в философском обосновании (но не в рецептах атеизма).

Не всем присуще религиозное (атеистическое) сознание, но на всех действует *отупляюще внушение непостижимого*. В то же время нелепости в равной степени присущи как религиозным, так и антирелигиозным догмам: как доказательствам бытия бога, так и доказательствам его небытия. В обоих случаях вращение происходит вокруг абсурда.

Отсюда понятно, между прочим, почему атеизм, наряду с фундаментализмом, смог стать ведущей идеологией в тоталитарных государствах. Ведь атеизм используют не столько как средство *против религии*, сколько как идеологию *вместо религии*, а именно, как *прививку от свободомыслия*.

Мы, однако, не собираемся утверждать, что религиозная вера или атеизм присущи исключительно тоталитарному строю. Они присущи государственности как таковой и не только государственности, но и предыдущим социально-политическим конструкциям.

Атеизм оказался удобным тогда, когда потребовалось *быстро* создать новое идеологическое обеспечение для новых форм власти (советской власти), поскольку формирование нового религиозного течения (*a la* лютеранства) — долговременный процесс.

Приспосабливаясь к общественному мнению, современные религии, в частности христианство, не так уж стремятся доказывать реальность божества. Сейчас богослов говорит: “Я верю, и это мне помогает. Верьте и вы”. Есть ли здесь основания для возражений? Нужно ли возражать вообще?

Тем не менее, можно в том или ином конкретном случае показать, что некой сверхъестественной связи могло бы не быть, что уже само по себе отрицает бога как всемогущую и *всесущую* самость — как Абсолюта.

Невозможно ни утверждать, ни отрицать существование денотата у столь размытого *мысленного построения* как бог, однако вполне можно утверждать его *антропоморфную, социальную и институциональную* принадлежность.

Например, невозможно опровергнуть утверждение о том, что Земля была создана Саваофом за один день, но можно показать, что она вполне могла возникнуть, как сколок Солнца или сгусток космической пыли, что отрицает необходимость существования Саваофа. А раз он не необходим, значит, он не бог или не вполне бог и т.д.

Религиозные схоласты вопрошают: «Если бог всемогущ, то может ли он сделать так, чтобы между двумя горами не было впадины»? В вопросе уже заключено утверждение, что между горами может и не быть впадины, а сомнения касаются только того, в силах ли это сделать также и бог. Сама возможность поставить так вопрос позволяет усомниться в существовании бога (хотя софисты от теологии умудряются не узреть здесь противоречия, не говоря уже о прямолинейно мыслящих атеистах). В тон схоластам, казалось бы, современные астрофизики утверждают, что вселенная *конечна...*, но *безгранична* (имея в виду ее многомерность). Такой пассаж смущает, конечно, «рационально мыслящего» обывателя, однако, не способен поколебать его веру в науку. Тем менее его смущают алогизмы религиозных учений.

В то же время любая религия, как закрытая логическая система, по необходимости сама себя отрицает. Действительно, суть религиозной догмы заключается в определении бога, как независимо действующего начала (в виде «божьего промысла»), с одной стороны, и одновременном признании за верующим права и обязанности обращаться к богу с молитвой, с другой стороны. Поскольку задача молитвы состоит в том, чтобы вызвать определенное божественное деяние, сообразное чаяниям верующего, то тем самым отрицается божественный произвол, а значит, и само существование бога-деспота. Вообще, все определения бога (самый могущественный, самый мудрый, самый чуткий, всегда и вездесущий и др.) характеризуют его, как *границу естества*, выводя тем самым понятие бога за пределы реального существования.

Те же, кто полагает, что религиозное писание умышленно было изложено иносказательно, должны бы прийти к выводу, что *сама идея бога суть иносказание*. Но человеческому пониманию, согласно религии, не доступна логика священных книг. И это не насильственный, а вполне логический запрет на способность понять и осмыслить.

Поэтому «разоблачать» религиозные несуразности, как это делает атеизм — значит бороться за чистоту религии.

Не будем и мы усугублять атеистический грех доказательством невозможности богоявления.

Кроме того, не следует упускать из виду, что мировые религии появились более тысячи лет назад, и, естественно, их нелегко примирить с современной цивилизацией. Если бы в наше время формировалось понятие бога, вряд ли оно стало более уязвимым, чем идея создания фотонной ракеты и прочие научные фантазии. В качестве *новых богов* теперь выступают *сверхцивилизованные* инопланетяне, посещающие землян на космических тарелках (информацию о чем, якобы скрывают правительства некоторых якобы заинтересованных стран) и др. Очевидно, *новых богов* пытаются нагрузить социальными проблемами так

же, как и старых.

Но большинство новых религиозных движений (а их великое множество, и адептов своих они рекрутируют в основном из культурной среды — студенческой молодежи) синкретично включает элементы учения древних религий. В молодые годы, когда пробуждается самосознание, личность (не сильно отягощенная насущными заботами) начинает «себя искать». Одним из предлагаемых ей «выходов» может быть религиозная вера.

Даже самое однородное во всех социальных аспектах общество личностно неоднородно, благодаря чему непрерывно генерирует обособленные группы.

Так или иначе, мифы на божественную тему о том, что «что-то существует», постоянно продуцируются человеческим сознанием и имеют спрос, а проблема веры и атеизма носит непреходящий, внеисторический характер.

Известно тяготение неверующих к религии, связанное с возникновением кризисной ситуации на личной почве, как-то: наступление преклонного возраста; деяния, вызывающие угрызения совести (преступники); *дистресс*, снижающий психическую устойчивость субъекта (хирурги) и пр.

Но религия не одинока в стремлении влиять на определенный срез общественного сознания. Подобные претензии заявляют различные этико-философские школы, практическая медицина (психоанализ) и др. Сюда же в полной мере следует отнести и искусство, и спортивные зрелища, и *массовую информацию*. В отличие от религии, эти институты *социальной психологии* широко эксплуатируют «рациональное мышление». Но у них иная «паства»: люди, не охваченные религией.

Одна из отличительных особенностей теологического учения состоит в его погруженности в *самоограниченное* закрытое пространство. Эту позицию превосходно выражает постулат: «Существует вера, одна только вера, ничего кроме веры». Формула религиозной нетерпимости может иметь и более мягкое выражение, типа: «Существует бог, единый бог и множество путей его познания, но только один путь истинный». Могут быть и более плюралистические формулировки, но, в любом случае, в пределах *глобального* (а значит, закрытого) мировоззрения *все есть божественная вера*, и поэтому нет места для человека неверующего; такого человека, согласно божественной логике, *не может быть*. Поскольку неверующий — это нонсенс, то выдающий себя за атеиста — дьявол, представитель враждебных человеку и природе сил, в лучшем случае человек порченный, который усилиями прозелитов должен быть наставлен на путь истины.

Аналогичным образом мыслит и атеист, считая верующего личностью ущербной, которую можно и следует переубедить, помочь осознать смешные и вредные заблуждения... Согласно атеистической логике, не может *культурный* (а значит, рационально мыслящий) человек верить в бога, а если верит — следовательно, обманывает окружающих.

Атеизм, вообще говоря, связывает себя с материализмом. Но не с тем материализмом, который служит эпистемологическим методом, а с материализмом как *мировоззрением*. Последний выдвигает идею всеобщности материи — столь же вездесущей, самопроизвольной и активной, как божество, но не имеющей ни души, ни врагов, ни цели своего существования, ни обиды на людей. Материю нельзя задобрить и упросить, тем не менее, ею можно повелевать, хотя бы отчасти. Таким образом, отрекаясь от человека как необходимого начала, материалистическое мировоззрение подспудно полагает в человеке царя природы. Бога нет, но царь природы существует. В этом смысле материалистическое мировоззрение отличается от религиозного, главным образом, терминологически.

Кто же прав в этом споре об альтернативных логических конструкциях? Ответ, на наш взгляд, состоит в том, что истинность логической конструкции не имеет какого-либо отношения к познанию реальности. При всей ограниченности религиозных представлений, в каждой религии отражена актуальная *непознанность* мира, обычно игнорируемая традиционным материализмом. В вере мы обнаруживаем больше скепсиса, чем в безверии.

Нет необходимости заигрывать ни с теми, ни с другими. Тем более мы не намерены примирять религию с атеизмом. Равным образом нет оснований упрекать атеиста в его борьбе с религией. Но можно утверждать, что атеизм «застрял» на уровне *мировоззренчества*, не сумев, как и религия, построить удовлетворительной картины мира.

Итак, мы показали, в какой степени *бог* по своему понятию не совсем бог, а *небог* — бог. Впрочем, спор между религиозной верой и религиозным безверием вряд ли может иметь научную основу, но само это противостояние, безусловно, заслуживает научного изучения.

Б. Социальный аспект

Это недоразумение, когда утверждают, что религия ошибочна или излишня (в смысле «бритвы» У. Оккама). Напротив, религия весьма эффективна как для разделения соседствующих народов, так и для их объединения, для покорения одного другим и в целях самоопределения. Другое дело, что институт веры — церковь — присвоил себе атрибут всезнания, что, впрочем, неотделимо от способа воздействия на

паству через суггестию.

Атеизм, возведенный в государственную политику, тоже неплохо справляется с такими задачами, о чем свидетельствует, например, опыт СССР. Советский атеизм расчистил идейную зону для господства в ней государственной партии опричников-коммунистов. Коммунист и атеист стали восприниматься как синонимы не в преддверии революции (В. Ленин, например, считал, что священник может быть коммунистом), но после «окончательной победы большевиков», то есть после коллективизации деревни и формирования государства нового типа.

Таков феномен человека общественного, умеющего извлекать пользу из общественных заблуждений. Борьба между атеизмом и религией — один из моментов борьбы государства за сферы влияния. Так что секуляризация присуща не только атеистическому государству. Под видом идеологической борьбы, шла борьба за экономическое и политическое влияние. Так, крупномасштабную конфискацию церковной собственности еще в 8-м веке провел майордом франков Карл Мартелл; то же произошло под флагом Великой французской революции 1789 года. В России конфискацию монастырских земель проводила еще Екатерина II, но особенно преуспел И. Сталин. До наступления советской власти борьба велась не против веры, но против независимости ее института, против церкви.

И наоборот, десекуляризация и клерикализация постсоветского общества связаны, в частности, с тем, что церковь стала удобным средством легитимации («отмывания») криминальных денег, то есть быстрого обогащения.

Поскольку религиозное сознание превалирует в нынешнем мире, безбожник (с социологической точки зрения) — это протестующий, лицо свободномыслящее. Наоборот, в атеистическом государстве свободомыслием следует считать религиозность субъекта. Здесь важен не вид свободомыслия (религиозный или атеистический), но сам факт свободомыслия.

Хотя число верующих превалирует, неверующих в мире довольно много, так что этот факт закреплен в большинстве конституций стран мира (всего около 20% неверующих в мире, в том числе 5% — в Италии, 40% — в южной Корее, 65% — в России).

Несмотря на рост числа неверующих, неправильно видеть в религиозном сознании отживающий век феномен. Напротив, в наш век новые вероучения и религиозные общины возникают, как грибы после дождя. Достаточно упомянуть *неошаманизм* и *неоязычество*, *нью-эйдж* и *бахаи*, *белое братство* и *аму синрикё*, *массимо интровинье* и *айлин баркер*, *церковь объединения* и *церковь нового завета etc.*

Что представляет собой общественный субстрат, на котором возрождаются многие религии и атеистические движения, науки и паранауки и прочие социальные образования, противостояние между которыми не уменьшает их плодovitости? Эта проблема — белое пятно социальной философии.

Вера и скептицизм

Если с детства не привить ребенку веру в бога (путем воспитания), что еще смогло бы заставить его поверить в нелепость, разоблаченную самой историей? Попытка ответить на вопрос была сделана в предыдущих главах.

В то же время не следует думать, что для культивирования веры обязательно требуются *специальные средства воздействия*, используемые религиозными институтами, ибо вера, как таковая, есть атрибутивное свойство психики.

Пусть наш читатель (верующий или неверующий) вспомнит, с какой легкостью он поверил в то или иное научное открытие, информация о котором впоследствии оказалась невольным заблуждением или заведомо ложной инсинуацией. А с какой готовностью обыватель склонен верить любому публично сказанному слову: будь то научно-популярная литература, газетная статья, выступление по радио или телевизионное представление, которые ошибочны по лености или недомыслию их авторов, тенденциозно односторонни или ложны преднамеренно!

Вера, конечно, присуща и самому ученому-исследователю, независимо от того, истинным или ошибочным оказалось его открытие — синтез сомнений и веры. Ведь суть науки, в отличие от религиозной догматики, заключается не в преклонении перед уже достигнутым, но в его отрицании и поисках нового.

Самоуверенное безверие и вездесущее сомнение догматизируют науку не меньше, чем слепая вера в ее непогрешимость и могущество, лишают ее объекта исследования, подчас столь мимолетного, являющего нам лишь блеклые следы своего существования.

Вообще, *вера и скептицизм есть две стороны одного и того же понятия*. Ведь верить во что-то одно — значит сомневаться в противоположном. Бессмысленно верить или не верить в стул, на котором сидишь, но приходится верить в нечто неуловимое, верить в то и именно потому, в чем и почему следует сомневаться.

Как же не ошибиться в выборе? Если бы ответ существовал, то наука из *искусства* превратилась бы в *ремесло*.

Можно утверждать, что, вопреки перечисленным недостаткам

и ограничениям, вера является атрибутом всякого общения вообще. Ведь *общественное сознание* не есть склад нейтральной, отрешенной, безразличной информации, но включает также оценочные сведения.

Поэтому теологи, пожалуй, правы, утверждая, что не существует ни во что не верящих людей. Однако существуют люди, не верящие ни в одну из религий и, одновременно, скептически относящиеся к научным знаниям.

Изменить общественное сознание можно именно теми средствами, с помощью которых они были сформированы, как-то: прямым насилием и запугиванием (принятие христианства на Руси); сменой рода деятельности или изменением сословной принадлежности; использованием массовой суггестии, детского воспитания и перевоспитания и др.

Из сказанного ясно — *вера порождается сомнениями*. Сомнения вечны, и поэтому вера изменчива.

Для религиозного и нерелигиозного сознания характерны различные области сомнений и поэтому не совпадают области веры. При этом, однако, отсутствуют какие-либо подтверждения интеллектуальной неразвитости религиозного человека или духовной опустошенности нерелигиозной личности.

Сколь сильно и глубоко должно быть религиозное чувство, чтобы поверить в религиозную мифологию?! — Это зависит от того, насколько индивид сомневается в религиозной догматике.

«Верую, ибо нелепо», — вот точное определение понятия веры, данное богословом Квинтом Тертуллианом. Ему вторит физик Нильс Бор: «Достаточно ли безумна теория, чтобы быть истинной?»

Напротив, буквальная вера в содержание религиозных догматов делает поверхностной вашу веру в бога. Вообще, согласно методу неопределенности, если настаивать на конкретном, детальном описании того или иного божества, то по необходимости придем к абсурду, даже к чему-то комическому — вплоть до выяснения вопроса: «Чей бог лучше»? Напротив, если вовсе абстрагироваться от деталей, то придем к синонимии: бог есть естественный процесс структуризации и деструкции, то есть к идее «обобщенного разума».

Необходимо также подчеркнуть отсутствие диаметральной противоположности между религиозным и нерелигиозным сознанием в том смысле, что существуют промежуточные формы мировоззрения, например, деистическая вера в творца или первоначало, в высшее существо и т.п. при абсолютном отрицании любой религиозной мифологии. И т.д.

Но как обстоит дело с *нетейстическими* религиями (конфуцианство, буддизм и пр.)? Там различия в образе мышления верующе-

го и неверующего еще более смазаны (идея «секулярного буддизма»). Там неверующий выступает не против веры как таковой, но за право мыслить свободно, «не как все».

Среди выдающихся личностей, в том числе подвизавшихся в науке, много верующих и неверующих (равно как брюнетов и блондинов, патрициев и рабов, носителей той или иной культуры и т.п.). Статистика дает более определенный ответ, но это не меняет дела: жесткая привязка к той или иной социально-психологической группе отсутствует. Таким образом, феномен противостояния веры и неверия находится в плоскости социальной психологии. Для философии это объект изучения. Сам философ может быть как верующим, так и неверящим или сомневающимся. Но как исследователя его интересует сам факт постановки вопроса о существовании бога, что, с точки зрения философии, исключает любой ответ. Давая тот или иной ответ, исследователь сам превращается в подопытного — объект исследования, хотя кажется иначе.

Итак, было показано, что вера есть психологический (и, возможно, логический) выход из скептического отношения людей к истинности и полезности знания. Без веры невозможен и скепсис, как невозможно пустое пространство без заполненного.

Естественное чудо

Сверхъестественное невозможно по своему понятию. Действительно, поскольку сверхъестественное иной природы, чем все остальное, постольку оно не может взаимодействовать с естественным миром. Так, коль скоро душа сцеплена с телом неким образом, пусть в одной только точке, — значит они одной природы. Если они разной природы, то это означает, что между ними не существует ни одной точки соприкосновения или общего признака для сопоставления.

Вопреки своему определению, термин «сверхъестественное» чаще употребляют в ином смысле: как нечто *естественно существующее*, которое, однако, недоступно человеческому разуму. А разуму не доступны самые, казалось бы, очевидные истины, например: «Почему мир так устроен, что диагональ квадрата несоизмерима с его стороной»? — и т.п. Конечно, это пример чуда, но наукой оно не выпячивается, как таковое, ибо само собой разумеется: не будь незнания, не возможно было бы развитие знания. *Истинная наука занята истинными чудесами*. Все это тривиально.

Однако существует и *третий вид чуда* как момента фантастической ситуации, вроде оживления мертвых. Образ реальности, генерируемый мыслью, может быть прямолинейным и искаженным. *Когда*

искаженный образ выдается за линейный, получаем чудо.

Религия широко эксплуатирует феномен чуда, специально выдумывая невероятные мифы, легко воспринимаемые некритическим умом, для которого принятие *действительных чудес*, пронизывающих всю сущность бытия, недоступно.

Но почему религия делает акцент на чудесах? Потому, думается, что явление чуда подчеркивает рядоположность, равноценность (равную приниженность) всех индивидов перед лицом бога: ничтожества и гения, раба и рабовладельца, царя и подданного... Религиозное чудо «работает» как идея смирения гордыни. Подчеркивая ничтожность человеческого знания, фатальную ограниченность науки или ограниченные возможности правителя, религия тем самым пытается придать особое значение самой себе. Здесь в неявной форме мы сталкиваемся с софизмом типа «подмены тезиса», ибо из ничтожности одного вовсе не следует величие другого.

Таким образом, можно верить в религиозные чудеса, можно не верить в них, но следует признать, что обскурантизм есть опорная стена любой религии, как бы последняя ни «соглашалась» с существованием науки, признавая ее достижения.

Напротив, наука, в отличие от религии, отрицая завершенность *мировоззренчества* и постоянно борясь с *аутосуггестией*, взирает на мир как на незавершенное чудо.

Вопреки сказанному, отметим, что современная астрофизика как раз склоняется к поиску вполне завершенной, откровенно неправдоподобной, но все объясняющей теории мира. Последнее не должно удивлять читателя, который знает, что история есть цепь повторяющихся ошибок.

О доказательстве существования (несуществования) бога

Доказательство есть процедура математическая или логическая. Поэтому, если бог есть объект математики (как например, корни алгебраического уравнения) или логики (вопрос о существовании впадины между горами), то можно попытаться провести такие доказательства. Парадоксальность же ситуации в том, что вера должна предшествовать доказательству, ибо, если есть потребность верить, то здесь не до истины.

Если бог мыслится не как объект математики, а как физическое существо, то тем самым *ab ova* полагается, что он может существовать или не существовать. Этой возможности достаточно, чтобы верить или не верить в физический образ бога.

Если бог мыслится как духовная или трансцендентная сущ-

ность, то уже в определении этих понятий заложено его существование. Поэтому доказательство без веры было бы не чем иным, как постулированием основания, то есть логической ошибкой.

Но есть и иной вид «доказательств», отличный от логико-математического. Речь идет о так называемой *аргументации* существования бога путем ссылок на прямые (видения во сне) или косвенные (существование Земли и неба) обстоятельства. Здесь также можно с легкостью привести столько доводов «за существование», сколько и «против».

Однако существует тонкость в различии между *аргументацией* и *доказательством* (опровержением). Аргументация представляет собой ссылку на вещи, процессы, явления, события... Доказательство же (как и опровержение) не может касаться денотата непосредственно. Доказательство (опровержение) касается только результата мышления — высказывания, утверждения... Это означает, что процедура доказательства не может непосредственно быть отнесена к существованию (несуществованию) бога или чего-либо иного, но лишь к высказыванию об этом. То есть вопрос обращен не к богу, но к высказываниям людей, которые требуется оценить с содержательной и формальной точек зрения.

Теперь обратимся к понятию существования. Существовать — значит обладать определенностью. Абсолютно существовать может лишь то, что обладает бесконечной определенностью. То, что не обладает определенностью, не существует, так что бессмысленно искать доказательство того, что не определено изначально.

Поэтому, в частности, не существует «бог вообще». Когда спрашивают о «боге вообще», то имплицитно утверждают, что опознать денотат нельзя. Это сказочный образ: «Пойди туда, не знаю куда, и найди то, не знаю что». Если же мысленное определение дано, это означает, что по нему можно нечто опознать, что и порождает вопрос о его существовании (несуществовании).

Заметим, что вопрос о существовании несуществующего не сводится к суто религиозной тематике, но в равной степени относится и к науке. Так, если сегодня астрофизики отрицают существование «темной энергии» (которую еще вчера так усиленно искали), то следует понимать, что не явление природы отрицается, но высказывания С. Перлмуттера, содержащие представления о «темной энергии».

«Вы можете не согласиться с моими 94 процентами оценки, но нет никакого рационального аргумента в пользу того, что мультивселенная не существует, или того, что это маловероятно», — пишет один из разработчиков «Теории всего», известный физик Дж. Полчинский (2015). Так что логика доказательства «от противного», используемая

теологами, с легкостью вторглась и в область науки.

Система мышления, включающая бога как целостное образование — вульгарная антропоморфная модель реальности. Но если это примитивизм, то того же порядка, что и современные представления ученых о существовании единой, единственной и целиком измеримой (и уже измеренной) вселенной.

Принято считать, что принципиально невозможно доказать, что нечто не существует актуально или что «этого не может быть объективно», ибо такое утверждение было бы равносильно бесконечному знанию бесконечного мира. А из бесконечного незнания не следует ничего. Поэтому де тяжесть доказательства существования бога лежит на теологе, а не на атеисте. Но при трезвом размышлении приходим к выводу, что подобные рассуждения ошибочны. В качестве антипримера достаточно обратиться к известным доказательствам теоремы П. Ферма—Э. Уайлса о *несуществовании* определенного равенства в области натуральных чисел или теоремы Н. Абеля о *несуществовании* алгоритма решения уравнений выше четвертой степени.

Почему вообще все упирается в доказательство? — Потому, что *доказательство* — тот способ мышления, благодаря которому, как полагают, так преуспела наука. Достаточно что-либо доказать, чтобы в это легко было поверить. Ведь верит же мир в трансфинитную теорию Г. Кантора, четырехмерное пространство А. Эйнштейна и корпускулярные волны Н. Бора, хотя вряд ли в мире найдется два специалиста, которые бы понимали эти теории одинаково. Современная квантовая физика и астрофизика оперируют столь вычурными представлениями о материальном мире, что любые религиозные фантазии кажутся более правдоподобными, однако физические представления не требуют создания особых институтов поклонения.

Гносеология религии

С точки зрения религиозного человека предмет его веры существовал, существует и будет существовать. Это нечто достоверное, доказанное и общеизвестное. Вера для него означает одновременно (1) моральную систему, (2) ритуал и (3) мифологию.

Таким образом, для верующего предмет его веры вовсе не представляет гносеологическую проблему... Но означает ли это, что теология полностью игнорирует проблему истинности?

«Истина» в религиозном понимании — это доказательство того, почему следует креститься двумя перстами, а не тремя, доказательство триединства бога, божественности папы Римского, признание реинкарнации и др.

Из этих примеров видно, что лишь номинально теологическое понятие истинности совпадает с гносеологическим, тогда как само противопоставление мышления объекту чуждо *теизму*.

Независимость объекта (материи) от мышления не является проблемой для религии именно потому, что в ней неявным образом изначально постулируется полная адекватность мышления объекту веры.

Напротив, гносеологический принцип постулирует неопределенность в сопоставлении мышления и материи. Крайние точки здесь следующие.

Агностик: «Наши мысли — это лишь мысли о мыслях. В лучшем случае, они — лишь отпечаток реальности, искаженный человеческим восприятием».

Гностик: «Все, что присутствует в мышлении, должно быть и в объекте. За любой фантазией кроется реальность столь же фантастичная».

Вполне очевидно, что обе крайности, как пределы применимости гносеологии, легко могут быть трансформированы в догматы веры.

Здесь заметим, что понятие истины действительно двойственно. Возможно, даже, что существуют два различных понятия:

истина логическая — истина «правильных» выводов, «правильных» доказательств, которая с успехом используется как наукой, так и религией (основоположник логики Аристотель является непререкаемым авторитетом среди христианских теологов);

истина гносеологическая, истина процессуальная, истина восприятия и отображения реальности. Вопросы небожественного познания, не могут интересовать религию, но богоискательство и вопросы познания бога входят в сферу интересов теологии.

В то же время как мы говорили, теология не имеет точек соприкосновения с гносеологией, значит, не обязана признавать ее доводы и опровержения, отрицая тем самым *образ научного мышления*. Иными словами, следует признать, что религиозная вера имеет свою *неслучайную нишу* в общественном сознании. Так что, хотя одна форма общественного сознания (религия) может служить объектом исследования для другой области общественного сознания (науки), это еще не является основанием для оценочного ранжирования.

Поэтому нам думается, что положительно решить эту проблему невозможно, а попытки преодолеть невозможное *непосредственно* нелепы.

Идеология как вера

Обычно идеологию рассматривают как социальный феномен, как взгляд, выражающий экономические и политические интересы того или иного социального слоя. Но что есть идеология в философском смысле? Рамочно ее можно определить, как систему паралогических доказательств, оправдывающих аморальность средств моральностью цели. В широком смысле идеология — это *вера* в моральность неизменного в своей оптимальности алгоритма социального поведения, прежде всего алгоритма отправления власти. Будь то идеология гуманизма или мизантропии, беззаботного счастья или стоицизма, фашизма или национализма, демократии или элитаризма, коммунизма или частной собственности ... — все это разновидности веры в то, что нелепо, но удобно. В чем же суть «удобства» веры? Вера, прежде всего, — психологическая основа объединения индивидов и разъединения социальных групп, в том числе стран и целых регионов мира. На том или ином этапе истории идеология может быть равно полезна (вредна) всем слоям общества или более выгодна одним, нежели другим. Идеология, как и религия, жестко не связана ни с образовательным статусом, ни с классовой принадлежностью личности. При этом идеология какого-либо одного класса может стать основой общественного сознания. Так, в гражданской войне участвует один и тот же народ, разделенный идеологически и т.п.

Противостоящие модели мироздания

Мысленные модели мироздания, распространенные в общественном сознании, принято делить на *религиозные* и *светские*. Хотя в целом общественное сознание не поддается логическому анализу, но эпистемологические абстракции удастся формализовать, и построить на основе мысленной модели логическую структуру.

А. Развитием религиозно-логических интерпретаций занимается наука теология. Точнее, *теология есть не наука, но паранаука, ибо предлагает не теорию, но учение* и притом такое, которое является уникальным для каждой религии. (Впрочем, одновременное существование множества теорий или учений присуще не одной только теологии, но и всем нерелигиозным наукам, каждая из которых распадается на конкурирующие школы. Особенно это касается философии, психологии и социальных наук).

В частности, монотеистическая модель веры обладает такими логическими свойствами:

- 1) она объяснительна;

2) объяснение зиждется на причинных связях. Указать на причину — значит объяснить. Однако религиозное объяснение заключается не в поисках отдельных причин, но в указании всегда на одну и ту же причину. Это, в свою очередь, означает, что объяснение заключается в простом утверждении, что причина существует;

3) религиозная модель способна объяснить все одной первопричиной, которую называют богом и которая сама необъяснима;

4) невозможность объяснить первопричину является главным постулатом модели и посему не является логическим противоречием. «Никому, в сущности, не известно, что есть бог», — писал Г.В.Ф. Гегель («Философия религии»). Этот постулат интерпретируют как несовершенство природы человека. То есть предполагают, что объяснение все же существует, но недоступно человеку. Иными словами, предполагают, что параллельно человеку существует некоторое антропоморфное существо, которое способно объяснить само себя.

Заметим, что идея божества, следующего индивидуальным желаниям людей, равно как и идея судьбы, скорректированной человеческой волей, — не такая уж бессмыслица при условии, что парадигму дополняет мысль о *феноменологическом представлении реальности*. Не выдерживает критики, казалось бы, сам способ воздействия на бога, регламентированный религией: молитва и жертвоприношение. Однако это ошибка лишь с эпистемической точки зрения, но не с точки зрения социальной психологии. Бог существует как десигнат, будь то тотем дикаря или иудейский бог, не имеющий ни плоти, ни имени... Хотя у него нет однозначного денотата, тем не менее, бог существует во множестве его моментов.

Б. Светская модель мироздания отличается от религиозной в деталях, как-то:

1. Каузальность как один из видов связи между явлениями, процессами, событиями, высказываниями и т.д. Каузальная связь мало что объясняет, ибо уходит в «дурную бесконечность» прошлого.

2. Объяснение — лишь одна из сторон постижения мира, причем не главная и не обязательная. К другим сторонам познания относятся: открытие новых явлений природы, выявление связей между ними, проникновение в их сущность, практическое использование и т.д.

3. Наука, как и теология, стремится объяснять мир, но не все и не заранее определенным образом, а только то, что возможно и как получится. В поисках объяснений наука не просто декларирует причинную связь, но ищет причину (точнее — цепь и сеть причин), и эти поиски бесконечны.

4. Из невозможности объяснить причину явления возникают

утверждения, называемые законами природы.

Вопреки сказанному, искать всему объяснение — это всеобщая потребность человеческого ума, а не причуды философии, религии или специальных наук. В одних случаях эти объяснения представляют череду полезных заблуждений, в других — бесполезных, в третьих — вредных.

Красочное подтверждение тому находим в действиях диких народов. Так, индейцы бассейна Амазонки вырезают из дерева прототип аудиоплеера, через который беседуют с духами, а туземцы Меланезии строят отдаленное подобие аэродрома в ожидании прилета самолетов, которые, якобы, украли у них белые люди (культ карго), и т.п.

Как видит читатель, светское воззрение следует считать *безбожным, то есть чем-то отрицательным, только с религиозной точки зрения. Напротив, с точки зрения философии светское воззрение положительно, самодостаточно, то есть не нуждается для своего утверждения в существовании своей противоположности — религии.*

Известно, что религия отчасти признает специальные науки. Но это признание носит социальный, а не логический характер. Милостивое признание религией науки не означает, что тем самым признается и философия науки. Одновременно ряд священнослужителей подвизались в науке, то есть в области нерелигиозной. Напротив, светская наука не пользуется религиозными образами, однако некоторые ученые — люди верующие.

Иными словами, наблюдается алогичная симметрия между религиозной и светской сферами. Поэтому из сравнения эпистемологических моделей нельзя непосредственно вывести такие понятия, как неверующий, верующий и атеист.

Симметричны ли понятия безбожник и верующий? На первый взгляд, кажется, что безбожник мог появиться только после того, как были сотворены боги. Таким образом, понятия неверующий и верующий кажутся асимметричными, поскольку первое следует за вторым, но не наоборот. Однако с философской точки зрения безбожник — представитель параллельного образа мыслей, противостоящий не богам, но вере как одной из равноправных (с точки зрения познающего субъекта) моделей мироздания. Поэтому *безбожник — не субъект отрицания, но самодостаточная личность.* Так же и верующий. С одной стороны, религия самодостаточна, как рядоположная модель мироздания, с другой она — идеологический противник светскости.

Иное дело атеист как идеологический противник религии. Ясно, что атеизм мог возникнуть только вслед за религией. Здесь асимметрия налицо.

Интересно, что теология признает существование разных веро-

ваний, но не признает существования людей неверующих, а «безбожниками» часто называет адептов не своей веры.

Асимметричный вопрос: «Веруете ли вы в бога?» задан с религиозной точки зрения, ибо только религия оперирует понятиями веры и божественного. Религию интересует только отношение к вере. Ее не интересует ваше миропонимание, если только оно не религиозное.

Вообще тема веры включает простые вопросы и сложные ответы. Простота вопросов роднит философа с носителем массового сознания. Грань между ними проводит сложность ответов.

Раздел 6. ФИЛОСОФИЯ ИСТОРИИ

Исторический процесс общественной структуризации

Человеческое общество структурировано, как в сфере обменных процессов между человечеством и нечеловеческой внешней средой (многотомной экологической нишей), так и в межличностном (общественном) плане, а возможно, и в срезе индивидуального сознания, называемом общественным.

Отношения *индивида* с окружающим миром в целом (в том числе с другими людьми) могут быть представлены, например, в виде следующей структуры, состоящей из четырех уровней взаимодействия:

- 1) физического (силового, внешне-контактного);
- 2) физиологического (пищеварительного, полового...);
- 3) эмоционального (восприятие красоты природы, суггестивные взаимовоздействия людей...);
- 4) информационного (формирование новых мыслей, добывание сведений и запоминание их, обмен знаниями между людьми) и пр.

Другой пример структуры — обменный процесс между человеком и природой:

- 1) потребление естественно-природных ресурсов;
- 2) культивация (улучшение) антропоморфных свойств окружающего мира;
- 3) защита от воздействия стихии;
- 4) рекультивация (восстановления природы в первозданном виде) и пр.

Вообще говоря, оснований классификации существует великое множество и можно придумать еще столько же.

Сосредоточимся на структуре межличностных отношений и структуре «человек — природа».

В первом случае это могут быть сословия (купцы, чиновники, аристократы...), экономические классы, группы функционеров (политики, писатели, организаторы производства, военные ...) и др.

Во втором — структуру можно представить в виде профессионально-отраслевого деления людей и т.д.

В общем случае исторический процесс может быть представлен как процесс изменения экологических и общественных структур.

Заметим, что изменение структуры *не может быть постепенным*, согласно понятию, ибо изменение хотя бы одного элемента, одной связи есть дискретный акт. Но он может быть пошаговым: сначала изменяется одна часть структуры, затем другая и т.д.

Конечно, есть изменения и... изменения. Одно дело, когда профессия землекопа замещается профессией экскаваторщика, другое —

когда статус крепостника сменяется общественным положением государственного служащего или партийного функционера.

Вопрос, однако, состоит в том, что именно служит генератором структурных изменений, и каковы механизмы изменений? А возможно, это спонтанный (инерциальный) процесс, не требующий посторонних усилий?

Процесс *изменения* общественных отношений нам представляется как *обычное состояние общества*, в котором индивиды перманентно совершают множественные попытки разнообразить межличностные связи. До тех пор пока попытки эти не согласованы по интересам, они носят спорадический характер, однако к определенному моменту времени связи *какого-либо одного* определенного типа возникают между достаточным количеством индивидов, что приводит к *лавинообразному их закреплению*. Таким же образом происходит и разрушение старых связей: не всех сразу, но лишь в определенном срезе.

Следует понимать, что разрушение одних связей может происходить на фоне сохранения других и создания новых. (В связи со сказанным возникает вопрос: означает ли гибель цивилизации одновременно и смерть ее носителя — народа — или речь идет о замене старой цивилизации новой)?

Из подобных представлений непосредственно вытекает, что новая общественная структура отчасти предопределена существующей, а значит, *хотя бы в этом смысле, не может быть плодом чистого вымысла*.

Отметим еще феномен *нелинейности развития*, присущий живым структурам как таковым — будь то отдельный организм, популяция животных или человеческое общество. Нелинейность развития выражается в том, что некоторые функциональные особенности живой структуры, стоящей на более ранней ступени развития, могут оказаться более сложными (много связными), чем аналогичные функции в более поздних структурах.

В качестве биологического примера нелинейного развития следует обратить внимание читателя на известные признаки недоразвитости человеческой популяции (они же — признаки ее вырождения), как-то: отсутствие волосяного покрова, отсутствие хвоста (у всех гоминидов), ослабленная мускулатура, весьма продолжительная беспомощность новорожденного и др. Все это, наряду с присущей человеку «плодородностью», вполне может указывать на более низкую общую организацию человека разумного по сравнению с *плотоядными* (кровоядными) млекопитающими. Противопоставление развитости мозга человека недоразвитости его организма может служить очередным примером нелинейности развития живой природы. (Здесь мы

не рассматриваем эту биологическую проблему, как таковую. Для нас важна сама возможность такого явления. Кстати, отнюдь не во всем человеческий мозг превосходит мозг «низших» животных. Он проигрывает в скорости реакции; в нем отсутствует зона эхо-локации, как у рукокрылых и дельфинов; слабо развит вестибулярный аппарат; примитивен анализатор запахов; отсутствует механизм пространственной ориентации, свойственный перелётным птицам и пр.).

Обратимся к примерам из жизни общества. Так, из работ Л. Моргана известно, сколь сложными были семейные отношения между родами в первобытнообщинном обществе американских индейцев (что препятствовало генетическому вырождению). Однако в дальнейшем семейные отношения упростились до обычного запрета прямого кровосмешения, хотя проблема здоровья новых поколений не потеряла актуальности, особенно в замкнутых группах, какими являются деревни и т.п.

Другим примером может служить высокая степень развития древнеримского законодательства, которое лишь через полторы тысячи лет средневекового невежества дало толчок и послужило базисом для законотворчества нового времени.

По сей день остается непревзойденной плеяда древних ораторов — от грека Демосфена до римлянина М.Т. Цицерона и т.д.

Так же обстоит дело с государственной, политической и экономической структурами *посткрепостнического* общества (социализма), которые, в определенном срезе, намного сложнее аналогичных структур более передового буржуазного общества.

Нам осталось преодолеть «маленькую» трудность: выяснить, где возникают те условия, которые *избирательно* закрепляют или разрушают новые общественно-структурные отношения.

Воздействие стихии на расцвет и гибель цивилизации доказывать не приходится (хотя в этой теме не просматривается свет в конце туннеля). Например, пандемия или неурожай способны спровоцировать народный бунт и т.д.

С другой стороны, для процесса изменения общественных отношений, как мы думаем, вовсе не требуется инспирирующих изменений свойств внешнего мира. Достаточно простой определенности внешнего воздействия (скажем, поглощения и излучения Землей солнечной энергии), чтобы «сами собой» происходили перманентные изменения общественных отношений. Так, непрерывно меняется форма хитросплетения лиан в джунглях, тысячелетиями питающихся соками одной и той же земли. То есть, внешний фон необходим для развития, но как питательная, а не структурирующая среда.

Теперь обратимся к биологическим корням общественного

расслоения, как момента структуризации. В отличие от общественных насекомых (муравьев, термитов, ос, пчел, клопов, уховерток и пр.) в человеческой популяции, казалось бы, отсутствуют *социально значимые биологические различия* между особями. Но, если бы это было так, то возможность общественной структуризации была бы весьма сомнительна. (Правда, структуры высокой степени симметрии, подобные кристаллическим решеткам, состоят зачастую из одинаковых элементов, чем они и отличаются от живых структур).

И действительно, хорошо известны врожденные типовые различия людей на нервно-психическом, эмоциональном и интеллектуальном уровнях, которые в процессе воспитания и самовоспитания обретают форму индивидуального характера и индивидуального набора навыков. При этом, конечно, любая черта характера может иметь ту или иную социальную значимость, но должны быть главные, приводящие к такой структуре, когда *интересы одних служат необходимостью для других*. Поэтому мы вправе разделить людей на две категории.

К одной относятся личности конформные, жертвенные, не мешающие жить другим, ориентирующиеся на целесообразное преобразование природы и общества, испытывающие удовлетворение от процесса собственного труда, что является фактором их *самоограничения* и зависимости.

Вторую составляют типы эгоцентричные, эгоистичные, стремящиеся жить за счет других и испытывающие от этого особое удовольствие, желающие облагодетельствовать народ или, напротив, всегда готовые принести его в жертву общей идее или личным устремлениям и т.п.

Упомянутое биологическое (врожденное) разнообразие духовной сферы, закрепленное и специализированное в процессе приспособления людей к реальной жизни, служит источником непрерывного процесса расслоения общества или репликации общественной дифференциации: политической, экономической, служебной, семейной и пр.

С другой стороны, ясно, что акцентуация характера сама по себе еще не определяет действительного положения личности в общественной иерархии. Это объяснимо, поскольку каждому в той или иной степени присущ набор всех человеческих свойств, а для *сохранения* уже приобретенного общественного статуса (в отличие от его изменения) не требуется обладать ярко выраженными чертами характера и т.д.

Итак, мы показали, в чем состоит структурность общества и как в идее структуризации проявляются глубинные свойства социума.

Наука в историческом процессе

Влияют ли естественные и общественные науки на скорость протекания общественного процесса?

На первый взгляд — что же ускоряет общественный процесс, если не наука? Наверное, да, если это божественная наука. Земная же наука сама является моментом социальных процессов, а не представляет некое *внечеловеческое*, *внеисторическое* начало. Поэтому ученый в том же смысле продвигает, ускоряет исторический процесс, в каком он может бежать впереди самого себя или, подобно барону Мюнхгаузену, способен поднять себя за волосы.

Ошибка, заложенная в вопросе, является следствием обыденных представлений об историческом процессе как о том, что имеет определенное направление и цель, предопределенную волей и самосознанием индивидов.

Наука, разумеется, участвует в общественном процессе, но *не как субъект движения*. Ее можно сравнить с сердцем, легкими, мозгом, наконец, желудком растущего ребенка. Но ребенок развивается не потому, что дышит и не потому, что много ест (ведь взрослые едят больше). А почему? — Потому, что у него *нарушен энергетический и телесный баланс*. Вот и возникает вопрос: «Для направленного общественного процесса тоже требуется энергетический небаланс или достаточно, чтобы баланс не нарушался»? (Здесь вопрос ставится о балансе поступающей от Солнца энергии и энергии, излучаемой Землей. Земля излучает больше энергии, чем получает от Солнца, ибо на ней действуют вулканы, сжигается топливо, происходит ускоренный распад урана, идут биологические процессы).

Или, быть может, науку следовало бы исключить из понятия общественного процесса? Разве нельзя представить, что наука развивается сама по себе, а уж все остальное движется благодаря науке? Это выглядело бы вполне правдоподобно.

Так почему же мы настаиваем на том, что наука есть лишь один из моментов *саморазвития* общества, пусть особенный момент — *показатель развитости*, но никак не его генератор? Тонкость в том, что генератор энергии, *поддерживающий* жизнь, служит одновременно средством, *сохраняющим* общество в процессе его развития, перемежающегося с деградацией. Он давно известен и представляет собой *процесс поглощения и излучения человеком солнечной энергии в совокупности с процессом уподобления наличной биомассы*.

Наука не родилась одновременно с человечеством, но возникла исторически и, уже, поэтому не может быть первопричиной разви-

тия. Она представляет собой особый канал высвобождения человеческой энергии. Для поддержания науки достаточно баланса энергии, а простое ее функционирование означает поэтапное открытие новшеств, что, в свою очередь, «обеспечивает» развитие цивилизации и рекурсивно самой науки. Термин «обеспечивает» был взят в кавычки потому, что для функционирования науки требуется *спрос* на нее — то, что *первичнее* науки. Возникает порочный круг. Разрешение этого парадокса предоставим нашему читателю.

Периоды, когда науку игнорируют и, даже, уничтожают, хорошо известны в истории. (В наше время *всемирная борьба с наукой* именуется «экологической проблемой»). Но иначе и быть не может, поскольку наука возникла «посреди истории», а не *ab ova*.

Мы, таким образом, подводим читателя к мысли: чтобы быть *движущей силой* общественного процесса, наука сама должна находиться вне его. Но если бы дело обстояло так, то была бы невозможна преемственность в науке, невозможна была бы обратная связь по реализации-проверке открытий, то есть вне общества невозможно было бы *саморазвитие науки*.

Итак, если наука вне истории, то невозможно ее саморазвитие, если же наука способна сама себя развивать — значит, она сама исторична и не может быть инициатором общественного процесса.

Вообще говоря, *общественное бытие уже включает все формы сознания, не являясь ни первичным, ни вторичным по отношению к нему* (вопреки мнению К. Маркса). Наука же возникла на определенном этапе развития не как произвольный телеологический аппарат, но как необходимый момент общественного бытия.

(Можно утверждать, что возникновение науки знаменует формирование качественно новой разумной структуры, пришедшей на смену дикарю-кроманьонцу. Это реальная социальная структура, а не фантастический образ).

Посему не приходится уповать на то, что именно *наука* спасет и облагородит человечество или, напротив, погубит его. Но само развитие науки является моментом благотворным и губительным одновременно.

Теперь посмотрим на все это с *практической* точки зрения. Если теологов, порой, интересует, что может, а чего не может сделать бог, то философия озадачена возможностями науки. Уже на этом уровне рассмотрения представляется очевидным, что человек — лишь опосредующее звено структурных изменений природы, так что к его возможностям следует относиться с тем же «пиететом», с каким относимся к роли Земли во вселенной.

Что это означает применительно к общественному развитию?

Может ли наука *изобрести* новые общественные отношения? Изобрести может: достаточно обратить внимание на так называемые *социальные утопии*. Но способны ли они нести силу реализации? Иными словами, если идея общественного переустройства, наконец, явилась к вам, наш читатель, возникла как проект совершенно новой, целесообразной, оптимальной общественной структуры (общественной формации), как план новой исторической эпохи, то может ли она быть реализована?

Почему, собственно говоря, нет? Почему проект отдельного механизма, отдельной машины, проект отдельного юридического закона можно реализовать (наряду с *реализацией* многих других проектов), а проект эпохи в целом нельзя? В чем тут заковыка? — Потому, что общественная формация безальтернативна. Можно придумать и изготавить разные механизмы одного и того же назначения, придумать несколько различных утопий, но нельзя создать несколько различных формаций. *Общественная формация есть нечто общее и целое, тогда как все остальное — детали.* Поэтому вопрос реализации как таковой есть вопрос борьбы, вопрос практики, а не теории.

Резюмируем. Эпоху невозможно создать одномоментными усилиями одного человека или усилиями человеческой деятельности одного направления — будь то наука или техника, искусство или политика и т.п. *Эпоха создается комплексом множества открытий, множеств изобретений и их реализаций и т.д., то есть требует усилий популяции в целом на длительном временном периоде, в течение которого любая отдельная концепция будет многократно видоизменена.*

Научные предсказания

Наука, давно рассчитавшая траектории планет, комет, звезд и сделавшая таким образом прогноз их местоположения на сотни лет вперед, предвидящая изменения космического масштаба, тем не менее, ничего не говорит о будущем человечества.

Правда, высказано осторожное предположение о том, что человечество не вечно, но это утверждение является пределом прогноза, границей этого понятия, но не его «телом». Погибнет ли человечество в результате всемирной катастрофы или вследствие эпидемии, путем ли ликвидации собственной экологической ниши, или генетически вырождаясь — все эти и подобные им варианты *равновозможны* с позиции незнания. Сегодня не известно, будет ли тому причиной экологическая катастрофа, термоядерная война, распад экономических отношений или нечто иное. Мы не знаем, произойдет ли такая катастрофа в 21 веке или 20 тысячелетий спустя, но тенденция обозначена.

Отметим, что приведенные в начале главы примеры научных прогнозов зиждутся на принципе *эргодичности*, что принято называть *сущностью вещей*. Примерам же полномасштабного человеческого развития взяться неоткуда (не известны инопланетные цивилизации), и поэтому *научный* метод прогнозирования здесь не применим.

Однако это не мешает проявиться эргодичности в некоем ограниченном срезе. Так, следовало бы ожидать, что *отсталые* (в прогностическом смысле) страны разделят судьбу передовых, если бы история не была столь причудливой. Можно выстроить исторический ряд социальной преемственности: Древний Египет, Древняя Греция, Древний Рим, Византия... Но далее происходит разрыв последовательности: варвары не стали догонять древние цивилизации, а пошли иным путем. (Д. Гербер считает, что цивилизация продолжила свое развитие уже в Раннем Средневековье, но не в Европе, а на Ближнем Востоке и Китае). Впрочем, эргодичность снова возрождается на более низком (частном) уровне, начиная с феномена культурного Возрождения Западной Европы и оканчивая рынком земли — древнеримской экономической находкой, которую никак не введут в Украине. Вот и отгадайте, какой исторический срез доступен прогнозированию, а какой — нет.

Впрочем, сейчас известны методы прогнозирования объектов, не являющихся *эргодичными динамическими системами*. Прогноз, как мы не раз об этом упоминали, есть процесс быстрой «прокрутки» в мозгу мысленной модели неких реальных медленно изменяющихся структур. Речь идет о методе *пошагового моделирования ситуации*, положенном в основу компьютерной игры под условным названием «Жизнь» (Дж. Конвей, 1970). Его можно предложить кандидатом для прогнозирования общественных отношений, когда станут известны:

- 1) набор неизменных элементарных социально-экономических структур, из которых складываются разнообразные сложные структуры: общественные уклады, или «культурные блоки»;
- 2) правила (законы) преобразования одних структур в другие, причем, сами правила неизменным образом должны зависеть от существующей конфигурации.

В развитие темы заметим: человеческой популяции присущи вполне определенные видовые признаки, что не могло не найти своего отражения в *инвариантах* общественной жизни. Так, издревле известен ограниченный набор форм управления государством, переходящих одна в другую (смотри «Истории» Геродота и «Политии» Аристотеля), но не создающих чего-то принципиально нового и т.д. Поэтому вычленение социально-исторических инвариантов должно составить

системную задачу общественной науки.

Известны также и некоторые правила социального преобразования, например необходимость трансформации демократии в автократию и т.п.

Вообще говоря, можно утверждать, что *каждая* ступень развития имеет свой, только ей присущий *предел сложности*, вне которого общественная структура теряет свою работоспособность, и система *саморазрушается*. Неизвестно, почему это происходит, однако ясно, что должен наступить такой момент, когда *человеческий разум будет не в состоянии справиться с порожденными им сложностями бытия, что, в свою очередь, должно привести к краху*.

Заметим, что наряду с попытками (1) *прогнозирования* (вероятностного предвидения) известны попытки (2) *изобретения счастливого будущего* и опыты (3) *планирования будущего* (то есть, разработки способов реализации социальных новшеств).

1. Социальные прогнозы больше всего удаются интерпретаторам астролога М. Нострадамуса.

2. «*Изобретатели счастливого будущего*» — авторы социалистических или антисоциальных учений — подошли к проблеме будущего с позиции интеллектуального произвола. Они вовсе не утруждали себя прогнозами естественного развития, но предлагали *хитроумнейшие* рецепты благоденствия человечества, достижимые *посредством* «наилучшей» организации общества, *самопостижения* или обретения высшей духовности. Но кому известен критерий оптимальности общественных отношений?

С другой стороны, любая фантазия, так или иначе, связана с прошлым и настоящим. Категорию социально ориентированных фантазий отличает механистически модифицированное видение истории. На самом деле брали отжившую свой век социальную структуру, и декларировали, что при ее воссоздании люди будут счастливы (все или избранные). Известные социальные конструкции, при всем их разнообразии, представляют отжившие формации «с человеческим лицом» и посему являются прогнозом исторического отката, а не видением будущего. Не удивительно, что нашлись (и всегда будут находиться) «догоняющие» страны, в которых социальный прогноз сбывается: это страны *социалистического и фашистского толка* и подобные им.

3. Планированием будущего занимаются, как правило, его изобретатели. Наиболее взвешенно к проблеме подошли К. Маркс, Ф. Энгельс, В. Ленин, главная идея которых состояла в том, что *вменяемые будущему перемены* должны самостоятельно созреть, что означает: «как только, так сразу».

Неустраняемая неопределенность в оценке степени реализации

прогноза проистекает из-за размытости его формулировок, а также из-за невозможности однозначно сопоставить денотат десигнату.

Выше были указаны некоторые трудности, препятствующие науке представить «истинный путь» человечества. Теперь подойдем к проблеме с иной стороны, используя *метод постулирования результата*, или, как говорят математики, «метод от противного».

Что именно должно быть известно науке для предсказания? Ни мало, ни много — последовательность и содержание будущих научных открытий в разных областях человеческой деятельности. Кроме того, ей наперед должны быть известны вероятные пути разрешения будущих социальных конфликтов, исходы еще не начавшихся войн и др. Но невозможно предвидеть то, что еще не открыто, иначе сам прогноз стал бы этим открытием.

Чтобы некий ученый смог спрогнозировать собственное будущее, он должен быть уверен, что в прогнозируемом будущем сам ничего нового не откроет, не изменит своего отношения к окружающему миру и т.п. Если же он знает о своей бесталанности, то, тем не менее, не может утверждать этого в отношении потомков. Таким образом, любой прогноз содержит в себе *ядро косности*, в чем и состоит *проблема разрешимости* для прогнозирования.

Будущие научные открытия не прогнозируемы в принципе, но технически целесообразные решения можно случайно отгадать. Так, луч лазера был угадан А. Толстым в известном фантастическом романе при том, что о когерентном излучении никто тогда не имел ни малейшего представления.

Взгляд на историю, именно как на направленное, а не чисто аморфное движение, позволяет представить ее в понятиях и тем самым сделать объектом науки. В то же время телеологическая концепция, поскольку содержит в себе аксиологическую составляющую, предполагает в общественном процессе некую оптимальность, тогда как природа вещей индифферентна к человеческим чаяниям. Это противоречие никто не разрешил, но никто и не отменил.

Итак, мы показали, что будущее может быть прогнозируемо, но лишь в той мере, в какой нам известно и понятно прошлое и настоящее, то есть научный прогноз проблематичен по существу. Но в любом случае, прогноз ограничен неэргодичностью социального процесса.

Не лучшим образом обстоит дело и с ретроспективным прогнозом (представлением о древнем мире), ибо отсутствует более или менее общепринятая трактовка человеческой истории. *Прошлое человечества не понято, а грядущее непредсказуемо.*

Исторический процесс и объективность

Социально-экономические явления, процессы, отношения принято считать суто искусственными образованиями и при том исторически преходящими. Так ли это? Чтобы разобраться в проблеме, расширим сферу исследования, включив в него примеры из иных областей знаний.

Начнем с ядерной физики. Здесь стоит обратить внимание на то, что многочисленные субатомные (элементарные) частицы имели искусственное происхождение, поскольку были *получены* на изготовленных человеком устройствах — ускорителях. Однако физики рассматривают их не как плод искусственных образований, но как всегда существовавшие *природные* образования, для проявления которых требуются особые условия. Как чисто природное образование рассматривают и такой химический элемент как радий, несмотря на то, что он был получен искусственным путем, и в естественном состоянии долго существовать не может.

Что касается сложных химических веществ, впервые синтезированных человеком, то и их ученые склонны считать естественными образованиями. Ведь не любые соединения возможны, а только predisposed.

Труднее представить естественным образованием изготовленный на заводе велосипед. Но достаточно обратить внимание на то, что устойчивость ему придает не велосипедист, но так называемый гироскопический момент — естественноприродное явление, чтобы отнести велосипед к природным устройствам. Обычно принято считать, что велосипед был *изобретен*, хотя есть достаточно оснований считать, что он был *открыт*.

Совершенно иной подход к проблеме можно наблюдать в социальных теориях.

Дело здесь не столько в различении *искусственного* и *естественного* (что является чистой условностью, ибо человек — творение естественное, а значит, способен продуцировать тоже естественные феномены), сколько в противопоставлении *уникального* явления *всегда* существующему и повторяющемуся.

Если следовать общенаучному подходу, в каждом так называемом историческом (то есть неповторимом) явлении *обязан присутствовать момент инвариантности*. Это обстоятельство позволяет в исторических процессах искать всегда сущие законы и закономерности, а на будущее *взирать одновременно в двух плоскостях*:

- 1) как на то, чего никогда не было;
- 2) как на то, что еще не открыто, хотя оно всегда существовало.

С этих позиций правильно утверждать, что человечество не столько *формирует* общественно-экономические отношения, сколько *открывает* их.

Так и общественный уклад: хотя он создавался человеческим разумом, но не только разумом. Поэтому проблемы современного уклада есть необходимое следствие его многовекового развития. Особая трудность в его изучении состоит, по нашему мнению, в том, что это синкретизм разумных и неосознанных действий, в отличие от *чисто* естественного объекта, который существует вполне независимо от человеческого сознания и воли. (Но неосознанное творение не перестает от этого быть человеческим творением, творением искусственным).

С другой стороны, общественная структура имеет аналоги вне человеческого общества. Это означает, что в искусственном заложен момент естественного. Получается, что создавая новое, человек открывает всегда сущее.

В заключение отметим, что все сказанное, по необходимости, не имеет отчетливых очертаний. Поэтому не будем делать вид, что природа общественных отношений есть завершенная тема.

Общество разумных или разумное общество?

Человек появился как животное и его мозг отличается от мозга других животных, как орган животного одного вида отличается от аналогичного органа животного другого вида. И среди этих отличий есть одна *потенциальная способность*, реализация которой приводит к тому, что человеческий мозг начинает все более и более отличаться от мозга животных. Иными словами, мозг человека отличаться от мозга других животных как *развитой способностью* к накоплению и долговременно-му сохранению информации, так и самими знаниями, накопленными поколениями.

Эти *прижизненные* (постнатальные) *изменения мозга называют разумом*. Разум формировался как момент бытия человеческой популяции мириадами лет и *продолжает развиваться* без изменения биологических, видовых свойств человека. Поэтому говорят, что человеческий разум есть категория историческая.

Прижизненное накопление информации (запоминание) — процесс необратимый по определению. (Механический аналог запоминания — храповик). Передача-восприятие информации при смене поколений, как *особое звено* в процессе накопления знаний, — то же биологически обусловленный процесс. И этот процесс подвержен прерываниям, что грозит обществу повторным одичанием. Но если в прежние времена — времена географической разрозненности чело-

веческой популяции — деструктивные процессы носили локальный характер, то последствием «глобализации» должен стать глобальный крах цивилизации.

Несмотря на обширные исследования, проводимые по изучению структуры и функций мозга, сегодня неизвестно, способен ли индивид поглотить всю информацию, накопленную человечеством, но, так или иначе, распределение различной информации между людьми существовало, по-видимому, всегда.

А. В том смысле, в каком разумным можно считать индивида, еще более разумным можно считать общество в целом. *Правильно утверждать, что разумным является не только индивид и не столько индивид, сколько общество в целом.*

Более того, общество сохраняет знания не только в человеческих головах, но преимущественно на так называемых «внешних носителях информации», коими служат созданные человеком машины, приспособления, постройки, книги, «электронная память» и пр. Таким образом, последующим поколениям передают не только сами знания, но методы их извлечения из внешних носителей (навыки управления машинами, естественные и искусственные языки, и т.п.).

На сегодняшний день объем знаний, запечатленных в мозгу всей человеческой популяции, оказался много меньшим сохраненного на внешних носителях информации, и этот разрыв будет со временем увеличиваться.

Итак, индивид, используя свои знания и умения совместно (!) со знаниями и навыками других людей, способен действовать *разумно*. В этом же смысле *разумно* действует и общество в целом.

Б. Действительные трудности в решении проблемы возникают тогда, когда под *разумностью* начинают понимать *целесообразность* действия. Это *вторая* точка зрения на понятие разумности.

Сначала обсудим индивидуальную целесообразность. Уже на этом уровне рассмотрения видим двоякость в понятии цели.

1. *Цель есть* отчасти необходимый (то есть обусловленный *уникальностью момента*), отчасти произвольный (то есть обусловленный *уникальностью индивида*) *предваряющий выбор*, сделанный из ограниченного обстоятельствами набора возможных путей.

2. *Цель есть предвидение* возможного результата действий, к которым, так или иначе, *склоняется субъект*. Он может не вполне осознавать причины сделанного выбора, но не может не предвосхитить результат (правильно или ошибочно). Субъект не только выбирает свой путь, но и корректирует его *сообразно цели*. В противном случае, действия не называют разумными. (Если вы решили, например, написать рецензию на эту книгу, то, скорее всего, не задумываетесь о причинах

действия, однако *ожидаете*, что рецензию прочтут).

Когда же с этими мерками подойдем к целесообразности общественного поведения, обнаружим отличия.

Уникальной можно считать отдельную общественную группу (например, политический домен, политическую партию), и в этом смысле говорить о произвольном целеустремлении. Но общество в целом не уникально. Поэтому цель, как *произвольный* выбор, произведенный обществом в целом, есть бессмыслица — факт смещенного сознания. «Выбор» глобального образования есть необходимость.

В. Третий взгляд на разумность возвращает нас к посланию предыдущей главы. Речь пойдет о (1) разумной структуре и (2) разумном методе. Какой метод построения *разумной структуры* следует считать разумным?

1. Под *разумной* (в смысле «обобщенного разума») будем понимать *почти симметричную* структуру. Именно в этом смысле разумны шестигранные пчелиные соты, разумна логарифмическая спираль панциря улитки, разумны многоквартирный дом и лабиринт под египетской пирамидой, разумно общественное устройство в виде структурированного сообщества государств и т.д.

В этом же смысле разумно и человеческое мышление, обрабатывающее *информацию*, поскольку последнюю можно представить в виде последовательности повторяющихся симметричных элементов — битов.

2. Можно ли создать разумную структуру неразумным (читай: случайным, хаотичным, неструктурированным, несводимым к инвариантам...) методом? Этот вопрос стоит на пересечении проблем *эргодичности* и *темпоральности*.

К разумным отнесем методы, опосредованные *сознанием* и таким образом предваряющие само действие. Виды осознанного метода:

- а) целостный план, математическая формула или алгоритм;
- б) пошаговое моделирование ситуации.

Предваряющее опосредование может и не быть антропопатичным. Известные примеры: филогенез—онтогенез; молекула ДНК — живой организм...

Так спиралевидная форма многих галактик создана под действием одной и той же гравитационной силы (или эффекта искажения пространства, согласно теории А. Эйнштейна), а значит, согласно определению, разумно само действие.

К разумным приходится отнести и методы, используемые пчелами для построения почти симметричных сот. Когда человек захочет построить соты, он будет действовать иначе. Но все это — разновид-

ности «обобщенного разума».

В итоге неизвестно, можно ли неразумными методами создать разумные структуры, но разумные методы не всегда приводят к разумным результатам.

Г. Согласно *четвертой* точке зрения, разумное означает рассудочное, спекулятивное, *оптимальное*. Разумное предполагает безошибочную работу *генератора оптимальности*. Вопрос в том, существует ли оптимальность сама по себе, независимо от человека или это, все-таки, один из множества субъективных подходов к оценке реальности и выбору цели.

Обсудим проблему разумной оптимальности в плане *общественного устройства и общественного развития*.

Когда ставим вопрос о разумности *общественного развития*, то имеем в виду план, предвещающий развитие, или единую направляющую силу с неизменным алгоритмом ее действия. Каким же должно быть ее обличье?

Нам представляется, что воплощением этой силы должен быть некий гений, бог, инопланетянин, короче, некто, обладающий сверхъестественными возможностями, как-то:

знать наперед, в каком направлении и в какой последовательности должны развиваться общественные отношения или же проектировать их произвольно по своему усмотрению;

давать команду каждому члену общества, как изменить свои связи в отношении друг с другом или поставить индивидов в условия, когда они сами вынуждены изменять взаимоотношения предопределенным образом, например: одному отказаться от своей собственности и привилегий в пользу другого, иному изменить методы управления, следующему изменить отношение к труду и обрадоваться своему закреплению и т.п.;

желать делать именно эти преобразования. Действительно, если наше божество не из рода человеческого, то непостижимо, зачем ему решать человеческие проблемы вообще и почему следует решать их так, а не иначе? Напротив, если это человеческий гений, то его интерес уже предопределен формулой его жизни и поэтому к его *вольной разумности* может иметь лишь случайное отношение.

Итак, в смысле *оптимальности* понятие *разумности* к обществу не применимо.

Давно общим местом стали жалобы схоластов от науки на то, что активные политики не *желают* (не умеют, не способны) учиться на исторических ошибках. Наш читатель улавливает, что само понятие *ошибки* применимо лишь при *разумном действовании*, при разумном управлении государством, если бы таковое было возможным, и если

бы кто знал, что означает «разумное управление». В действительности же то, что одни считают исторической ошибкой, а другие, напротив, — верным решением, как правило, является исторической необходимостью и как таковое многократно тиражируется в аналогичных исторических ситуациях. Не разум движет общественным процессом, взятым как целое. *История не рациональна, а значит, не может и совершать ошибок.* Отсюда, *нельзя учиться на ошибках истории*, но можно извлечь практические уроки из ее постижения. Вот наиболее общие из них:

1. Предки не были глупее современников. Так что, если вы усматриваете ошибки в их действиях, значит недостаточно владеете исторической информацией или не понимаете суть происходившего.

2. В подобных условиях следует ожидать и подобного результата. Если нежелательный результат можно было бы предотвратить, то это многократно сделали бы в прошлом.

«Допустим, — скажет проницательный читатель, — но какова же тогда роль царя, кабинета министров, парламента и прочих власть предержащих? Разве власть не есть управление, а управление разве не несет в себе разумное начало?»

Сначала отметим *очевидное*: каковой бы ни была их роль внутри государства, она ничтожна в межгосударственных мировых отношениях, где *разум служит лишь художественным обрамлением силовой борьбы*. Но мир не разумен не только в целом, но и в своих локусах. Решения правительства — результат борьбы интересов и мнений, а не следствие «правильно понимаемой теории». Даже при консенсусе мнений, решения правительства — не плод абстрактной рациональности.

Здесь уместно привести пример ситуации, когда действие рационально в одном смысле и нерационально в другом. Речь идет о «демократизации» государственных институтов в периоды общественных кризисов. Мы имеем в виду переходные периоды, когда старый уклад еще полностью не распался, а новый окончательно не сформировался. Поэтому представители нового находятся во вновь созданных органах демократии (ареопаге, думе, совете, парламенте и пр.) в меньшинстве, составляя «оппозицию» консервативному и реакционно настроенному большинству. Отсюда возникает искусственное (но от имени народа) противодействие историческому развитию. И чем более демократична избирательная система, чем адекватнее народные избранники отображают структуру общественного сознания, тем более их решения тяготеют к консервативно-реакционному краю. Такую ситуацию все еще имеем в России, Беларуси, Украине, Молдове и прочих бывших административных единицах («республиках») Советского Союза.

Д. Мы рассмотрели разумность в узком плане, — как функцию человеческого мозга. Но человеческий мозг — не единственный

источник разумности. Человеческий разум есть лишь момент «обобщенного разума» — абстракции некой структурообразующей силы, которая «создает» или «проявляется» в невероятных внутриатомных конструкциях, в изящных формах кристаллов, в почти симметричной морфологии всего живого, в том числе человека и человеческого общества. «Обобщенный разум» — антропоморфное название расширенного абстрактного понятия, которое возникло постольку, поскольку *человеческий разум* не является ни вполне уникальным, ни самым могущественным. Поэтому, хотя общество не живет человеческим умом, но оно разумно как момент «*обобщенного разума*», рядоположным муравьиной семье, и пчелиным сотам, логарифмической спирали улитки, куполу медузы и иным структурам, из которых только некоторые были сотворены при посредничестве человека.

Таким образом, мы показали, что человеческое общество есть общество разумных индивидов, но, как целостное образование, оно представляет объективную *мало познанную* структуру, свойства которой отличны от свойств ее элементов.

Субъект желаний

То, что принято называть произволом, или желанием может иметь различные определения.

Если вы, мой читатель, страстно желаете чего-то вполне возможного или неосуществимого и ожидаете, что *это* произойдет без вашего участия, то речь пойдет не об этом. Если вы захотите, чтобы человечество узнало структуру элементарных частиц, то можете ничего для этого не делать, ибо эти исследования рано или поздно проведет кто-либо другой. (При этом, правда, может оказаться, что элементарные частицы вовсе не структурированы и т.д.). То есть желание — вещь случайная.

Но если вы усиленно молитесь богу, чтобы *это* произошло, или разработали проект реализации желания, или организовали на это людей, или сами непосредственно взялись за дело, то вы вправе ожидать наступления желаемого результата. При этом, вообще говоря, желаемый результат или наступит, или нет, или наступит частично, или будет прямо противоположен задуманному, или возникнет побочный эффект и т.п.

Короче, *результат есть случайная функция желания.*

Но некоторые вещи не могут произойти *без* вашего желания. Например, если вы желаете написать *хорошую* книгу, то следует приложить, как минимум, усилия, чтобы просто ее написать.

С другой стороны, желание, в его обыденном понимании, не яв-

ляется единственным источником ваших поступков. Чаще всего вы *вынуждены* поступать вопреки собственному желанию: по желанию или нежеланию других людей или под давлением обстоятельств. Известно также фатальное постоянное ни от чего не зависящее желание, например, голод, жажда, страсть и др. В расширенном понимании имеем следующие виды желания:

- желание по интересу (свободное желание);
- желание по принуждению (по желанию других людей);
- желание по необходимости (под давлением обстоятельств);
- фатальное желание (физиологические потребности и пр.).

Теперь мы подошли к трудному месту — выбору *«системы отсчета»* для переоценки ценностей. Действительно, с точки зрения человека как *субъекта* желание есть производ. С точки же зрения жизненного процесса — так называемой объективности — желание есть необходимое проявление «обобщенного разума» как способ жизнедеятельности человека.

Выбору точки зрения в обиходе или в историческом плане соответствует выбор *«субъекта действия»* — иницилирующей силы. В качестве субъекта действия может выступать, например:

- личностная сущность человека;
- национальный менталитет;
- животная природа человека (физиологические, рефлекторные, эмоциональные и прочие *подсознательные* свойства);
- общебиологическая природа (человек как явление живой природы);
- видовая природа человека (отличительные особенности человеческой популяции в сравнении с другими животными);
- «обобщенный разум»...

Следует отметить, что нет ничего экстраординарного в том, чтобы рассматривать поведение человека с общебиологической точки зрения или еще более общих и более глубоких позиций, ибо известно, что весьма отдаленный субъект действия может быть причиной самых обыденных явлений, точно так же, как вращение Земли является причиной водоворотов и циклонов, как солнечные протуберанцы служат причиной сердечных приступов на и т.п.

В то же время каждая отдельная система отсчета, как средство, ведущее к познанию, более эффективна в «своей» области.

Для физики это общепризнанный тезис. Со времен Н. Коперника за основу принята гелиоцентрическая система, но для разработки сети городского транспорта за систему отсчета принимают Землю и даже не всю Землю, а небольшой почти плоский участок.

Так и в общественной жизни. Если вы станете оценивать некое

предложение члена парламента, не как выражение свободы воли данного субъекта, а как глас судьбы, то вряд ли преуспеете в этом направлении. Также бесплодными окажутся потуги, если переход *западного мира* от *десятитысячелетнего* рабства к феодализму вы попытаетесь обосновать желанием нескольких лиц или, даже, спонтанным волеизъявлением всего человечества.

Следующий вопрос, который рассмотрим в этой связи: «В какой мере желание по интересу (собственно производ) способно оказать влияние на общественно-исторический процесс?»

Поскольку общественные перевороты не совершаются на высоте процветания государства (когда только и возможно выразить *желание по интересу*), но им сопутствует экономико-политический кризис, то от *желания по интересу* следовало, казалось бы, перейти в сферу *желания по необходимости*.

Однако спонтанность и несовместимость интересов разных слоев общества, особо остро проявляющиеся в кризисные периоды, напротив, служат признаками (выражением) *желания по интересу*. Таким образом, оба вида желаний неразлучны и действуют одновременно.

Если распад общественных отношений (суицид общества) происходит, *минуя произвольные желания*, то в становлении новых отношений оно принимает участие. (Вопреки сказанному, распад общественных отношений можно считать побочным следствием разумных действий: экономические субъекты не видят смысла поддерживать ранее сложившуюся форму отношений в изменившихся неизвестно почему условиях).

Будут ли при этом новые отношения в какой-то мере соответствовать исходным желаниям — это, как мы говорили, дело случая. Произвольное желание лишь в той мере может *предварить* свой результат, в коей последний является повторением пройденного пути. Качественно новое непредсказуемо даже в желании.

С одной стороны, желания по интересу и по необходимости *рядоположны*, действуют совместно и вопреки друг другу. С другой — они работают в разных «системах отсчета» и поэтому не должны взаимодействовать между собой: интерес — в субъективной системе, а необходимость — в объективной.

Отметим, что обе системы отсчета потенциально равносильны, то есть механизмы *адекватного отображения реальности могут быть созданы в любой системе отсчета*. То, что в одной системе отсчета представляет случайную картину, в другой является моментом необходимости.

Наконец, *фатальное желание*, как мы уже упоминали, вообще не

зависит от внешних причин и во всех случаях дает один и тот же результат. Человек, например, может осознавать или не осознавать дыхательный процесс, но дышит самопроизвольно и т.д.

Итак, мы попытались описать, каким способом и при каких условиях произвол индивида проявляется в произволе истории и познакомили читателя с возникшими при этом трудностями.

Генетическая социальность

То, что принято называть человеческим обществом, возникло одновременно с появлением кроманьонца, но зачатки современного общества существовали еще у его генетических предшественников. Иными словами, общественные отношения не развивались от нуля. Кроманьонец продолжил традиции генетических предшественников. Поэтому общество является таким же атрибутом человеческой популяции, как и эусоциальная колония — атрибутом популяции пчел (Э. Уилсон), стая — атрибутом некоторых видов рыб, колония — атрибутом популяции «голых землекопов» и т.п. Иными словами, человечество никогда не существовало вне общества.

Хотя человеческое общество как таковое не является искусственным образованием, но его структура и содержательное наполнение способны варьировать под давлением массового (общественного) сознания (впрочем, как и сообщества, создаваемые животными иных видов). И здесь возникают две группы вопросов:

1) существует ли внутри-зависимая изменчивость человеческого общества, не зависящая ни от каких внешних воздействий, в том числе от технических усовершенствований?

2) какова устойчивость общественных отношений?

1. Если внутренняя изменчивость существует, то она может быть трех видов, вообще говоря:

а) случайные флуктуации;

б) однонаправленная изменчивость, которая должна иметь свой конец, совпадающий с гибелью человеческой популяции;

в) циклические колебания.

Организация общества, которая, казалось бы, должна непосредственно зависеть от физических условий существования, в действительности не была тесно связана с техническими достижениями, вопреки мнению К. Маркса («Капитал»). Так, древняя и доколумбовая американская цивилизация, не знающая ни колеса, ни лука (без чего не мыслима цивилизация Старого Света), представляла собой хорошо структурированное общество, имеющее письменность, которую многие европейские народы получили только тысячелетие лет тому назад,

а некоторые — всего 100 лет назад.

Однако внешне-зависимая изменчивость общества (порожденная естественными или искусственными обстоятельствами) тоже существует, и провести формальное разделение между внешне- и внутренне-зависимой изменчивостью затруднительно.

2. Что касается устойчивости общественного процесса, (то есть одинаковой направленности или неизменной продолжительности цикла, или одинаковой последовательности в смене общественных укладов...), то она может быть представлена в двух ипостасях:

а) как длительная инвариантность (закономерность, необходимость).

Во-первых, гибель всех без исключения цивилизаций прошлого свидетельствует об относительной устойчивости в смысле исторической закономерности.

Во-вторых, стагнация культурного блока у диких народов на фоне опережающего развития иных народов свидетельствует о том, что инвариантность в виде необходимости общественного развития *относительна*.

б) как сопротивление или неподверженность внешним воздействиям. Так, дикое общество (например, индейцы Америки, бушмены Африки) следует считать весьма устойчивым, поскольку оно на протяжении многих веков более или менее успешно сопротивляется «окультуриванию». Устойчивым следует считать и само цивилизованное общество, ибо при соприкосновении с дикарями оно сохранило свои черты. Чтобы подчеркнуть, что устойчивость симметрична относительно категории культуры, достаточно поставить вопрос: «Почему никто из цивилизованных жителей планеты не стремится работать в деревне, жить по-цыгански или в резервации и *и.и.*»?

Исторические иллюзии

Кривое зеркало столь же реально и реалистично, как и плоское. Только, глядя в кривое, зеркало не следует думать, что оно плоское.

То, что фундаментальные физические теории, которые, казалось бы, способны объяснить все и вся, со временем оказываются несостоятельными, давно стало общим местом. Так и исторические знания. Ведущее место теперь занимают наблюдения, а не домыслы. В наше время антропологи, этнографы, этнологи... продолжают добывать новые знания о функционировании общества, все более углубляясь в историю, так что прежние представления претерпевают кардинальные изменения. Так будет и в дальнейшем. Поэтому об исторических знаниях следует говорить не столько в плане их уточнения и накопле-

ния, сколько их коренного изменения. Вместе с историческими знаниями обновляются и социальные теории.

Лучшая форма правления

С древних времен социологи и политологи придают довлеющее значение таким характеристикам социума, как форма правления, вид государственного устройства и т.п. Многие пытаются объяснить, чем одна форма правления лучше всех остальных. Но если учесть противостояние интересов разных слоев общества, разных экономических классов и т.п., то станет понятна относительность оценки форм правления. Тонкость же в том, что не удастся определить оптимум даже тогда, когда социолог исходит из односторонних, вполне определенных интересов.

Так, нельзя утверждать, казалось бы, очевидное: что демократия лучше для простого народа, чем аристократия. Ведь отсутствие народных представителей во власти не всегда хуже их присутствия в качестве продажных политиков и провокаторов и т.д.

Так, существуют «общественные институты личной зависимости», члены которых голосуют на выборах по принуждению, создавая иллюзию народного самовластия. Например, на постсоциалистическом (постсоветском) пространстве по принуждению голосуют в:

новых сельских общинах;
местах заключения;
армии и прочих силовых структурах...

Закон общественного мнения

Постижение социума как макропроцесса есть результат свободных, то есть неутилитарных, исследований. Напротив, общественное мнение складывается из индивидуальных узкопрактических представлений, поэтому истинная сущность и причины социальных явлений по необходимости отличаются от тех, какими они представляются общественному мнению.

Общественное мнение менее объективно, чем частное мнение исследователя, заинтересованного в истине.

Дифференцированное развитие и деградационное усреднение

Начнем с исторического противостояния города и деревни. Города древние и средневековые (в России — до середины 19 века) не были центрами ремесла и промышленности, как это часто представляют. Это были центры торговли, посещаемые и заселяемые отечественными и иноземными купцами. (Д. Гербер). Таким образом, город по национальному составу отличался от туземного населения деревни. Поэтому национальное противостояние есть, в частности, противостоянием между городом и деревней.

Отсюда истекает и культурное противостояние между городом и деревней. Разрыв увеличился, когда Европа стала воссоздавать культуру вымерших цивилизаций. С этим противоречием Западная Европа справилась путем распространения грамотности среди туземного населения деревень, что позволило сделать эпохальный рывок в общей культуре ее стран. Это не было решением умного человека; это была необходимость, требующая философского осмысления.

История знает и иной вид противостояния — социальный, когда в процессе восстания крестьяне захватывали ненавистные им города. Болотников, Разин, Пугачев в России, Германия в канун введения крепостного права (1550), Чжан Саньчжун в Китае, Вандейский мятеж и шуаны во Франции... В наше время — красные кхмеры в Камбодже, движение под названием «Исламское государство Ирака и Леванта (ИГИЛ)» на Ближнем Востоке...

Кроме общемировых форм противостояния, существуют и локальные. Наша интеллигенция из-за многовековой отсталости вынуждена перенимать культуру и личностное отношение к обществу, в частности к труду, у Запада. Интеллигент стал носителем иностранной культуры, и поэтому отечественная интеллигенция (цивильная, военная, религиозная) — это инородное тело для народа, независимо от ее социального, национального происхождения, экономического статуса и т.п.

Отсюда ряд «культурных революций», охвативших наши страны.

Первая «культурная революция» — уничтожение общей культуры (всего культурного блока) произошла на территории России в гражданскую войну 1918—1922 годов.

Вторая «культурная революция» происходила между 1937—1953 годами. Уничтожались передовые, а значит прозападные, ученые. Исключение составила наука с милитаристским уклоном, что говорит в пользу того, что стихийная сторона усреднения культуры была огра-

ничена сверху.

Третья культурная революция началась около 1995 года и продолжается по сей день. Главный удар пришелся на науку (сократилась государственная поддержка) и «инновационную» интеллигенцию — инженеров, которые не нашли применения в период грабительского присвоения (а не созидательного накопления) государственного капитала.

За четверть века после развала СССР и самоликвидации (!) социализма городское население России и Украины сократилось вдвое за счет резкого снижения рождаемости и увеличения эмиграции. Их место заняли бывшие крестьяне. В результате культура упала ощутимо, что нетрудно проследить по возросшему потоку грамматических и лексических ошибок в печатных изданиях. Сократились книгопечатание и книготорговля, перестали пополняться библиотечные фонды, исчезли проектные институты, продолжает сокращаться число научно-исследовательских институтов...

Уже в наши дни на постсоветском пространстве нарастает очередная волна революций, то есть социальных преобразований прогрессивного, регрессивного или двунаправленного толка, в процессе которых интеллигенция и культура пострадают в первую очередь и в наибольшей степени.

Неустойчивость цивилизаций и глобализация.

Хотя глобализация началась еще в конце прошлого века, но даже сегодня говорить о глобальной связности политических доменов можно лишь условно, коль скоро существует немало диких или полудиких народов. Однако определенная тенденция прослеживается. Понятно, что, глобальное объединение самим фактом возникновения вносит фактор неустойчивости. Вопрос же в том, при каких условиях этот фактор окажется определяющим. Вот примеры неустойчивости, вносимой глобализацией как таковой:

- пандемии и панзоотии;
- нарушение климата планеты;
- расширение ареала мировых экономических кризисов;
- глобальное истощение природных ресурсов;
- глобальное загрязнение окружающей среды;
- возникновение новой разновидности глобальных войн — информационных;
- безудержное распространение производства оружия глобального уничтожения;
- гибель культур малых народов;

проявление тенденции к образованию единого общественно-экономического уклада (МОТ, МТО).

средоточие всемирной власти в руках крупнейших транснациональных корпораций (которых несколько сотен, а всего ТНК — 70 тыс.), уже сейчас производящих значительную часть мирового продукта, обеспечивающих 50% мирового торгового оборота, владеющих 80% патентов и т.д.

Суть неустойчивости в том, что при глобализации любая локальная ошибка может быть многократно умножена. Достаточно будет единственной причины для гибели цивилизации.

Следует, однако, отметить, что глобализация встречает сопротивление с момента своего возникновения. Отсталые общества всегда защищали свою отсталость от продвинутых цивилизаций. Вопрос в том, что победит в тот или иной исторический период? Будет ли мир единым в итоге, и будет ли это состояние устойчивым?

Чему учит исторический опыт?

Ценность исторических знаний состоит в том, что они, являя собой некое откровение человеческой природы, обостряют политическое чутье, служат упражнением для социологического мышления и т.д., то есть имеют прикладной характер. Но что всегда оказывается безуспешным, так это попытка использовать исторический опыт непосредственно.

Причина неуспеха заключается, прежде всего, в том, что на разных этапах истории схожие причины влекут различные, на удивление, последствия. Дело в том, что всякое реальное событие есть комплексный результат великого множества фактически существующих причин, тогда как *привлекают внимание* и сохраняются в памяти потомства лишь некоторые из них. Поэтому, обнаружив для некоторой современной ситуации «аналог» в историческом прошлом, можно впасть в иллюзию, что следует ожидать и соответствующих последствий.

В этом состоит закон неповторимости причин.

Напротив, для близких исторических периодов действует, согласно вышеприведенным рассуждениям, *закон подобия причинно-следственных связей*.

Поучительны в этом смысле польские события 80 годов 20 века, связанные с политической активностью профсоюза «Солидарность». Учитывая предшествующие им аналогичные события в Венгрии и Чехословакии, повлекшие за собой ввод советских войск в эти страны, следовало ожидать таких же действий в отношении Польши. Однако этого не случилось. Налицо, казалось бы, имеем действие закона *неповторимости причин*. Но восстание рабочих все равно потерпело неуда-

чу (как это было в Венгрии и Чехословакии). Как впоследствии стало известно, вторжение все же было, но не армии, а тайных служб государственной безопасности Советского Союза, приобретших к тому времени достаточную мощь для политического манипулирования. Налицо — действие закона подобия каузальных связей.

Еще пример. Парижская Коммуна потерпела поражение, но Великая Октябрьская революция одержала убедительную победу (закон *неповторимости причин*). Однако на промежутке между 1918 и 1923 годом пораженческая революционная волна прокатилась одновременно по ряду стран Европы: Финляндии, Германии, Италии, Венгрии, Словакии, Болгарии, Польше — (закон *подобия каузальных связей*).

Но существует еще одна причина того, что «история ничему не учит» — это необходимость правительства действовать не так, как ему бы хотелось (учитывая «ошибки» исторического опыта), но как того требует реальная ситуация, вынуждающая повторять эти «ошибки» снова и снова.

Поскольку история не дана нам в повседневной жизни, а исторические факты (как и научные) познаются путем специального изучения, постольку возникает иллюзия, что исторические знания и есть научные знания, т.е. истинные знания. Принято поэтому считать, что *факты истории* могут служить неким откровением, неким *готовым абсолютным знанием*, которое, как и любое практическое знание, может стать пригодным в обыденной и политической деятельности, может претендовать на роль «учебника жизни».

С другой стороны, несмотря на нелепость вышеуказанных выводов, изучение истории, позволяет использовать колоссальный набор фактов человеческих отношений как базис, как среду и объект для научных исследований, как-то: политических, экономических, этнографических, культурных и т.п. Без использования исторических фактов общественные науки просто не могли бы существовать и, даже, не могли бы возникнуть.

В то же время история не может служить *единственным источником* социологических знаний. Как химия, астрономия и пр. нашли свою основу в физике, так и общественные знания должны искать опору в биологии, антропологии, этнологии и не только.

Вопреки сказанному, социология по-прежнему пытается проследить и описать исторический процесс без того, чтобы понять место человеческой популяции в биологическом процессе. Откуда мы и куда идем? Какова судьба класса млекопитающих (к которому принадлежит человек) вообще? Не является ли исторический процесс «общественного развития» некоторым средством сопротивления и защиты от естественных биологических изменений человеческой популяции?

Для чего, вообще, в процессе филогенеза усложняется мозг животных? Не означает ли это, что природа на каждом последующем этапе своего развития создает все более эффективные механизмы *самоконсервации*? Но может быть, наоборот, *историческое развитие есть форма ускоренного вымирания человечества*? И т.д.

Возможно, влияние биологического фактора на историю столь отдаленно, как и влияние Луны на Землю, но оно может иметь такие же сильные последствия, как и океанические приливы. Так можно ли с ученым видом рассуждать об историческом процессе, предварительно не ответив на указанные вопросы, не поставив их явным образом?

Раздел 7. ЭТИКА

Ниша общественного поведения

Задача исследователя, в отличие от проповедника, заключается не в том, чтобы самому ответить на моральный вопрос, но изучить, проанализировать происхождение этого вопроса, выяснить, как на него отвечают разные категории людей. В многогранной этической проблематике выделим следующие направления:

проблему существования морали, как таковой;

проблему выбора: кто, какую жертву и во имя чего способен принести;

проблему морального чувства: виновности, ответственности, локуса контроля — в общем, совести;

оценку поведения личности через аксиологические категории «хорошо — плохо»;

релятивизм и ограниченность таких этических понятий, как гуманизм, порядочность, честность, справедливость, *патриотизм* и т.п. Сюда же относятся разнообразные этические системы и формы: врачебная, производственная, научная, рыночная, семейная, офицерская, батальная, политическая, правовая и др.;

мораль как требование общества к поведению личности: закрепление у личности положительных или отрицательных эмоций, как реакции на определенные поступки;

государственное воспитание моральных чувств как средство угнетения народных масс.

Рассмотрим такую распространенную категорию морали, как патриотизм. Патриотизм можно рассматривать как долг перед народом, который вас выпестовал (что отдает раболепием), но можно и как подвижничество, гражданскую доблесть, естественное чувство сопричастности. Этот пример демонстрирует внутреннюю противоречивость моральных чувств.

Остановимся, далее, на таком атрибуте, как *свобода морального выбора*. Если личность способна отказаться от своей выгоды, пойти на невосполнимые жертвы, решиться на преодоление неких препятствий, не имея от этого никакой пользы, — такой образ поведения назовем *жертвенной* моралью. Субъект может жертвовать своим здоровьем, благополучием, карьерой, свободой, престижем, своим временем, жизнью и др. Для такого поведения, конечно, могут потребоваться те или иные акцентуации характера, как то: обостренное чувство собственного достоинства, чувство любви, сопереживания, долга... Напротив, если личность не намерена ничем жертвовать, невзирая на

возможное возмещение своих утрат: ни актуальной выгодой, ни потенциальной — такой образ поведения назовем *защитной* моралью. Так действует вор — тот, кто не желает платить за краденое. Так поступает владелец предприятия, который сокращает часть работников и за счет высвободившихся средств увеличивает размер личной прибыли и пр.

Наконец, существует *соразмерная* мораль, когда субъект готов жертвовать одним во имя другого. Так, личность может отказаться от той или иной своей выгоды из-за боязни «ока божьего», или из-за боязни возможных санкций, или в целях сохранения личного здоровья, или для подготовки себя к легкой смерти и т.д. Это могут быть не только личностные, но общественные поступки, например, принятие военачальником решения о, так называемой, «разведке боем», когда приносят в жертву несколько тысяч бойцов, чтобы уберечь от гибели десятки тысяч. Аналогичный пример — принятие решения об установлении вооруженного карантинного кордона вокруг очага эпидемии, чтобы, умышленно жертвуя многими еще не зараженными людьми внутри очага, спасти много больше вне карантинной зоны, или, наоборот, спасти самого себя, жертвуя многими и т.д.

Теория «разумного эгоизма» Т. Дезами — Н. Чернышевского, гласящая, что не следует другим делать того (плохого), чего не пожелаешь себе, носит логически замкнутый характер и вполне укладывается в аксиологическую концепцию. Действительно, те качества, которые один желал бы видеть в поведении *каждого* другого, зеркально обращены к нему со стороны этих других. Но если взглянуть на этот вопрос не формально, а по существу, то открывается и другая возможность: если делать другим «плохо», то вам, возможно, будет еще лучше и т.д. Читатель уже угадывает в этом примере формулу *соразмерной морали*, ибо субъект морали соизмеряет свое поведение с возможной реакцией затронутых им людей.

Далее: механизмы морали работают не столько от разумного начала, сколько путем закрепления у субъекта положительных и отрицательных эмоций, формируя таким образом этические чувства. В основе этих чувств лежит *совесть* — врожденное чувство душевной боли.

Теперь обратимся к парадигме «хорошо — плохо». Она, казалось бы, не может служить моральным критерием, ибо не известен объективный механизм оценки. Тем не менее, сея парадигма может быть использована для выражения желания субъектов «воспроизвести хорошие» или «запретить плохие» моральные действия. Например, буржуа стремясь сохранить, продлить, воспроизвести свой статус (сделать хорошее дело), вынужден закрепить убогое существование пролетария (сделать плохое дело). Иными словами, что «хорошо» для одного, по той же причине «плохо» для другого и т.д.

Обращаем внимание читателя на то, что наш подход вовсе игнорирует вопрос моральных ценностей: что есть «хорошо», а что «плохо».

Вообще-то, релятивизм давно стал общим местом в этике. Набор этических правил дифференцирован по великому множеству аспектов: историческому, географическому, этническому, сословному, классовому, половому, возрастному, профессиональному и др. То, что для одних государств, народностей, классов, религиозных групп в один исторический момент признано моральным, то для других и в другое время считается аморальным.

В тело бытовой и политической морали вплетена этика различных философских школ и религий. Так, древние стоики проповедовали воздержанный, спартанский, образ жизни, а эпикурейцы ставили во главу угла наслаждения. Так, коммунисты настаивают на смене классовых предпочтений, шовинисты — национальных, церковники же — религиозных и т.д.

Этика, по нашему мнению, есть главное содержание любой религии. Причем, религиозные разновидности морали отличны друг от друга много больше, чем отличаются символы веры. Так, ислам разрешает многоженство и межрелигиозные браки, но запрещает употребление спиртных напитков, а христианство — наоборот и т.д.

Более того, каждая религиозно-этическая система внутренне противоречива. Например, идея всепрощения сочетается с ненавистью к безбожникам, смиренность сочетается с религиозной агрессивностью и т.п.

Другой пример противоречивости — аморальность выбора той или иной религиозной веры, если этот выбор происходит по этическим основаниям, а не является следствием убеждения личности в истинности вероучения. Подменяя принцип убежденности житейским удобством, моральным комфортом или пользой (физическим здоровьем, психологическим равновесием, вечным существованием и т.п.), субъект веры тем самым вступает в «невинную» сделку с совестью. Впрочем, перед ищущим веры вопрос совести вообще не стоит. Это, между прочим, один из вариантов столь же распространенного, сколь и порочного постижения истины через мораль.

Несмотря на имманентную неопределенность моральных постулатов, мы не отрицаем мораль как таковую, но сомневаемся в ее атрибутах: *всеобщности, единственности и исключительности*.

Более того, мы думаем, что само понятие этики возникло как отражение межличностных противоречий, а так же противостояния личности и общества. Единственно общим моментом всех этик, на наш взгляд, является их *консерватизм*. Ведь любая этика рекомендует,

советует, требует неукоснительно следовать раз и навсегда избранным принципам. В то же время известно, что навязчивое следование одним и тем же принципам должно привести к логическим противоречиям и бессмыслице. Таким образом, ортодоксальность и беспринципность — граничные понятия этики: многомерного среза человеческих отношений.

Рассмотрим в качестве примера международной этики, как сочетаются принцип нерушимости государственных границ (предотвращающий войны) с пресловутым правом наций на самоопределение (выражающим национальное равноправие и защищенность). Сами по себе это очень хорошие, высоконравственные принципы. Но пусть длительное время происходила миграция из менее благополучной страны в соседнюю — более благополучную, так что в последней образовался регион компактного проживания людей одной национальности. Если этот регион станет претендовать на самоопределение, то это одновременно будет нарушением принципа нерушимости границ (Косово в Югославии, Карабах в Азербайджане, Крым и Донбасс в Украине и др.). Поэтому в подобных ситуациях заинтересованные государства вынуждены действовать, исходя из своих особых *неформализованных, неморальных* интересов, хотя и желали бы придерживаться международных принципов.

Итак, мы показали, что мораль не есть врожденное чувство, подобно совести или любознательности, но один из срезов общественного поведения.

Справедливость: за и против

Справедливость есть момент «соразмерной морали», когда плата в точности соответствует затратам — принесенным жертвам.

Наряду с гуманизмом, справедливость — одна из важнейших категорий традиционной этики, некий символ веры, к которому надо стремиться, во что бы то ни стало.

По существу, справедливость есть вид симметрии, определенный на ареале человеческих отношений, абстракция от более или менее сложных форм равенства. Поддерживая тенденцию нивелирования, тождественного усреднения и единообразия, справедливость в итоге приводит к застою в общественной жизни и, даже, распаду общественных связей.

Обратимся к морально-экономическим примерам.

«За равный труд — равная плата», — говорят, что это справедливо. Если же равный труд осуществляется в разных климатических условиях, то оплата некоторым образом (произвольным с точки зре-

ния морали) должна быть скорректирована — и это опять справедливо. Если же при одинаковой плате за одинаковый труд были произведены товары разной потребительной приоритетности, то такая справедливость должна в итоге привести к экономическому кризису.

Если два крестьянина, работающие на землях с разным уровнем плодородия, за равный труд получают равную плату (при разных объемах выращенного товара), то это, говорят, справедливо. Справедливо, как утверждают марксисты, если дифференциальная рента поступит в бюджет государства, а не превратится в «незаслуженную» прибыль крестьянина. Тем не менее, очевидно, что такая справедливость делает крестьян безразличными к вопросам сохранения и мелиорации своих земель, что должно привести, в конечном счете, к снижению урожаев и пр.

А появится ли у талантливого человека желание проявить свои уникальные способности, если за одинаковые усилия в труде с рядовым работником, но разный результат, он получит равную с ним плату?

Приведенные примеры указывают на односторонность и ограниченность принципа справедливости, сводящего *рациональное в частном к абсурду в целом*.

Пойдем далее. Пусть всякий работник будет за свой труд получать его «полный эквивалент», вполне возмещающий приносимую работником трудовую «жертву». «Это, — вы скажете, — справедливо». Тогда ответьте: «Кто пожелает заниматься тяжелым трудом (пусть, полностью компенсируемым), когда существуют легкие виды труда (тоже полностью компенсируемые)»?

Вопреки очевидной порочности, идея справедливости (в том числе в форме принципа равенства, равноправия, равных обязанностей и др.) присуща всем социалистическим и религиозным учениям. Причем, в религии эта компонента носит мистический характер *равенства* каждого перед богом.

Справедливое общество — это, конечно, общество покойников. Перед богом, как перед смертью, все равны: богатые и бедные, умные и глупые, больные и здоровые, талантливые и заурядные, вельможи и простолюдины, рабовладельцы и рабы, белые и черные, дети и старики, мужчины и женщины, образованные и дикари... Но даже в этом — главном для существования религии вопросе — она непоследовательна, ибо противопоставляет приверженцев одной веры всем остальным и особо — неверующим. Впрочем, существуют религии, которые проповедуют межрелигиозную терпимость. Но эта терпимость не распространяется на неверующих, в том числе на атеистов.

Если для религии все равны перед богом сейчас и всегда, то

социалистические учения, напротив, акцентируют свое внимание на фактическом социальном неравенстве «сегодня», предполагая возможность равенства в будущем.

Понятие справедливости политики разного толка успешно эксплуатируют в идеологической борьбе. Поэтому можно утверждать, что факт использования принципа справедливости, равно как идеи гуманизма и др. абстрактных благодеяний есть показатель подлости, подвоха, односторонности и беспринципности политика.

Реальное общество не знает справедливости, однако, в тех или иных частностях постоянно скатывается к ней на пути к очередному общественному кризису. Совсем без справедливости обойтись нельзя.

Напротив, несправедливость есть, конечно, не справедливость — *моральный источник индивидуального и общественного интереса.*

Здесь было изложено мнение, направленное против социальной справедливости. Читатель, будем надеяться, без труда отыщет доводы «за».

М. Горький: «Правда — бог свободного человека»

Здесь мы поговорим об «информационной» группе моральных категорий, таких как ложь, правда, верность данному слову, честность и др.

К данной теме не относится болезненная лживость *истероидных* личностей, когда экзальтированные артистичные натуры стараются с помощью лжи подать себя в выгодном свете, и т.д.

Как известно законопослушный обыватель, с благоволения и при всемерной поддержке государства, стремится привить своему дитяти такие моральные качества, как честность, порядочность, трудолюбие, уважительность, дисциплинированность, доброжелательность, верность и т.п., умаляя тем самым врожденные *социально-борцовские* качества ребенка. Речь идет об осознанном и неосознанном, но всегда целенаправленном воспитании у гражданина искаженного морального чувства с центром тяжести, смещенным в сторону собственной виновности, ответственности за все и вся — так называемого в психологии, *интерренального локуса контроля*. Напомним, ставшую некогда крылатой, фразу советского академика Л.И. Абалкина: «Вы живете так, как работаете», то есть сами виноваты в своей бедности.

Такое воспитание по-рабски подчиняет ребенка взрослому, формируя таким способом обывателя — законопослушный инструмент, находящийся в руках людей иной морали: бизнесмена, промышленного или военного начальника, чиновника, политика и т.п.

Честный политик, бизнесмен и др. вызывают закономерную насмешку, недоверие и неприязнь в своей среде — там, где личность

уважают за умелое использование информационных средств ведения борьбы, как-то: корректирующая ложь, преднамеренный обман, коварство и предательство, умение балансировать на грани закона и прочие моральные качества, благодаря которым на их силу можно положиться, хотя бы в потенции. Прибитый честностью филистер, *провоцируя собственной беззащитностью особую жестокость со стороны власти имущих*, не способен стать опорой ни себе, ни другим.

Мы, разумеется, не намерены примерять лавры Шан Яна, Каутильи или Н. Макиавелли, показавших, что бесчестность, коварство и жестокость живут в государстве сами по себе, независимо от моральной оценки их со стороны широкой публики и, более того, служат необходимым средством политики. Здесь лишь добавим, что эти качества не только необходимы, но и моральны в соответствующей среде, а их антиподы — честность и порядочность, взятые в своей крайности, представляются аморальными и служат признаками рабской покорности и непротивления. Конечно, обман, подлость и пр. присутствуют во *всех сферах жизни* — в семье, в быту и т.д., а не только в политике, бизнесе, управлении. Но в быту они признаются скорее аморальными. Таков сложный узор общественно-личностных отношений с точки зрения морали, где *«двойной стандарт» не исключение, не случайность, но этический закон.*

Что касается отдельного государства, то его этика закреплена, прежде всего, в идеологии власти предрежащих, а уж потом — в законах и прочих правовых актах (хотя кажется наоборот). При этом ложь, как идеологическое оружие, является атрибутом любой власти и любого государства. Ведь государство не может существовать в идеологическом вакууме, но вынужденно сформировать положительное общественное мнение о своем статусе, а именно о том, что задача властителей и смысла всей их жизни есть благо народа, что правящий контингент априори состоит из достойнейших, энергичнейших и умнейших личностей, наилучшим образом и исключительно по своему усмотрению управляющих государством, что конкретные мероприятия властей всегда своевременны, целесообразны и наиболее эффективны.

Государство лжет всегда, но никогда не извиняется. *Ведь власть, по своему понятию, есть произвол и безнаказанность.*

Таким образом, идеология служит моральной поддержкой и оправданием тому, кто правит произвол.

С другой стороны, государство, как инструмент *управления*, реализует эту функцию путем распространения двойственной информации: (1) истинной (в той степени, в какой нужно ознакомить население с предметом предполагаемой деятельности) и (2) ложной — для навязывания своей воли, враждебной спонтанным интересам народа.

Таким образом, *искусные вкрапления зерен правды только усиливают обманный эффект.*

Но ложь — это не только атрибут властителя, но ... любого свободного человека.

Именно от вассала, от клерка, от раба — от подчиненного (зависимого) вообще — под страхом наказания требуют «объективного», то бишь правдивого, изложения обстоятельств чуждого ему дела. Напротив, свободный человек вправе обеспечить свою независимость от сограждан *безнаказанной ложью.*

Более того, в демократическом государстве *ложь может быть узаконенной* в виде принципа охраны коммерческой тайны, в праве подозреваемого в преступлении безнаказанно лгать в свою защиту, в процедуре тайного голосования, в праве и обязанности врача лгать неизлечимо больному и т.д. Мы уже не говорим о праве священнослужителя по своему усмотрению обещать одному райские кущи, другому — посмертные муки и т.д.

Совсем иного морального подхода требует исследовательская работа. *Ученый, по своему определению, — это раб правды.* Не удивительно поэтому, что ученый-аналитик, ученый-экспериментатор по складу своего характера не способен управлять государством, не находясь в противоречии с самим собой. В то же время согласно принципу «двойного стандарта», в личности ученого вполне могут уживаться морали различного толка. Но тогда управлять государством он будет не как ученый.

Таковы противоречия общественной морали.

Смысл жизни, или К кому примкнуть?

Смысл жизни, как мы думаем, — не вопрос познания, а моральная проблема. Действительно, познание задается вопросом: «Что это?», тогда как *этика решает, что делать.*

По своему определению смысл жизни следует рассматривать как поиск «философского камня», как определение *наилучшей* формулы бытия индивида.

Ясно, что при отсутствии объективных критериев, которые бы отделяли хорошее от плохого, стремиться найти наилучшую формулу бытия (и доказать, что это *она!*) — все равно, что пытаться стать умнее самого себя.

Но, по сути, значение имеет не «конечный результат» следования *жизненному идеалу*, но сам процесс поиска, являющий собой попытку разрешения противоречия между *безмерностью желаний и ограничениями жизни.* Очевидно, если бы жизнь длилась вечно, то всегда

можно было бы успеть перепробовать все ее возможности, так что желанию найти некий единственно правильный жизненный путь неоткуда и взяться. *Ограниченность жизни ставит вопрос о ее смысле.*

Поиск смысла жизни поэтому есть проявление активного, критического восприятия моральных норм, есть выражение неудовлетворенности постылым бытием. Так же ясно, что смысл жизни есть проблема свободной личности, имеющей возможность выбирать, задаваясь вопросом: «На правильном ли я нахожусь пути?»

Однако в настоящей работе мы не даем практических советов. Кроме того, совет, по своему смыслу, можно давать только колеблющемуся и только в той мере, в какой он лишен уверенности.

Надо понимать, что в любом случае ваш выбор способен, быть может, повлиять на вашу собственную судьбу, то есть запустить процессы, которые далее будут развиваться сами по себе. (Правильнее сказать: «Открыть дорогу в определенном, но не предсказуемом, направлении»). Выбор может также повлиять и на ход общественного процесса, но в исторически ограниченном смысле.

Исходя из темы книги, посмотрим, какой смысл можно угадать, например, в политической борьбе.

Здесь мы апеллируем к непредвзятому читателю, интересующемуся «научным» обоснованием собственной исходной позиции, а именно: Какое политическое направление следует предпочесть? К какой политической партии примкнуть? Какую идею реализовывать? И т.п.

При абстрактно-теоретическом подходе к вопросу, в любом политическом движении вы найдете *pro et contra*, так что может возникнуть эффект «Буриданова осла», когда обосновать выбор невозможно. Поэтому выбор партии есть дело конкретно-практическое, а значит, по большому счету, ... случайное.

Но этот момент не должен вас обескураживать. Поскольку история являет собой спонтанную и волнообразную смену *культурных блоков* (политических направлений, экономических и семейных укладов *etc.*), то роль партии того или иного толка предопределена фазой (моментом времени) естественного процесса, а не спекулятивными рассуждениями ее вождей. В случае прихода к власти и необходимости решения практических задач, конкретная партийная деятельность уже не может зависеть от исходной идеологии, но будет определяться объективными потребностями. Так было со всеми партиями.

Так что, если политик сделал многое для развития и упрочения партии, к коей примкнул или которую основал, то этот факт не способен сам по себе повлиять на *объективную* роль его партии в политической борьбе. В то же время ваша роль станет общественно значимой,

если и когда ситуация поднимет вашу партию на гребень политической волны, так что вы будете вправе *присвоить себе заслуги* в победе над политическим противником, возможность которой в действительности была предопределена самой ситуацией. В противном случае, вас задним числом обвинят в недомыслии, своекорыстии и злом умысле.

Таким образом, выбирая политическую стезю, не следует руководствоваться какими бы то ни было теоретическими изысканиями, которые (если они истинны) всегда политически нейтральны, но зато можно вполне осознанно воспользоваться стратегией «индивидуального расположения», аналогично тому, как выбирали бы вы для себя тот или иной вид спорта и др.

При этом если ваши интересы вдруг перестанут совпадать с партийными, можно сменить партию и т.д. Однако *ваша политическая судьба вовсе не будет предопределена вашим выбором*. Так, нередкие случаи, когда выдающиеся спортсмены трагически кончали свою жизнь. В политике же это, скорее, правило, чем исключение, ибо с ростом успеха еще быстрее будет расти число ваших врагов.

Если же критерием выбора будет служить сиюминутный успех партии, а не ее идеология и характер деятельности, то вам не потребуются никакие теоретические мудрствования: в этом случае вы станете мигрировать из одной партии в другую и сделаете карьеру подобно Шатобриану.

Если же вы, наш читатель, считаете *идеологические* позиции одной партии *объективно* более правильными, чем позиции другой, то все же не следует забывать, что *практическая* деятельность партии (вопреки предубеждениям обывателя) лишь случайным образом и лишь отчасти способна реализовать ее идеологию. Так например, итальянские фашисты, неплохо реализовав замыслы «кого наказать и кому отомстить», оказались не состоятельными в осуществлении идеи «кого ошастливить». И т.д.

Теперь посмотрим на эту проблему не с точки зрения правильности выбора, а с точки зрения самого *желания* выбирать.

И правда, зачем изобретать нечто сегодня, раз завтра это все равно изобретет кто-либо другой? Зачем индивиду идти на выборы, раз индивидуальный выбор ни на что не повлияет? Следует ли пытаться «протаскивать» в парламенте свой законопроект, если очевидно, что сможет пройти только предложение вашего противника? Следует ли присоединиться к преуспевающему противнику и попытаться перехватить инициативу, или защищать свою линию вплоть до неминуемого поражения? Эти и тому подобные альтернативы, *не имеют общего решения*.

Вообще говоря, *активность отдельного человека безразлична для*

истории, но исчезновение активности у человека, как вида, способно полностью разрушить человеческое бытие. Поэтому людям присуща потребность в самовыражении. Однако если вы понимаете, что навязанные выборы навязанных кандидатов есть обман, то потребность самовыражения уступает место чувству самоунижения.

Это болезненное противоречие общего и частного разрешается, когда общие интересы используются индивидом для реализации собственных. Ученый поэтому вынужден признать, что интерес к постижению природы вещей — это его собственный интерес и одновременно средство самовыражения, тогда как общественная польза условна и носит вторичный характер. Политик тоже должен постичь особый характер своей профессии — для него важна борьба, а победа и поражение есть моменты случайности. И так далее.

Отметим еще, что вопрос о смысле жизни неоднозначен.

В первом смысле вопрос ставится так: «Имеет ли смысл жить»? — Этот вопрос носит аксиологический и гедонистический характер. Субъект намерен поторговаться с судьбой, но сначала он хочет выяснить, имеет ли жизнь цену и какова она. Речь здесь не идет о свободе выбора: жить или не жить. Это вопрос о том, достаточно ли жизнь хороша, чтобы быть ее довольным, или сколько нужно получить удовольствия, чтобы имело смысл жить?

Во втором смысле — так: «Имеет ли жизнь свою цель, и какова она»? Как правило, речь идет о жизни человека, однако взглянем на проблему расширительно: жизнь как одна из форм существования материи.

В чем смысл жизни бактерии? Гренландского тритона, полжизни проводящего в замерзшем состоянии? Семени злака, ожидающего воскресения в течение 20 лет? Отпиленной зеленой ветки?

Действительно, если правомерной оказалась абстракция «обобщенного разума», то почему мы должны отказываться от идеи «обобщенной цели»?

«Обобщенный разум» характеризует одно из свойств материи, а именно свойство организовываться определенным образом в почти симметричную структуру.

«Обобщенная цель» — свойство некоторых процессов иметь определенную направленность и притом прогнозируемую — когда момент будущего довольно часто содержится в настоящем.

В таком изложении обобщенная цель — одна из конкретизаций «обобщенного разума».

Посему, чтобы иметь цель, не обязательно обладать человеческим умом. Даже погода может иметь цель, коль скоро она прогно-

зируема. В этом смысле цель планет солнечной системы — неукоснительно вращаться по своим орбитам.

Но не является ли расширительное понимание цели излишеством в смысле «бритвы» Оккама? — Нет, не является. Так, понятие цели добавляет определенности в рассуждения о крутоте планет на коротком отрезке времени. Напротив, прогнозировать их траектории на сколь-нибудь отдаленный период, как известно, проблематично (из-за невозможности решать алгебраические уравнения высоких степеней в радикалах).

С таких позиций ответить на вопрос, имеет ли жизнь цель, можно так: «До сих пор прослеживалась глобальная тенденция развития земной жизни в виде усредненного усложнения жизненных структур». Между тем, цель присуща жизни только в той мере, в какой ее развитие имеет внутреннюю причину, а не является результатом чисто внешних воздействий (например, космической радиации). Но науке нечего сказать по поводу причин жизни.

Присуща цель и процессу человеческого общества, начиная с момента (точнее — моментов) начала цивилизации. Здесь монотонно усложняющейся структурой является «культурный блок» — понятие, воспринимаемое, скорее, интуитивно, чем логически.

Теперь вернемся к смыслу жизни индивида. Здесь требуется ответить на вопрос: «Есть ли в его жизни цель и, если есть, то какова она»? Отметим одну особенность. Жизнь индивида в общем случае *непредсказуема*, однако индивид, вопреки очевидному, ее прогнозирует, планирует и не всегда ошибается.

Заставляет его идти к цели моральная сторона смысла жизни (то, чего требует от индивида общество). Жизнь как долг, как обязанность перед самим собой и т.п.

Выбор — за вами.

Раздел 8. ФИЛОСОФИЯ ВЛАСТВОВАНИЯ И ПОЛИТОЛОГИИ

Власть и управление

Здесь нас будут интересовать два феномена: 1) отправление власти и 2) его описание в политической теории. Первый феномен реальный, второй — идеальный. Феномен власти распадается собственно на властвование и управление. В политологии существует множество школ, подходов, точек зрения.

Власть, как таковая, есть *беспредметное*, возможно ранжированное, подчинение группы индивидов воле-произволу одного, как обязательное условие совместного существования людей.

Каждый член группы во всех своих действиях, коль скоро они затрагивают интересы остальных, подчинен воле властителя. Это и есть общество людей, а также некоторых других млекопитающих, в отличие, например, от общества муравьев, зиждущегося на взаимной «притирке» его особей.

В противном случае имеем набор *изолированных* индивидов или такое состояние популяции, когда каждый борется против всех. Но для такого существования, как известно, человек не располагает достаточным биологическим потенциалом. Иными словами, человек *обречен* на общественное бытие своей неприспособленностью к индивидуальному существованию среди враждебного ему мира.

Управление, в отличие от власти, есть *предметное* подчинение группы индивидов целесообразной воле одного, как *условие* реализации экономических, военных и т.п. целей на основе совместных действий.

Таким образом, институт управления не вполне произволен, но опосредствован некоторой заданной внешней целью. В то же время ввиду того, что существует много способов достижения одной и той же цели, управляющий должен быть *свободен* в выборе-принятии решения. Мы видим, что *управление* содержит в себе *признаки власти*, но оно, в отличие от последней, связано внешней *полезностью*, а не *просто* необходимостью сосуществования людей.

В то же время власть — не только самостоятельное звено общественных отношений, но и необходимый момент управления и т.д.

Итак, было выяснено, что представляют собой понятия власти и управления, в чем состоит отличие власти от управления, и что их объединяет.

Марионетки истории

Тема этой главы — выдающиеся люди и исторические личности. Здесь сделана попытка взглянуть на общество в двух плоскостях, преломленных в деяниях отдельных личностей, поскольку процесс общества как целостного образования носит «смазанный» характер и с трудом поддается идентификации.

А. *Выдающиеся люди* встречаются во всех областях человеческой деятельности: искусстве, науке, спорте, военном деле, экономике, политике и др. Можно, разумеется, по-разному определить понятие выдающейся личности. Здесь определим выдающуюся личность, как обладающую исключительной способностью или исключительным комплексом способностей: психофизических, эмоциональных, волевых, интеллектуальных и т.п. Выдающаяся личность — это *искусный человек*, сумевший реализовать свои исключительные способности.

Мы, понятно, не собираемся определять критерий величия, но так или иначе, выдающимся личностям обычно отводят особое социально-значимое положение: присваивают почетные звания, предоставляют руководящие должности, их широко рекламируют и больше уважают (в раболопной среде).

Но чаще место в обществе, более подходящее искусному человеку, занимает, вследствие противостояния общественных интересов, так называемая «серая личность», достоинством которой является удобство общения с ней и т.п.

Рассмотрим в этой связи феномен И. Сталина, уничтожившего преимущественно выдающихся людей, в том числе своих соратников (Л.Д. Троцкого, Н.И. Бухарина, М.Н. Тухачевского...), и окружившего себя «людьми из народа». За этим, отнюдь не исключительным и в то же время неординарным, явлением прослеживаются несколько его побудивших причин.

Во-первых, чтобы устранить государственных мужей с занимаемых должностей, им должна быть *подготовлена замена*. Поэтому действительной причиной устранения главных организаторов революции и выдающихся участников гражданской войны, одновременно с ликвидацией всего социального слоя разночинной интеллигенции, продуцирующей «вождей революции», была историческая необходимость репродукции их из представителей нового политически активного класса — высвободившихся от колхозной зависимости урбанизированных крестьян и, менее активных горожан из числа кадровых работников.

Во-вторых, в трагический период революций, гражданской

войны и интервенции подавляющее большинство политических деятелей, так или иначе, было активным участником государственных репрессий, на фоне которых происходила борьба за власть. Эта борьба происходила в коммунистической партии с момента ее зарождения, то есть задолго до революции. В ней были свои победители и побежденные, многочисленные жертвы и преуспевшие личности. Поэтому вопрос «Почему?» относится не персонально к И. Сталину, но к победителям как политической категории.

В-третьих, что более соответствует теме настоящей главы, — это вопрос: «Почему малоталантливые люди, «серые личности», одержали победу над личностями выдающимися»? — Здесь, как нам представляется, свою роль сыграло то, что выдающиеся личности достигали власти не столько благодаря желанию и умению бороться за нее, сколько были выдвинуты на руководящие посты другими, когда партия была под угрозой уничтожения. Когда же военное напряжение спало, а политическое обострилось, они оказались плохо подготовленными к новым условиям, и их поражение было предreshено.

Объяснять ж все только личностными особенностями правителя означает вовсе уклоняться от объяснений. Является ли феномен Сталина исключением для раболовной России? Нет. Здесь уместно упомянуть Ивана IV Грозного, казнившего, прежде всего, самых заслуженных военачальников и государственных деятелей.

Специфика Советской России была обусловлена вековой отсталостью ее народов, а отсюда противостоянием между народом и интеллигенцией. По сути, интеллигенция любой страны является носителем мировой (иностранной, международной культуры). Но особенно это касается интеллигенции культурно отсталой страны. Русская интеллигенция была (и остается) национальной только по происхождению и гражданской принадлежности. Народ в моральном плане противостоял интеллигенции. Привыкшая к умственному труду как средству своего существования и относительно *свободному волеизъявлению*, интеллигентная часть общества стремится и оказывается способной скрадывать асоциальные черты, присущие каждому индивиду наравне с социальными. Напротив, *простой народ — это часть общества, исповедующая лабильную мораль*, что тесно коррелирует с необустроенным бытом и зависимым существованием.

Дело здесь не только в том, что русская интеллигенция — носитель иностранной культуры, но еще больше в том, что безграмотные и бесправные народные массы *не были целью* государственных деяний. Иностранная культура была доступна народам России лишь в виде авраамических монотеистических религий и отчасти — грекоидной (алфавитной, консонантно-вокалической) письменности.

Хотя при социализме народы России *впервые* стали целью государства (всеобщее образование, медицинское обеспечение, качественное улучшение условий труда и быта...), привитие народу мировой культуры происходило довольно медленно. (В настоящее время этот вопрос отложен в долгий ящик). Поэтому *победивший народ* не воспринимал ни моральных императивов, ни подвижничества интеллигенции, а значит, не хотел концентрироваться вокруг неё, как чуждого ему социального элемента.

В таких условиях коммунистическая партия по необходимости превратилась в государственную структуру надзора, контроля и идеологической пропаганды, заменив в этом качестве Правительствующий Синод. Такое развитие событий никаких специфических требований не предъявлял к партийному руководству.

Обладея в полной мере качествами простого (в своей морали, оторванности от мировой культуры, свобод и благ цивилизации) народа, что давало преимущество во внутрипартийной борьбе, И. Сталин и плеяда послевоенных руководителей Советского государства вполне подходили под определение *марионеток истории*, то есть властителей своего времени, вынужденных действовать по обстоятельствам.

По этому вопросу существует несколько точек зрения. Вопрос ставится обычно не в научной, а моральной плоскости. Одни видят причину событий в его личной вине, другие — в его мудрости.

Наиболее распространенная точка зрения объясняет феномен И. Сталина его уникальными личными качествами: мудростью, волей, злонамеренностью, пренебрежением к другим людям и т.п. на любой вкус. Согласно этой точке зрения испорченному, злонравному народу необходим соответствующий ему правитель.

Заметим, что страна Советов не была одинока в трагедии своего народа. В иных станах, которые затронула «великая депрессия», их правительства пускались на иные дикости. Так, население США обязали сдать государству за бесценок ранее тезаврированное золото; для безработных повсеместно был организован почти бесплатный труд (знаменитое строительство государственных дорог). Германия также использовала дармовой труд на строительстве дорог. Борясь с безработицей, Германия, кроме того, вкладывала народные деньги в нетоварное производство — производство оружия (согласно теории Дж.М. Кейнса), что со временем стало нуждаться в оправдании, которым и стала Вторая мировая война. *Etc.*

Что касается *роли личности в историческом развитии общества*, то ни концепция выдающихся (особенных) людей, ни «противоположенная» концепция о *политическом произволе* (активности) народных масс

ровным счетом ничего не способны объяснить: ни целенаправленности (односторонности, гистерезиса) исторического процесса, ни изменчивости вообще. Сколько не представляй выдающихся людей как гениальных существ, наделенных сверхчеловеческими способностями, это ничего не сможет прибавить к пониманию феномена истории. И наоборот: сколько бы вы не умаляли значение личности, в противоположность главенствующему значению масс, это тоже не приблизит вас к пониманию истории.

Определяющая роль личности властителя — иллюзия, о чем выпукло свидетельствует, например, следующее событие древней истории. Известно, что самого одиозного в истории деспота «отца отечества» Нерона Клавдия сменил (всего через полтора года гражданской войны) «положительный» персонаж — Тит Веспасиан, который сделал то, что не успел Нерон: выгнал из Рима философов и начал строить амфитеатр смерти Колизей, сполна удовлетворив антидемократические и кровожадные инстинкты эпохи. Но пришло Средневековье, и все изменилось. *«Для многих из нас — пишет Д. Гербер, — слово «средневековый» остается синонимом предрассудков, нетерпимости и угнетения. Однако для большинства населения земли эта эпоха представляла собой поразительное улучшение условий жизни по сравнению с ужасами Осевого времени [эпохи древних цивилизаций — Автор]».*

Но в наших нигилистических рассуждениях просматривается еще и позитивная мысль. Если бы человечество *поглупело*, скажем, до уровня обезьян, то никакой истории у него бы не было вообще. Если бы, *наоборот*, чуть поумнело, то, опять-таки, имело бы историю, отличную от нынешней. Но вопрос о движущей силе остался бы открытым по-прежнему.

Философия даже не знает, так ли необходима и существует ли вообще *движущая сила* как таковая. Или же историческая изменчивость спонтанна, а развитие — иллюзия, возникающая при взгляде назад.

Так, отсутствие заметного саморазвития диких обществ (не затронутых цивилизаторским миссионерством) на протяжении последних 50 тысяч лет, в его противопоставлении бурному развитию «переходных» наций, не находит удовлетворительного монистического объяснения в известных науке теориях развития.

То же самое касается и трудностей объяснения развития живой природы вообще. Пасует здесь и дарвинистская теория *естественного отбора*, поскольку вопрос о необходимости самого отбора она даже не ставит. В частности, на данный момент не только отсутствует объяснение того, почему, наряду со сложными организмами, существуют простейшие (которые давно должны были бы усложниться), но *отсутствует даже понимание в необходимости постановки такого вопроса.*

Ч. Дарвин первым пытался противостоять телеологизму предшественников, но в полной мере это ему не удалось. Пришедшая на смену дарвинизму *«синтетическая теория эволюции»*, перенеся эту проблему с макроуровня (уровня фенотипа) на биомолекулярный, тоже оказалась неспособной ее решить. Соответственно не был преодолен и антропоцентризм: согласно теории, вся биоэволюция оканчивается на возникновении человека.

Действительно, смысл естественного отбора, позволяющий отказать от принципа предустановленности, заключается в случайности процесса. Но сама по себе эта концепция не способна объяснить эволюционное развитие. Она только объясняет его длительность.

Философия же полагает, что биологическое и историческое развитие — не результат, заранее запланированный то ли человеком, то ли *«природой живого»*, но фикция, определяемая *постфактум*, ретроспективно. Отрицание момента необходимости в процессах развития сразу снимает вопрос о сосуществовании форм бытия (как общебиологических, так и социальных), находящихся на разных уровнях развития. Развитие есть особой формой иллюзии, созданной человеческим воображением. Из этого следует, между прочим, что история цивилизации не способна служить достаточным основанием для *прогнозирования инновационного развития человечества* в отдаленном будущем, как об этом трубят «научная» фантастика. Подробнее вопрос о социальных новшествах рассмотрим дальше, связав его с понятием *исторической личности*.

Б. Исторической будем называть такую *выдающуюся личность*, которая создала нечто новое, ранее неизвестное, которая построила некую ступеньку, становясь на которую следующее поколение выдающихся людей смогло бы создать очередное *новшество*. Примерами могут служить: новый ритм в стихосложении, новый литературный жанр, открытие перспективы в живописи, прыжок спиной вперед в спорте, новый метод в математике, новый закон в экономике, новые принципы законотворчества в юриспруденции и др.

Так, Александр Македонский является выдающейся личностью — он покорил множество стран, но исторической личностью (по принятому здесь определению) он является только как изобретатель особой структуры войска — «фаланги», что стало историческим наследием.

Не имея в своей среде исторических личностей, человечество не смогло бы перейти от состояния дикости к цивилизации. Здесь мы хотим предостеречь читателя от возможной логической ошибки: из сказанного вовсе не следует, что исторические личности являются движущей силой истории; они лишь *одно из условий* исторического раз-

вития. Действительно, спектр их открытий отнюдь не безграничен, но обусловлен базовым уровнем цивилизации, то есть конкретным историческим моментом. Электроника не могла появиться до открытия электротехники, экономическая кибернетика — до открытия кибернетики, теория общественных формаций — до появления идеи исторического развития и т.д. Даже если было открыто нечто равнозначное уже открытому, то ступенью к открытию нового должно было послужить ранее известное, поскольку его нужно было знать, чтобы не повториться. Так, если бы вначале был открыт «коньковый» способ передвижения на лыжах, то сегодня пришли бы к открытию «классического» способа и т.д.

Нельзя открыть нечто, перескочив, так сказать, через голову поколений. Этому утверждению якобы противоречат факты, когда некоторые научные открытия на десятки и сотни лет «опережали свое время». Но в последнем случае, речь идет лишь о том, что они не были поняты (или оценены) современниками, а не о том, что эти открытия возникли на пустом месте.

Итак, мы видели, что особенность развития человеческого общества состоит в том, что «движут» историю те, кто полностью зависят от нее. Вот почему этот процесс есть саморазвитие, а сами выдающиеся и исторические личности суть *марионетки истории*. Более того: чем талантливее вождь, тем легче он поддается игре обстоятельств, тем менее он упорствует в начальных принципах (судьбы М. Лютера, О. Кромвея, Наполеона, В. Ленина, Ф. Кастро и др.).

Фатальная декларация, или Антропогенность истории

Обратимся к событиям, происходившим на заседании Верховного Совета СССР, где в 1990 году принимали *декларацию о государственном суверенитете*. Ситуация при голосовании складывалась драматическая. Для принятия декларации не хватало всего нескольких голосов. По настоянию депутата Л. Скорик Совет переголосовывал три или четыре раза, пока не принял декларацию большинством голосов.

Нас, как всегда, будет интересовать аналитическая сторона вопроса, *очевидного до невозможности*, а именно: «Правильно ли утверждать, что декларация принята, благодаря личным стараниям Л. Скорик»? Казалось бы, да: если бы Л. Скорик не присутствовала на заседании Совета, то документ не был бы принят (конечно, при условии, что кто-либо другой не проявил необходимую активность в ее отсутствие).

Но рассмотрим этот вопрос подробнее. Решение о переголосовании принимал председатель Верховного Совета, и, хотя его функция

носила, скорее, пассивный характер, он был вторым необходимым звеном каузальной цепочки. Если бы председательствовало иное лицо, то исход заседания не был бы определен. Но это не все. На заседании могло оказаться на несколько сторонников декларации больше (из числа больных, например), чем действительно присутствовало, и тогда в рвении Л. Скорик просто не было бы необходимости. Или, наоборот, колеблющиеся депутаты могли накануне ознакомиться с агитационной литературой, направленной против самостоятельности Украины, и тогда их непросто было бы переубедить. И т.д. Мы уж не говорим о том, что в любом случае для принятия положительного решения заранее должно было сформироваться «подкритическое» число голосующих. Иными словами, мы пришли к той тривиальной мысли, что у всякой критической ситуации есть так называемое «узкое место», «последняя капля», которая «все решает», если и только если «чаша наполнена до краев».

Но для нас важно, что в этом примере отражен такой процесс принятия решения, который нельзя представить как причинно-следственную однозначность, но можно смоделировать, как *вязку параллельных, дублирующих друг друга цепей, каждая из которых состоит из нескольких причинно-следственных звеньев*. Отсюда конкретная личность вписывается в некоторую «нишу» в историческом процессе, подобно тому, как это бывает с победителем спортивных соревнований: если не он, то победил бы кто-либо иной. Победа обусловлена правилами соревнования, а не конкретной личностью — победителем.

Допустим теперь, что декларация не была бы принята (что вполне возможно, вопреки бытующему мнению, что *«история не терпит сослагательного наклонения»*). Как повлияло бы это на дальнейший ход событий? Распад Советского Союза произошел бы все равно (так как это событие связано с иными причинами), так что Украина все равно стала бы юридически суверенной державой. Но и это пояснение не исчерпывает темы. Будучи экономически и политически тесно связанной с Россией, свободная Украина, в действительности, продолжает сохранять одностороннюю зависимость от последней. *Никто* не может повлиять на эту ситуацию, равно как и помешать начавшемуся процессу суверенизации. При этом атрибутика процесса может сильно варьировать в зависимости от *малых* причин. Но *всегда можно отыскать точку зрения, с позиции которой роль отдельной личности, равно как всех людей вместе взятых, сводится к простому существованию*.

Мы не являемся сторонниками концепции «исторической необходимости», но предлагаем заменить ее концепцией «исторической достаточности». Отсутствует необходимость однозначного выбора исторического пути. Но раз нечто произошло, следовательно, могло

произойти, то есть предварительно обладало потенцией превращения.

В то же время «верхний слой» общественного процесса носит случайный характер в том смысле, что нельзя однозначно проследить причинную связь между тем или иным событием, с одной стороны, и определенной деятельностью определенного лица или группы лиц — с другой.

Вполне случайными могут оказаться и повороты в политике. Так, если на некотором временном отрезке ситуация представляется фатальной, то все же ее «фактуру» разнообразят личностные флуктуации.

В итоге, был разобран пример исторического фатализма, условность которому придает антропогенный фактор.

Концепция «параллельных миров»

Здесь обсудим вопросы, касающиеся противопоставления тоталитарной (государственно-централизованной) и частной форм общественных отношений.

Ведущим моментом организации индивидов в общественную структуру в первом случае служит *централизация власти*, а во втором — «*притирка*» индивидов (или семей) друг к другу.

Сущность тоталитарной системы заключается в том, что богатство и социальное положение личности вполне обусловлено тем местом, которое она занимает в административно-иерархической системе государства.

В частной же системе индивид (семья) предоставлен самому себе, его богатство и реальная власть не зависят от чиновничьей системы, которая, хотя и существует, но лишь в виде «политической надстройки».

Обратимся за примерами к истории.

Раннерабовладельческому строю Древнего Египта была присуща, как известно, административная система экономики. Казалось, что сменившие ее частнособственнические отношения в Древней Греции и Древнем Риме есть проявление исторической необходимости, но рецидивы административной экономики прослеживаются на средневековом Востоке и, даже, в наше время в странах социализма, молодого капитализма и пр.

Напротив, европейский феодализм возник из колониального варварства и развивался по образцу частнособственнических древних цивилизаций — Первой и Второй Римской империй. В цитадели частной собственности — Западной Европе — феодалы были на службе у королей, вассалы — на службе у своего суверена и т.д. *по цепочке вла-*

ствования. В социальном плане это административная система, но в экономическом отношении вассалы разного уровня были вполне суверенны.

Средневековый период в странах Востока (Персия, Индия, Китай и другие) опять характеризуется превалированием административной централизованной структурой экономики, называемой «*восточной деспотией*», отличающейся от экономической структуры стран Западной Европы тем, что собственнические права экономических функционеров были сильно ограничены государственным производом.

Россия занимала промежуточное положение. В феодальной России в допетровскую эпоху существовало боярство (вольный слуга князя, землевладелец-ростовщик, царский советник), затем поместное дворянство, которому земля передавалась государем в «*аренду лояльности*» (за услуги). Крепостник не был просто частным лицом, а, как правило, находился на государственной службе. Но затем дворянство стало более или менее частнособственническим институтом (что, однако, уравновешивалось институтом государственного чиновничества).

В наше время политико-хозяйственная централизация характерна для стран социализма советского толка, исламского фундаментализма и стран *молодого капитализма* с неофашистскими режимами, разбросанных на обширном ареале планеты.

Заметим, что между «параллельными мирами» прослеживается историческая связь. Действительно, эпоха возрождения западной культуры (1500—1640 гг.), которую связывают с добычей драгоценных металлов на американском континенте, состоялась лишь благодаря потребности экономически развитого Востока в резервной (пригодной для тезаврации) валюте. Полагают, что именно усилившаяся в результате этого торговля между Востоком и Западом дала толчок для перехода от тысячелетнего раннесредневекового варварства к новой цивилизации.

Как пишет Д. Гербер, «правильнее будет считать, что Средние века [как пролонгация и развитие древних цивилизаций — Автор] начались не в Европе, а в Индии и в Китае между 400 и 600 годами и затем распространились на большую часть Западной Евразии с приходом ислама... На протяжении большей части истории уровень жизни в Китае был самым высоким в мире; даже Англия превзошла его, возможно, лишь в 1820-х годах, когда уже прошло немало времени с начала Промышленной революции».

Выходит, Средневековый Восток наследовал древнюю цивилизацию, сохранив ее рудименты. Средневековый Запад сначала наследовал состояние дикости (варварства), а затем — достижения средне-

векового Востока.

В подобном положении (положении исторического своеобразия) оказались и постсоветские страны. Их стремление к овладению достижениям Запада не может привести к созданию социальной кальки, ибо они развиваются в других исторических условиях.

Известно немало попыток доказать, что европейская система *лучше* азиатской. Но объективные критерии для ценностного сравнения не найдены. Вообще говоря, здесь уместно задаться двумя подходами: эпистемологическим и онтологическим.

С *эпистемологической* точки зрения этому явлению можно дать, как минимум, два «параллельных» объяснения:

1. Политическая структура общества может иметь только ограниченное число форм (подобно тому, как число правильных многогранников ограничено числом шесть). Отсюда эти формы время от времени повторяются.

2. Само человеческое восприятие общественных явлений дискретно и ограничено, так что существенно разные вещи воспринимаются как подобные.

Онтологическая точка зрения сводится к вопросу: определяется ли общественное развитие формой власти, или, быть может, имеет место равнозначное, *параллельное существование* административного и частного принципов, индифферентных к прогрессу общественного устройства?

Поставленный так вопрос не находит у нас ответа, однако отметим, что в любом случае это не вопрос о выборе пути.

Восточный и западный миры разнятся по необходимости, ибо проходили одни и те же этапы «развития» в разное время, а значит в разных условиях соседства, при разном уровне производительных сил.

В заключение отметим. Исходя из приведенных соображений, такое современное образование, как постсоциалистический капитализм, просто обязано иметь особенности, отражающие историю его возникновения, и отличающие его от классического европейского капитализма. Однако нет достаточных оснований считать, что в число этих особенностей обязано входить тоталитарное или частное устройство государства.

Слабости сильной власти

Всякой власти по определению присуще насилие. Когда же ратуют за «сильную власть», то обычно имеют в виду создать особо агрессивную систему насилия.

Рассмотрим, прежде всего, что есть насилие как понятие. Насилие, вообще говоря, есть уничтожение, а именно: уничтожение отдельного предмета, отдельного качества, свойства, формы и т.п.

Сильная власть, таким образом, — это институт принуждения, опирающийся на силовые институты — армию и полицию; это механизм умаления гражданских прав и свобод, ограничивающий свободумыслие и личностный интерес; это способ поддержки государственности путем массового уничтожения собственных граждан (подданных) и др.

Сильная власть естественным образом и легче всего прорастает на почве *слабой власти*, то есть власти, пытающейся игнорировать или не способной использовать силовые институты и опирающейся, большей частью, на свободные, противоречивые и противоборствующие интересы граждан.

Условность, а значит слабость, сильной власти состоит в том, что механизм насилия, эффективный в период наращивания насилия, в итоге, оборачивается ограничением свободы воли и лишением статуса безнаказанности самих властителей, что лишает власть ее сущности. Речь идет о хорошо известных явлениях, когда тотальный террор захватывает сами властные структуры, парализуя рациональность решений и целесообразность действий. Это влечет за собой так называемые бессмысленные репрессии, отражающие неспособность власти контролировать ситуацию и ее рекурсивную зависимость от интересов узкого социального круга — силовых структур.

Между прочим, понятие свободы в политике имеет вполне практический смысл: это *организация защиты от насилия*. Поэтому *свобода* — не пассивное состояние общества, но разновидность напряженной внутриобщественной борьбы. *Насилие* же произвольно: свободно и несвободно, благодаря самому себе.

Наряду со сказанным, известны иные представления о *сильной власти*, как власти «сильной личности»: личности однозначной, волевой, способной подчинить себе непосредственное окружение и действующей «по справедливости» в интересах всего общества. Другими словами, представление о *сильной личности* совпадает с классическим представлением о «добром царе».

Особенность ситуации состоит в том, что каким бы замечательным ни был правитель, в своих действиях он обречен опираться или на силовые институты власти, или на свободные интересы граждан. Причем ясно, что *сильная личность* востребована при демократическом правлении — в качестве стабилизатора демократических свобод (М. Робеспьер, В. Ленин). Напротив, силовую власть вполне может возглавлять «слабая личность» — марионетка силовых структур

(Б. Муссолини, А. Пиночет). Но здесь, разумеется, невозможно установить какие-либо закономерности, а достоинства и недостатки правителей никто не измерял. Число кандидатов на звание «сильная личность» в обществе достаточно во все времена (о чем сами они вряд ли догадываются). Был бы исторический спрос.

Здесь был дан вектор определений сильной власти и выявлены противоречия между десигнатом этого феномена и его сущностью.

Произвол и договор

Чтобы уменьшить степень непредсказуемости в действиях «контрагента» и, более того, согласовать с ним целесообразность действий, люди, прежде всего, пытаются *договориться* между собой — будь то на личностном уровне, на уровне предприятия или государства и др.

На чем же зиждется любой договор — вербальный или письменный, явный или тайный? Нам думается, что договор *держится на уверенности* или предположении каждой из сторон, что противоположная сторона (контрагент) не менее заинтересована в его действительности.

Договор есть, таким образом, средство снятия неопределенности интересов и намерений контрагентов — не более того.

Действительно, человек, как паук, муравей, оса или шимпанзе (в отличие от иных гоминидов), по своей социально-биологической природе существо *самоядное*, самоуничтожающее. Войны, казни, тюрьмы и т.п. — все это социальные формы суицида. Сама возможность уничтожения человека человеком создает ситуацию неопределенности во взаимоотношениях. Институт договора по своей идее как раз и направлен на снятие неопределенности между людьми.

При быстро меняющейся ситуации (политической или экономической) стороны заключают между собой, как правило, *лжедоговоры*, не собираясь их выполнять, но пытаясь усыпить бдительность друг друга или некой третьей стороны. Отсюда возникла крылатая фраза о том, что договоры заключают для того, чтобы их нарушать. Хотя, по идее, договор направлен на «раскрытие карт» обоих партнеров, зачастую его используют для сокрытия действительных намерений сторон.

Вообще говоря, договор *может* носить равносильный, равнозначный, *равновыгодный* характер, однако, каждая сторона пытается получить при этом большую выгоду, чем ее контрагент, не затрагивая его интересов или, напротив, за счет последнего.

В случае разного «веса» контрагентов, более «весомая» сторона уверена в *вынужденности*, безвыходности противной стороны, а по-

следняя уверена, что настоящий договор суть меньшее зло, чем произвол «весомого» контрагента. При этом принято говорить о *компромиссе* между договаривающимися сторонами. Вопреки известному предубеждению, компромисс есть всегда односторонность, а не паритетность.

Из сказанного должно быть ясно, что договор, как условно действующее средство, не способен сам по себе служить альтернативой военным действиям. Лишь в самом конце войны, именно потому, что ее исход становится очевидным для обеих сторон, своевременное заключение договора способно прекратить бойню, ставшую ущербной для обеих сторон.

Договор может принимать совершенно неожиданный смысл при обыденных формах. Так, конституция, принятая демократическим парламентом (то есть органом, который представляет разные слои общества или, по крайней мере, различные группы одного и того же слоя, представленные политическими партиями) по необходимости носит признаки паллиативного соглашения (а не оптимального решения), направленного на *ограничение произвола властей* и т.п.

Противостояние интересов отдельных государств реализуется, как известно, не только с помощью военных действий, но и посредством всевозможных санкций, подкрепленных *угрозой* применения силы: экономических, финансовых, транспортных, культурных и пр. При этом в каждой отдельной санкции заложен специфический интерес для ее применения. Так вот, *институт договора, как фактор определенности*, в одних случаях способен устранить ненужные (логически избыточные) санкции, в других же (например, в случае экономического давления) — закрепить их.

Поэтому философия говорит, что договор есть одно из условных средств в общественных отношениях, а поле его действия носит, хоть и пестрый, но ограниченный характер.

Без войны

Войны, как известно, происходят в разных частях мира одновременно и не прекращаются ни на час. Участие в них — более или менее опосредованное — принимает множество *третьих* стран, имеющих свой интерес в конфликте. В эпоху глобализации в любой «локальный» военный конфликт в той или иной мере втянуты все страны мира. Поэтому, если рассматривать человеческую популяцию как нечто целое, война есть *непременный и перманентный атрибут человеческого существования*.

Легкость совершения насилия по сравнению с трудностями

других деяний, связанных с длительным и упорным трудом, превращает насилие из возможности в «потенциальную яму» необходимости. Поэтому при определенной политической ситуации (военно-экономическая слабость *соседнего* государства, нахождение на его территории богатых легко добываемых, ресурсов, кризис власти, равно как и угроза кризиса власти в *собственной* стране...) война выступает как *необходимый* момент международных отношений. (Еще древнеиндийский политик Каутилья проповедовал, что выбор между войной и миром следует рассматривать с точки зрения экономической выгоды).

С другой стороны, повышенная агрессивность и предрасположенность к взаимному уничтожению (не путать с самоуничтожением) присуща человеку, как биологическому виду. Из четырех видов гоминид: горилла, орангутан, шимпанзе и человек, — к групповой войне, направленной на уничтожение, предрасположены два последние.

Более того, война служит *приспособительным средством, примиряющим противостоящие друг другу общественные образования. Не будь войны, общество, попросту, распалось бы на замкнутые в себе домены.*

Такое балансирование политических доменов (племени, княжества, государства или военного союза) на грани между миром и войной естественным образом создает атмосферу непредсказуемости, произвола, а отсюда и взаимного недоверия. Все это делает мир неустойчивым, а войну неизбежной.

Поэтому мир не является некой первоосновой межгосударственных отношений; он наступает вследствие истощения материальных и людских ресурсов у одной или обеих воюющих сторон и действует до их восстановления.

Далее, любая армия, сколь бы совершенным ни было ее вооружение и методы боевой подготовки, не является вполне боеспособной, если не имеет опыта действительных боевых действий, хотя бы ограниченных. Поэтому каждая страна стремится направить ограниченный контингент войск в ту точку земного шара, где разгорелся вооруженный конфликт. Это делается обычно под тем или иным «благовидным» предлогом: миротворческие усилия, геополитические интересы, защита торговли, классовое, религиозное, национальное единство и пр. Самое миролюбивое государство, для которого война на данный момент не выгодна ни по каким показаниям, для поддержания боеспособности армии *вынуждено* ввязываться в те или иные военные конфликты и жертвовать своими солдатами в так называемое мирное время.

Вопреки сказанному, угроза полного взаимоуничтожения, вследствие возможной ядерной войны, ограничивающая произвол в намерениях государств, поддерживала, как известно, мир в Европе

необычно длительное время. Как только эта угроза была частично снята в результате окончания «холодной войны», так сразу же вспыхнула война в Югославии, Грузии, а затем и в Украине.

Отсюда ясно, между прочим, что *простая возможность спрогнозировать экологическую катастрофу* (как-то, последствия ядерной войны) способна внести *искусственные* коррективы в *естественный* процесс взаимоотношений между государствами.

Но можно ли обойтись вообще без войны? Разумеется, можно! Также можно обойтись без животной пищи, прожить без распутства и вообще без любви, обойтись без токсикомании, без воровства и грабежей и т.п.

Трудность понимания феномена в том, что все это действительно возможно в *отдельных случаях*, но не реализуемо в целом. Суть противоречия, как нам представляется, состоит в том, что отдельный человек так же не может служить моделью человечества, как отдельный орган не может служить моделью всего организма.

Если бы общество не было структурировано, не было поделено на политические домены, то исчез бы и предмет для рассуждений. Однако причины подобной структуризации общества нам не известны (помимо ссылок на видовые особенности человеческой популяции), однако ясно, что ни экономические, ни культурные, национальные или религиозные различия не являются определяющими в образовании государств.

Здесь заметим, что Мартин Лютер объясняет единую причину войн через понятие *долженствования*: «*Не стоит думать, что миром можно управлять без кровопролития; меч правителя должен быть красным от крови, потому что мир будет и должен быть злом, а меч — это хлыст и мечь Господа*».

В отличие от постоянных международных распрей, *внутридоменный мир* есть более устойчивое состояние общества. Внутри домена существует одна и только одна организационная структура: племенной (княжеский, государственный) аппарат, препятствующий возникновению потенциального противника — параллельной политической самоорганизации его граждан.

Поэтому война внутри политического домена (в форме ли революционного переворота, гражданской войны или войны с локальными экономическими образованиями, называемыми преступными группировками) становится необходимой только тогда, когда принцип военно-политического единства и единственности нарушен вследствие общественных кризисов и пр.

В заключение отметим, что войны (внешние или внутренние) не следует рассматривать как самоуничтожение вида или, наоборот,

искать полезность в сокращении численности популяции. Общий результат войн — создание привилегий для одних в ущерб другим. Так что война — это фактор устойчивости и биологического вида, и цивилизации. Ведь существование однородной популяции не может быть устойчиво, ибо тогда при неблагоприятных обстоятельствах, например голоде, погибают все; это во-первых. Во-вторых, асимметрия времени (направленное движение) обуславливает асимметрию внутриобщественную. Действительно, механизм общественного развития предполагает, что достижения цивилизации сначала принадлежат немногим, но постепенно они становятся доступны всем. Война же служит самым действенным средством общественной дифференциации и смены одних привилегированных классов другими.

Война — осознанное действие, но его никак *нельзя назвать разумным*. Тем не менее, она есть момент *устойчивости существования человека как вида*. Но вряд ли природа задалась целью сохранить человечество, во что бы то ни стало.

Если характер людей вдруг смягчится, долго ли просуществует этот вырождающийся вид приматов на недружественной к нему Земле?

Дезорганизация — момент развития

Поговорим здесь о разбалансировке и разрыве социальных отношений в периоды комплексной (иначе — революционной) перестройки общества.

Чтобы изменить направленность движения — пусть, даже, в самом примитивном физическом смысле — сначала необходимо *остановить* движение тела в первоначальном направлении.

Аналогичным образом, чтобы изменить организацию общества, необходимо сначала упразднить старый порядок, то есть приложить *усилия* для полной *дезорганизации* существующего общественного строя. (Эту простую истину отчетливо поняли в правительстве Южной Кореи, когда в конце 20 века в целях будущих революционных преобразований полностью и одновременно отменили старое законодательство).

Однако подлинно революционные — комплексные — преобразования общества, по своему определению, невозможны без предварительного развала самих управленческих структур, без наступления анархии во всех сферах общественных отношений: политических, экономических, семейных, культурных, научных, нравственных и т.п. (Так что у народа Южной Кореи счастье еще впереди).

Правильнее будет сказать, что общественный процесс есть временная цепь, состоящая из звеньев разрушения и воссоздания обще-

ственных отношений как таковых. Поэтому вызывают недоумение и недоверие те политики, которые намереваются создавать новое общество путем простой трансформации существующего экономического потенциала и безболезненного *реформирования* государственных институтов без их полной остановки, минуя этап полного прекращения их функционирования.

Такой *чисто вымышленный путь общественных преобразований* обычно называют «эволюционным», вкладывая в это понятие не столько идею постепенности (свойственную периоду развития уже сложившихся отношений), сколько надежду на безболезненность преобразований или их отсрочку. В действительности же такая позиция активных политиков, вопреки пропаганде, приводит к затяжке назревших преобразований, влекущей за собой ускоренный физический и моральный износ основного капитала и средств существования, что *само по себе* подталкивает к организационному развалу экономики, а отсюда — к политическому кризису. Именно тогда, когда экономика способна производить наибольшее количество потребительских товаров, становится ясным, что за благие устремления общество заплатило отставанием в темпах морального возобновления средств производства, необходимых для поддержания экономической стабильности.

Таким образом, *момент противодействия новому служит условием его становления.*

Но все сказанное было бы невероятным, если бы оказалось таким однозначным. *Новое может развиваться и сосуществовать со старым весьма длительное время, соизмеримое с периодом существования «чистого» уклада.* Какая общественная структура сменит старую и окажется достаточно устойчивой — это остается сокрытым в течение всего периода пертурбаций. Пример тому — *полутысячелетнее* развитие капитализма в Европе. Ведь никто не смог предположить, что так получится.

В процессе преодоления политико-экономического кризиса, то есть восстановления распавшихся хозяйственных и прочих общественных связей, общество *проходит* заново все ступени социальной лестницы, подобно тому, как это происходит в биологии, когда эмбрион воспроизводит в своем индивидуальном (онтогенетическом) развитии исторические (филогенетические) формы своего вида, как-то:

государства сначала распадаются на составные части;

воспроизводятся автаркические отношения;

обостряются все формы противостояния: цивилизационного, сословного, классового, национального, религиозного и пр.;

воспроизводятся отжившие *рабодные* отношения (концентрация рабов в «лагерях смерти», закреплении *полурабов* в деревне и горо-

де).

Возврат в историческое прошлое сопровождается ужесточением политического режима в форме тоталитаризма, фашистской диктатуры... Но когда новый общественный уклад сформировался, режим смягчается, множество мелких княжеств объединяются в государство (Италия, Германия) и т.д.

Заметим, однако, что здесь был описан локальный случай, «отрывок истории». Любой глобальный взгляд на историю следует считать наивным, как показал Ф. Энгельс в «Крестьянской войне в Германии». Но еще до него Н.М. Карамзин писал: *«История не терпит оптимизма и не должна в происшествиях искать доказательств, что все делается к лучшему...»* («Предание веков», Москва, издательство «Правда», 1987, стр. 428).

Итак, мы показали, что дезорганизация общества является необходимым моментом его реорганизации, результатом развития, его начальным этапом и причиной.

Мирные фазы гражданской войны

Здесь поговорим о гражданских войнах, сопровождающих революционные преобразования, связанные с переходом от феодально-крепостнической формации к буржуазной, включая такую промежуточную фазу, как социализм.

Переход от одной формации к другой — это не одномоментный акт революционного переворота, как это часто изображают. *История не знает чуда скачкообразного превращения.* Более того, если иметь в виду, что человеческий мир представляет единое целое, длительность переходного периода соизмерима с продолжительностью существования стационарного общественного строя (если это понятие вообще имеет смысл).

Обычно переходный период представляют как аморфный процесс, хотя при ближайшем рассмотрении видно, что он вполне структурирован. История позволяет вычлениить и обобщить следующие этапы *переходного периода, или гражданского противостояния* (войны).

1. Снижение уровня целесообразности и продуктивности феодальной экономики (причины чего не выяснены) одновременно с продуцированием зачатков товарного производства.

2. Паралич старых институтов власти, что разрушает и выводит из сферы политики армию и полицию (милицию), допуская тем самым высокую политическую активность масс. Это период политического и экономического кризиса старой системы. Происходит разложение старых государственных структур и возникает множество про-

тивоборствующих политических группировок. (В качестве примера сошлемся на «думский период» начала 20 века в России. Аналогичную ситуацию мы имели и в конце этого века). Этот период завершается государственным переворотом (например, буржуазная революция в Англии времен О. Кромвеля, социалистическая революция в России и др.).

3. Экспроприация (полная или частичная) бывших собственников. Это самый тяжелый и длительный процесс, сопровождающийся активными военными действиями. Фаза завершается победой новых сил (с первой ли попытки или с десятой, в течение нескольких месяцев или десятков лет); к государственной власти приходят новые личности. (В качестве примеров укажем на гражданскую войну 1918—1923 годов в России, многолетние войны в Анголе, Мозамбике и других странах «третьего мира», происходящие в наши дни).

4. Создание новых властных структур. При этом сохраняется старый бюрократический аппарат, который постепенно замещается энтузиастами-победителями. Затем все они вытесняются (уничтожаются) представителями «естественной генерации», что *обеспечивает естественное воспроизводство новой власти.*

Так, в Советской России — стране преимущественно крестьянской — большевики дореволюционной формации были смещены с руководящих постов урбанизированными крестьянами. (Факт преимущественно крестьянского происхождения руководителей страны хорошо известен). Этот период сопровождается государственным террором (сталинизм). В процессе урбанизации крестьяне попадали в чуждую им среду (особенно если учесть, что вся наука, техника, технологии и формы организации труда имели, в основном, иностранное происхождение). Неустроенность и враждебность к непонятному-чуждому влекли за собой их «неорганизованное объединение».

В 20 веке эта фаза гражданской войны подпадает под общее понятие тоталитаризма: Италия, Россия, Испания, Германия, Япония, Португалия, период «культурной революции» в Китае и др. Специфической особенностью этого периода является *необходимость* в тяжелом принудительном труде, позволявшем воссоздать разрушенную и разлаженную экономику в новых социальных формах. В этих условиях рабский труд приобретает множество различных форм: концентрационные лагеря, строительные батальоны, закрепление работников за местом работы, запрет выезда из страны, ограничение перемещения внутри страны (избирательная паспортизация населения и «жилищно-прописочная» система), обязанность заниматься строго регламентированным трудом и др.

5. Наконец, завершающая фаза гражданской войны представ-

ляет собой отказа государства от массового террора и использования рабского труда на почве сформированной экономики нового типа. В России — это период правления Н. Хрущёва, в Испании, Португалии — это *постфашистский* период и т.п.

Весь набор исторических моментов переходного периода, как единая волна, имеет свои подъемы и спады, приливы и отливы, периоды активизации и стагнации с продвижением вперед и возвратом в прошлое, чередованием побед и поражений. Причем, волнообразные явления характерны как для всего процесса в целом, так и для каждого явления в отдельности. В результате наблюдается явление «исторической интерференции», когда одни волны набегают на другие, создавая вычурное многообразие форм. Все это особенно затрудняет поиск закономерностей в кажущемся хаосе общественного процесса и, естественно, затрудняет социальный прогноз. Кроме того, такая ситуация не позволяет создать строго обоснованную классификацию переходных периодов, так что предложенная нами структура переходного периода в действительности носит переменный характер.

Хотя конкретная ситуация (в отличие от нашей модели) будет носить размытый мозаичный характер, в любом случае ясно, что понятие войны, отражающее ситуацию особого накала гражданского противостояния, не исчерпывается периодом непосредственных военных действий, но захватывает длительный период «тихого» сражения. Число жертв «мирного» периода в ряде случаев может далеко превосходить военные потери. (Яркий пример — тоталитарный режим Пол Пота (Салота Сара) в Камбодже).

Итак, было показано, что гражданская война переходного периода — не однородное и не одночастное событие, а ее мирная фаза не похожа на передышку в классовой борьбе.

Раздел 9. ФИЛОСОФИЯ ХОЗЯЙСТВОВАНИЯ И ЭКОНОМИЧЕСКОЙ НАУКИ

Здесь мы наметим два объекта для философского анализа: 1) хозяйственную деятельность и 2) ее описание в экономической теории. Если первый объект сам по себе нейтрально аморфен, то второй изначально распадается на множество точек зрения, из которых мы рассмотрим две: социальную (*политическая экономия*) и инструментальную (*макроэкономика*).

Поскольку эта книга не относится к узкоспециальным работам, тема будет рассмотрена схематично.

Понятие общественных отношений

Как объект изучения, общественные отношения представляют собой структурные связи, то есть посредников во всех формах и смыслах.

Дадим индуктивное определение этого понятия, для чего приведем примеры социального посредничества в экономической области.

1. Посредники между субъектами рынка:
деньги;
ценные бумаги.
2. Посредники между помещиком и крепостным:
феодальное государство как институт насилия и перераспределения части произведенного продукта;
собранный на барщине урожай злаков;
естественные средства производства и существования (земля для выпаса скота; территория, на которой расположен крестьянский дом).
3. Посредники между буржуа и наемным работником:
государство как институт насилия и перераспределения части произведенного продукта;
искусственные средства труда;
продукт труда — товар;
деньги и т.п.

Общественный посредник, или Вавилонское столпотворение

Обычно государственность рассматривают с бихевиористской точки зрения, то есть с точки зрения государственных функций (что государство делает?), а не со стороны его сущности (чем оно является?). При

этом функциональное описание дает нам представление о предмете, каков он есть, а сущностное — почему он таким стал.

Поясним эту дилемму следующим примером. С *функциональной* точки зрения человек пашет землю, строит дома, воюет с соседом, изобретает и т.п. *Сущность* же человека состоит в том, что он есть животное млекопитающее, что он имеет своеобразное анатомическое строение с теми или иными морфологическими и физиологическими особенностями и др.

Бихевиористская характеристика государства общеизвестна: это власть, насилие, управление, организация экономики, защита от врагов и т.п. Наша же задача выяснить, чем является государство, как таковое, какова *необходимость его возникновения* и существования...

Обращаем внимание читателя на то, что в процессе последовательного разделения труда, вычленения и дифференциации общественных функций, естественно, должна была возникнуть функция посредничества, как связующего звена между различными общественными феноменами. Эту роль посредника и взял на себя институт государственности. Иными словами, сущность государства состоит в *посредничестве* между производством, с одной стороны, и иными атрибутами общественной жизни — с другой. Сюда следует отнести связанные пары понятий:

1. Производство благ и их распределение. В частности, организация денежной системы для опосредования торгово-распределительных функций.

Для опосредования торгово-распределительных функций государство взяло на себя чеканку монет, что, в свою очередь, упростило сбор налогов — главного звена связывающего производителя с институтом принуждения.

В *догосударственный* (матриархальный, патриархальный, раннефеодальный) период подобные затраты покрывались не государством, но *непосредственно* за счет прямого ограбления войском своего и не своего населения-производителя (сбор дани княжескими дружинами и пр.).

2. Производство благ и организация общественного насилия (полиция, милиция, внутренние войска, пенитенциарная система). В процессе производства создаются средства жизнеобеспечения органов насилия, которые, в свою очередь, обеспечивают порядок в быту и экономике, а значит устойчивость межхозяйственных отношений.

3. Производство благ и защита граждан (армия). Жизнеобеспечение армии осуществляется через посредство государственных институтов. Армия, в свою очередь, выполняет тройкую функцию:

1) защиту общественных структур от распада (от народных бун-

тов, восстаний и пр.);

2) охрану народа и экономики от внешних врагов;

3) усиление и оздоровление экономики за счет ограбления других народов, аннексии их территорий и природных богатств.

4. Производство благ и семейные отношения и пр. «социальная сфера». Государство выполняет учет-регистрацию семей, обеспечивая тем самым «социальную поддержку» подрастающему поколению и пр. Сюда же относится социальная помощь и другие виды социального обеспечения.

Для древних времен были характерны непосредственные формы защиты индивида типа самозащиты, «кровной мести» и т.п., которые впоследствии перешли к государству, но уже в виде пенитенциарной системы, воинских формирований и пр. (Поэтому мы называем государство *общественным посредником*).

Затем финансирование вышеуказанных институтов осуществлялось через королевскую или царскую казну, пополняемую при прямом участии или косвенном посредничестве «силовых структур».

В наше время оборот государственной казны регулируется учетно-финансовым планом — государственным бюджетом, — а мобилизация денежных средств реализуется финансово-налоговой службой. (Однако эмиссионный центр (центральный банк) считается, согласно последним веяниям, внегосударственным институтом, что ставит под сомнение изложенные здесь монистические представления о государственности как таковой).

Здесь мы исследовали феномен государственности с объективной точки зрения. Более распространена моральная позиция, позиция должностования, с точки зрения которой речь следует вести о двух противоположных концепциях государственности: анархии и этатизма.

Анархическая концепция видит в государстве не суть, но функцию, а именно функцию насилия и подавления, против которой и выступает.

На потеху приверженцев *этатизма* отметим, что вершиной государственности, в смысле полноты выполнения общественно-посреднических функций, можно считать тоталитаризм типа «восточной деспотии» или советского социализма и иже с ними. Такое государство выполняет посреднические функции не только *между*, но и внутри всех сфер общественной жизни.

Как и во всех подобных случаях, доведенный до крайнего «совершенства», институт государственности усложняется настолько, что оставляет позади организационно-техническую возможность его реализации. Если же учесть, что системная однозначность в принятии

решений, при отсутствии региональной вариативности, неизбежно влечет за собой накопление организационных сбоев («ошибок»), то становится ясным, почему это «совершенство» оборачивается, в конце концов, своей противоположностью.

Поэтому, *при равных прочих условиях*, более устойчивыми оказываются такие формы государственности, в которых государство берет на себя лишь часть посреднических функций, хотя и не отказывается от них совсем.

Широко распространено интерналистское мнение, что феномен возникновения государств есть прямое следствие процессов, происходящих между «исходными» княжествами: их объединения, завоевания, подчинения и пр. Не отрицая очевидное, поставим вопрос шире: «Какова необходимость возникновения социальных доменов вообще — будь то племена, княжества, древние или современные государства»?

Достаточно обратить внимание на то, что атрибутивным признаком любого домена является наличие агрессивно-оборонительного института — армии, — чтобы отбросить идею *объединительного* формирования домена в пользу идеи *размежевания* большой группы слабо организованных индивидуумов на отдельные противостоящие друг другу общественные домены. Ведь армия (любая другая организация войска) не может существовать при отсутствии внешнего противника. (Хотя основным объектом приложения силы со стороны княжеской дружины был собственный неорганизованный и безоружный народ, это было лишь частью ее функций).

Человеческому обществу, как мы это понимаем, свойственны обе тенденции: хозяйственное объединение людей, связанное с совместной деятельностью, разделением труда, *трудо- и продуктораспределением* — это во-первых — и возникающая на этой почве межличностная борьба, ведущая к разъединению, во-вторых.

Следствием этого противоречия является процесс постоянного «вытеснения» наиболее агрессивных форм противоборства из хозяйственной сферы вовне путем спонтанного расчленения мирового сообщества на противостоящие друг другу военизированные домены с одновременным формированием внутренних войск — полиции (милиции) — и т.п. (Любопытно отметить, что в мирный период существования постсоветской Украины численность милиции и внутренних войск превышала численность армии, что свидетельствует о слабости сильной власти, неспособности государства обеспечить устойчивое экономическое развитие).

Из сказанного немедленно следует, что, вопреки «очевидному», *не этническое единство служит стержнем государственного образования,*

но наоборот, естественное размежевание общества на общественные домены стало причиной их замкнутого развития, причиной возникновения, конституциональных, языковых и прочих расово-национальных особенностей.

Смысл легенды о вавилонском столпотворении в том, что возникшие различия стали препятствием в достижении человеком божественных вершин, но в действительности именно они, эти различия, позволили перейти от дикости к цивилизации.

Таким образом, была объяснена сущность государства как общественного посредника, и обоснована необходимость его возникновения.

Классификация по укладам

Вначале отметим, что экономические отношения в целом — это не отдельная сфера деятельности, а некий срез, особый угол зрения на человеческое общество. И здесь есть простор для размышлений.

Следует всегда иметь в виду, что не обнаружено каких-либо препятствий к тому, чтобы правитель, рабовладелец, феодал, капиталист, крепостной, раб и прочие делали бы все возможное для счастья друг друга. *Не структура общества, не форма экономических отношений, не общественный уклад отвечают за неблагополучие народа (как это обычно представляют), но, наоборот: ту или иную общественную структуру создают для реализации стремлений народа к экономическому и социальному неравенству...*

Далее рассмотрим классификацию общественных структур по двум основаниям: историко-географическому и логическому (социально-экономическому).

Классификация по историко-географическим укладам — это классификация по комплексному признаку, включающему хозяйственный, военный, культурный, социальный, политический и пр. аспекты.

Так, западноевропейский «королевский» феодализм был отличен и от «восточной деспотии», и от имперского крепостничества в России по всем статьям.

Так, современное рабовладение отлично и от древнеегипетского, и от древнегреческого, и от древнерусского, и от американского. И способы торговли человеческими органами вы не спутаете ни с древнеримским рынком рабов, ни со средневековым ирландским рынком рабынь (Д. Гербер).

Напротив, логическая классификация социально-экономического толка должна быть многоплановой, зависящей от вы-

бранного основания деления. Эта классификация ищет социальные аналоги в глубинах истории.

Например, у наемного работника в буржуазном государстве, как и цехового подмастерья и у раба нет своего хозяйства, способного обеспечить воспроизводство жизни, как это имело место у свободного крестьянина, колона или крепостного. В этом смысле наемный рабочий — тот же раб, хотя в смысле интенсивности труда, фактора личной зависимости, свободы принятия собственных решений он отличен и от цехового подмастерья, и от раба, и от колона, и от крепостного.

С другой стороны, крепостной крестьянин сродни свободному, но противостоит буржуазному рабочему и т.д.

Так, в наше время появились моменты долгового рабства: при наличии долгов (в том числе фиктивных) за коммунальные услуги граждан не выпускают за границу. Право чинить произвол получает частная компания.

Интересно, что революционные события 1991 года, равно как события 1905—1917 годов, не были однопричинными, но стали результатом сочетания как внешних, так и внутренних факторов.

Эгалитаризм, который стал результатом обнищания народов России в результате Японской и Первой мировой войн вылился в восстание 1905 года и две революции 1917. Дополнительное давление на политическую ситуацию в России оказал бурный рост товарного производства стран Западной Европы, США и Японии, что ухудшило и без того шаткое экономическое положение России, как страны неконкурентоспособной.

В 80-е годы прошлого века повторился экономический бум в тех же странах, что в очередной раз ослабило экономику России (СССР). Чем больше развивалась экономика Союза, тем более росла доля замещающего импорта. Производить у себя морально устаревшие орудия труда теряло смысл. Но очередной упадок экономики не вернул былую демократию. Напротив, произошел поворот от эгалитаризма к элитаризму — власти так называемых «олигархов».

Читатель понимает, что одно и то же событие (ухудшение жизни народа) привело к противоположным результатам. Если социализм вернется (что возможно, так как обнищание продолжается) он уже не будет таким, каким был в СССР. Он, возможно, будет, как в Китае, и на постсоветском пространстве восторжествует «восточная деспотия».

Интенсивное разложение социалистических отношений началась за 10 лет до гибели советского строя. В 1990—1991 годах в СССР произошел государственный переворот, хотя выглядело все так, будто бы старая власть распалась сама собой. Другое дело, что переворот не был насильственным и почти не вызвал сопротивления ни с чьей сто-

роны. Смысл государственного переворота состоял в том, чтобы узаконить то, что раньше считалось криминалом.

Заметим, что после роспуска М. Горбачёвым в 1991 году компартии, ее члены в своих заявлениях в райкомы о выходе из партии отрекались не от партийно-государственной структуры, но от коммунистической идеологии — по сути гуманистической, хотя и не реалистичной. Таким образом, они сменили имидж гуманиста (который, разумеется, никогда не соответствовал их бытию) на immoralный. Позднее именно они составили костяк «беспредельщиков».

В результате переворота бывшие члены ГКЧП (чинившие препятствия смене системы власти), как и прочие партийные руководители (они же руководители государства) и их родственники, стали преуспевающими бизнесменами (хотя и пришлось поделить присвоенным государственным имуществом с руководящими работниками торговли и советским криминалитетом, который впоследствии переформировался в олигархический класс).

Напротив, народ ожидал от переворота свобод и улучшения жизни, как это имеет место в странах передового капитализма. Он, в отличие от власть предержащих, оказался не готов к перевороту, но понял это с запозданием — после фальшивой «ваучеризации» промышленных объектов и «распаевки» земли.

На волне присвоения богатства страны узким кругом лиц возникли «обделенные», которые стали объединяться в:

- политические партии;
- церкви разного толка;
- националистические организации;
- военизированные формирования (казаки).

Обделенными себя посчитали и существующие структуры непосредственного насилия (милиция, армия и др.).

Заметим, что в условиях безвластия (когда государственное насилие осуществляют в обход законов) юридический статус криминальных структур обратился в социальный. Бывшие воры превратились в охотников за средствами производства, чему благоприятствовали их организованность, наличие оружия и опыт насилия.

С первых дней переворота и по сей день происходит кровопролитная борьба между теми, кто уже захватил богатство страны, и теми, кто не успел.

Власть собственности

Речь будет идти о тех видах собственности, которая предполагает наличие власти и сама служит условием ее отправления.

В древнем рабовладельческом государстве раб был собственностью рабовладельца. Иными словами, рабовладелец имел право (поддержанное традицией, законом, институтом насилия) на ограничение воли раба. Область ограничений была обширнейшей. По своему произволу, то есть безответственно и безнаказанно, рабовладелец мог заставить раба трудиться (в том числе выполнять заведомо бесполезную работу), мог продать его, решать за раба вопросы продолжения рода, мог запретить (или разрешить) ему пользоваться продуктами собственного труда, мог наказать его и т.п. Одновременно рабовладелец мог быть (или не быть) собственником *средств производства*: участка земли, орудий труда, рабочего скота, построек и пр. Как собственник земли, рабовладелец, мог подвергнуть ее обработке или ничего на ней не делать, продать землю, безнаказанно защищать ее от всех и каждого и др. Он являлся «естественным» обладателем собственности на продукты, выращенные на этой земле им самим или его рабами и т.д.

Очевидно, что право собственности на средства производства отличается от права собственности на раба. Правда, собственность в лице раба близка по способу ее эксплуатации к собственности, представленной рабочим скотом, но и здесь есть различия: скотина не имеет общественно-значимой воли (для нее, например, безразличен факт ее купли-продажи и т.п.).

Итак, мы пришли к двум понятиям *частной собственности*, схожим между собою и одновременно различным:

1. Частная собственность на раба — это закрепленное в общественном сознании (1) право на ограничение его воли, (2) право пользоваться и распоряжаться произведенными посредством их продуктами, (3) защита его от всех и каждого и (4) возможность отчуждения по своему желанию.

2. Частная собственность на средства производства — это (1) возможность их эксплуатировать, (2) возможность пользоваться и распоряжаться произведенными посредством их продуктами, (3) защита от посягательств на них со стороны других людей и (4) возможность их отчуждения по своему желанию.

По сути, собственность на раба есть право *властного управления* им. В случае государственного рабовладения, распоряжение рабом не является исключительным правом отдельной личности; этим правом обладает любой из чиновников, и пр. государственных мужей.

В отличие от рабовладельца, капиталист не имеет *непосредственного* права собственности на своего работника, но, благодаря праву собственности на средства производства (исключительному праву, которого де-факто лишен наемный работник), он косвенно приобретает и право властного управления *наемными рабами* — не людьми, а «рабочей силой», по выражению Д. Кенэ. Сегодня к ним относятся наемный работник и *прекарист* (порождение аутстаффинга, лизинга персонала и т.п.).

Капиталистический рабочий так отличается от крепостного или раба, как проститутка от наложницы или законной жены, живущей на средства мужа.

Вообще говоря, сама необходимость института властного управления, или немотивированного насилия, непосредственно вытекает из принципа разделения и кооперации труда, который предполагает, что произведенный совместными усилиями продукт должен быть частично или полностью *отчужден* от непосредственных производителей для целесообразного распределения между членами общества. В этом отчуждении, как раз, и состоит простейший акт насилия.

Можно утверждать, таким образом, что *все* формы закабаления зиждутся на том, что средства жизнеобеспечения не *принадлежат* подвластным и могут использоваться последними через *благоденствие* своих властителей, будь то рабовладелец, крепостник, социалистический директор или буржуа. Причем, власть над людьми предшествует власти над средствами производства, являясь ее сущностью, хотя кажется наоборот (так полагал К. Маркс). Ведь *право* есть срез межчеловеческих отношений.

Драма производства состоит не в том, чтобы заставить ленивого работать, но в том, чтобы побудить работника трудиться, когда у него отбирают продукты этого труда.

Сказанное, однако, не решает извечную проблему определения частной собственности. По сути, *частная собственность* касается не вещи, а отношения между индивидом и обществом, состоящим в *предотвращении посягательств общества на свободу действий (произвол) индивида*. Это юридическое отношение количественно и качественно ограничено тем или иным способом.

В одном смысле оно ограничено какой-либо вещью, например одним карандашом или их дюжиной; в другом — определенным изменением состояния определенной вещи, например уборкой собственной квартиры или, наоборот, ее захламлением по желанию собственника, или стрижкой головы по произвольно выбранному фасону, или строительством жилья, или распиловкой досок на станке и т.д.

При этом возможность воспользоваться своим правом собствен-

ности ограничена волей иных индивидов. В одном плане речь идет о *товарных* отношениях (отношениях покупатель-продавец), в другом — о *производственных* (отношениях между собственником средств производства и работником).

Что бы свободный индивид ни покупал (человека, животное, вещь, территорию, энергию, акцию, опцион, или услугу), он реализует право частной собственности. Частную собственность не следует считать *dominium* — господством лица над вещью, как полагали древние, ибо собственность — понятие суто общественное. При покупке вещи или энергии (в отличие от покупки услуги) имеет место *смена собственника* товара, но это побочное явление, а не сущность товарного обращения.

Если мы понимаем *собственность как социально защищенную свободу действий*, то французский богослов Ж. Жерсон (1400 г.) считал саму свободу собственностью индивида, наделив ее способностью выступать в роли товара. Как бы там ни было, но ранее свободный субъект действительно мог продать самого себя в рабство, сдать в крепостную зависимость или аренду (за пользование «ведомственным» жильем, например). В одном случае феномен собственности означает защиту индивида обществом, в другом — отказ от защиты. Читатель видит, что между этими определениями товарных отношений лежит пропасть.

Частная собственность на раба не всегда имеет юридический статус. Так, в поэме М. Лермонтова рассказывается, как русский гусар выиграл чужую жену в карты. Женщина юридически не была чьей-то собственностью, но она не имела средств к существованию, и поэтому принадлежать кому-либо — для нее жизненная необходимость.

В *моральном* плане отношение к собственности, вообще, и частной собственности, в том числе, противоречивое. Так, древняя иудейская секта *терапевтов* (и ее политические последователи в современной России — «зиновьевский клуб») отрицала собственность как таковую, а особо — право собственности на раба. Восторжествовало же римское «*священное право собственности*», обожествляющее отношения, которые должны были проявиться еще до возникновения цивилизации и господствуют по сей день.

Защита прав собственности — это новация буржуазных отношений, чего не было ни в рабовладельческом обществе, ни в феодальном. Речь идет о защите прав *каждого*, кто обзавелся самовозрастающим капиталом. В прежних обществах этим правом были наделены избранные: патриции и феодалы. Буржуазное государство защищает частных собственников от произвола феодалов.

На сегодняшний день в большинстве постсоветских стран право частной собственности (право владеть, пользоваться и распоряжаться самовозрастающим капиталом в виде средств производства, денег и ценных бумаг и пр.) остается незащищенным. Это право (задекларированное в нормативно-правовых актах) *нарушается* парламентом, правительством, центральным банком, судами, правоохранительными органами и сросшимся с государством деликтным элитарным бизнесом (прежде всего, «олигархическим»). Выражаются *нарушения*, прежде всего, в ограниченном распоряжении собственностью, произволе власть имущих, *рейдерстве*, рэкете, рестрикционном налогообложении и коррупции.

Положение остального подзаконного бизнеса остается весьма неустойчивым. Такая ситуация не способствует расширению предприятий, генерированию, внедрению и распространению инноваций. Исчезает феномен самовозрастания капитала, что смыкает квазибуржуазную экономику с застойной феодальной.

Впервые в России на конституционном уровне неприкосновенность собственности была закреплена в Основных государственных законах 1906 года. В 1917 году в результате победы Великой Октябрьской «революции» произошел исторический откат, ознаменовавшийся масштабным государственным рейдерством — экспроприацией частной собственности.

Нынешнее рейдерство и рэкет — отголосок репрессий социализма, учиненных против права частной собственности. Суть современного рейдерства в том, что незаконный захват чужой собственности выдается за законный. Рейдерство не преследуется государством, а поощряется им. В рэкетирских поборах участвует вся правоохранительная система.

Итак, мы показали, что есть собственность и почему она предполагает межличностные отношения вида «власть—подчинение».

Моральная категория политической экономии

Пусть некий работник вдруг выбыл из сферы производства (был уволен, умер и т.п.). Должно ли это событие привести к экономическому ущербу в отношении тех, кто продолжает работать? Если исходить из Марковского постулата о том, что каждый работает только на себя са-

мого, ответ должен быть отрицательным. С другой стороны, поскольку в результате выбытия работника должны расстроиться некие экономические связи, то для *других* агентов производства ущерб, очевидно, неизбежен.

В чем суть дилеммы? Если бы каждый работал на себя и только на себя, то ущерба для других возникнуть не могло бы: что не произвел, то и не потребил.

Но тут мы должны упомянуть, что несчастный платил налоги на стариков и инвалидов, на детское образование, на содержание госаппарата и армии, на поддержание науки и т.д. С другой стороны, некоторые из приведенных категорий «потребителей», вроде бы, сами работают, то есть сами себя содержат... Или, все же, на *них* работают другие?

Если оставить пока что в стороне *инвалидов, стариков и детей*, то получится парадоксальная ситуация: все работают (и ученые, и чиновники, и военные, и учителя и др., и, конечно, наш работник), но при этом одни работают на других. Но разве вследствие выбытия из сферы труда ученого или чиновника общество ожидают меньшие убытки, чем при выбытии рабочего? Ущерб мог быть нанесен в равной мере и от выбытия, скажем, армейского офицера, ибо потребуются дополнительные затраты государства, чтобы воспитать и обучить нового воина и т.п. Где же искать решение?

Дело в том, что нелепое предположение было заложено *ab ova*. В номинальной заработной плате (и облагаемой налогом части дохода предприятия, пошедшей в противном случае на выплату заработной платы), начисляемой работнику, *изначально* был заложен «эквивалент» не только его труда, но и... труда ученого, фискала, военного, учителя и других субъектов общественной деятельности, хотя кажется иначе, поскольку плата «заработана». Произведенный рабочим продукт есть результат усилий всего общества, но бухгалтерией учитывается так, как будто принадлежит ему одному. Если бы вдруг исчезли «непроизводительные» профессии, то рухнула бы экономика государства в целом, так что, сколько бы ни трудился наш работник, без способствования общественной инфраструктуры он вообще бы ничего не произвел и не заработал. (Заметим, что такое действительно случается, и это состояние называется экономическим кризисом).

Поэтому номинальная заработная плата каждого работника должна быть больше фактически выплачиваемой. Другое дело, что система налогообложения такова, что этот «довесок» находится в *прямой пропорции* с величиной лично получаемой платы, откуда и возникает иллюзия того, что работник *делится* своим трудом (или продуктами своего труда) с дармоедами.

Действительно, не может существовать общество без *детей и стариков*. Их существование входит в спектр целей труда нашего работника, как части самого себя, и поэтому средства на их существование изначально входят в величину начисляемой заработной платы.

(Другое дело — *инвалиды*. Это чисто эксплуататорская прослойка общества. Чем общество ближе к естественному (звериному) началу, тем в нем меньше таких эксплуататоров, тем меньше им уделяют внимания, тем меньше выделяют средств на их содержание).

Отсюда, возвращаясь к началу, становится ясно, почему в результате *недоотпуска* продукции, как следствия выбытия нашего работника из сферы производства, страдает вся цепочка людей, принимавших участие в общественном воспроизводстве: *только совместное действие способно давать результат, хотя это неочевидно из-за разделения труда*.

Но входит ли в начисляемую заработную плату работника *личный доход* (располагаемая прибыль) предпринимателя? Нет, прибыль отчисляют сразу от поступившей выручки, так что ее размер *не находится* в пропорциональной зависимости от заработной платы. (Это замечание касается не только единого собственника, но и мажоритарных акционеров). Предприниматель, беря себе «львиную» или «мышиную» долю прибыли, в любом случае *обделяет* работника. Однако *никто не определил*, какая величина личного дохода была бы справедливой и почему. Ясно только, что *этическое* определение понятия эксплуатации не является научным. (В политической экономии термин «эксплуатировать» считают синонимом термина «обделять»).

Учение об эксплуатации, сущность которого выражена в утверждении, что капиталист недоплачивает пролетарию, не может служить объяснительным принципом в политической экономии не потому, что оно «ошибочно», но потому, что это учение имеет чисто нравственные, а не гносеологические корни, то есть вовсе не имеет отношения к категории истинности, а значит, ничего не объясняет. (Из сказанного вовсе не следует, что производственные отношения, основанные на усиленной эксплуатации, достигли «гармонии» или, хотя бы, стремятся к ней).

Вообще же, идея равенства в любых ее формах (равноправие, равенство возможностей, равная плата за равный труд, равный экономический статус граждан и пр.) противоположна идее существования общества, как целостной структуры. Поэтому можно утверждать, что *стремление к равенству суть антиобщественная идея*, разрушающая общество и... обеспечивающая, тем самым его, движение.

(Эту тему разрабатывали и мыслители прошлого. Например, Насир Ад-Дин ат-Туси писал: «Если бы люди были равны, они бы погибли»).

Отсюда равенство есть необходимый отрицающий момент в общественном процессе. Напротив, любые формы неравенства, в том числе экономическая эксплуатация (что бы под ней ни понималось), являются *общественно-образующими* моментами. Они суть то, что порождает индивидуальный и классовый интересы в их согласии и противостоянии и т.д.

Именно *несправедливость служит стимулом буржуазной экономики*. Ведь если бы доходы распределялись справедливо (то есть личная прибыль капиталиста была прямо пропорциональна заработной плате наемного работника, и никто не имел бы особой выгоды) то пропал бы всякий интерес к развитию экономики.

Сей вывод относится, разумеется, к любой экономической системе. Ведь вполне *справедливый социальный уклад*, к счастью для человечества, нигде и никогда не существовал. Так, заработная плата директора социалистического предприятия была, может быть, в сто раз меньше доходов, которые он стал получать, ставши собственником узурпированного им предприятия. Поэтому, согласно теории эксплуатации, директор является меньшим эксплуататором, меньшим злом, чем капиталист. Вот только продукция, которую выпускало социалистическое предприятие — *организация слабо мотивированных лиц* — оказалась неконкурентоспособной на свободном рынке. Никто (или почти никто) на труде социалистического работника не приобрел состояние, не нажил капитала, ибо его эксплуатировали во многом вхолостую, как раба на строительстве пирамиды социализма. (Заметим, что по сей день производство продукции в постсоветских странах не отличается высоким качеством и ориентировано преимущественно на внутренний рынок. Современные технологии не используют, поскольку все они иностранного происхождения. Так что, не все так просто и однозначно).

По сей день существует *предубеждение*, что труд наиболее интенсивен, когда человек работает на себя, а не на других.

Но когда работник трудится на себя? Тогда, когда занят в собственном *нетоварном* (парцеллярном) хозяйстве. Испытывает ли он в этом случае материальное или психологическое давление со стороны других? Нет, он не имеет конкурентов в эгоизме.

Если же экономический субъект (предприниматель или наемный работник) производит продукцию на рынок, он испытывает экономическое и психологическое давление своего заказчика, своего конкурента, своего государства или своего босса и т.п. Сама история говорит о том, что труд на других (вопреки имеющей место отрицательной тенденции) и производительнее, и качественнее, и прогрессивнее, чем работа только на себя.

Этот принцип можно распространить и на международную торговлю. Так, ориентация производства преимущественно на внутренние рынки (вызванная конъюнктурными и конкурентными препятствиями для выхода на внешние рынки) снижает производительность труда и качество товара. (Понятие «низкое качество» употребляют в двух причинно обусловленных смыслах:

- 1) как результат небрежности и низкой квалификации персонала;
- 2) как характеристика единицы товара, в производство которого вложено сравнительно мало труда).

Рассмотрим подробнее проблему *товарности труда*, для чего разберем понятие «рабочая сила», введенное Ф. Кенэ и определенное К. Марксом, как вид товара, которым торгует наемный работник, и полезность которого состоит в том, что он приносит купившему его предпринимателю «прибавочную стоимость».

Противопоставим «рабочей силе» наемного работника «рабочую силу» *предпринимателя-одиночки*, выполняющего работу для клиентов в виде услуг. Это могут быть работы по ремонту электробытовых приборов, строительные работы или индивидуальный пошив с использованием материалов заказчика, частные услуги врача и т.п. Во всех подобных случаях предприниматель действительно является собственником *своей* «рабочей силы» (и ничего другого), он действительно *продает* ее на свободном рынке (по схеме: «один ко многим») по свободно сложившимся рыночным ценам, выступая в роли контрагента, равноправного со своим клиентом-заказчиком. Здесь «рабочая сила» есть определение товара в форме услуг.

Но если лекарь пользуется своего рабовладельца, если крепостной строит дом своему феодалу, если, наконец, пролетарий вытачивает деталь для своего предпринимателя, то о какой товарности их труда может идти речь? Если бы наемный рабочий был собственником своего труда, то он был бы и собственником выточенной «этим трудом» детали, которую мог бы продать (или не продавать) по свободным рыночным ценам. На самом же деле пролетарий работает по схеме «многие к одному», получая за свои услуги, оказываемые предпринимателю, некую долю из дохода предприятия (*наймоплату*), распределяемую предпринимателем между всеми работниками (ибо тот, кто управляет производством, властвует, тем самым, и над распределением потребительских благ). При этом хорошо работающий работник может получать «за свой труд» повышенную плату, только благодаря тому, что множество плохо работающих работников, совместно с ним производящих конечный продукт, получают пониженную плату. (Так

сказать, «справедливая несправедливость»).

Если предприниматель-одиночка волен изменять цену своей «рабочей силы», согласно рыночной конъюнктуре, то наемные работники могут влиять на повышение *наймоплаты*, только объединившись в профсоюзы и устраивая забастовки, то есть отнюдь не рыночными методами.

С другой стороны, если бы труд наемного работника стал товаром, то за капиталистом остались бы только функции торговца-посредника. Тогда в капиталистическом обществе все участники производства превратились бы в капиталистов, только одни стали бы более капиталистами, а другие — менее. (Так, в наше время фальсифицирует ситуацию теневой бизнес. Уклоняясь от налогообложения, собственник выдает наемных работников за мелких предпринимателей, оказывающих услуги производству).

Заметим, что наемный работник, получивший из рук капиталиста деньги, то есть право пользоваться и распоряжаться купленной потребительной продукцией, остается полностью лишенным права владеть и распоряжаться произведенными им средствами производства. Здесь, как известно, и заключено одно из эффективных противоречий капиталистического производства.

Выше мы классифицировали труд по отчужденности его результатов: «парцеллярный — товарный», — теперь рассмотрим срез ответственности: «индивидуальный — коллективный». Здесь под «индивидуальным» понимаем индивидуально *контролируемый* труд, а под «коллективным» — труд с усредненным распределением усилий и дохода, усредненной *ответственностью* и усредненным интересом. Особую эффективность *коллективного* труда (в отличие от *индивидуального*) теоретики усматривают в возможности использовать более дешевые технические средства, однако это достоинство, как правило, умоляется заниженной заинтересованностью работников.

Мы ни в коей мере не склонны отказываться от констатации общественных противоречий (равно, как и факта общественной гармонии), признаем существование противоборствующих в своем согласии *экономических классов* (правда, как элементов единой структуры, а не самосущих и самодостаточных образований), но при этом не считаем научными объяснения, присущие этико-правовым учениям, как-то:

юридическое учение П.-Ж. Прудона о «краже собственности»;

этическое учение К. Маркса об «эксплуатации труда»;

этическое учение А. Маршалла о «вознаграждении» и пр.

В противоположность марксистскому критицизму, маржинализм высказывается в терминах согласия и справедливости типа: «вознаграждение за труд», «вознаграждение за отсрочку удовольствия»

и пр., — но их различия несущественны. В обоих случаях, теоретики явно или тайно стоят на классовых позициях, раскрашивая белые пятна учения в этические цвета.

Любопытно отметить, что на попытки подменить экономический анализ этическим обращал внимание еще М.М. Ковалевский. Правда, его критика относилась к философам древности, духовным пастырям и социалистам-утопистам, но обходила стороной современные ему направления экономической мысли: марксизм и неоклассицизм (маржинализм) и пр.

Полагаем, что критиковать ту или иную общественную формацию, исходя из юридических или нравственных позиций, — не пристало тому, кто придерживается нейтрально-объективных и безразлично-теоретических принципов исследования.

Стоит ли платить за труд?

Труд — это общественная работа по принуждению или по необходимости. Труд не может быть свободен по определению. В общем и целом, труд вредит здоровью человека и противен его природе именно потому, что непосредственно направлен на свой предмет, а не на самого человека. Лишь опосредованно (через рынок) и вопреки своей природе, труд может быть направлен (а может и не быть) на благополучие труженика. Так, продолжительность жизни среди рабочих Англии во времена Ф. Энгельса составляла 15—35 лет; смертность — 2,5% (как среди заключенных в первые два года строительства Беломорско-Балтийского канала; на третьем году — 10%). Детская смертность среди английских рабочих (до 5 лет) составляла 20—57%.

В начальный период становления капитализма наемные работники воспроизводились из крестьян, позднее — из иммигрантов, прибывших из колоний или отсталых стран (Китая, России, Японии...). Такая ситуация не требовала затрат на воспроизводство рабочей силы. Поэтому положение работников (уровень их эксплуатации) мало чем отличалось от положения раба. В наше время процветают лишь те государства, где доля крестьян ничтожна, а их доход умеренный, но по-прежнему низок уровень оплаты труда экспатриантов (гастарбайтеров), число которых постоянно пополняется извне.

В России *лагеря трудовой смерти* существовали всегда. В царской России — это каторга. В результате революции 1917 года каторга была ликвидирована. Возобновление лагерей произошло сразу после окончания гражданской войны (Соловки). Их строительство особенно разрослось после коллективизации сельского хозяйства (ГУЛаг, 1930—1960 гг.), и было обусловлено распадом прежних экономических от-

ношений, который привел к резкому снижению производительности труда.

Для существования государства требовалась компенсация недопроизводства. По мере восстановления экономики необходимость в рабском труде снижалась, меня свои формы, но не прекращалась никогда.

Обязательность труда крестьянина и наемного работника при социализме аналогична обязательной барщине или обязательному труду крепостных рабочих и каторжан. Обязательность труда позволяла государству платить работнику в размере прожиточного минимума, что лишало его благ западной цивилизации. Одновременно обязательный труд означал отсутствие института помощи при безработице. Гражданин обязан был трудиться, но работодатель не обязан был обеспечить ему рабочее место по месту жительства и специальности.

Отголоски рабского труда сохранились и в постсоветских России и Украине, где его использование обрело форму систематической невыплаты заработной платы, ликвидации института охраны труда и пр.

Итак, труд не есть разновидностью деятельности, которая доставляет работнику полноценное удовольствие. (Но профессионалы, работая по необходимости, тем не менее, способны получать от работы удовольствие. Например, работа художника на заказ). Отсюда Альфред Маршалл делает парадоксальный вывод: «Если труд доставляет удовольствие, то за него не следует платить». Вопреки явной несурзности, положение А. Маршалла логически вытекает из его же представления о том, что заработная плата наемного работника — это вид *награды* (как, впрочем, и прибыль капиталиста). Первого награждают за неприятности, доставляемые трудом, второй сам себя вознаграждает за воздержание (в терминологии маржиналистов)... от немедленно потребления всего наличного капитала, который, однако, не доставляет капиталисту неприятностей.

Но что такое награда? Это произвольное необязательное действие. По логике Маршалла заработная плата — вовсе не экономическая необходимость, обеспечивающая воспроизводство рабочей силы, но моральный поступок капиталиста, исходящего из принципов справедливости. Принцип справедливости, в свою очередь, зависит от того, что считать вознаграждением, а что принять как вынужденную необходимость. Получаем замкнутый круг.

Здесь заметим, что в социологии принцип равенства означает уравнивание различного. Поэтому, согласно своему определению, равенство противоположно справедливости.

Модель экономики как логическая структура

Природа хозяйствования, как и природа общества неизвестны. Иными словами, их не удастся выразить в понятиях. Чем глубже философия вникает в суть дела, тем менее понятным становится предмет и растет осознание его непознаваемости в *используемых терминах*.

Одновременно растет понимание того, что для изучения сложной структуры требуются иные подходы. Одним из эффективных методов является построение *дискретной модели воспроизводства жизни*.

Главная трудность здесь связана с необходимостью введения в модель неких постулатов в виде *малоправдоподобных условностей*. Снижение уровня правдоподобности обусловлено необходимостью упростить реальность, чтобы ее конкретизировать. Без этого логическую структуру построить невозможно. Возникает дилемма: *или искажение частных и построение целостной модели, напоминающей реальность, или приближение к частностям и отказ от понимания в целом*.

Еще одна трудность связана с необходимостью явного описания механизма модели, без чего нет уверенности, что модель будет работать так, как было задумано.

Здесь представим не полноценную модель, что есть задачей специальной науки, а ее набросок, дабы продемонстрировать метод философии.

Итак, представим себе закрытое общество: весь мир или отдельное государство. Здесь закрытость системы означает ее самодостаточность.

Далее начнем с простого воспроизводства жизни, характеризующегося такими особенностями:

- 1) численность населения и его социальная структура сохраняются неизменными;
- 2) Доля работающего населения остается неизменной;
- 3) общество не производит новшеств и не меняет интенсивность труда;
- 4) все, кто работает, занимаются производством вещей. Услуги никто не представляет;
- 5) сезонность в потреблении и производстве отсутствует;
- 6) распределение предметов потребления между всем членами общества одинаковое.

Динамику потребления и производства будем рассматривать в ракурсе произвольно выбранных временных периодов неизменной продолжительности: месяц, год, десятилетие, 75-летие и т.п.

Возьмем для определенности период продолжительностью в один месяц.

Разнесем потребление и производство по времени: продукты, потребляемые в текущем месяце, были изготовлены и накоплены в предыдущем месяце.

Отметим существование двух режимов потребления — производства.

1. Период потребления равен периоду производства. (Например, выпечка хлеба, пошив носовых платков...).

2. Изделие, изготовленное в течение одного месяца, служит много лет, затем в одночасье разрушается. (Например, строительство жилого дома или фабрики). Через месяц после разрушения изделия его воспроизводят в прежнем виде и качестве. Временной лаг считается неизменным, например 50 лет для жилья и 10 — для производственной сферы.

Учитывая наши условия, рассмотрим произвольно выбранный месяц. Все, что было потреблено в течение этого месяца, было произведено и накоплено в предыдущем месяце или много месяцев назад. Все потребленное воспроизводится в течение этого же месяца.

Далее рассмотрим отдельно модели экстенсивного и интенсивного изменения производства.

Вариант экстенсивного изменения производства. Для этого представим, что численность населения дискретно меняется в арифметической или геометрической прогрессии. Таким образом, население в начале каждого месяца скачком увеличивается или уменьшается.

При этом предположим, что и потребление и производство изменяются пропорционально изменению численности населения. Если изменение динамики потребления — процесс естественный, то с динамикой производства возникают трудности. Для снижения производства тоже никаких действий не требуется. Но чтобы производство росло (при отсутствии инновационной составляющей) должно расти число рабочих мест. Создавать дополнительные рабочие места на существующем (старом) оборудовании можно лишь за счет увеличения сменности (работа во вторую и третью смены). Таким образом, мы получили генератор новых рабочих мест, который будет работать 10 лет (по условиям модели). По истечении этого срока дополнительные рабочие места начнут приходить в негодность. Поэтому вновь созданное рабочее место послужит заменой вышедшему из строя. Чтобы и дальше наращивать число рабочих мест следует организовать работу во вторую и третью смены уже на (относительно) новом оборудовании. И так далее.

Посмотрим, как, при указанных выше условиях, отразится динамика народонаселения на его благосостоянии.

Если в начале текущего месяца население увеличилось, то

удельное потребление вещей, произведенных в предыдущем месяце, должно снизиться. Плотность заполнения жилищ должна возрасти. И такое положение будет сохраняться постоянно.

Если население будет регулярно сокращаться, получим противоположный эффект. Но такое положение вещей может продолжаться только ограниченное время.

Таким образом, благосостояние населения будет выше на определенную величину при уменьшении его численности и ниже на ту же величину при возрастании. Например, при неизменной численности каждый житель будет потреблять полбуханки хлеба в день, при росте численности — 0.3 буханки, а при снижении численности — 0.7 буханки.

Далее рассмотрим случай интенсивного изменения производства, обусловленного генерированием и внедрением новшеств. В рассматриваемом варианте изменяется производительность труда без изменения номенклатуры и качества продукции. Продолжительность и интенсивность труда также сохраняются на прежнем уровне.

Неопределенность возникает относительно воспроизводства средств труда. Будем полагать, что объем строительства фабрик будет изменяться таким темпом, чтобы было достигнуто стабильное изменение производства предметов потребления, то есть в арифметической или геометрической прогрессии.

Как видит читатель, здесь мы отошли от явного описания механизма интенсификации (деградации) производства. Поэтому предлагаемый вариант модели ничего не стоит. Для устранения ошибки необходимо описать механизм генерации и внедрения новшеств.

Возможность открытия нового заложена в природе человека. Достаточно поставить цель и поставить на поток генерацию новых идей. В нашей модели идея *нового более производительного* оборудования будет возникать скачкообразно с лагом в 10 лет. Новое оборудование будут создавать на старом взамен выбывающего. Таким образом, все выбывшее в текущем месяце оборудование должно быть заменено на более (или менее) производительное. При этом уровень внедряемого новшества не будет изменяться в течение десяти лет, после чего будут созданы средства труда нового поколения и т.д. Как может появиться более производительное оборудование, мы уже обсудили. А как может возникнуть менее производительное? — Пусть раньше средства труда закупали за границей у передовых стран, а теперь частично отказались от импорта и стали конструировать сами. Тогда новые конструкции оборудования могут оказаться менее производительными, чем старые. Если политику отказа от импорта производить последовательно, то

упадок производительности труда может растянуться на многие десятилетия.

Пусть, согласно модели, количество произведенной на новом оборудовании продукции меняется ежемесячно в арифметической или геометрической прогрессии.

При этом следует рассмотреть разные сочетания изменения уровня производства и численности населения. (Здесь, согласно модели, изменение численности населения не влияет на динамику производства. Это означает, что рост численности предполагает растущую безработицу).

1. Производство растет, численность населения не меняется.
2. Производство растет, численность населения растет.
3. Производство растет, численность населения снижается.
4. Производство снижается, численность населения не меняется.
5. Производство снижается, численность населения растет.
6. Производство снижается, численность населения снижается.

В первом и третьем случае благосостояние населения должно расти. В четвертом и пятом случае благосостояние населения будет снижаться. В остальных случаях динамика благосостояния моделью не определена.

Последний вариант нашей модели — когда на новом оборудовании производят продукцию нового качества, нового назначения и новой номенклатуры. При этом качество продукции может быть как улучшено (например, производство компьютерной техники и программного обеспечения), так и ухудшено (например, выращивание генно-модифицированных культур).

Мы показали возможность познания экономических отношений путем моделирования экономики в целом как закрытой системы. Заметим, что все моделируемые системы оказались неустойчивыми, что влечет периодическое или систематическое снижение потребления.

Понятие стоимости в модели свободных рыночных отношений

Вопрос стоимости товара есть часть проблемы товарооборота, а именно, вопрос о способах измерения товара как такового. Понятие стоимости объединяет меру труда (во всех его срезам) и меру человеческих потребностей (вопросы жизнеобеспечения) и социальных стимулов-атрибутов (власти, личной зависимости и пр.). С другой стороны, стоимость охватывает связи между промежуточным и конечным товарами,

их производством и распределением. Короче, из всех экономических проблем тема стоимости была выбрана именно из-за ее всеобщности.

Эти и близкие к ним проблемы — клубок эпистемологических и онтологических хитросплетений — будут здесь только обозначены.

Определим *стоимость* как понятие, связанное с движением денег, а именно как *замкнутый денежный поток*. За меру денежного потока (как потока вообще) примем *расход денег*, то есть количество денег, передаваемое от одного лица другому в *единицу времени* (сутки, месяц, квартал, год, пятилетие...). Таким образом, стоимость — это не масса денег, но их расход: не озеро, а река, из него вытекающая и в него же втекающая. Расход денег мы назвали термином *стоимость*.

Разомкнутый однонаправленный поток товаров от предприятия-производителя к предприятию-продавцу, от него к работнику-покупателю сопровождается встречным, но уже *замкнутым*, денежным потоком: покупатель — продавец — производитель, снова покупатель и т.д. *Стоимость* может касаться как потока товаров отдельного вида, так и всей номенклатуры товаров; она индифферентна к видовым различиям товаров (в отличие от цены), и в этом состоит ее сущность.

В отличие от стоимости, *цена единицы товара определенного вида* (вещи или услуги) есть отношение двух расходов: стоимостного и товарного, например, отношение суточного потока денег, опосредующего куплю — продажу яблок, к их массе. Цены определяются путем установления однозначного соответствия между расходом замкнутого денежного потока и расходом однонаправленного товаропотока. *Цены* товаров разных видов не сопоставимы по абсолютной величине. (Нельзя сказать, что капуста дороже трактора на том основании, что тонна капусты имеет большую цену, чем один трактор). Однако представляет интерес изменчивость ценовых отношений во времени.

При этом дифференциация цен по видам товаров определяется одновременным действием таких факторов, как:

а) относительная полезность товара (усредненная в представлениях контингента покупателей);

б) воспроизводимость производственного цикла, обеспеченная некоторой пропорциональностью между стоимостью товарного потока и числом работников, занятых в производстве товара каждого вида;

в) дифференциация доходов покупателей, влекущая их конкуренцию (так называемый платежеспособный спрос);

г) конкуренция товаропроизводителей;

д) перераспределение части совокупного дохода через государственный бюджет (налогово-субсидиарная и денежно-эмиссионная политика государства).

При этом спонтанно возникающий небаланс спроса — предложения может влиять на направление изменчивости цен, но не на их уровень. Рынок денег (финансовый рынок) и рынок товаров оказывают взаимное влияние на ценообразование.

Из этих определений должно быть ясно, что цена товара вовсе не обязана коррелировать со стоимостью того же товара. Так, если сравнить динамику стоимости и динамику цен на один и тот же товар, то при увеличении стоимости товара, его цена может или возрасти (если стоимость возросла за счет роста цены), или остаться неизменной и даже стать меньше (если стоимость возросла за счет большего количества проданного в единицу времени товара) и т.д.

Если обратиться к понятиям современной макроэкономической статистики, то стоимость будет охватывать такие показатели, как: «внутренний продукт» (чистый или валовой), «национальный доход», «конечные потребительские затраты», «объем выпуска», «суммарная заработная плата работающих за месяц», «доход в личном распоряжении за квартал», «чистый экспорт» и т.п. Речь идет о реальном, а не иносказательном, движении денег и многочисленных способах его измерения. *Это означает, что понятие стоимости имеет у нас вполне определенный денотат.*

Напротив, во всех известных теориях стоимость есть понятие субъективное, лишенное денотата. Субъективная стоимость принципиально не может иметь статистического представления, не вписывается в практику товарных отношений и бухгалтерского учета.

1. Так, согласно трудовой теории (А. Смит, К. Маркс), стоимость равна «общественно необходимому» рабочему времени. Справедливая оплата труда, на чем настаивает теория, невозможна уже потому, что в ней не определена эффективная мера труда. Отсюда, кстати, — крах социалистических теорий как таковых. Их реализация не предусмотрена процедурно.

2. В маржиналистской теории стоимость измеряется «полезностью» товара. По теории предельной полезности экстремум *функции производственных затрат в зависимости от объема выпуска* должен определить цену произведенного товара. Но для этого сначала следует определить цену самих «затрат». Возникает порочный круг. (Для определения экстремума как такового уровень затратных цен безразличен, но он безразличен для определения цены произведенного продукта по цене затрат).

3. В ординалистской версии стоимость определяют через понятия покупательского предпочтения и субститутов. Согласно теории, цену товара определяют произвольные предпочтения покупателей. С теорией хорошо согласуется феномены моды и технических новаций.

Но она не объясняет высокие цены на предметы роскоши и т.п.

4. В концепции спроса-предложения стоимость рассматривают с точки зрения баланса товарного производства и потребления. Согласно теории, объем товарного производства определяется произвольным желанием покупателей. Но в таком случае социологические опросы населения позволяли бы предвидеть наступление кризиса перепроизводства, чего, однако, не наблюдается.

Заметим, что задача идеологов социализма — показать возможность сосуществования принципов равенства и справедливости.

Задача идеологов буржуазии — показать, что экономика якобы определяется свободой воли покупателя. Эта идея была заложена в субъективистском определении понятий спроса-предложения (К. Менгер, В. Паретто, А. Маршалл, Дж.М. Кейнс...) и состоит в парадигме: народ сам виноват в своем «счастье».

Во всех этих теориях, стоимость — понятие аксиологическое и этическое. Проще говоря, речь идет о способе формирования товарных цен в условиях *«справедливого товарообмена»*. Между тем, как показал Д. Гербер, в экономической истории такое явление, как непосредственный (неденежный) товарообмен, было редкостью (например, при торговле цивилизованных стран с дикарями). В современных же рыночных отношениях превалируют, как можно видеть, опосредованное *трудо- и товарораспределение*.

Известно множество видов носителей денег, как-то:

золотые слитки;

серебряные монеты;

бумажные купюры;

вязки морских ракушек-каури;

табуны скота;

балансовые записи в бухгалтерских счетах;

«электронные карты» и пр.

Но не всегда они служили посредниками в трудо- и товарораспределении, не всегда составляли денежные потоки. Существовала категория обездвиженных денег, которые обладали лишь одним свойством — служить единой мерой для оценки разнородных товаров, что позволяло соблюдать некую пропорцию при замещении одного вида товара другим. Так в Средние века цена товаров измерялась в старых римских монетах, которые давно не обращались, а в средневековой Ирландии счетными деньгами служили *кумалы* — крепостные наложницы, которых вовсе не обменивали на товары. Как люди могли играть роль счетных денег? — Ответить на вопрос, не выходя за пределы экономических понятий, не представляется возможным.

Некоторая трудность в понимании стоимости заключается в

том, что мировая экономическая статистика все еще думает, что считает деньги, тогда как в действительности оперирует понятием расхода денежных потоков. Однако в прикладном макроэкономическом анализе различие между денежной массой и денежным потоком (стоимостью), как правило, учитывают и не складывают «остаток на счете» с «потоком депозитов» и т.п. В итоге образовавшийся разрыв между общей (фундаментальной) и прикладной экономическими теориями сохраняется.

Подчеркнем, что это не частные ошибки теорий, но одна глобальная ошибка, следующая из *безумной попытки исследователей представить сложные экономические отношения в образах. Экономические теории следует создавать из наблюдений, не превращая их в фантастические учения — этот символ веры. Тогда не придется наблюдать отрыва теории от практики.*

Исследовательский парадокс выражается в том, что только предельно абстрактная модель реальности (такая, например, как расходно-денежная теория стоимости) может быть вполне содержательной, ибо позволяет обеспечить логическую увязку множества сложных разнообразных событий.

Но *самое удивительное* состоит в том, что, несмотря на вышеуказанное нагромождение неопределенностей, не позволяющее человеку постичь им же созданные хозяйственные отношения, они существуют и со времен глубокой древности носят полезный, целесообразный характер.

Мера стоимости ближе по своей структуре к градусной шкале, чем к метрической, ибо экономический смысл имеет только соотношение потока парциальной стоимости (обслуживающей движение товара определенного вида) и денежного потока, обслуживающего весь товаропоток.

Благодаря тому, что у стоимости нет абсолютного измерителя, стало возможным (вопреки трудовой концепции стоимости К. Маркса) безболезненно отказаться не только от золотых (серебряных и пр.) денежных носителей, но и от золотого стандарта вообще. Постепенно становилось ясно, что возможность использования золота в качестве денег проистекает не из его дефицитности (теория полезности) и не из аккумуляирования трудозатрат по его добыче (трудовая теория), но из ускоренного роста затрат труда на освоение новых месторождений, что делает экономически невыгодным произвольное расширение объема золотодобычи. Таким образом, суть золота как денег заключается в (относительной) стабильности его объема при ограниченной возможности его добычи и низком уровне прикладной полезности.

Для количественного учета изменений в производстве и потреблении товаров в масштабах мира или отдельной страны необходимо придерживаться принципа *постоянства цен*. Только в таком случае изменение стоимости будет прямо пропорционально изменению физического объема потребления (равного объему производства предметов потребления).

Чтобы цены оставались постоянными, производимая *потребительская продукция* должна быть неизменного качества и номенклатуры. Поэтому в инновационной модели экономики (когда качество и номенклатура потребительных товаров меняются) стоимостная оценка хозяйственных пертурбаций невозможна.

В экономической статистике стараются придерживаться упомянутого принципа, для чего интегральный показатель произведенной стоимости — *внутренний продукт* (валовой или чистый) пересчитывают каждые пять лет, полагая, что за столь короткий промежуток времени номенклатура потребительной продукции не успеет измениться значительно.

Но здесь присутствует одна тонкость. Дело вот в чем. Чтобы работник ни производил: предметы потребления или средства труда, он за свой труд в равной мере получает *денежную плату*, на которую покупает предметы потребления. Это позволят и производство предметов потребления, и производство средств труда оценивать одной и той же мерой — заработной платой, или потоком потребленных работником товаров. Таким образом, сколько бы не было произведено средств труда, все они будут оценены потоком потребленных работником товаров. Поэтому объем произведенного *внутреннего продукта* не должен включать амортизационные отчисления и инвестиции в основной капитал (как это, с легкой руки К. Маркса, принято теперь во всем мире), ибо это будет повторным счетом.

Последние рассуждения демонстрируют, как целостная оценка предмета, доступная методам философии, позволяет вскрывать ошибки, незамеченные специальной наукой.

Логика рынка и денег

Деньги, как однородное средство, способны функционировать в пределах единой экономической системы (внутригосударственной, региональной или всемирной). Их однородность не связана с однородностью или различием экономических отношений между товаропроизводителями и покупателями, а также с однородностью или различием вещей — носителей товарной функции. Именно безразличие денег к виду экономических отношений и виду товара позволяет функциони-

ровать рынку.

Какие характеристики товара измеряются деньгами? Сразу несколько:

количественные;

качественные (полезностные);

условия труда и жизни товаропроизводителей, уровень их квалификации;

социальное назначение товара (для бедных или богатых)...

Читатель понимает, что эти свойства и множество других сами нуждаются в развернутом определении, иначе они мало что способны прояснить. Поэтому воспользуемся методом расширения темы. Зададимся вопросом: что измеряется не деньгами, а, например, метром? — Ответ — расстояние. Но, что такое расстояние? — То, что можно измерить метром. По аналогии: *товар есть то, что измеряется деньгами*.

Деньги могут иметь разное физическое представление, разный юридический статус, разный статус обращения и разные функции. Общее у них только то, что они обслуживают товарное обращение.

В качестве наличных денег, *участвующих в обращении*, обычно используют бесполезные или малополезные в хозяйстве вещи. При этом они должны иметь естественные (например, вязки ракушек, золотые слитки) или искусственные ограничения по выпуску (например, выпускаемые государством монеты).

Наоборот, в качестве *счетных* денег использую товары высокой полезности (высокой «потребительной стоимости»). Табуны скота, меха, ирландские рабыни — вот примеры счетных денег — абстрактной меры, подобной метру или килограмму.

(Отметим интересные детали. В древности деньгами служили не отдельные ракушки, а двухметровые вязки, не отдельные лошади, а табуны и т.д. Дело в том, что отдельные ракушки все разные, и определить покупательную силу одного экземпляра невозможно. Напротив, вязка ракушек усредняет их качество и т.д.).

Особым свойством обладают *учетные*, или безналичные, деньги (записи на банковских счетах): суммы на счетах вкладчиков наличных купюр за счет повторного счета могут намного превысить массу всех наличных денег.

Согласно другой классификации, деньги можно поделить на мировые и внутригосударственные (юридические).

К *мировым* деньгам относят серебряные, золотые и платиновые слитки, вязки ракушек и т.п. Они не имеют юридического статуса.

К *юридическим* деньгам относят клейменные куски кожи, бумажные купюры, медные монеты и т.п. Они обязательны к приему в качестве оплаты.

Компаундные деньги представляют собой сочетание товарных и юридических денег (например, золотые монеты).

Остановимся на новых веяниях в области функционирования мировых денег. Речь пойдет о *криптовалюте*, существующей в виде магнитной памяти в распределенной всемирной компьютерной сети (блокчейн) или в виде полупроводниковых чипов, вставленных в золотые или платиновые «монеты». Секретный текст, нанесенный на векселя, использовали еще тамплиеры, но это были долговые деньги, имеющие внутригосударственный юридический статус, что принципиально отличает их от криптовалюты.

Криптовалюта же (биткойны, эфириумы, рипплы...) — это *надгосударственные деньги*, подобные в этом качестве слитковому золоту. Однако в отличие от золота, биткойны юридически не связаны с национальной валютой. В отличие от иной эмитированной валюты, биткойны не являются долговым обязательством случайных эмитентов (майнеров). Криптовалюту юридически не обязаны принимать в оплату ни в одной стране мира. Источник их покупательной силы — это биржевая игра-спекуляция.

Но это все внешняя атрибутика. Есть и существенные отличия. Так, биткойны представляют собой безналичные деньги, которые для своего функционирования не нуждаются в банковских гарантиях. С расширением спроса на криптовалюту традиционным банкам грозит потеря их основной функции — обеспечение безналичных расчетов. Но и это не главное. Покупательная сила традиционных (национальных) валют снижается со временем. Инфляция происходит и в результате роста товарного производства, и как следствие его сокращения. Противоположная тенденция — дефляционный процесс — обычно краткосрочен и не существен. Такая ситуация объясняется тем, что спрос на национальную валюту в довольно широких пределах удовлетворяется ее эмиссией. Напротив, эмиссия криптовалюты практически не зависит от спроса. Ее покупательная сила растет вместе с ростом товарного производства. Их обращение не стимулирует производство, ибо при росте товарного производства цена товаров в биткойнах будет снижаться, и доход предприятия не будет расти. Кроме того, в биткойнах не выплачивают вознаграждение за труд. Таким образом, биткойны не являются полноценными посредниками товарного обращения.

Таково положение дел на сегодня. Как будут развиваться события, философия хозяйствования не знает.

Разнообразие денежных средств не является их достоинством, но указывает на их родовую ущербность. Действительно, свойства денег условны и относительны. В частности, цены не бывают стабильными, а установившееся распределение цен между товарами не способно

обеспечить баланс между предложением и спросом и не позволяет достичь оптимального потребления каждым индивидом. Заметим, что, потребителю безразлично, в каком соотношении он заплатит за товары разного вида (!), если цены на них фиксированы и «корзина» приобретенных товаров его устраивает. Но совсем иное дело, если цены свободны, то есть определяются конкуренцией покупателей, имеющих разный доход, разную потребность и разные интересы и конкуренцией производителей, выпускающих товары разного назначения с дифференцированными затратами труда и т.п.

В предельных случаях деньги, вообще, лишаются своих функций. Так например, в случае кризисной ситуации, при голоде, деньги (в том числе слитковое и монетарное золото) теряют свою ценность.

Но именно ущербность денег как товарного посредника, внося несправедливость в товарные отношения, давая возможность одним наживаться за счет других, служит одним из стимулов экономического развития.

С другой стороны, денежное обращение — необходимое условие распространения кризисов. Ситуацию с мировыми буржуазными экономическими кризисами уместно сравнить ... с феноменом зарождения и распространения регулярно повторяющейся пандемией гриппа.

Причина возникновения пандемий, как будто, известна. Это мутагенез вируса гриппа. Мутагенез возникает под воздействием факторов внешней по отношению к ДНК среды (физических или химических). Факторы действуют непрерывно, а мутации вируса возникают время от времени, случайно, так что очередной штамм предсказать невозможно. Быстрому распространению болезни по миру благоприятствуют скоростные средства сообщения. Хотя причины возникновения и распространения пандемии известны, средства борьбы остаются малоэффективными. Пандемия возникает сама по себе и вскоре проходит сама по себе.

Причина возникновения мировых экономических кризисов неизвестна. Понятно лишь, что причина перехода в кризисное состояние (и обратно) не выходит за рамки экономических отношений. Кризисы возникают спонтанно, а значит, непредсказуемо. Быстрому распространению кризисов благоприятствуют два обстоятельства:

рыночный характер экономики;

скоростные средства перемещения денег.

Кризисы возникают и заканчиваются сами по себе. Известные средства борьбы с кризисами малоэффективны. В отличие от пандемий гриппа, мировые экономические кризисы могут быть как краткосрочными, так и весьма продолжительными.

В результате сопоставления, казалось бы, разнородных феноменов можно заключить следующее. Если и когда будут открыты существенные причины возникновения кризисов, то не факт, что это поможет их прогнозированию и будет способствовать нахождению эффективных средств борьбы с ними.

Потребление, производство, цена. Что первично?

Здесь рассмотрим три парадокса.

1. Что изменяется раньше: спрос или предложение? Для дальнейших рассуждений заменим понятия, выражающие намерения, процедурными. *Спрос* заменим конечным потреблением, *предложение* — общественным производством. Общественное производство — категория суто историческая, а потребление — биологическое. Поэтому второе первично. Но такой вопрос и ответ не могут удовлетворить философию. Действительный вопрос в том, могут ли потребление и общественное производство изменяться *взаимно независимо*?

Когда существует буфер конечной продукции и у потребителя имеются соответствующие запасы денег (тезаурированные наличные деньги, или депозитный счет в банке), то потребление может быть *временно увеличено* без роста производства продукции.

Наоборот, если у населения имеются товары длительного использования (посуда, жилище, одежда...), то потребление может быть *временно сокращено* без сокращения производства. Здесь принципиально важно подчеркнуть, что *независимость потребления* (даже временная) все же была обусловлена производством, но не текущим, а предшествующим.

Далее, если имеется буфер рабочей силы и буфер рабочих мест, производство может *временно возрасти* без того, чтобы предварительно возросло потребление. Производство будет расти, постоянно расширяя товарную номенклатуру, пока будут использоваться инновационные способности человека.

Напротив, производство продукции будет *сокращено* по необходимости при изменении внешних условий (например, неурожай, истощение источника природных ископаемых в результате производственной деятельности) без предварительного сокращения потребления. Как видим, производство может сокращаться вне связи с потреблением, но расти оно может только временно.

Во всемирном масштабе недопроизводство существовало всегда, а перепроизводство — локально и временно. Причем, эту проблему нельзя разрешить в терминах причинности, ибо не существует достаточных

оснований утверждать, что человек всегда *должен быть* сыт и доволен или, наоборот, голоден и несчастен.

Приведенных рассуждений достаточно, чтобы оценить безосновательность концепции о ведущей роли потребления, присущей классической и неоклассической теориям, равно как и марксистской концепции о ведущей роли производства.

Тонкость здесь вот в чем. При балансе спроса—предложения отдельный предприниматель ничего не знает о покупательном потенциале, пока не начнет производить больше или меньше.

2. Непрерывное товарное производство предполагает воспроизводство орудий труда. Способностью воспроизводить на индустриальном уровне нечто себе подобное обладают, как известно, станки. Группа из десятка станков разного назначения способна воспроизводить себе подобную группу и еще сверх этого производить машины, на которых создают потребительные товары. Точнее, на станках создают детали, из которых можно собрать точно такие же станки. Как же возникли первые станки?

Итак, имеем пару «станки—детали». Что первично? Разумеется, детали должны были быть созданы раньше станков, которые из них были собраны. Здесь проблема начала решается просто: первые детали были созданы не на станках, а с помощью слесарного инструмента. Поэтому слесарно-станочное хозяйство — техническая основа индустриальной экономики.

3. Примером иного парадокса может служить маржиналистское направление в макроэкономической теории (А. Маршалл). Из того факта, что полезность некоторого ресурса есть признак относительный, маржиналисты делают неправомерный вывод о том, что *цены на товары императивно устанавливает покупатель*, максимизируя свою удовлетворенность, а *собственник-товаропроизводитель (капиталист) есть жертва потребления*. Из сомнительного постулата выросли математизированные (якобы доказательные) теории спроса-предложения, равновесия рынков, экономического роста и прочих воздушных замков.

Согласно столь же парадоксальной трудовой теории (А. Смит, К. Маркс), *цены определяет не потребитель, а производитель*, исходя из затрат труда и принципа максимизации прибыли.

Ближе к истине были древние, полагая, что цены устанавливает бог. Непонятно только, в чем состоит его интерес.

Любопытно отметить, что сама идея о центральном месте ценообразования в понимании экономических явления осталась недоказанной, хотя философические попытки были (К. Маркс, «Капитал»).

Все сказанное — та же проблема яйца и курицы, но теперь в экономической интерпретации.

Монополизация рынка как форма экономического развития

Рынок товаров, капиталов, людей (как конкурентный, так и монополярный) присущ многим общественным укладам.

Так, феодализм характеризуется тем, что капитал частных лиц защищен государством от конкурентов.

Напротив, буржуазное государство законодательно борется с монополиями (предприятиями, обладающими условной привилегией) — этими ростками феодализма на капиталистической почве.

Возможность свободного перемещения наемных работников (по их воле) из одной сферы деятельности в другую создала конкуренцию предпринимателей на рынке труда, приводящую к повышению и глубокой дифференциации заработной платы и т.п.

Наоборот, от конкуренции рабовладельцев выигрывают только работорговцы. И т.п.

Принято считать, что монополизация в экономике — явление суто отрицательное, препятствующее свободной конкуренции, что приводит к завышению цен на монополизированные товары, снижению качества продукции и сокращению ее производства.

В этой теории не учтен «пустяк». В условиях всецело свободного (конкурентного) рынка для воспроизводства экономических отношений вовсе не требуется побеждать в конкуренции. Достаточно не отставать, быть «на уровне», для чего нужно своевременно создавать новые орудия и методы труда, что повышало бы его *производительность*.

Чтобы немонаполизированный бизнес мог успешно сопротивляться монополиям, напротив, необходима победа в конкурентной борьбе. Для этого, в свою очередь, требуется организовать выпуск *товаров улучшенного качества и с новыми свойствами*, что выводит их из-под ценовой конкуренции и формирует повышенный спрос. В результате немонаполизированный бизнес становится монополизированным, число монополий растет, и опять возникает свободная конкуренция, но уже не между предприятиями, выпускающими однородную продукцию, а между монополиями, производящими разнородные товары.

Если в первом случае основу конкуренции составляла производительность труда, то во втором — полезность товаров.

Таким образом, монополизация, вопреки ожиданиям, сыграла роль ускорителя технического прогресса. И это дало экономические преимущества самой монополизированной стране мира — Соединенным Штатам.

Советский социализм: директорат и партийная система

Под директоратом мы понимаем социальную группу — господствующий общественный класс социализма, включающий директоров промышленных и торговых предприятий, управляющих банками и трестами, директоров совхозов, председателей колхозов.

Директорату, как классообразующему социальному слою, противостоят социалистический пролетариат (рабочие и интеллигенция) и колхозное крестьянство.

Особенностью социалистического уклада было полное сращивание директората и правительства, которое формировалось из числа директоров. Социалистическое правительство, в отличие от буржуазного, являлось собственником средств производства и распределения, а также собственником инфраструктуры.

Члены социалистического правительства считались партийно-кадровой номенклатурой в смысле *профеодальной кастовости, наделенной пожизненным правом занимать государственные должности.*

Социалистический директор выполнял *функции* собственника. Он владел не абстрактно-исторической собственностью, но той специфической формой собственности на «рабочую силу» и средства производства, которая свойственна определенному строю — социализму. Вопреки утверждениям советской пропаганды, в Советском Союзе отсутствовала «общенародная собственность», отсутствовала «колхозная собственность», отсутствовала «производящая» собственность рабочих и крестьян, но *существовала коллективная собственность директоров промышленных предприятий* (разбитая по отраслевому признаку), *коллективная собственность председателей колхозов* и т.д. Иными словами, *отдельный директор владел частью совместной собственности — собственности всего класса директоров.* (Заметим, что *общенародная собственность* суть бессмысленное понятие, которое скрывало действительных собственников).

Одновременно отдельный директор был собственником своего предприятия, но с ограниченными функциями распоряжения этой собственностью: ограниченной именно своими собратьями по классу. Поэтому важнейшие вопросы распоряжения собственностью — приобретение или продажа (передача) основных фондов, капитальное строительство и т.п. — директор решал через посредство центрального отраслевого органа, то есть через *институт директорского посредничества.* Более того, в целях решения общеэкономических вопросов совместного распоряжения и управления отраслевыми предприятиями

ми, министерство имело право давать указания директорам, выделяя предприятиям, по усмотрению министра, финансовые, материальные и людские ресурсы.

Аналогично внутриминистерскому механизму существовал механизм владения и распоряжения общегосударственной собственностью в виде специального органа — комитета Госплана, «работающего» не с отдельными директорами, но с отраслевыми министрами.

Отметим, что директор, будучи социалистическим собственником, прежде всего, своего предприятия, не являлся по своему статусу *организатором* производства, то есть он был *властителем*, а не *управляющим*. Эта функция, как известно, была закреплена за *главным инженером* предприятия или аналогичным должностным лицом. Директор же выполнял функцию *работодателя*, распорядителя наемной рабочей силы.

Буржуазный уклад также использует институт директоров. Но власть директора (если он не является мажоритарным акционером, то есть капиталистом) не является основополагающей, структурообразующей. По сути, это не власть, а производственная функция. Наемный капиталистический директор не представляет самодовлеющий экономический класс.

В отличие от директора предприятия, использующего наемных работников и тем напоминающего буржуазного предпринимателя, статус председателя колхоза тяготеет к положению феодала-крепостника, поскольку крестьяне, обязанные жить в сельской общине и трудиться в «своем» колхозе, по необходимости находились в *личной* (внепроизводственной) зависимости от председателя.

Ограничения мобильности были навязаны не только колхозникам. В истории советского государства был период, когда переход с одного предприятия на другое административно ограничивали, а для работников — членов коммунистической партии это ограничение существовало практически всегда.

Заметим еще, что директорат не являлся самовоспроизводящимся классом (каковыми были классы рабовладельцев и феодалов и каковым является класс буржуазии), то есть его собственность не переходила по наследству. Напротив, воспроизводство руководящего класса происходило из широких слоев населения. (Однако постепенно карьерные возможности детей директоров стали значительно превосходить возможности среднестатистического гражданина).

Но на этом демократизм социалистического строя и заканчивается.

Вопросами обновления власти — формирования партийно-чиновничьей «номенклатуры» — занимался специальный *государственный кадрово-инспектирующий институт* — руководящий орган

Коммунистической партии. Этот орган возник в результате метаморфозы дореволюционной коммунистической партии (РСДРП(б)), которая была носителем одной из множества тогда существующих политических идей и существовала действительно как *партия*, наряду с другими политическими организациями. Став институтом власти, партия вышла за границы своего понятия, выродившись, таким образом, в государственную структуру.

Рекрутируя свои ряды изо всех социальных слоев, и, в обязательном порядке, из директорской среды (фактически слившись с директоратом), государственная партия преследовала цели *политическо-го развращения народных масс*, превращая их в *раболепствующую* паству.

В то же время государственная партия не была социально однородным образованием, но состояла из директората и представителей наемных работников и колхозников.

На советский период в истории России пришлось широкая волна урбанизации. (Если к 1990 году доля городского населения в населении Земли составляла 42%, то в населении России — 75%). Поэтому-то подавляющее большинство партийных руководителей всех уровней (а также большая часть директорского корпуса) представляло собой переселившихся в город крестьян в первом или втором поколении. Таким образом, однородность социального происхождения власть имущих поддерживалась кастовостью системы.

В историческом плане партийная система социализма не оригинальна, но функционально схожа со своими историческими предшественниками: опричниной и церковной инквизицией. Являясь государственным институтом, коммунистическая партия оказалась способной сыграть объединяющую роль. Она уравнивала центробежные силы, всегда существовавшие на национальных окраинах Союза. После ее ликвидации СССР распался, как карточный домик.

Как видно, директорат — класс, определяющий экономический и политический уклад социализма, тогда как государственная партия — один из атрибутивных механизмов отправления власти. Простое бытие социалистического уклада само по себе порождает «партийную» форму власти.

Каково историческое место *социализма* как общественной формации? Ответим на вопрос в пяти тезисах.

1. Социализм возник на субстрате неразвитого капитализма с вкраплениями крепостнических отношений в эпоху всемирного технического прогресса («промышленной революции»).

2. С одной стороны, он прервал развитие зачатков буржуазных отношений, с другой — полностью разрушил экономическую (помещичью) и политическую (сословно-фискальную) структуру остатков

крепостничества.

3. Крепостнические отношения, будучи разрушенными по форме, сохранились в новом облики: в виде колхозов (прототип барщины), социалистических предприятий (обязательный труд, отсутствие необходимой связи между качеством продукции, с одной стороны, и оплатой труда — с другой) и социалистического быта (обязательная прописка по месту жительства, заводская или административная собственность на жилье и пр.).

Разумеется, колхоз (сельскохозяйственная артель) — не во всем институт крепостничества. Крестьяне не бежали из артели, а ушедших не отлавливали и не возвращали назад (разве что в голодные годы). В тоже время препятствия для выхода из артели были существенными. Общий труд на колхозном поле или животноводческой ферме был актом экономически вынужденным и не требовал физического принуждения, как при классическом крепостничестве. Председатели колхоза и сельского совета были лицами выборными, хотя и утверждались «сверху». И т.п.

В последнее пятилетие советской власти была предпринята попытка внедрить систему «круговой поруки» (присущую артели) в промышленность, что называлось *бригадным подрядом*. Повсеместным и обязательным введением бригадного подряда М. Горбачев пытался восстановить цеховую общину в условиях упадка социализма, чем его только ускорил. Бригадный подряд «трудового коллектива» характеризовался уравниванием в правах работников разной ответственности и квалификации. Система бригадного подряда включала выборность и зависимость руководителя от «трудового коллектива» и вводила принцип коллективной ответственности и коллективного распределения дохода.

Это был возврат к ситуации, возникшей непосредственно после Октябрьской революции и уже имеющей рецидивы в 30-е годы 20 века, когда мнение лифтера приравнивалось к мнению академика. Бригадный подряд разрушал структуру производственных отношений как таковую, что послужило толчком к распаду социалистического уклада.

Заметим, однако, что кооперативный труд, как таковой, более или менее распространен в мире и считается вполне эффективным. Неэффективным же является его глобальное распространение. Впрочем, *отрицательный эффект, получаемый при глобализации, касается любых конкретных форм общественных отношений*. Иного мнения был К. Маркс, который в 1864 году писал в «Учредительном манифесте международного товарищества рабочих»: «Чтобы освободить трудящиеся массы, кооперативный труд должен развиваться в общенациональном

масштабе и, следовательно, на общенациональные средства».

4. При социализме был модифицирован буржуазный рынок потребительских товаров, что выражалось в частичной замене товарораспределения на продуктораспределение. Рынок труда и средств производства (земли, материалов, орудий производства и др.) был вообще упразднен.

5. Феодальная система сословий не была полностью уничтожена социализмом, но трансформировалась в систему, дифференцированную по признаку *социального происхождения*. При этом чиновничья каста была трансформирована в партийную номенклатуру и т.д.

Подытожим. Социализм как экономическая система характеризуется *государственным* использованием полукрепостнического труда в городе и деревне, рабского труда в концентрационных лагерях, армейских строительных батальонах, на сборе хлопчатника (плантационное рабство), и пр. Девизом социализма можно считать выражение: «Труд создал из свободного человека раба».

Принципы экономической философии

Чтобы сформулировать какой-либо закон в социально-экономической области так же точно, как это делается в естественных науках, потребуется учесть длинную цепь ограничений-условностей. Вот пример правильной формулировки социального закона: «При взаимодействии двух групп людей, различающихся по какому-либо категориальному признаку (классовому, национальному, религиозному, культурному...) преимущество получает группа большей численностью, ... при условии, что она:

представляет группу объективной связности (а не только категориальной общности), например рабочие одного предприятия, а не слесари всего мира;

организована не хуже, чем группа меньшей численности;

вооружена не хуже группы-оппонента;

имеет не менее талантливых руководителей;

не очень связана моральными принципами;

поставлена внешними обстоятельствами (эпидемия, неурожай, плохое сообщение...) не в худшее положение, чем группа меньшей численности.

(Напомним читателю, что, в отличие от закономерности, закон не констатирует тенденцию, но постулирует неизменный характер связи, существующей лишь при абстрактных ограничениях).

Формулировка естественнонаучного закона так же, как и соци-

ального, предполагает учет условностей. Отличие, однако, в том, что число социальных условностей ничем не ограничено, а это создает неопределенность в формулировке закона. Поэтому в социологии и экономике речь может идти не о законе, но о чем-то менее определенном — о принципе. Сходство с законом заключается в том, что принцип первичен, а его причины не известны.

Итак, экономический принцип — это информация о возможностях и ограничениях в закрытых (самодостаточных) системах. Ниже приводим некоторые принципы экономической философии:

1. Управленческий принцип общественного хозяйствования. Для возможности ведения общественного хозяйства должен соблюдаться управленческий принцип «один ко многим» или «немногие ко многим».

2. Принцип асимметрии общественного воспроизводства. Для функционирования общественного воспроизводства хозяйственный посредник (организатор производства, собственник и пр.) должен получать при распределении благ больше, чем получают функционеры воспроизводства — исполнители (крестьяне, наемные работники и пр.).

3. Принцип асимметрии при нововведениях. До тех пор, пока нововведения не станут частью социального механизма, нарушающего экономическую симметрию (баланс интересов), развитие невозможно.

4. Принцип сохранения диспропорций. Экономика, как совокупность множества процессов, не может быть оптимизирована в целом. Оптимум в каком-либо одном смысле (направлении) достигается за счет усиления диспропорций в иных направлениях. Поэтому оптимизационное регулирование экономики следует рассматривать как бесконечную череду смены целей.

5. Принцип множественной изменчивости. Экономическое изменение, лежащее в какой-либо одной плоскости, приводит к возникновению изменений в иных срезах экономических отношений. Например, вытеснение страны с внешних рынков приведет к изменению внутренней структуры производства, инициирует перераспределение доходов *etc.*

6. Принцип синфазности политического режима и экономического реформизма. Без либерализации политического режима социально-экономические реформы не могут начаться, а без ужесточения режима они не могут завершиться, и лишь в условиях консервативного (сбалансированного) режима реформы способны работать.

7. Принцип календарной непрогнозируемости экономических флуктуаций. Фазы экономических флуктуаций (бумы и кризисы) слу-

чайны (как сейсмические явления), а не цикличны (как циклы солнечной активности). Существенная случайность флуктуаций не позволяет делать календарные прогнозы — предвидеть с высокой надежностью и вероятностью более 50% возникновение флуктуации в каждый момент времени. Но можно прогнозировать усредненную частоту возникновения флуктуаций. Так, нельзя спрогнозировать ни начало, ни продолжительность бумов или кризисов, проходящих в отдельном государстве или в мире в целом. Однако средняя частота флуктуаций — величина более или менее стабильная. Вообще, процесс экономических флуктуаций можно считать условно стационарным и эргодичным. Это дает возможность ретроспективно определить число флуктуаций, уместающихся в заданный период, и пролонгировать эту величину на будущий период.

8. Принцип изменчивости совокупного спроса. В начальный период выпуска новшества спрос на него (поток покупок) определяется числом новых, сменяющих один другого покупателей. После того, как подавляющая часть потенциальных покупателей приобрела новый товар, спрос определяется скоростью износа товара в процессе потребления. Вторичный спрос значительно ниже первичного, что приводит к кризису перепроизводства.

9. Принцип саморегулирования в целостной системе. Речь о том, что общество в целом является саморегулируемой экономической системой (невзирая на кризисы). Напротив, бизнес сам по себе не является саморегулируемой системой.

Например, для экономической устойчивости правительство вынужденно постоянно оказывать бизнесу помощь, для чего выделяет средства из государственной казны для тех или иных отраслей хозяйства (сельскому хозяйству, экспорт-ориентированным предприятиям, частным банкам и пр.).

Другой пример. Цены на продукты питания должны быть достаточно высоки, чтобы обеспечить воспроизводство сельскохозяйственной продукции. Но в условиях глубокой дифференциации по доходам эти цены могут превышать возможности беднейших слоев населения. Чтобы не допустить вымирания беднейшего населения, правительства проводят разные мероприятия. Так, некоторые страны идут на эмиссию талонов на питание для бедноты (вместо денег), стоимость которых покрывают из казны и т.п.

Без вмешательства правительства в бизнес экономика не может быть сбалансирована.

Возвращаясь к началу главы, заметим следующее. Различие в определенности между социальными и естественнонаучными законами носит количественный, а не качественный характер. Вероятност-

ный стиль мышления (пробабализм) был внедрен в науку в результате успехов квантовой физики. До этого существовал смысловой разрыв между точным выражением связей физических величин и неустранимой погрешности их измерения. То, что при измерении любого явления или вещи обязательно должна возникнуть некая погрешность, давно стало общим местом. Суть погрешности состоит в том, что с каждым новым измерением вы получите несколько иной результат. При грубых измерениях эти различия могут быть незаметны. Чем точнее вы попытаетесь провести процедуру измерения, тем отчетливее будет виден разброс результатов. При переходе же к математическим формулам, выражающим связи явлений, это обстоятельство часто не учитывают.

Так, во Втором законе Ньютона масса и ускорение предполагаются конкретными величинами. Однако не существует однозначных величин ни массы, ни ускорения. Это вероятностные сущности. Однозначности можно достичь, если неизвестное распределение плотности вероятностей заменить его математическим ожиданием (которое, впрочем, тоже случайно). (Заметим, что физики понимают проблему глубже. Движение физического тела они представляют, как волновое. Однако для наших рассуждений достаточно будет понять истину в первом приближении).

Продолжим наше сравнение. Если в физике законы носят количественный характер, то в социологии и политической экономии — качественный. Здесь закон устанавливает причинно-следственную связь между социальными явлениями. Пробабализм в социологии означает, что каузальная зависимость не может повторяться всегда. Здесь уместно привести крылатую фразу Г.В.Ф. Гегеля: «Исключение подтверждает правило». С этих позиций отличие «неточной» науки от «точной» состоит в том, что неточность последней может быть измерена.

Раздел 10. ТРАНСФОРМАЦИЯ ОБЩЕСТВЕННОГО УКЛАДА В ДЕРЕВНЕ

Возвращение зависимой свободы

Царская Россия и возникшее на ее месте имперское социалистическое государство были многоукладными. Разные регионы обширной страны имели разные уклады. Наша тема посвящена анализу политико-экономической сущности колхозного строя в европейской части России, в Беларуси и Украине.

Добыча, выращивание и производство жизненных благ, прежде всего воды и пищи, имеют место как в деревне, так и в городе. Между тем, условия жизни и труда в деревне и городе резко различаются. Соответственно различаются и общественно-экономические отношения. Однако они не изолированы, но взаимно влияют одно на другое. В частности, феодальные отношения в деревне препятствуют расширению буржуазных отношений в городе.

СССР возник, как крестьянская страна. Только в 1962 году городское население сравнялось с сельским по числу жителей. В наше время доля сельского населения составляет в России 25%, в Беларуси — 21%, в Украине — 30%. Доля занятых в товарном сельском хозяйстве (фермеры и наемные работники) от общего числа занятых составляет в России 7.3%, в Беларуси — 9.5%, в Украине — 15%. (Но если учесть еще занятость в личном подсобном хозяйстве, то в России она составит 54% и т.д.). При этом доля сельского хозяйства в экономике России составляет 4.5%, Беларуси — 7.5%, Украины — 8—10%. Для сравнения: доля занятых в сельском хозяйстве США составляет 2%, Польше — 13%, Китае — 40%.

Заметим, что социально-экономический уклад, а также уровень производительности труда в деревне коррелируют со статистическими показателями: чем меньше доля занятых в сельском хозяйстве, тем развитее буржуазное общество, тем выше производительность труда. Правда, корреляция не является строгой, это корреляция лишь *по вероятности*.

Для выяснения преемственности общественных укладов придется начать исследование с возникновения крепостного права в России (уже имевшей общинный уклад), возникшего в 1592 году — как раз тогда, когда в Западной Европе общинные порядки начинают исчезать. Благодаря общинному ведению хозяйства, крепостное право позволило повысить товарность сельскохозяйственной продукции и сохранить воспроизводство рабочей силы.

Просуществовав три века, общинно-крепостные отношения на-

чали активно разрушаться (особенно после реформы 1861 года).

Реформа 1861 года, запретив продажу крепостных, наделила крестьянина правом пользования (свободно распоряжаться результатами своего труда) и владения (защита от всех и каждого и право наследования) усадьбой и малым приусадебным участком, а также правом пользования пахотной землей — личным «наделом». Кроме того, реформа позволяла общине брать в кредит (за отработки и оброчные выплаты в течение 49 лет) от 50 до 66% помещичьей земли — полевой надел. При этом крестьянин был лишен права владения и распоряжения (свободного отчуждения) пахотной землей. Продать землю или передать ее в залог ни отдельный крестьянин, ни община в целом практически не могли. Не удалось также ликвидировать институт помещиков, крепостную зависимость (теперь от общины) и телесные наказания. Сохранились барщина и оброк, как плата за пахотную землю, ранее принадлежащую общине. Не удалось также ликвидировать сам институт сельской общины. Хотя угодья — выгоны и сенокосы — оставались в общем пользовании, община не предполагала ни обобществления труда, ни обобществления «надельной» земли. При этом крестьянин мог покинуть общину (с ее согласия или без), вообще отказавшись от своего надела или сдавши его в аренду за небольшую плату. «Ахиллесовой пятой» пореформенной общины оставалась *чересполосица*, формировавшаяся столетиями общинного землевладения.

В итоге, сельская община де-факто превратилась в институт крепощения без экономической и личной зависимости от крепостников. Не все было обобществлено (как впоследствии при коллективизации). Действительно общей была лишь ответственность перед государством, арендодателями и займодавцами — «круговая порука».

Одновременно с общинной собственностью существовала и «подворная» собственность на пахотные земли с правом пользования, владения и распоряжения; запрещалось только передавать землю в залог.

В целом пореформенной деревне были присущи такие черты:

- 1) устранялась личная зависимость крестьян от помещиков;
- 2) сохранились помещичьи земли, обрабатываемые теперь наемными крестьянами. Практиковались также непринудительные бесплатные отработки за возможность пользоваться выпасом и пр. При этом, однако, помещичьи хозяйства приходили в упадок из-за не приспособленности к новым экономическим условиям;
- 3) крестьянские общины дополнительно получили часть помещичьих и государственных земель;
- 4) сохранился институт сельских общин, возглавляемых старостами. (Старосты теперь имели двоякую зависимость: от державы и

от общины). Вся земля, закрепленная за общиной (за которую она должна была вносить выкупные платежи государству) была поделена между членами общины и перераспределялась в связи с изменением численности семей. При этом каждой семье выделялось несколько участков на землях разного качества (так называемая чересполосица). Произвольный выход из общины был искусственно затруднен;

5) возник класс свободной сельской буржуазии, организовавшей кулацкие хозяйства на отрубях и хуторах. (Это происходило, в основном, после столыпинской реформы);

6) сельское население значительно превышало по численности горожан и поэтому кормило и одевало, прежде всего, само себя. Столыпинская аграрная реформа 1906 года нанесла сильный удар по сельской общине, разрешив старые противоречия и породив новые. Выкупные платежи были отменены, но налоги и подати в пользу государства сохранились. Продукт крестьянского труда стал отчасти товарным — в основном, через посредство скупщиков (которые тоже назывались кулаками, как и владельцы отрубей и хуторов).

Реформа позволила крестьянам покупать землю у государства и помещиков (через посредство земельного банка) или арендовать ее.

Однако крестьянин де-факто по-прежнему был лишен права продажи своей земли. Даже переселившись в город, крестьяне не могли продать свои участки. Иными словами, крестьянин не превратился в полноценного собственника, каким оставался помещик. (Этот принципиальный момент прикрепления крестьянина к земле под видом наделения его собственностью замалчивают в России, Беларуси и Украине и по сей день).

Так или иначе, но уже к 1917 году половина семей приобрела «единоличные» хозяйства. Они стали действительно единоличными, поскольку семейное право собственности (к тому же, весьма урезанное) было заменено полноценным правом собственности главы семьи. Тем не менее, до Февральской революции полностью с помещиками и общиной покончить не успели, равно как и с чересполосицей — этим бичом сельской экономики в руках общинной справедливости.

Февральская революция покончила с остатками помещичьего землевладения, сохранив общинную собственность. После Октябрьской революции 1917 года стали фрагментарно появляться сельские коммуны и артели с обобщенной пахотной землей и общим трудом. Была проведена полная национализация земли, в результате которой помещичьи земли перешли в общинное владение, а кулаки (фермеры) из собственников земли превратились в простых владельцев (они лишились права продавать и расширять свои владения). Права бывших помещиков уравнили с бесправием крестьян. Таким обра-

зом, сельская община стала возвращать свои позиции, но одновременно приобрела новые черты.

Это была уже не пореформенная община 1861 года и, даже, не дореформенная с частными наделами и чересполосицей, а, скорее, родовая — без помещика-крепостника. Его функции приняло на себя социалистическое государство. В итоге, несмотря на экспроприацию помещиков, прошла волна отката к феодальным отношениям.

Ретроградные начинания подрывали частный интерес производителя и, несмотря на благотворное влияние нэпа, снизили товарность сельскохозяйственной продукции в сравнении с предреволюционным периодом.

В условиях преимущественно крестьянской страны, слабые товарные отношения не обеспечивали продовольствием растущее, вследствие урбанизации, население городов.

Наконец, в 1929—1933 годах была проведена широкомасштабная антистольпинская аграрная реформа (названная коллективизацией), которая представляла собой волну исторического отката. Она вылилась в повсеместное распространение сельскохозяйственной артели — колхозов. Была уничтожена частная собственность на землю в виде «единоличных» хозяйств, были ограблены зажиточные крестьяне, в том числе те, кто занимался перепродажей сельскохозяйственной продукции — кулаки. Расправившись таким путем с конкурентами, государство стало монополистом.

Произошло обобществление земли, продуктивного скота, труда и его результатов при раздельном владении и пользовании личным имуществом. Собственником основной продукции стало государство, а ее остатков — колхоз. Оплата труда была в основном натуральная и частично (в совхозах) денежная.

Заметим, что сущность колхозов не в «артельной» форме производственных отношений, установившейся в деревне в результате коллективизации, но в том, что государство (в лице правительства) стало монополистом. Колхоз лишь отдаленно напоминал артель — хозяйственное образование в условиях *свободной* торговли. Разрушение остатков рыночных отношений прикрывалось лозунгом о ликвидации кулачества.

Образование колхозов именно в указанный период было обусловлено мировым экономическим кризисом — «великой депрессией». Вследствие кризиса внешних платежей и истощения казны, государство ввело «твердые» (то есть заниженные и слабо дифференцированные) закупочные цены, что затормозило добровольную продажу сельскохозяйственной продукции городу и потребовало социальных преобразований. Но почему преобразования приобрели такую форму?

Дело в том, что коллективизация вписывалась в профеодальный, общинный уклад России начала 20 века, который характеризовался отсутствием института частного распоряжения (право отчуждения и приобретения) и владения (защита земли и продуктов труда от всех и каждого) земель. Она в некотором роде стала откатом к до-революционному и, даже, к достопыпинскому периоду: были ликвидированы «надельная» собственность и право выхода крестьянина из общины-колхоза.

Права свободного перемещения крестьяне лишились в 1932 году, вследствие введения паспортной системы в городах, но не в деревнях.

Полную паспортизацию колхозников произвели в период с 1976 по 1981 годы. Однако принимать на работу в городе колхозников запрещалось. Но на «стройки коммунизма» крестьян отпускали. Могли мигрировать в город крестьяне, демобилизованные из армии (т.е. только мужчины).

Таким образом, в 1929—1933 годах крепостное право было восстановлено в форме социалистических колхозов и просуществовало еще 60 лет.

Переход к централизованному крепостничеству типа «восточной деспотии» казался властям приемлемым выходом из ситуации. Решения властей нашли понимание среди добивающегося привилегий директората и получили широкую поддержку рабочих и беднейших крестьян, не добившихся никаких выгод.

Коллективизацию проводили сами крестьяне, но с согласия властей. Они же участвовали в многочисленных бунтах, направленных против коллективизации. Это была гражданская война в деревне. Война сопровождалась не только противостоянием, но и всеобщим голодом, вызванным резким изменением уклада. Любопытно отметить, что организация военных кордонов, препятствовавших перемещению крестьян в город в голодные годы, вызывает недоумение, недоверие и возмущение современного обывателя. Однако зададимся вопросом: «А в сытые годы свободная миграция крестьян была разрешена»? Просто в сытые годы крестьяне массово не бежали из своих деревень.

В целом колхозный строй характеризуется следующим образом:

- 1) чересполосица была ликвидирована обобществлением земли, а крестьяне лишены права частного владения землей, права владения продуктивным скотом и сельскохозяйственной техникой, а главное — права свободно распоряжаться результатами своего труда, вложенного в общинную землю;

- 2) отработки на государственном поле по типу старой барщины стали условием владения жизненно необходимым семейным подсоб-

ным хозяйством. (В противном случае — «исправительно-трудовые» лагеря);

3) закрепление крестьян за колхозом. Право “свободного” выхода из колхоза (но с лишением крестьянина средств существования) появилось только в 70-е годы, после введения общегосударственной паспортной системы. (Такое же положение сохраняется и по сегодняшний день, поскольку собственный земельный надел нельзя продать);

4) дифференциальная рента, связанная с различным плодородием земель и др., стала поступать в доход государства (как и предлагал К. Маркс). Таким образом, колхозы не могли быть заинтересованы в сохранении и улучшении плодородия земли. Попытки же восстановить плодородие и повысить урожайность путем изменения режима землепользования и внедрения «химизации» в общегосударственном масштабе (опыт хозяйствования Н. Хрущева) только ухудшили ситуацию;

5) из-за искусственно созданных государством «ценовых ножей» (означающих превышение потока стоимости средств труда, продаваемых государством колхозам, над потоком стоимости продуктов сельского хозяйства, покупаемых государством у колхозов), большинство колхозов становятся постоянными должниками государства (как это имело место в достопыпинский период, хотя действовал иной механизм экономической кабалы). Если использовать буржуазную терминологию, следует сказать, что государство являлось монополистом и монополистом в одном лице.

Коллективное хозяйство носило государственно-товарный характер, обеспечивающий централизованный вывоз сельхозпродуктов как из пригородных зон, так из удаленных от города районов, откуда индивидуальный вывоз был весьма затруднен, ввиду отсталой инфраструктуры.

Что касается механизма распределения дохода между крестьянами, то следует отметить высокую степень социальной справедливости, что неминуемо должно было привести к снижению производительности труда и, в конце концов, к распаду производственных отношений. (Мерой оплаты совместного труда служил не объем произведенной работником продукции, а так называемый *трудодень*).

В этой связи нельзя пройти мимо чувства умиления, с которым теоретики социализма (в том числе Ф. Энгельс, А.И. Герцен, Н.Г. Чернышевский, В. Ленин) относились к сохранению общинного земледелия, считая его плацдармом исторического прогресса. Отсюда, между прочим, становится очевидным, что *исток социалистических идей кроются в феодальных отношениях, являясь их отражением на философском, политико-экономическом и этическом уровнях, и потому носят*

суто реакционный характер. Поэтому правильно будет утверждать, что развитие социалистического учения как такового символизирует откат к прошлому в науке, как это имеет место и в реальной жизни.

Социалистический феодализм пустил корни и в иных областях общественной жизни. Так, остались без паспортов офицеры и, разумеется, военнослужащие срочной службы, а с 1940 года паспортов лишили шахтеров... Навязчивая зависимость гражданина от государства имела место не только в деревне, но и в городе. В городской черте вообще отсутствовал институт собственности на жилье в многоквартирных (впоследствии — многоквартирных) домах и территорию под дом. Заводы и фабрики, дороги и жилье — все принадлежало государству в лице директората. Допускались лишь частные мастерские без использования наемного труда.

В 1991 году от метрополии отделились окраинные колонии, жизнь в которых была лучше, чем в России. В том числе отделились Беларусь и Украина. Развитие социальных укладов пошло в них разными путями, вообще говоря, балансируя между феодализмом и капитализмом.

Так, в Беларуси сохранился колхозный строй, а в России и Украине крестьяне (бывшие колхозники) получили во владение и пользование (но не распоряжение) пахотную землю — «земельные пай». Крестьяне в своем большинстве вынуждены были за символическую цену сдать свой пай в аренду агрофирмам и агрохолдингам. В результате эти крестьяне стали батрачить на «своей» земле на сельских магнатов. Меньшая часть крестьян сумела завести собственное товарное хозяйство (так называемые фермеры). Незначительное число «фермеров» смогло объединиться в сельские кооперативы. Сельскими магнатами стали руководители бывшей сельской администрации, бывшие председатели колхозов и бывшие партийные функционеры.

Изменилось техническое оснащение сельского хозяйства. Морально и физически устаревшая советская техника со временем была заменена высокопроизводительными (хотя и не новыми) машинами, импортированными из США и Западной Европы.

Таковы этапы социально-экономических преобразований в постсоциалистической деревне.

Философия крестьянской истории

Принято считать, что к антикрепостническим реформам 1861 и 1906 годов привели систематические неурожаи, голод среди сельского населения и многочисленные крестьянские бунты. Однако известные исторические примеры, отрицающие эту связь. Так, крестьянская война 1500 года в Германии привела не к улучшению социального поло-

жения крестьян, но к их закрепощению. Так, известные в России крестьянские бунты И.И. Болотникова, С.Т. Разина, Е.И. Пугачёва и пр. приводили только к ужесточению крепостной зависимости.

Собственно говоря, то, что движение народных масс в 19—20 веках ускорило реформы, не подлежит сомнению. Сомнению подлежит причинная связь между бунтом и *направленностью* реформы, а именно направленностью на отмену крепостного права. *Это белое пятно философии истории*. Но, кто сказал, что крепостничество — абсолютное зло? Кто сказал, что в 16 веке закрепощение воспринималось столь же негативно, как в 21? И рабство — не абсолютное зло: иначе не могло бы существовать долговое (то есть добровольное) рабство. Даже смерть — не абсолютное зло: иначе никто бы сознательно не рисковал жизнью.

Здесь заметим, что характеристика антикрепостнических реформ ничего общего не имеет с ее критикой. Сделано было то, что могло быть сделано в тех исторических условиях и как могло быть сделано. Авторы реформы не могли ни придумать, ни, тем более, реализовать ничего лучшего по той простой причине, что ее объект является ее субъектом.

Как бы там ни было, эти реформы улучшили положение крестьян, но не сняли их недовольство: ведь голод не отступал.

Преобразования в деревне после революций 1917 года пошли в двух направлениях. С одной стороны, они являлись продолжением столыпинской реформы: окреп класс фермеров-кулаков. С другой — общины, ранее состоявшие из семейных хозяйственных единиц, превратились в сельские коммуны. Последние характеризовались высокой степенью обобщения: общим трудом на общем поле, общими средствами труда, общим имуществом и, даже, общей формой потребления произведенных продуктов (общие столовые). Хотя организация сельских коммун очень походила на известные представления социологов, но в этом не было «заслуги» последних: коммуны возникали естественным путем. При этом коммуны не были уникальным образованием, присущим только советской власти. Отдаленные исторические аналоги прослеживаются, например, в религиозных сектах средневековой Европы; древних сектах ессеев (2 век до н.э.) и терапевтов (1 век) и т.д.

Последующая за этим периодом коллективизация означала физическое истребление фермеров и их семей руками сельской бедноты. Колхоз, возникший в условиях советской деревни, ознаменовал победу технической целесообразности (в виде возможности широкого применения передовой техники) над социальной (в виде личной ответственности работника за результаты труда).

В социально-историческом плане создание колхозов означало *откат* к крепостным отношениям. Исторический откат проявился в том, что коллективизация отбросила новый общественный уклад, еще не успевший утвердиться в советской России, Украине и Белоруссии, и вернула деревню к крепостному праву и, даже, к моментам родового строя. Причем, новым крепостным правом была охвачена *вся* территория СССР, тогда как в царской России крепостничество господствовало на *ограниченной* территории (доля крепостных в населении России составляла 37%). Возобновилась не только барщина, но и такая черта феодализма, как личная зависимость работника от работодателя. Только теперь отдельный колхозник стал зависим не от помещика, а от председателя колхоза.

С другой стороны, исторический откат не есть чем-то из ряда вон выходящим. *История никогда не давала повода полагать, что устойчивое монотонное развитие возможно.* Известны многочисленные аналогии откатов в прошлое как в деревне, так и в городе, как-то: восстание шуанов во Франции; Парижская коммуна 1871 года; создание кибуц в Израиле; мюнстерская (цеховая) коммуна анабаптистов (1534—1535).

Отличительная особенность колхозов состоит в том, что они в свое время (как, впрочем, и кибуцы) стали продовольственной опорой государства, так что их невозможно рассматривать как изолированную общественную структуру.

Но крепостная зависимость не является фатальной чертой социализма. Так, в 1910—23 годах антибуржуазные (профеодалные) пролетарские восстания прокатились по многим странам Европы: Португалия, Германия, Финляндия, Венгрия, Словакия, Италия, Болгария, Польша. Большинство из этих стран по окончании Второй мировой войны стали социалистическими («странами народной демократии»). Но возврат к крепостничеству там не произошел, ибо общинный уклад (основа коллективизации) давно покинул эти общества.

(Здесь заметим, что сущность коллективизации в китайской деревне в 50—60-е годы прошлого века по сей день остается закрытой темой для нас и нашего читателя. Поэтому мы не имеем возможности сравнивать китайскую деревню с советской. Известно только, что коллективизация вызвала массовый голод и вскоре была заменена фермерством).

Сведения о жизни *постсоветской деревни* весьма скудны и противоречивы, откровенно замалчиваются средствами массовой информации и органами государственной статистики, что, на наш взгляд, свидетельствует об ожесточенной борьбе интересов в этой сфере.

Сразу после распада Советского Союза в России и Украине был

сделан первый шаг к разрушению колхозной формы хозяйствования: созданы фермерские хозяйства. (В Беларуси фермерство находится в зачаточном состоянии). Это еще не начало капитализации деревни, ибо постсоветский фермер — не частный собственник земли, а только владелец и, как таковой, сам закрепощен на ней, так как лишен права (или возможности) продать свою землю. Невозможность увеличить свои владения путем свободной купли земли не способствует появлению у крестьянина интереса к развитию хозяйства. В результате, к нашему времени (то есть спустя двадцать лет) численность фермеров резко сократилась и продолжает сокращаться.

Другим буржуазно-прогрессивным моментом постсоциалистического периода стало возникновение сельскохозяйственных товарных бирж (реальный и фьючерсный секторы) как института посредничества в товарообороте сельскохозяйственной продукции и пр.

Трудно что-либо утверждать определенно, хотя представляется очевидным, что социальный уклад постсоциалистического периода еще не достиг уровня столыпинских реформ. В целом же, следует констатировать, что хотя общественные преобразования тормозятся, но на месте не стоят.

Изменения общественного уклада в деревне отчетливо показали, что социальные отношения служат средством для достижения экономических целей. Именно поэтому их называют социально-экономическими.

Но связь между средствами и целью не однозначна, как думал К. Маркс. Чем обусловлено разнообразие средств? — Этот вопрос все еще остается открытым в социальной философии. Тем не менее, очевидно, что средства, используемые в одни периоды, не могли быть пригодны для других периодов. Поэтому социальный опыт Запада не применим в условиях России и СССР «в чистом виде». Не случайно так распространена теория «особого пути России». Например, К.Д. Кавелин, выступая за отмену уравнительного землепользования, тем не менее, ратовал за сохранение семейной собственности на наделы и полагал, что частная собственность на землю с правом ее продажи принесет России только вред.

Итак, было показано, что «крестьянский вопрос», как узкое место общенациональных преобразований, отражает нерешенность отношений собственности в обществе.

Социальная история подсказывает читателю, что сам образец буржуазного строя, к которому стремятся постсоветские страны, будет со временем кардинально меняться. В чем будут состоять эти изменения, каким образом они будут происходить? — Это не известно никому. Однако ясно, что ни реформы старой власти, ни замена личности правителя в результате государственного переворота, ни изменения государственного строя в результате революции, ни истребление социальных сословий и экономических классов в результате гражданской войны не являются ни необходимыми, ни достаточными средствами для социального развития, хотя кажется иначе.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Найденные вопросы

Раздел 11. К ВОПРОСАМ ИЗМЕНЧИВОСТИ

Философия изменчивости и времени

Для индуктивного определения изменчивости можно использовать физические и социальные процессы, как-то:

1) *обратимые* (однородное время) и *необратимые* (гистерезисные);

2) *исторические*, то есть зависящие от предыдущих событий и от положения на оси времени, и *внеисторические*, связанные временным промежутком.

При этом понятие времени является дополнительным к понятию изменчивости.

Философия вслед за физикой приходит к мысли, что определение понятия времени следует связать со способом его измерения. В качестве меры времени напрашиваются циклические колебания той или иной природы, естественные или созданные человеком. Однако циклические колебания сами по себе не способны служить измерительным инструментом. Им недостает такого свойства, как учет колебаний (подсчет их числа нарастающим итогом), что, в свою очередь, предполагает наличие памяти. Моделью времени может служить устройство, называемое стеком, представление о котором дает столбик, сложенный из монет. Каждый цикл (короткий момент времени) учитывают путем добавления сверху очередной монеты. Отсюда возникло *представление об однонаправленности времени, что, как видно, не является законом природы, но компонентом определения понятия*. Представление об обратимости времени дает маятник, колебания которого учитывают следующим образом. Движение маятника вправо запоминают тем, что выкладывают монету, а движение влево — тем, что забирают ее. Таким образом, время, изменяющее направление, стоит на месте. Напротив, непрерывный монотонный рост угла поворота «волчка» — это и есть движение времени, точнее — его предусловие. Понятие времени включает подсчет числа оборотов «волчка» — запоминание и накопление запомнившегося. Без запоминания время неподвижно, то есть выходит за пределы своего понятия.

Функцию стека может выполнять необратимая изменчивость разнообразных структур, распознаваемая на фоне обратимых процессов. То есть эта изменчивость также подлежит запоминанию.

Рассмотрим подробнее атрибут памяти. Поскольку память входит в само определение времени, то и понятие времени ограничено возможностями памяти. Для запоминания числа колебаний, как представляется, требуется большое число стабильных элементов запоминания, роль которых могут исполнять, например, протоны. Отсюда

ясно, что в ограниченном пространстве с ограниченным числом протонов не может существовать время бесконечной длительности.

Число же нейронов головного мозга (этих ячеек памяти) ничтожно в сравнении с числом протонов в окружающем пространстве, а время жизни всего человечества заведомо меньше времени жизни протона; так что запоминающие способности человека много слабее способностей вымышленного нами множества протонов.

Кроме того, различают физическое и антропоцентрические время. Физическое время знает только прошлое и будущее и разделяющий их момент нулевой продолжительности. Напротив, понятие настоящего — чисто антропологического свойства. Настоящее происходит из самоощущения неизменности на фоне изменяющегося окружения.

При этом, физики рассматривают время не изолировано, но как одну из компонент так называемого «четырехмерного псевдоевклидова пространства Г. Минковского», в котором три компоненты характеризуют объемное пространство, а четвертая (мнимая ось в комплексной системе координат) — тоже пространственная — представляет произведение времени на скорость света. Такие сложности понадобились физической науке, чтобы собрать математическую конструкцию (тензор), которая обладает инвариантностью по отношению к любым произвольно выбранным системам отсчета. Такое представление о реальности называют Общей теорией относительности.

Смысл теории заключается в том, чтобы показать, что существует возможность объединить все разнообразие *макромира* в инвариантном математическом формализме, называемом тензором. Однако для *микромира* эта теория оказалась непригодной (там иная реальность). Поиски объединяющей теории («теории всего») означают, как понимает наш читатель, эпистемологический кризис современной физики. Ведь сама попытка построить все объясняющую теорию означает отказ от дальнейшего развития науки, которое возможно лишь фрагментами, противоречащими устоявшимся представлениям.

Дискретность и непрерывность

Издавна существует два взгляда на строение материи: *пространства, времени, процесса, явления, энергии...* Одни понимают мир, как непрерывную среду, другие — состоящим из дискретных неделимых элементов (моментов), разделенных пустым пространством (вневременным промежутком и т.п.). Дискретными и непрерывными также могут быть *восприятие и мышление*. (Дискретность процесса означает отсутствие связей между следующими один за другим событиями; дискретность

мышления — отсутствие связей между «кусочными» мыслями; дискретность времени означает неизменность мира в пределах каждого из временных отрезков...).

В новое время ничего не изменилось в решении дилеммы. Атомистика Дж. Дальтона и затем квантовая физика до недавних пор склонялись к принципу неделимости и весьма преуспели в этом. Создается впечатление, будто именно нашей эпохе повезло в том, что человек смог обнаружить пределы мироздания: наименьшего (кварки) и наибольшего (единственность и конечность вселенной). Уже одно это «везение» должно было бы смутить физиков. Но не смутило, что подтверждает мысль: «Успехи способствуют деградации мышления».

Понимается ли частица как корпускула (дробная энергия, дробный импульс) или как волна с фиксированной частотой — в обоих случаях она представляется неделимой. Речь идет о мысленной модели реальности. Каковой «элементарная» частица есть на самом деле, какова ее природа, ни физика, ни философия не знают.

Любопытно, что эпикурейцы более современников продвинулись в создании мысленной модели мира. Они представили мир в виде бесконечного числа бесконечно малых, но, все-таки, неделимых частиц. Иными словами, их мир дискретен, но не так вульгарно, каковым он представлен в квантовой физике. У древних греков дискретность стремится к непрерывности. С открытием в новейшее время кварков и паракварков (частиц с параметрами, меньшими, чем у элементарных) философские представления древних о строении материи приобрели вторую жизнь.

Читателю, однако, должно быть ясно, что материя не может быть бесконечно делимой, но и не может состоять из неделимых частиц. Философ понимает, что природа сама по себе совершенно аморфна во всех смыслах, и вне механизма познания никакая дифференциация сущего невозможна. Познующий субъект не может выйти за пределы механизмов познания, данных ему природой, или тех чувствительных приборов, которые он сам создал. Субъект не может изменить самого себя, но само понимание этого — вещь сложная, историческая. (Здесь речь не идет о кантовской непознаваемости «вещи в себе»; мысль оказалась способной успешно преодолевать ограниченность физиологического аппарата восприятия мира).

Заметим, что познание — не только человеческая принадлежность, но как способ дифференциации потока информации есть атрибут жизни. Однако каким образом, спросит читатель, различает мир безмозглая сосна или лишенная воображения ворона? Вот каким. Если бы мир был для них однородным, эти существа не питались бы, не передвигались и не размножались. Так, растение должно вместе с дыханием и питанием извлекать из

окружающей среды (а также от далекого Солнца и т.д.) информацию, накапливать ее, распознавать (различать) и затем использовать (рост корней и кроны, цветение и пр.).

Понятия дискретности и непрерывности широко эксплуатируются в специальных науках при моделировании общественных явлений. Так например, кругооборот капитала в масштабах страны удобно представить в виде непрерывного денежного потока, тогда как банковские кредиты требуют, чтобы их представляли дискретно распределенными во времени и т.п. Здесь речь идет не об истинности взгляда, но о работоспособности моделей реальности, их удобстве и применимости. В одних теориях принципы дискретности и непрерывности альтернативны, в других комплементарны.

Темпоральность в живой природе и социальной сфере

Обмен веществ, присущий живой природе, наталкивает на мысль, что жизнь есть процесс, а не молекулярная формула. Иными словами, жизнь есть не вещь, но явление, притом явление макроуровня, а также микроуровня выше внутриатомного. Трудность же состоит в том, чтобы представить в виде процесса отдельную особь, живой организм. Для этого проведем аналогию с корпускулярно-кинетической теорией вещества. Эта теория объясняет колебаниями молекул и атомов (корпускул) теплоту и температуру, а также агрегатное состояние, плотность вещества, его объем и пр. Для философии важно, что изменение скорости колебания корпускул (по сути, однородный процесс) изменяет вид вещества до неузнаваемости.

Так и в жизни: рассматриваемая на микро-уровне особь — это не вещь, но множество непрерывных процессов замены в некой структуре одних атомов другими — такими же или почти такими, — образующими между собой те же или почти те же связи.

Когда биологические процессы прекращаются, бывший организм переходит в иное состояние, а именно неживое. Разложившийся организм уже нельзя причислить к организмам.

Любая неживая вещь — тоже процесс, но процесс, ее разрушающий или дополняющий, тогда как в живой материи особь сохраняет себя в процессе. Хотя, с другой стороны, это сохранение условно (достаточно обратить внимание на метаморфозы насекомых). Таким образом, наша попытка определить жизнь через движение оказалась несостоятельной.

Что касается человеческой истории, то здесь возникает противоположная проблема: представить общественные процессы в виде отдельных вещей. Так, конкретный локализованный общественный

уклад представляется в одном случае деревней, в другом — городом, в третьем — страной *etc.* При этом сам уклад есть статический образ движения — межличностных отношений.

Здесь уместно обратить внимание читателя на эргодичность и комплементарность пары понятий: временной процесс, с одной стороны, и множество элементов структуры — с другой.

Единичная вещь есть процесс или множество элементов? Это — как посмотреть. (Как показали последние физические исследования, ряд частиц, считавшихся ранее предельно элементарными, оказались на поверку сложными структурами. То есть физика возвращается к идее бесконечной делимости вещей. Но раз не существуют элементарные частицы, если молекулы, атомы и их ядра бесконечно делимы, из чего тогда состоят вещи?).

Рассудочному мышлению трудно представить одной вещью даже популяцию людей (разве что кучку муравьев, рощу деревьев, угольник перелетных журавлей...), не говоря уже о том, чтобы понять как вещь динамику социума. С одной стороны, допустимо рассматривать популяцию человека, как абстракцию, как имя реально несуществующей вещи (У. Оккам). Однако с другой стороны, популяцию следует считать отдельной вещью с большим правом, чем индивида. Взятый вне связи с человеческой популяцией, биосферой, солнечной системой и т.д., *живой индивид есть иллюзия*, как и «живая» рука, отделенная от тела.

Однако философия не способна сформулировать общий критерий, который позволил бы определить, чем следует считать нечто: а) процессом; б) множеством; в) отдельной вещью или г) абстракцией.

Для перехода от философского понятия к восприятию феномена как физической вещи требуется варьировать масштабом времени или пространства. Выберем некий ареал (например, территорию Египта) и взглянем на него в масштабе 100 тысяч лет. Отдельные племена, княжества, государства, «подмандатные территории» будут мелькать как в калейдоскопе, так что рассмотреть их не удастся. Зато вы увидите перемещение через эту территорию этносов (народов) в виде непрерывного потока, то есть вещи. Увидите то, чего традиционная историческая наука не хочет замечать: каждый вновь приходящий (проходящий) этнос по вероятности оказывается цивилизованнее предыдущего. (Математическая ремарка «по вероятности» означает, что речь идет об усредненном представлении, которое может нарушаться случайным образом). Иными словами, не правильно связывать историческое развитие с определенным народом, навечно осевшим на некой территории. Ведь цивилизационное развитие есть один из моментов

перемещения этносов и народов. Ни у одного из ныне здравствующих народов не существует исторически удаленных корней, связанных с населяемой территорией.

Можно представить как отдельную вещь и всю биосферу Земли. Ее можно представить в виде многослойного и многоцветного узора, покрывающего земной шар, где отдельные пятна непрерывно и с разной скоростью меняют цвет, яркость форму и расположение.

Человеческое общество как целостную вещь можно понять, если представить его в виде многослойной исторической киноленты, где каждый слой есть некий срез бытия: экономический, культурный, научный, семейно-укладный, расовый и т.д.

Заметим, что движение отдельной вещи, как и отдельного множества элементов относительно. Например, экономическое движение отдельного предприятия относительно экономики соответствующей отрасли имеет одну траекторию (точнее — график), а относительно экономики региона (государства, мира) — уже совершенно иную. Поэтому отдельное предприятие правильнее рассматривать, как иерархическую совокупность множества движений.

Такая вещь, как внутригосударственные общественные отношения и их смена — то же разнообразие движения. Здесь *отношение есть не что иное, как повторяемость действий*. Вопрос о логическом включении понятий будет звучать так: «Является ли историческая повторяемость человеческих отношений (общественных укладов, политических режимов, форм властвования) тоже отношением»? — Разумеется. История цивилизации в целом подпадает под понятие «общественное отношение» так же, как ее отдельные моменты.

Раздел 12. СУБЪЕКТ И ОБЪЕКТ

Об «-измах» и истине

Здесь дадим определение понятиям, как мы их понимаем, игнорируя академический подход.

Субъективизм утверждает, что природа всем обязана человеку, ибо он — ее часть. Он не делает различий между мысленной моделью и реальностью, считая, например, обобщенный разум не абстракцией реальности, а такой же сущностью, как и человеческий мозг.

Объективизм полагает, что природа ничем не обязана человеку, ибо он ничтожен. Объективизм настаивает на существовании неизвестного и непостижимого, того, что, возможно, не взаимодействует с окружающим миром. Согласно представлениям объективизма, не все мыслимое существует и не все существующее мыслимо.

А что же на самом деле?

На самом деле истина разнообразна. Так например, в одном случае общее понятие оказывается самостоятельной вещью подобно тому, как множество песчинок составляют кучу, тогда как в другом (например, множество гор) так и остается абстракцией. Иного мнения придерживался У. Оккама, для которого конкретная единичность — это реальность, а целостное множество единичностей (структура) — всегда плод воображения. С его мнением можно было бы согласиться в отношении класса тех множеств, которые лишены собственных свойств (например, множество «желтых карликов»).

На самом деле эти учения получили развитие во множестве иных «-измов». В одних случаях философия пытается так или иначе интерпретировать базовые учения, а в иных — элиминирует их из обихода, как непостижимые.

На самом деле философский взгляд часто не предполагает вопроса о реальном положении вещей, но только о самом философском взгляде (что отличает его от точки зрения специальных наук). Нельзя сказать, истинный он или ложный, если само понятие истинности здесь не применимо, хотя можно утверждать, что этот взгляд логичен или противоречив.

Субъективизм философии или философия субъективизма?

Субъективный образ мышления характеризуется тем, что философствующий субъект не видит необходимости и не ставит перед собой цели сопоставлять свои мысли с реальностью. Это не означает, что субъективист меньше приспособлен к жизни, нежели любой другой. Обыденные мысли его вполне практичны, жестко соотносятся с реаль-

ностью. Но в его мышлении возникает разрыв между обыденным и абстрактным.

Субъективный образ мышления (Б. Бауэр) может быть врожденным свойством субъекта, и поэтому его невозможно переубедить, как нельзя ожидать от левши, что он станет свободно писать правой рукой.

Само разделение на субъективизм и объективизм лежит в плоскости психологии, и как свойство психики оно вполне может быть объектом философского рассмотрения. (Также может служить объектом философского познания психология животных, путанные мысли сумасшедших...). При этом, критика субъективизма или объективизма как объектов философского исследования, а не философских направлений, теряет смысл.

В частности, субъективный подход невозможно определить ни как истинный, ни как ложный, в силу оторванности от реальности, и поэтому он живуч и непобедим. При этом субъективист не ставит под сомнение собственные рассуждения, ибо не считает возможным и не стремится познать мир. Он хочет «прежде всего» познать самого себя ... способом, доступным лишь избранным, то есть рожденным с определенным образом мышления.

В определенном смысле субъективный философ прав, поскольку не существует и не может существовать общего принципа, который бы позволил отличить истину от лжи или признать *бессодержательность мысли* (то есть *наличие лжи при неизвестной истине*). Ни классификационное деление на объективное и субъективное, ни «бритва» Оккама, ни принципы верифицируемости или фальсифицируемости, ни что-либо еще в подобном роде, не способно привести к открытию критерия, который заставил бы философа (субъективного или объективного) сомневаться в своем мнении.

Однако из невозможности сформулировать дедуктивный критерий истинности не следует непознаваемость мира. Критериальность истинности можно увязать с представлением о познании, которое со временем приближается к конечной истине. Напротив, познание как процесс, не имеющий конца в виде абсолютной истины, вовсе не нуждается в критерии истинности. Так что достаточно отказаться от идеи абсолютной истины, чтобы ее критерий стал излишним.

Субъективистская концепция негативна, сводится к риторическому вопросу: «Откуда вы это знаете, чтобы что-либо утверждать»? Предполагается, что субъект может знать только свои ощущения. И это правда. Но, чтобы говорить об ощущениях, уже надо предполагать существование внешнего мира. Такой образ мышления должен быть присущим субъекту, живущему на Земле в полном одиночестве. Фор-

мально в вопросе утверждается, что знания приходят откуда-то извне, но неизвестно откуда именно. Иными словами, сам вопрос предполагает существование некоего источника знания, внешнего по отношению к познающему субъекту. Луна существует, даже тогда, когда вы на нее не смотрите. Об этом вам однажды сказал тот, кто в это время смотрел на нее.

Таким образом, субъективист вынужден имплицитно постулировать существование объективного начала, чтобы эксплицитно отрицать его. Формулировок субъективного кредо — множество, но все сводится к одному и тому же: отрицанию того, что было изначально постулировано.

Идея непознаваемости мира делает ненужной ссылку на примеры. У субъективного философа цепь суждений сама служит предметом и целью философии, не нуждаясь ни в каких примерах. Более того, конкретизация их суждений не предполагается и невозможна. В этом смысле субъективная философия есть разновидность абстрактного искусства, которое, не отражая реальности, все же способно воздействовать на чувства и мысли.

Напротив, объективный философ считает необходимым подтверждать абстрактные мысли конкретными примерами. «Нет примера — значит, нет мысли, пригодной для критики, подлежащей критике», — пишет Ж. Делёз в «Логике смысла»...

О противопоставлении объективизма субъективизму

Как известно, объективные и субъективные философы мыслят в разных плоскостях, но точки соприкосновения все же имеются. Поэтому объективисты и субъективисты могут отрицать «противоположную» философию.

Так, объективисты отрицают субъективную философию, как не соответствующую правилам объективизма.

Симметрично объективистам, философы-субъективисты полагают, что представление о независимо сущем мире есть вымысел на грани несуразности. Так, А. Пуанкаре считал («Наука и гипотеза»), что «невозможна реальность, которая была бы полностью независима от ума, постигающего её».

Объективизм, в свою очередь, идет на уступки и защищается. Например, объективисты, под давлением специальных наук, перестали особо настаивать на объективном существовании цветов радуги (то есть согласились с субъективистами), хотя продолжают утверждать, что сам свет существует безусловно, без необходимости в том, чтобы его кто-либо воспринимал. (Правда, непонятно, почему общее опре-

деление света как электромагнитного излучения следует считать объективным, при том что его частная характеристика — цветовая гамма — считается человеко-зависимой). Эти философы настаивают на объективности и иных конкретных свойств мира, как-то: конечный или бесконечный, трехмерный или многомерный, плоский или сферический и т.п.

Что объединяет субъективистов и объективистов, позволяя производить сравнение между ними, — это мышление альтернативными категориями.

В отличие от тех и других, философия полагает, что мир существует сам по себе, не нуждаясь в человеческом восприятии и познании, однако ту или иную определенность миру придает познающий его субъект: человек, бонобо, муравей... С другой стороны, работа мозга есть момент реальности. При таком взгляде на вещи исчезает само «Я» как противопоставление мысли ее объекту, но превращается в противопоставление одной вещи многим другим. Все равно, идет ли речь о мышлении другого индивида или вашем собственном, мышлении давно умершего или еще не родившегося человека или иного живого существа.

О независимости субъекта

М.Ф.А. Вольтер полагал («Трактат о метафизике»), что свобода воли тождественна безразличию. Только находясь в спокойном, бесстрастном состоянии, человек способен произвольно делать выбор... Свобода воли здесь представлена как одно из предельных состояний всеобщей зависимости. Но остаются вопросы: «Является ли субъект желаний автономной сущностью»? Действительно ли автономна способность действовать? Насколько автономна способность выбора?

По определению *субъект означает активность, не связанную с его окружением*. С другой стороны, для активности всегда можно отыскать причину. Для животных причиной активности служит пища и воздух. Для неживых предметов это энергия. Сравним, например, объективность зеркальной поверхности как отражателя света с субъективностью «абсолютно черного физического тела» как источника света. Второе не отражает свет, но излучает собственный, который, однако, жестко детерминирован его температурой etc. Иными словами, источник света оказался не совсем автономным «субъектом».

Субъектность — это не только возможность действовать беспричинно, но также возможность беспричинно выбирать направление действия. Произвольность субъективных действий означает непредсказуемость выбора, невозможность составить календарный прогноз.

Субъект здесь есть генератор случайных действий.

В социальном плане речь обычно идет о противостоянии индивидов: взрослого и ребенка, начальника и подчиненного и т.п. Здесь один реализует волю другого, однако воля последнего зависит от действий первого. В итоге получается, что ведомый, исполняя волю ведущего, исполняет тем самым и собственную волю, хотя и в превращенной форме.

Именно как носителя свободной воли рассматривает индивида уголовное право. Ведь если рассматривать человека как момент бесконечной последовательности причинно-следственных отношений, то исчезает определение индивидуальной виновности, а значит, и ответственности.

Не только живое существо способно стать субъектом действия. Так, Земля тоже может стать субъектом космоса. Для этого достаточно, чтобы мощное извержение вулкана сместило ось вращения. В последнем примере переход объекта от пассивного начала к активному состоял в том, что запасы внутренней энергии и вещества были перемещены во внешнюю среду (космос) — именно ту среду, *относительно которой определено понятие субъектности*.

Так и человек, накопив запас энергии в структуре своего тела, становится независимым от источников жизни (пусть частично и временно). Накопить можно и информацию и стать, таким образом, временно независимым от ее источников.

Обретя свободу действия, личность становится подверженной противоречивым чувствам и желаниям, что требует выбора. Если бы «борьба мотивов» не была опосредована разумом, то действия субъекта стали бы вполне случайными. Рассудок, мышление нужны не для того, чтобы принять решение «какое хочешь», но, наоборот, чтобы *ограничить произвол волевого решения учетом объективных обстоятельств*.

Реальность и фантазии

Мышление — это не только зеркало, не только воск, но и активное начало — беспричинный субъект бытия. Откуда тогда возникло представление, что любая мысль должна иметь свой денотат, свою причину?

Возможность создавать не существовавшие до того мысленные конструкции (как и реальные вещи!) раскрывает ту «тайну» бытия, что мысль столь же самопроизвольна (и в этом смысле столь же первична), как и объект ее познания — мир. Это и не удивительно, учитывая, что мозг состоит из тех самых элементарных частиц (познанных и непознанных), что и остальные вещи. Объекты познания — не только цель познания, они представляют сырой материал для их произволь-

ной переработки мышлением и, возможно, руками.

Обычно мозг представляют некой самостью, подобной божеству. Говорят: «мозг генерирует»... А Земля не генерирует? — спросит читатель. Ведь она все еще продолжает сжиматься. Философия понимает, что Земля сжимается не как самость, но под действием сил гравитации (или искривленности пространства), природа которых непонятна. Так что фраза: «Земля сжимается», — чисто условна.

Столь же условно представление о спонтанной (истинной) активности мозга. Мозг не обязан, но в ряде случаев способен (как и силы неживой природы) нечто преобразовывать, в том числе в форме отражения, запечатления или создания нового. В частности, он способен преобразовать информацию в чистую фантазию — мысль, не имеющую денотата.

Раз функции мозга как живой материи не уникальны, то возникает вопрос: «Могут ли фантазировать ... силы природы»? Способна ли неживая природа создавать то, что «не существует в реальности», как это делает человеческий мозг?

Ответ утвердительный. Так, свет создает тени, и они могут быть как похожи, так и не похожи на объект-экран. Непохожую тень можно рассматривать как неправильное отображение реально существующего объекта и как правильное отображение реально не существующего объекта, как естественную фантазию.

Аналогичным образом, денотат мыслительной фантазии следует считать реально несуществующим, если самую фантазию считать правильно построенной мыслью. Так, не существует зеленой луны кубической формы. (Впрочем, достаточно взглянуть сквозь зеленый светофильтр, чтобы убедиться, что она зеленая).

Объективная составляющая позитивизма

Наша задача состоит не в критике вышедших из моды воззрений. Мы выбрали для сравнения это направление как способ выражения своих мыслей, пересекающихся с идеями позитивизма и, в то же время отличными от них.

Позитивизм — это, прежде всего, концепция ограниченности познания. К позитивизму тяготеют преимущественно представители специальных наук: математики, социологи, физики, экономисты... Так они пытаются ввести в философию жесткую определённую понятий, однозначность определений, присущую специальным наукам.

Как самостоятельная мысль, указывающая на существование пределов в методологии познания, позитивизм не вызывает возражений. Однако «дьявол кроется в деталях».

Позитивизм не грешит излишней самоуверенностью, как классический материализм. Между тем, в вопросе о противопоставлении мышления объекту, позитивист считает себя наиболее последовательным материалистом. Позитивист утверждает: он априори знает, что знать можно, а что — нельзя, что есть знание, а что — иллюзия знания и т.п. Тем самым позитивизм смыкается с субъективизмом. Иными словами, позитивизм — вовсе не то, что это направление о себе воображает.

Мысль не равна объекту (на чем настаивает позитивизм). Это очевидно. Но также очевидно, что мысль может соответствовать объекту, быть его отпечатком, слепком (Аристотель). Вопрос в том, можно ли установить степень истинности мышления, сравнивая его с реальностью? Кто должен заниматься таким сравнением? (В выявлении этих проблем — заслуга позитивизма). Для разнородной пары *объект — мышление* сравнение невозможно. Можно сравнивать между собой только два мысленных образа, сгенерированных одним и тем же мозгом: «образ объекта и образ мыслей об объекте». Например, вполне поддаются сравнению такие разнородные вещи, как некое строение и его чертежи и т.п. Здесь важно, что понятие отображения включает в себя также механизм перехода от десигната к денотату: не просто «восковой отпечаток», но и способ его получения и т.п. Вообще, чтобы утверждать, что нечто существует, вовсе не обязательно знать, как оно возникло. *Это два самостоятельных вопроса.*

Еще один конёк позитивизма — концепция фаллибилизма (Ч.С. Пирс). Согласно идее, наука приближается к истине, как целеустремленный путник к отдаленной горе. Эта идея ведет к парадоксу: наука изначально знает о том, о чем только собирается узнать. В действительности человечество не знает, к чему оно движется. Историческая направленность развития мирового сообщества не прогнозируема по своему понятию, хотя кажется иначе. Нюанс же в том, что о направленности процесса познания философия узнаёт ретроспективно и безосновательно пролонгирует феномен направленности на будущее.

Пусть нельзя приблизиться к тому, о чем ничего не известно, однако, сравнивая старое с новым, можно исправить прежнее представление о мире. Человеческая мысль постоянно продуцирует нечто новое, из которого иногда удастся выбрать более полезное. (При этом новое, как известно, не обязательно лучше старого).

С идеей исторического движения в никуда вполне согласуется, казалось бы, фантазия (утопия) О. Конта о наилучшем устройстве общества. Он предлагал оставить структуру общественных связей неизменной, а изменить самих людей, точнее — их отношение к своим обязанностям. Казалось бы, Конт продвинулся «дальше» своих

предшественников-утопистов. Он уже не предлагал формулу общества, наилучшую на все времена, но предлагал создать общество, которое бы наилучшим образом самоулучшалось. Таким образом, Конт не отказался от оптимизационных фантазий, но сместил их логически.

Но порок всех утопий не в безудержной фантазии их авторов и не в отсутствии способа их реализации, и, даже, не в конечности социальной цели. Их порок — в идее «научной оптимизации». Оптимизация не бывает нейтральной, а значит и научной. Она может быть только заинтересованной. (В. Ленин, казалось бы, вышел из затруднения, провозгласив целью коммунизма интересы большинства. Однако ни содержание этих интересов, ни сам выбор целевого объекта не являются и не могут являться результатом научных построений).

Здесь заметим, что излагать свое видение идеального общества (нормативный взгляд) куда проще, чем ответить на вопрос, как оно «самоорганизовывалось» до сего времени (точка зрения исследователя). Тем не менее, настоящая сложность заключается в том, чтобы задаться именно таким вопросом, вопреки бытующим представлениям о том, что структура и способ функционирования общества самоочевидны.

Конт, осознавая сложности постижения исторического процесса, видел выход из ситуации в отказе от детерминизма, как объяснительного принципа. Конечно, концепция детерминизма имеет ограничения (как и всякая иная), однако элиминация и подмена ее дескриптивной моделью лишь сужает угол философского виденья. Вопросы «От чего происходит?» и «Как происходит?» — это в действительности один и тот же вопрос. Нельзя ответить на второй, не ответив на первый. (Можно, однако, предположить, что Конт, отказываясь от поиска причин, в действительности имел в виду отказ от произвольного, спекулятивного толкования социальных явлений).

Раздел 13. ВЕЗДЕСУЩИЙ АНТРОПОЦЕНТРИЗМ

Материализм или антропоцентризм?

Человек «осознал» свою исключительность на волне успехов цивилизации. Но оказалось, что мышление присуще даже насекомым. Поэтому сакраментальный вопрос гносеологии: «Что первично?», — касается не только человеческого мышления. Так что забудем на время человека и возьмем, например, черепаху.

Мозг черепахи соткан из атомов, как и все земное и многое внеземное. Означает ли это, что, материя первична по отношению к черепашьему мышлению? Ведь атомы возникли, казалось бы, прежде того, как проявили себя в черепашьем мышлении. Или они могли возникнуть сразу как тело черепахи? Или атомы (в том числе в составе черепахи) возникали и исчезали бесчисленное множество раз? Как видим, вопрос первичности материи или мышления вырождается в вопрос о первичности хаоса или структуры. При положительном ответе на вопрос идея первичности материи устраняется: структура столь же первична, как и хаос.

Раз нет абсолютного начала (с чем, впрочем, не согласна космологическая теория «Большого взрыва»), то не может быть и абсолютного разделения на первичное и вторичное, а значит, бессмысленно противопоставлять материю мышлению. Эта относительность означает, что должна также существовать такая система отсчета, в которой *материя есть отпечаток процесса мышления, а не наоборот.*

Человек всегда имел дело не только с прямым, но и с обращенным феноменом, порой не понимая, что отпечаток мышления — это то, что обычно называют искусственным образованием.

Все что существует, когда-то возникло (возможно, многократно), то есть был период, когда оно не существовало. В этом смысле мышлению земной черепахи предшествует какой-то вид материи, а ему — еще что-то. С другой стороны, ничто не может возникнуть из ничего. Выходит, что все наличествующее, так или иначе, существовало всегда? Здесь отметим такое.

1. Само понятие возникновения (превращения, изменения) означает, что раньше этого не было. Неважно, чего не было — бесформенной материи или структурированной (содержания или формы). Поэтому высказывание: «Нечто возникло из ничего», — тавтологично.

2. В то же время все новое содержит в себе момент старого (инвариант), то есть неизменного. Только по отношению к неизменному можно определить новизну возникшего. Инвариантом, в частности, может служить мысленная память.

Антропоцентрические циклы науки

Обратимся к истории космогонии. В космогонии К. Птолемея астрономия усматривает геоцентризм, а философия — антропоцентризм, ибо Земля — обитель человека. Хотя центром вселенной считалась Земля, но по сути им был наблюдатель. Таким образом, в идее геоцентризма реализован принцип Протагора: «Человек есть мера всех вещей».

Преодолев геоцентризм, Н. Коперник, казалось бы тем самым преодолел и антропоцентризм: ведь на Солнце люди не живут. Однако так кажется только на первый взгляд. Человек просто переместил центр своего сознания со своей Земли на *свою же* солнечную систему.

Когда в 18 веке У. Гершель открыл нашу галактику (Млечный Путь), а Р. Шёдель в 2002 году — ее центр (район звезды «Стрелец А со звездочкой»), стало ясно, что Земля движется по спирали вокруг него, тогда как в гелиоцентрической модели орбита Земли описывает эллипс вокруг Солнца. Здесь научная мысль в очередной раз преодолела антропоцентризм и опять — лишь частично: ведь речь идет о *нашей* галактике, а не какой-либо иной.

Наконец, в 1924 году Э.П. Хаббл открыл существование иных звездных скоплений (галактик). Это открытие позволило предположить существование еще большей структуры — Метагалактики, — которая тоже должна вращаться. Это, в свою очередь, означает, что орбита Земли может иметь еще более сложную, запутанную форму и т.д. Но гипотетическая Метагалактика опять *наша*, из чего, подчиняясь принципу антропоцентризма, астрофизики решили, что Метагалактика есть единственная вселенная.

Аналогичный эффект живучести антропоцентризма обнаружим, если обратим взгляд вглубь материи. Кажется, что отдельная молекула вещества движется в рамках, доступных образному восприятию человека (вправо, влево, по кругу...), хотя мы ее не видим, не слышим и не ощущаем (но иногда можем обонять). При этом мы не осознаем, что, будучи связанной с Землей, «в действительности» она движется по запутанной траектории, представить которую человек не в состоянии. В отличие от молекулы, свет мы видим и ощущаем его тепло, но все попытки связать его структуру с человеческим восприятием остаются безрезультатными. Оказалось невозможным создать целостный образ электромагнитной волны, однако удается «очеловечить» изолированные фрагменты *модели* световых лучей (механические, графические, алгебраические). Как видим, *вообще обойтись без очеловечивания нельзя*.

А как постигается *социальная* структура «царей природы»? Оказывается, «загадочные» общественные отношения между *людьми* — не

столь уж уникальный (читай: антропоцентричный) феномен. Чтобы это доказать, достаточно провести сравнение с «общественными» животными.

Общественные отношения в той или иной форме присущи подавляющему большинству видов *животных* (от полипов до птиц и млекопитающих) и, даже, *растениям* (вереск, земляника, голубика, спорыш, сосна...). Современная этология различает виды общественной жизни животных:

одиночная семья;

колониальное поселение семей;

общее гнездо для многих самок;

общество с устойчивым разделением функций. (Это колонии муравьев, пчел и ос. Колония может состоять из одной семьи или включать несколько семей. Имеет место разделение функций по виду деятельности как между самцами, так и между самками, а также по возрастному критерию);

общество физиологического обмена. (Это популяции с вегетативным размножением (например, сифонофоры), где каждая особь становится лишь одним из органов большого организма);

стая (эквипотенциальный и лидирующий типы);

стадо (лидирующий и доминирующий типы; прямая и иерархическая форма отношений) и пр.

Примечательно, что сложность отношений не коррелирует с уровнем сложности строения живого существа. Человеческая популяция использует все известные виды общности, встречающиеся в живой природе. Однако отметим, что только в последнее время человечество стало осваивать такой вид общности, как механизм физиологического обмена. Речь идет о пересадке человеческих органов, искусственном оплодотворении и «производстве» потомства от трех родителей. (Таким образом, то, что изнутри казалось только естественнонаучным открытием, на деле оказалось коренным изменением общественных отношений).

В социологии, как и области естественных наук, антропоцентризм служит синонимом узости взгляда. Но кто может предложить модель мира, свободную от антропоцентризма? Поэтому антропоцентризм в науке следует воспринимать не как статическую данность, но как стремление его преодолеть.

Антропоцентризм и учение об адаптации

Что такое адаптация? — Это целенаправленная изменчивость организма в течение жизни особи и передача накопленной приспособительной информации следующему поколению. Но ни того, ни другого в природе не наблюдается. Даже человек использует для приспособления растений к окружающей среде перекрестное скрещивание, а не привыкание их к погоде *etc.* Но это не могут быть случайные действия. Человек изначально должен предвидеть результат, к которому стремится.

Отсюда обратимся к иной — стохастической — гипотезе приспособляемости. Идея зиждется на представлении о том, что природа занимается случайным перебором бесчисленного множества возможных вариантов формообразования. Но ведет ли перебор к цели? Для положительного результата каждый акт перебора должен быть сопоставлен с наперед заданными условиями и отвечать на вопрос: «годится — не годится?». Таким образом, природе вменяют план развития. Вопрос случайного перебора доступных вариантов того же порядка, что и задача об обезьяне, воспроизводящей наугад трагедию У. Шекспира. Ответ, как мы показали, отрицательный: случайность, как раз означает невозможность создания *оптимума*.

Однако можно предположить алгоритм, имеющий иные последствия. Если случайные флуктуации происходят на фоне конкуренции между особями, то побеждают те, кто случайно лучше «приспособился». Когда этот процесс происходит непрерывно, то адаптация носит не оптимизационный (стремление к наилучшему), но сравнительный характер, согласно принципу: «лучше, чем было». Такой механизм приводит к великому разнообразию живой природы, что наблюдается в действительности. Речь может идти лишь о сравнительной устойчивости той или иной популяции. Более адаптированной к окружающей среде принято считать ту популяцию, которая способна просуществовать более длительное время.

Учение об адаптации (эволюция по Ч. Дарвину) сводится к утверждению, что к настоящему моменту вся биосфера уже приспособилась к окружению (и «притерлась» внутри себя) *наилучшим образом*. Если принять оптимизационную концепцию, то получится, что мы живем в удивительное время, когда все организмы уже приспособились к своим экологическим нишам. Тогда возникает риторический вопрос: «А как же раньше существовали эти организмы, не будучи приспособленными к жизни»? — В действительности сам момент адаптации есть акциденция в бесконечной последовательности событий.

Еще одним атрибутом адаптации служит *однонаправленность*

(необходимость — в философской терминологии) исторических процессов. Согласно этой идее, все популяции растений и животных, в том числе человека, процессируют сами по себе только в сторону большей приспособленности, тогда как крах популяции может наступить лишь по причине внешнего воздействия. Здесь в одном ряду идеологов оптимизационной адаптации стоят: дарвинисты, утописты-социалисты 18—19 веков, марксисты и ленинцы...

Антропоцентризм принципа адаптации выражается в навязывании природе (в том числе обществу) сразу двух антропоморфных функций: телеологичности и аксиологичности.

Антропоцентрические категории: аксиология и телеология

Телеология включает аксиологию, а последняя подразумевает первую. Когда, например, удастся нечто ранжировать по их ценности, то получаем базу для выбора цели. Иначе рациональный выбор цели невозможен.

Допустим, вы придумали новую, ранее неизвестную форму общественных отношений, которая, будучи реализованной, окажется вполне устойчивой. Пусть также изобретен способ перехода от существующих отношений к новым, и он тоже реализуем (то есть весь мир единодушно обрадуется и постарается воспроизвести задуманное вами). Но располагаете ли вы мысленным (логическим) аппаратом, который бы позволил утверждать, что это хорошо или, что это лучше, чем сейчас и для кого лучше, в каком смысле лучше, и в какой период новых отношений станет лучше? Не углубляясь в эту тему, отметим, что существует причина, из-за которой невозможно ответить на данный вопрос. Даже если предположить, что в стационарном (не развивающемся) обществе ответ на этот вопрос возможен, то он заведомо невозможен в нестационарном обществе. В общем случае нет научного определения или доказательства того:

что такое хорошо и что такое плохо;

почему следует выбрать первое, а не второе;

для кого оно должно быть лучше, а для кого хуже.

Обычно принято считать, что многочисленное здоровое и счастливое население — это «хорошо», а малочисленное больное и несчастное население — «плохо». Правда, далеко не все так считают, а выяснение общественного мнения по ценностным вопросам есть задача социологии. Когда же вы исследуете не мнения, но отношения людей к окружающей среде и между собой, то приходится исходить из того, что природе вещей не присущ аксиологический атрибут. Иными словами, природа вещей, в том числе природа общества, ничем не обязана человеку.

Между тем, аксиологический налет имплицитно покрывает, казалось бы, вполне научные исследования. Достаточно упомянуть такие формы общественных отношений, как рабство, крепостничество, людоедство или промискуитет, и объяснять больше ничего не придется: ясно, что это «плохо». Так например, объявив фашистский режим тождественным военной агрессии или рабовладельческому укладу (Ф. Хайек), вы тем самым заклеили его,... но не объяснили. Вы не объяснили возникновение режима и его гибель, сущность, характер распространения и пр. (На сегодняшний день в мире насчитывается 27 миллионов рабов, что никак не связано с фашистскими режимами).

С аксиологических позиций следует, что работорговля хуже, чем передача в аренду наемных работников (современный аутстафтинг), а долговое рабство хуже, чем наем на работу по приказу «царя-голода» и прочая бессмыслица.

К теме полезности и целеустремленности относится так называемый «инстинкт самосохранения». Обычно инстинкт самосохранения, или, в более широком смысле, «борьбу за существование» трактуют как некий *закон жизни*, безусловную необходимость, которая, однако, может иметь исключения в виде непротивления судьбе и суицида. В то же время само существование подобных исключений должно навести на мысль, что инстинкт самосохранения — это не закон, но некий *жизненный потенциал*. Если он снижен в результате психического заболевания или истощен внешними воздействиями, то снижается интерес к жизни или возникает непреодолимое отвращение к ней. Напротив, боязнь смерти, отвращение к ней и т.п. есть проявление высокого жизненного потенциала, контрастирующего, порой, с тяжелым поражением организма или с фатальностью сложившейся ситуации.

В конце заметим: понятия «исторический прогресс» и «развитие» имеют аксиологический и телеологический оттенки, а значит, *они антропоморфны*, то есть ненаучны.

Раздел 14. О ЕДИНСТВЕ И ЕДИНСТВЕННОСТИ МИРА

Определения

Принцип единства материи формулируется так: «Всегда найдется такой уровень рассмотрения, на котором взаимопревращения вещей неразличимы». Так, на атомарном уровне наш читатель способен с равным успехом превратиться в Александра Македонского, Ксантиппу или нильского крокодила 4-го тысячелетия.

С другой стороны, все, что человек воспринимает, объединено этим самым восприятием. Нет необходимости доказывать единство воспринимаемого человеком мира, поскольку он воспринимаем. Но из этих соображений следует, что не воспринимаемый нами мир может быть вовсе не единым, то есть состоять из несвязанных между собой случайностей. Однако человек этого знать не может...

Чтобы разобраться в противоречии, зададимся модальными вопросами. Может ли этот очевидно разнообразный мир быть единым, и в каком смысле? Для любого ли разнообразия можно отыскать некий инвариант?

1. Если бы мы были уверены, что все состоит из атомов, то тем самым признали бы единство мира (разумеется, в указанном смысле). Но известно, что мир состоит из частиц, меньших, чем «элементарные» — кварков и паракварков. Но и это знание исторически преходящее. Таким образом, инвариант выскальзывает из рук. Поэтому подойдем к вопросу с другой стороны. Под единством мира будем подразумевать не действительность, а объективную *возможность* и человеческую *способность* под любое многообразие (вещное или процессуальное) находить материальные или понятийные инварианты. В этом смысле единство мира зависит от возможности объединить его разнообразие. «Вся философия есть не что иное, как изучение определений единства» (Г.В.Ф. Гегель, «Философия религии»). (Вся философия Гегеля есть поиск минимального числа факторов, с помощью которых может быть определено все многообразие мира).

2. Обратимся к понятию единства мира по признаку связности вещей (явлений). При таком подходе единство мира может иметь разный смысл. В одном смысле, единство определено жесткой связью элементов мира (например, галактическое скопление звезд), в другом — единство обнаруживаем только в мышлении (например, множество звезд типа «белые карлики»). В одном случае вселенная едина «в действительности», в другом — «в понятии».

3. Третье определение единства связано с логикой мышления: «Допустимо ли мыслить существование еще одного мира, ни в чем не подобного нашему, не познанного и такого, который никогда не будет познан»? Раз спросили, значит можно. В таком случае мир не един. Возникает неразрешимое противоречие.

Конечные и бесконечные модели мира

Заметим, что модель *конечной* вселенной — система *открытая*, а противоположная модель (вечная и бесконечная вселенная) есть *абсолютно закрытая* система. Какую модель выбрать (возможно, их смесь), зависит от целей исследователя и решаемых задач, но астрофизика утверждает, что реальность дана в виде открытой системы... У философии нет оснований ни отрицать, ни подтверждать астрономические измерения и космогонические теории пока они не затрагивают теорию познания. Нет оснований отрицать теорию, согласно которой нынешний космос возник 13,8 млрд лет тому назад почти из ничего. Но какое отношение нынешний космос имеет к понятию вселенной? — Этот вопрос астрономия не ставит, но с апломбом постулирует тождество расширяющейся части видимого космоса (пусть, не только видимого, но конечного, единого и единственного) с философским понятием вселенной. Мы не отрицаем взгляд *философов от физики*, но полагаем, что он достоин обсуждения.

Закрытая система не имеет ни причин возникновения, ни целей изменения, и, в то же время только для неё возможно сформулировать фундаментальные *законы*, которые сами ни от чего бы не зависели. (В частности, инерциальное движение и равноускоренное движение под действием силы тяжести — это примеры закрытых систем).

Напротив, открытая система познаваема и каузально, и телеологически, однако в ее рамках могут быть сформулированы лишь *закономерности*, то есть нечто условно и временно устойчивое.

Признак конечности некоего множества предполагает, что за ним что-то еще есть. Напротив, за бесконечностью нет ничего. Так, если полагать, что вселенная не имеет начала, то тем самым предполагается, что звезды существовали всегда (в той или иной форме), и отсекается вопрос: «Что было до того, когда ничего не было»?

Согласно теории «Большого взрыва», *конечная* вселенная возникла из ничего, но не сразу, а спустя доли секунды («планковская эпоха»). Постначальный период, когда не действуют законы природы, есть представление фантастическое, философское, возможно адекватное реальности прошлого. Учитывая неопределенность момента, вселенная вполне могла прийти в постначальное состояние разными путями, например в результате «схлопывания» большой вселенной, а не возникнуть из ничего и т.п.

Заметим также, что *бесконечность* некоего множества не обязательно предполагает неизменность наличного качества. Например, представление о бесконечном числе звезд *вовсе не означает*, что вся вселен-

ная заполнена теми самыми звездами, которые мы видим. Это могут быть «черные дыры», пылегазовые облака и все, что угодно. Бесконечное деление атомного ядра на все более мелкие частицы *вовсе не подразумевает*, что все эти частицы будут в чем-то похожи на уже известные и т.д.

«Ничто», из которого, согласно теории «Большого взрыва», возникла наша вселенная, не предполагает, что за ним кроется многократное повторение вселенных, подобных нашей. «Ничто» есть *эпистемологическая бесконечность*, за пределами которой ни физика, ни философия ничего не знают.

Можно измерить или теоретически оценить диаметр всего пространства, включающего звездные системы и пустоты (как это делает астрофизика), но нельзя экстраполировать внутренние представления на вселенную. Дело в том, что наш *мегамир* можно наблюдать только изнутри, а понятие вселенной формируется так, как будто на нее устремлен взгляд извне, и этому она не может быть ничем иным, кроме абстракции, будь это сказано в философском, антропоцентрическом, астрофизическом или любом ином смысле.

То же, в принципе, касается и такой области знаний, как квантовая физика. Здесь у исследователя есть только одно направление изучения: от макромира в микромир. Он может детально изучить переход от макроявлений к микроявлениям, но выйти за пределы микромира вглубь он не может, поскольку его глубина неизвестна, а значит, не может иметь целостного представления о микромире. Поэтому микромир — эта «микровселенная» — такая же абстракция, как и «макровселенная».

Ограниченность и мощь философских возможностей в познании вселенной можно оценить, если представить видимую часть вселенной как часть пуговицы на пиджаке великана. И наоборот, можно представить такой уровень миниатюризации, в пределах которого на поверхности элементарных частиц (уже известных или еще не открытых) процветает разумная жизнь — аналог земной.

О единстве природы

Целостность (единство) природы состоит, на наш взгляд, во взаимопроникновении трех ее сущностей-абстракций: *тяжелой материи, организации и процесса*. При этом понятие *пространства* входит в категорию организации, понятие *времени* — в категорию процесса и т.д. (Здесь мы исходим из современных научных представлений, которые, как известно, меняются).

Тяжелая материя — то, что имеет массу: физические тела и фи-

зические поля. Физические тела (*вещи*) имеют форму, а *поля* — направление и потенциал (К. Гаусс). В то же время им присущи определенная фактура и взаиморасположение, что является моментами *организации*. Кроме того, вещи и поля перемещаются, изменяются, превращаются и т.д., то есть *процессируют*.

Со своей стороны, *процессы* имеют собственную организацию, отображаемую в форме законов природы или ее закономерностей (темпоральность) и т.д.

Высказанные представления не столько являются определениями природы вещей (что покрыто мраком человеческого неразумения), сколько *взаимоопределением* выше названных понятий.

А что сказать о противоположности между тяжелой материей и пустотой? Ведь одно понятие приобретает смысл только лишь благодаря другому. Однако *пустое пространство* физической наукой не обнаружено. Претендующий на эту роль вакуум принято считать субстратом гравитации и вмещилищем иных физических полей. Иными словами, пустоту не обязательно понимать как Абсолют. Так, вода есть нечто более пустое, чем земля, а воздух — более пустое, чем вода и т.д. По аналогии, если чистый вакуум (не эфир) допустимо считать некой сплошной средой, способная изменять свою геометрию, то должно существовать нечто более пустое, чем вакуум и т.д. (Пустоту астрофизика понимает как неотъемлемую часть вселенной).

Теперь остановимся на понятии времени. Физическое время состоит из двух симметричных периодов: бесконечного прошлого и бесконечного будущего, что согласуется с принципом единства природы. Однако в современной космологической теории «*Большого взрыва*» прошлое *конечно*, а пределы будущего не определены. Асимметрия времени отрицает единство природы.

В обыденном восприятии время состоит из трех периодов: бесконечного направленного прошлого, конечного *ненаправленного* настоящего и бесконечного направленного будущего. Отсюда ясно, что обыденное время состоит из *разнокачественных* периодов, чем также отрицается единство природы.

Помимо сказанного, концепция *целостности* мира исключает одновременное или разновременное сосуществование нескольких вселенных, никак не связанных между собой. *Невозможно мыслить целостность мира отдельно сегодня и отдельно завтра. Мир целостен, будучи понятным как единое во все времена. Мир сейчас существует во всем своем прошлом и будущем.* Такой взгляд снимает противоречие «несуществующего настоящего», представленного мгновением между прошлым и будущим, то есть временным промежутком нулевого размера.

С другой стороны, сегодняшнее не может полагать завтрашнее

всецело (иначе мир состоял бы из одного «сегодня», точнее — из безвременного мгновения), но должно *частично* предполагать его (иначе мир состоял бы из изолированных временных отрезков).

Не только настоящее есть частичная причина будущего, но и будущее, коль скоро оно неотвратно и прогнозируемо, может стать причиной настоящего. Не только прошлое — причина настоящего, но и ограниченное настоящее — (о, ужас!) причина бесконечного прошлого. (Ведь прошлое творилось с учетом перспективы настоящего).

Вышесказанным положением мы никоим образом не хотим «отменить» понятие времени как принцип *однонаправленности (неповторимости)*, но сомневаемся в его абсолютности.

Истинность этих столь же логичных, сколь неправдоподобных представлений подтверждается известным фактом: видимые нами звезды и далекие галактики существуют для нас, для всего земного такими, какими они были в прошлом миллионы и миллиарды лет тому назад. «Реликтовое» электромагнитное излучение «напоминает» человеку о состоянии окружающего мира, когда не существовало еще ни атомов, ни звезд, ни планет. В то же время отраженный сегодня Землей свет дойдет до далеких миров, когда наша планета, погибнет.

Понятие инвариантности есть антипод времени. Инвариантность законов природы также укладывается в принцип временной целостности мира.

Все, казалось бы, изменяется во времени, но и время не стоит на месте. То есть *понятие изменчивости противоречиво изнутри.*

Если вдуматься, то выражение «изменяется во времени» тождественно другому: «изменяется с ограниченной скоростью». Этот философский вывод коррелирует с физическими представлениями *специальной* теории относительности о необходимом существовании предельной конечной скорости движения, которой в настоящее время считают скорость света в вакууме.

Однако сама физика пытается выйти за свои пределы. В этих случаях речь идет о вневременной реальности.

Так, квантовая теория предполагает существование фермионов — частиц-близнецов, взаимодействующих между собой мгновенно на любом расстоянии (так называемая квантовая телепортация «запутанной» пары частиц).

Общая теория относительности не предполагает вообще никаких ограничений для скорости расширения вселенной.

Из сказанного ясно, что традиционные понятия времени и пространства, на которых зиждется классическая и современная философия, должны уступить место понятиям более адекватным реальности.

Как видит читатель, целостное представление о мире — это попытка втиснуть в определенную форму то, что неопределенно по своему понятию, попытка дать законченное объяснение там, где завершенность принципиально отсутствует.

В социальной области легко обнаружить моменты, единые для большинства исторических укладов. Единым для разных укладов можно считать управленческий принцип «один ко многим». На хозяйственном уровне общим следует считать рынок товаров и людей, опосредованный деньгами *etc.*

Логика или космология?

Возраст вселенной в очередной раз «окончательно» определен и, по воззрениям астрофизиков, приходящимся на 2015 год, равен 13.8 млрд лет. Бесконечная вселенная и вдруг возраст. Чтобы вникнуть в суть противоречия, следует выяснить, как определяли этот возраст?

Раньше определили возраст некоторых земных пород (4.5 млрд лет) и распространили эту оценку на возраст Земли в целом.

Затем определили возраст некоторых найденных на Земле метеоритов (та же цифра) и распространили эту оценку на возраст Солнечной системы в целом. Затем, исходя из предположений (!) о структуре звезд и процессах, происходящих внутри них, *рассчитали* возраст нескольких звезд из нашей галактики типа «белые карлики» и «нейтронные», выбрали из него наибольший (13.8 млрд лет.) и распространили это предположение на возраст всего Млечного Пути. Подобные же результаты были получены и для некоторых иных из видимых галактик и перенесены ... нет, не на видимую часть космоса, но сразу на вселенную в целом. Более того, астрофизики, в рамках космологического учения, утверждают, что, наконец, точно определили диаметр вселенной (даже два: ближний и дальний; причем размер последнего «вырос» совсем недавно в полтора раза, достигнув 156 млрд световых лет) и почти видят ее окраины.

Тем самым было дано новое, физическое, определение вселенной, как некой вещи, имеющей конкретные параметры. Оно отличается от прежнего философского определения вселенной, как наиболее общего и наименее определенного понятия. О чем речь?

Все, что структурировано, что имеет форму, не существует всегда. И, что не возникло, то и не существует. Всегда существует лишь то, что не сформировано, о чем нельзя сказать: «вот это». В таком смысле *вечность материи (и вселенной)*, как *неопределенной сущности*, есть *чисто эпистемологическая абстракция*, не пересекающаяся с физическим представлением о мире.

Заметим, что только за последние четыреста лет представление астрофизиков о возрасте вселенной изменилось в три миллиона раз в сторону увеличения. Как оно изменится в дальнейшем, неизвестно. Но дело не в низкой самокритичности самой точной науки — физики. Возраст небесных тел (13.8 млрд лет) имеет смысл, отличный от возраста вселенной.

Действительно, планеты и звезды не возникли из ничего: их образованию предшествовала некая форма материи. Более того, прошлое и нынешнее небесных тел должно иметь некий инвариант, например, неизменную массу или неизменную энергию-импульс. Суть инвариантности заключается в том, что небесные тела всегда можно обратить в первичное состояние. (Именно этот смысл заложен в известных теоремах Э. Нётер о симметрии времени, пространства и пр.).

Напротив, согласно современным представлениям космологии, вселенная возникла из ничего. Понятие же инвариантности утрачивает здесь смысл. Однако нулевая точка, из которой должна была возникнуть вселенная — не физическое ничто, но всего лишь математическая абстракция, подобная абстракции нулевой температуры по шкале абсолютных температур. Физическое существование абсолютного нуля отрицают. Однако известно: чем «ближе» температура физического тела к абсолютному нулю как физическому пределу, тем глубже проявляет себя микромир с его необычными и бесконечно разнообразными свойствами. Термин «ближе» был взят в кавычки потому, что приближаться к абсолютному нулю можно до бесконечности... Подобным образом могла бы сжиматься вселенная: бесконечно приближаться к точке своего «возникновения», не достигая ее.

Но вернемся к проблеме единственности. С легкой руки некоторых астрофизиков такое предельно абстрактное понятие, каковым является вселенная, было элиминировано как образ мира и редуцировано до уровня зримого космоса.

Первым из них принято считать Ж. Леметра — бельгийского священника, астрофизика и математика, автора теории «Большого взрыва» (1927 г.). Ж. Леметр предложил определять возраст вселенной путем деления расстояния от Земли до удаленных галактик на скорость расширения видимой части пространства. Результат оказался намного меньше возраста Земли. Несмотря на очевидный провал его концепции (по сути, деистической, которую, выдвигал еще И. Ньютон), она не была отвергнута астрофизикой. Дальнейшие усилия астрофизиков были направлены на уточнение возраста вселенной. То обстоятельство, что *абстракцию* вселенной свели, между делом, к видимой части космоса, прошло незамеченным. Согласно нынешним представлениям, вселенная есть нечто ограниченное и расширяющееся, однако вне ее

границ ничто существовать не может, даже пустота.

Между тем, чтобы распространить некоторое свойство на всю вселенную, необходимо было *сначала* представлять ее как таковую. Ее *сначала* следовало мыслить как нечто конечное и ограниченное, а уж потом распространить на нее конечные характеристики времени и пространства. Иными словами, имеем весьма распространенную *ошибку постулирования основания*.

Очевидно, что результаты локальных измерений нельзя распространять не только на вселенную, но и на достаточно большую область космоса. Тем не менее, в сказанном нет ничего удобного, чтобы отрицать (равно, как и подтверждать) теорию «Большого взрыва». Философия лишь считает, что эту теорию, как и все прочие теории о природе вещей, равно как и «законы природы» нельзя распространять на образ вселенной. В противном случае, отрицается историзм и условность научного познания. Ведь получается, что именно теперь (в очередной раз!) было открыто нечто такое, что останется неизменным в веках.

С другой стороны, сама возможность перенесения любого свойства или закона природы на «всё», на весь мир, должна предполагать, что он существует, существует как «всё». Таким образом, «знание» о существовании всего мира (а не просто мира) должно предшествовать «перенесению».

Вообще говоря, представление о бесконечности мира есть абстракция от *более или менее устойчивого развития науки*, на которую человек время от времени налагает ограничения в виде вновь открытых явлений и законов природы. В итоге, все говорит о нераздельности гносеологии и онтологии.

Здесь, однако, имеем тонкость. Если можно мыслить вселенную бесконечной, то в том же смысле можно мыслить вселенную пространственно ограниченной, некогда возникшей и движущейся к своему концу. Недопустимо лишь искать этому доказательства. В обоих случаях *представить* ее как целостное образование невозможно, но можно постичь отдельные характеристики. Чтобы мыслить вселенную доказуемой необходимо самого себя считать в информационном смысле больше вселенной, будь она бесконечной или конечной.

Известна эпистемологическая модель необъяснимого механизма, называемая «черным ящиком». Исследователь видит, что происходит вне ящика, как «оно» работает, но не может увидеть, что происходит внутри. В тоже время, любая определенность, отказ от спекулятивного мышления ломают модель бесконечности. Так вот, ограниченность вселенной вводит представление о «*белом ящике*». Субъект видит все, что происходит внутри, но что происходит вовне, ему не доступно. Но можно вообразить, «как оно могло бы быть».

Относительность понятия «единство»

Современной физике известно много видов *условно элементарных частиц* («кирпичиков» мироздания), однако единой частицы — основы основ — не обнаружено. Таким образом, говорить о *единстве* мира в физическом смысле не приходится: не может существовать единства, поскольку его носитель не обнаружен. Вселенная (бесконечная или конечная) по своему понятию состоит из бесконечного (или конечного) *разнообразия* микрочастиц, свойств, сил, явлений... Такая вселенная не может быть *единой* по определению.

Астрофизика же утверждает, что ограниченная вселенная усредненно должна быть и является однородной, то есть не может состоять из изолированных вселенных (метегалактик) разной природы. Иначе говоря, конечная вселенная предполагается *единой*.

Но обратимся к понятиям конечного и бесконечно как таковым. Понятие конечного не первично, но появилось как антипод понятия бесконечного. Вещь бесконечна лишь в понятии и конечна в наших ощущениях. Конечная вещь бесконечна в человеческом познании.

Отказавшись от модели бесконечной вселенной, астрофизика предлагает якобы конечную модель мира. Но если разобраться, миру вменяют лишь моменты ограниченности: конечный «диаметр» (при отсутствии границ в четырехмерном псевдоевклидовом пространстве), конечное время существования и конечную скорость внутреннего расширения. *Очевидно, что речь идет не о конечности вселенной в целом, а о конечности некоторых ее свойств (параметров, определений), которые прежде считались неограниченными.*

Самое интересное, что размеры (и другие параметры) конечной вселенной столь велики, что делают представление о ней неотличимым от представления о вселенной *бесконечной*. При этом философия стала сознавать, что, отождествляя ограниченность познания с ограниченностью пространства и времени, она подменяет эпистемологию онтологией.

Благодаря достижениям специальных наук, становится ясным, что создать адекватный образ вселенной (конечной или бесконечной), аналогичный образам повседневной жизни, человеческому мышлению не под силу.

Но тогда, зачем философии понадобилась бесконечность? Вопрос риторический. Бесконечна ли вселенная или просто очень велика, в любом случае познание человека никогда не приблизится к абсолютной истине. При этом, однако, историческое движение науки к истине имеет единое направление (в среднем, «по вероятности»), хотя неоднократно наблюдалось движение вспять. (Например, в «темные

века» раннего средневековья в Европе, в отличие от Востока, была утрачена сама способность понимать науку).

Резонно задаться вопросом: «Является ли этот спор пустым или где-то его решение сталкивается с практикой»? — Пусть существуют сферы человеческой деятельности, где различия в образе мышления не имеют практического значения. Но для развития науки образ мышления имеет первостепенное значение. Так, без открытия, сделанного Н. Коперником в 16 веке, невозможны были бы полеты в космос, начавшиеся в 20. Но это, так сказать, непосредственное влияние. Однако значительно более важным было опосредованное влияние на науку нового способа мышления, позволяющего *создавать фантастические образы, противоречащие очевидному*. «Принимая в соображение, какой нелепостью должно показаться это учение, я долго не решался напечатать мою книгу», — писал Н. Коперник и в итоге продемонстрировал последующим поколениям ученых, что очевидность относительна, а наука — не догма.

О единственности мира и общества

Что воистину следовало бы считать *единственным*, так это бесконечную вселенную, ибо то, что имеет границы, тем самым порождает множественность.

С другой стороны, известны примеры существования множества бесконечностей. Так, бесконечными являются многочисленные ряды чисел: натуральных, целых, рациональных, действительных, комплексных, трансфинитных, простых... (Причем, только натуральные числа представляют бесконечный ряд, состоящий из однородных элементов. Любой другой ряд чисел, как и вселенная, состоит из разнородных элементов).

Могут возразить, что числа, тем более бесконечные, — скорее мысленные объекты, а не естественноприродные. Но любые объекты, определенные как конечные или бесконечные, суть абстракции, плод познающего мышления. Конечность вещи не учитывает ее внутреннюю бесконечность. Бесконечность вещи непостижима по определению и, кроме того, абстрагируется от конечности элементов, ее составляющих.

Посмотрим, как изменялось представление о единственности мира в историческом плане.

В древности единственной считали геоцентрическую систему мира — землю, накрытую хрустальным куполом.

Затем единственной стали считать гелиоцентрическую систему, состоящую из солнца и планет. (То, что небо покрыто миллионами

солнц, вокруг которых вращаются невидимые планеты, стало известно сравнительно недавно).

Затем единственным стало принято считать Млечный Путь, который отождествляли с вселенной.

В наше время единственной считают уже видимую часть космоса, которую, опять-таки, отождествляют с вселенной.

Как видит читатель, только человек узнаёт что-то существенно новое, так сразу появляется искушение признать его единственно правильным и единственно возможным.

Обратимся к социуму. Единственно возможным (устойчивым, достойным человека, способным улучшаться и т.п.) обычно признавали господствующий социальный уклад: патриархальный, рабовладельческий, феодальный, буржуазный... Первый серьезный удар по такому мировоззрению был нанесен работами социалистов-утопистов, хотя редкие случаи религиозно-коммунистической практики известны издревле.

Раздел 15. СТРУКТУРНОСТЬ БЫТИЯ

Понятие структуры

Структура есть одна из моделей реальности, представленной в виде графа с разнокачественными вершинами и разнокачественными дугами.

В общем случае структура есть разнообразие, которое может быть как-то формализовано (не обязательно с помощью теории графов). Формализация позволяет вводить категорию сравнительной сложности. Например, спиралевидное движение раскладывается на множество траекторий в виде окружностей, а серию неправильных колебаний можно разложить в гармонический ряд (Ж.Б.Ж. Фурье). (Это примеры моделирования непрерывных процессов дискретными событиями и дискретными связями между ними, что, опять-таки, можно представить в виде графа).

Здесь заметим, что движение как таковое не обладает определенной, имманентной ему структурой: вид структуры будет зависеть от произвольно выбранной системы отсчета. Так, траектория Луны вокруг Земли имеет форму простого эллипса, а вокруг Солнца — форму спиралевидной циклоиды, а вокруг центра Млечного Пути — спирали в спирали и т.д. Значит, траектория Луны может быть смоделирована разными по сложности структурами.

Представление о мире не сводится к структуре, но представление о структурности мира — один из способов его познания. Этим наша позиция отличается от концепций структурализма и постструктурализма, объясняющих все сущее той или иной формой структуры. Наш метод, вообще, не объяснительный, но познавательный.

Сложность структуры

Меру различия между структурами называют сложностью. Сложность — это свойство структуры объекта состоять из определенного числа элементов и связей между ними. В общем случае, сложность — вектор количественной характеристики структуры-графа, как-то:

- а) общее число вершин;
- б) номенклатурное разнообразие вершин;
- в) число дуг;
- г) номенклатурное разнообразие дуг;
- д) градиенты вершин как число дуг, входящих и сходящих из вершины и пр.

Исходя из определения структуры, сложность можно измерять по каждому из показателей. В качестве примера, сравним структуру,

представленную огромным множеством несвязанных между собой звезд типа «белые карлики», со структурой металлического каркаса некоего здания. Первая структура сложнее второй только по показателю «общее число вершин». Что касается числа вершин разного вида и числа связей между ними (дуг), сложнее вторая. Так, нельзя утверждать, что структура отдельного предприятия более проста, чем структура народного хозяйства в целом, только на том основании, что государство есть совокупность предприятий и иных субъектов хозяйствования.

Тонкость в том, что понятие сложности относится не к реальному объекту, но к его модели. Предел сложности объекта зависит от предела знаний о нем, что носит исторический характер. Из этого определения следует, что модель структуры маленькой бактерии может превосходить по сложности модель большого организма и т.п. Отсюда, например, представление о человеке как вершине сложности на биосфере Земли кажется наивными.

История познания представляет последовательную смену точек зрения. На каком-то этапе изучаемое явление рассматривают изнутри. Такой точки зрения соответствует модель, представленная сложной и запутанной структурой. Со временем науке удастся выйти за пределы узких рамок изучаемой темы. Тогда становится ясно, что соответствующая структура есть один из случайных моментов чего-то более общего, что уже не нуждается в множестве частных, составляющих прежнюю сложность.

На каждом этапе познания модель реальности все более усложняется, причем время от времени сложные структуры обретают сравнительно простые формы. Но простота простоте рознь. Если считать, что все гениальное просто, то последовательность гениальных открытий должна вернуть человечество к первобытному состоянию.

Общее конкретно

То, что принято противопоставлять единичное общему как конкретное, действительное, непосредственно данное абстрактному — тому, что существует лишь в наших мыслях, есть любопытное недоразумение. Вы воспринимаете кусок масла как нечто единичное, пока не начнете рассматривать его в электронный микроскоп, через который увидите, что «действительно» единичными являются молекулы, а кусок мала — «на самом деле» нечто общее.

Эти рассуждения наводят на мысль, что различие понятий конкретно-единичного и абстрактно-общего относительно и несущественно.

Непосредственное восприятие конкретного и общего в плане их различения зависит от органов чувств. Например, у собаки отсутствует цветное зрение, летучие мыши оснащены ультразвуковыми рецепторами, а аппарат ориентации почтовых голубей и перелетных птиц вообще не известен.

Нужно, в частности, понимать, что возможность разложения белого света с помощью стеклянной призмы на цвета радуги не означает, что белый свет *состоит* из семи цветов. Если бы зрительный аппарат человека был устроен иначе, он смог бы узреть в радуге всего два цвета или целых двадцать... Так, кусок сливочного масла можно разрезать на кубики или на призмы и т.п., из чего не следует, что первоначально он состоял именно из этих геометрических фигур.

Другое дело расчленение куска масла на молекулы: его нельзя разделить на любые молекулы, но только на определенный их вид. Отсюда *в первом приближении* можно утверждать, что масло действительно состоит из молекул. Почему же в приближении? — Потому, что молекулы объединены электрическим, гравитационным, внутриатомным и, возможно, иными физическими полями, так что кусок масла, хотя бы поэтому, — нечто большее, чем набор молекул.

Так и общество. С одной стороны, общество есть мысленная конструкция, абстракция, но одновременно и реальность — целостная конкретность. Как и в предыдущем примере, общество есть нечто большее, чем совокупность изолированных индивидов. Более конкретной и определенной сущностью является система, включающая человеческую популяцию, помещенную в свою экологическую нишу. И так до бесконечности. Чем большее число связей удастся обнаружить, тем вещь становится более определённой.

Структуры типа земной жизни в стратифицированных мирах

Исходя из общего представления о бытии, следует предположить, что «молекула земной жизни», или ДНК (которая, между прочим, принадлежит и неживой субстанции — вирусу), не есть единственный вид сложной структуры высокого порядка.

В вершинах графа структуры, отличной от ДНК, могут находиться иные элементы, например, атомы кремния.

Такая структура могла бы иметь не вид спирали длиной в один метр (как ДНК), но, например, форму ветвистого дерева. Она могла бы быть реализована не в макром мире, но в границах микромира и иметь длину в один нанометр (сохраняя уровень сложности ДНК) *etc.*

В то же время допустимо предположить, что наша метagalактика (которую большинство физиков считают единственно существующей)

ющей) — всего лишь один из многочисленных элементов, одна из точек в жизнеподобной структуре более глобального порядка и более высокой сложности и т.д.

В приведенных примерах мы вовсе не пытаемся предвосхитить будущие открытия в сфере аналогов жизни. Это лишь плод чистого воображения, ограниченного уровнем современной культуры. Служат же эти воображаемые примеры для наполнения смыслом тезиса о существовании множества иных структур, равносильных или превосходящих по сложности «молекулу жизни».

Постигая глубину живой материи, человек обнаруживает все большую ее сложность. Поэтому сегодняшнее видение биосферы много проще того, что человек обнаружит, возможно, через тысячу лет.

Другое дело, что одновременно с познавательным усложнением биосферы исследователи выявляют некие инварианты, редуцирующие реальность. Одним из инвариантов оказалась ДНК. Несмотря на то, что сама она оказалась весьма сложной, но ее сложность в известной мере доступна образному восприятию (в отличие от социума).

Жизненная сила

По логике вещей, жизнь, как и все сущее, не существовала всегда, но когда-то из чего-то возникла, продолжает возникать сейчас и будет возникать в будущем. Земная жизнь возникала из «преджизненного» состояния материи пошагово, все более и более приближаясь к идентифицируемому виду. Этим «состоянием» может, например, оказаться микроуровень неживой природы. Выходит, что жизнь никогда не была вполне живой, но всегда содержала неживые элементы.

Но никто никогда не наблюдал, чтобы нечто живое возникло из неживого: будь то животные, растения, бактерии или «молекулы жизни» — дезоксирибонуклеиновая кислота (которую, впрочем, к живым организмам не относят). Поскольку естественная наука не дает ответа на поставленные вопросы, эта ниша знаний заполнена *паранаучными* представлениями. Первое, что напрашивается для объяснения феномена жизни (это болезненное желание объяснить все и вся непременно и несмотря ни на что!), должно быть чем-то таким, чему жизнь присуща как таковая. Отсюда должно было возникнуть представление об особой жизненной (витальной) силе, но не как физической сущности, а в феноменологическом плане.

Жизненную силу представляют или в виде *потусторонней* колдовской субстанции, или в материализованной форме — в виде «поля», «излучения» и др.

При этом понятие *потусторонности* вытекает из представления

о существовании сил природы двух видов: подвластных человеку и не подвластных ему. Возникновение жизни, как мы сказали, не подвластно человеку. В свою очередь, *неподвластные* человеку силы подразделяются на естественные (например, внутренние силы Земли, влекущие землетрясения и т.п.) и фантастические, собственно *потусторонние*, имеющие волю и разум, но не имеющие плоти.

Напротив, философский подход к проблеме не только позволяет отделить известное от домыслов, но в ряде случаев демонстрирует, что мы знаем несколько больше о предмете, чем думаем. Для приближения к пониманию жизни, неотрывному от понимания ее происхождения, философия использует понятия структурированности (упорядоченности) и неструктурированности (хаоса) как двух сторон единого целого.

Представление о неструктурированной материи дает однородное стационарное физическое поле — нечто наподобие водной глади. Напротив, структуру имеет всё телесное: атомы и песчинки, молекулы и кристаллы, живая клетка и общество живых организмов...

Исходя из этих представлений, следует, что живое, как нечто структурированное, *рядоположно* неживому и в этом смысле не может возникнуть из него, но обе формы материи возникают из третьей — *неструктурированной*. Ясно также, что явление жизни, как структуры, относительно, то есть должен существовать такой элементный уровень структуры, на котором противопоставление живого неживому утрачивает смысл.

И действительно, понятие жизни лишается своего смысла уже на атомарном уровне рассмотрения живого существа, ибо здесь вообще исчезает понятие тела: как живого, так и неживого.

Помимо живого и неживого должно существовать промежуточное — *биоорганическое* — состояние. И действительно, современная наука считает неживыми такие «агенты», как вирусы, вирионы и прионы. Однако известны представления, согласно которым вирусы — просто *иная форма жизни*.

При этом теоретический метод не позволяет ответить на вопрос: «Как возникает живое и что есть жизнь»? Одновременно метод не позволяет отрицать необходимость существования особых причин возникновения и поддержания жизни.

Таким образом, жизненная сила есть одно из проявлений обобщенного разума (а не его субстрат) — феноменологического понятия, отражающего структурообразующее начало живой и неживой природы.

Закрытость и открытость структурных моделей как атрибуты познания

В зависимости от особенностей структуры и цели исследования ее модель представляют в виде закрытой или открытой системы.

1. Модель *закрытой* (самодостаточной, полностью изолированной) структуры (системы) — это абстракция, в пределах которой только и могут быть выявлены *инвариантные* отношения. Наиболее типичными инвариантами являются так называемые *законы сохранения* (сохранения импульса, момента импульса, энергии, заряда...) и *закон возрастания* энтропии со временем. Модель закрытой структуры ограничена по разнообразию вещей и процессов. В ее пределах известны все силы, явления, вещи, события, происходящие в текущий момент.

В закрытой системе возможно многократное зарождение и уничтожение жизни типа земной, но со временем жизнь как таковая должна прекратить существование. На Земле наступление этого события ожидают уже через тридцать миллионов лет.

2. В *открытой* системе анализируемый объект — это «*черный ящик*», внутренняя структура которого недоступна для изучения. Анализу доступна изменчивость «выхода» из «черного ящика» в зависимости от изменений на его «входе». Такими структурами в самом общем виде занимается теория автоматического регулирования.

3. В общем случае определенность структуры (закрытость — открытость) относительна. Так, структура отдельного предприятия относится к категории открытых, поскольку его деятельность преимущественно зависит от внешних причин, которые в общем случае не определены, — экономической и политической динамики страны и мира. Однако с точки зрения экономического анализа отдельное предприятие допустимо рассматривать и как закрытую структуру. Для этого поведение рынка и всех его контрагентов следует считать заданным: стабильным или изменчивым, детерминированным или стохастическим, но во всех случаях целиком оговоренным. Если же полностью абстрагироваться от внешних связей, то получим заведомо неистинную, неспособную модель производства. Если абстрагироваться только от некоторых связей (условно второстепенных), то и получим условно осмысленную модель предприятия. Проблема заключается в том, что уловить ошибку, как правило, сложно, если не задаться целью построить закрытую модель предприятия, то есть структуру, включающую внешние связи. Именно с такой ошибкой сталкивается читатель, знакомясь с так называемой микроэкономической теорией.

Об устойчивости структуры в контексте социальных отношений

Чем структура сложнее, тем менее устойчива, *при прочих равных условиях*. Под *прочими условиями* понимают механизмы выявления случайных отношений и закрепление их путем усложнения структур (что в аксиологически-телеологической интерпретации называют *адаптационным развитием*). Отсюда ясно, что процессы повышения и понижения устойчивости структур должны иметь *точку пересечения*, пройдя которую, процесс усложнения повлечет снижение устойчивости, возможно, катастрофическое.

(Заметим, что усложнение структуры (развитие) понимается как изменчивость, в общем и среднем имеющая ограниченную скорость, но в частностях могущая состоять из череды скачков, быстроту каждого из которых невозможно учесть).

Человечество как один из наиболее сложных видов общественных животных является и наиболее устойчивым. Вот сравнение со стадом диких животных. Когда кончается корм, гибнет все стадо. У людей не так: гибнет, в худшем случае, большинство, но меньшая часть выживает. Пример тому — сказочное богатство царей, королей, шейхов и т.п. на фоне голодающего населения. Еще пример — войны, которые обычно воспринимают как акты сокращения человеческой популяции. В то же время война — это один из механизмов выживания одних за счет других. В критических ситуациях человеческое общество лишается признаков разумности, переходит к самоуничтожению, что указывает на неустойчивость общественного развития как такового. (Например, режим Пол Пота в Камбодже, который не столько свирепствовал сам, сколько потакал крестьянским мстителям — «красным кхмерам»).

Три свойства социальной структуры

Свойство 1. Общественная структура не самостоятельна. Она часть структуры мира: микро-, макро- и мегамира.

В частности, индивиды (как и популяция в целом) не самостоятельно делают открытия, изобретают новшества и реализует их, не являются полноценными субъектами войн, революций, не автономно создают творения искусства, социальные учения и т.п. Человек не сам, якобы «согласно своей природе», накапливает информацию и передает ее по наследству. *Нет и нет*. Его творчество представляет побочное действие (!) процессов поглощения (от солнца и земли) энергии и излучения ее в безмерный космос. Его творчество есть также результат

побочных действий внешней силы (гравитация), импульса (ветер и солнечные лучи), момента импульса (вращение Земли и Солнечной системы), электростатического поля атмосферы и пр., и пр.

Свойство 2. Солнце светит непрерывно и почти стабильно, не предвещая никаких значимых изменений в структуре «солнце — человеческая популяция». Как же так получается, что у людей время от времени возникают новаторские идеи, что изменяет структуру общества, а значит, и структуру солнце—человек? Не означает ли это, что «мяч на стороне человека», а вовсе не солнца? —

Нет, не означает. Для пояснения феномена проведем аналогию с резонансным раскачиванием маятника. Согласно модели, кванты солнечного света последовательно один за другим раскачивают некий маятник так, что амплитуда его колебаний увеличивается со временем. Резонирующий маятник — устройство, обладающее *памятью*, поскольку *накапливает* входящую информацию — энергию и импульс. Наш маятник будет накапливать импульс до величины, достаточной, чтобы открыть некий воображаемый клапан для утечки энергии, после чего процесс раскачивания возобновляется. Солнечный импульс раскачивает маятник непрерывно, а срабатывает он скачками, время от времени. В этой модели маятник — аналог человеческой сомы, а клапан — психики. Структура изменяется непрерывно, но проявляются эти изменения скачками.

Свойство 3. Мировой структуре, единой и единственной вселенной, взятой в целом, причинность не присуща по определению. Но, если из мировой структуры *искусственно выделить* ее часть — некий структурный блок (например, человеческую популяцию), тогда (и только тогда) имеет смысл рассуждать о причинах его изменения. Таким образом, при выделении структурного блока у него появляется новый атрибут — каузальность.

Раздел 16. ФИЛОСОФИЯ ЛОГИКИ

Об устойчивости логических суждений

Кажется, что пары понятий «истина—ложь» и «правильность—ошибочность» означают одно и то же, а их различие относят к философской казуистике. Сравнивая историзм в формулировке законов природы с безвременностью (вечной правильностью) математических теорем, покажем, в чем состоит различие.

Законы (теории), касающиеся природы вещей, *историчны*, то есть условно истинны в ограниченный период времени. Например, гидростатический закон Архимеда считался истинным, пока не был опровергнут (уточнен) Б. Паскалем, и т.д.

Напротив, *правильность* (непротиворечивость) математических теорем не подвластна времени (хотя бывают и ошибочные выводы). Таков, например, предложенный тем же Архимедом способ вычисления объема шара. Правда, со временем метод доказательства может многократно уточняться, а правильность формализованных выводов ставится под сомнение (бурбакизм и метод форсинга в теории множеств, теоремы о неполноте теории в логике).

Здесь следует отличать мысли о вещах от мыслей о мысленных конструкциях — обьективированных в записях или высказываниях результатов мышления. В последнем случае речь идет о таких науках как логика, математика и... философия. Нарботки в этих областях не подвержены историческим изменениям.

Если наука первого рода — это череда полезных заблуждений (условно истинных суждений), то наука второго рода генерирует результаты, называемые безусловными, неопровержимыми.

Так например, интуиционистская (конструктивистская) логика, обходящаяся без так называемого «закона (постулата) исключенного третьего», расширяет понятие логики как таковой, но не отрицает (не подменяет) классическую логику, признающую этот постулат. Другое дело, что со временем приходит понимание исторической узости математических концепций.

Логическая формализация

В названии заложена путаница в терминах: логика не может быть неформальной.

Вообще говоря, любая мысль (высказывание) суть формальна, поскольку тяготеет к обобщению, и одновременно неформальна в своей конкретности. Неформальной является содержательная интерпретация формальных построений — высказываний. В высказываниях,

которые называют логическими, вы абстрагируетесь от конкретики, тогда как в содержательных высказываниях — от обобщений.

Математическая логика — математизированная ветвь логики — формализована как последовательность символов. Объектом изучения математической логики служит то же последовательность символов: специальных знаков и знакосочетаний, соединённых по формальным правилам синтаксиса.

Что касается «соотношения» классической и математической логики, то правильно будет сказать, что первая есть урезанный и не вполне формализованный вариант второй.

Логика формальна, но не все, что формально, есть логика. Так, формальна вся математика, формален метод как таковой, формальна диалектика... При этом:

математическая логика отличается строгостью и развитостью приемов формализации. Преимущественной сферой ее применения считается сама математика;

классическая логика хорошо развита в своем историзме. Объектом ее приложения служит объективная реальность (хотя по сей день многие считают объектом логики человеческое мышление).

Напротив, диалектика (как и полилектика) — это ни логика, ни метод, хотя в ней присутствует *формальное начало*. В качестве сферы применения диалектика (полилектика) облюбовала категориальный аппарат философии, хотя номинально используется и при «объяснении» природы вещей (в том числе природы общества).

Чему учит логика?

Согласно общепринятому мнению, восходящему к И. Канту (трансцендентальная логика) и У.С. Джевонсу, логика учит «правильно мыслить». Но что это означает? — Это означает мыслить по правилам логики, что есть не более, чем тавтология.

То, что мышление как таковое (то есть работа мозга) не является объектом приложения логики — об этом стали догадываться давно (например, Я. Лукасевич, В.К. Финн, И.Н. Грифцова), хотя объяснить свои сомнения никто не потрудился. Однако если не само мышление, то продукт мышления (понятия, суждения, умозаключения) может, по-видимому, быть объектом логики (или квазилогики?), что продемонстрировали философы-диалектики.

Как известно, работа мозга находится за семью печатями. Чтобы обойти эту трудность, представим часть мозга, отвечающего за мышление, в виде «черного ящика» с двумя входами и выходами: информационным и эмоциональным. Поток входящей и исходящей инфор-

мации вполне могли бы служить объектом приложения логики, для чего предварительно следует построить психологическую модель, что есть делом будущего.

Действительно, так называемые «законы» логики не избавляют от повторения логических ошибок в рассуждениях, но лишь позволяют их классифицировать. У логики иная область приложения, не относящаяся к сфере мышления. Ее, например, удобно использовать в качестве языка описания работы релейно-контактных электросхем и всевозможных автоматических устройств; логика сгодится для анализа судебных решений на их соответствие нормативно-правовым актам и т.д. Логика — не канон. Логик столько, сколько различных объектов их приложения.

В наше время различают многие направления логики, как-то: модальная, эпистемологическая, интеррогативная, деонтическая, темпоральная, символическая, индуктивная, интуиционистская, прагматическая, диалектическая и пр., — и создаются все новые и новые. (Науку о логиках называют *металогикой*).

Существует даже логика под названием «неформальная» («практическая», «повседневная»). Иное название — «теория аргументации» (С. Тулмин, Х. Сакс, С. Джексон, А. Гросс, У. Макгуайр, 60-е годы 20 века). Парадигма *теории аргументации*: «Наука не должна стать символом веры, но должна пониматься как оспоримые рассуждения». Но не все научные суждения оспоримы (вопреки мнению К.Р. Поппера). Оспоримо ли то или иное суждение — не императив, но предмет научного анализа. Таким образом, неверие и оспоримость — разные понятия. Далее, если наука не предмет верований, то почему в числе объектов приложения неформальной логики (от разнородной риторики до научных умозаключений) находим теологию и паранаучные дисциплины? Создатели теории, не надеясь на то, что обыденное мышление сможет возвыситься до философского или узко научного уровня, предлагают ввести простые правила, которые, якобы, способны уберечь мышление от грубых ошибок. Они не сознают, что, если бы упрощение было возможно, то реализовалось в формальной логике. Неформальная логика преподносит себя как *средство предохранения разума от ошибок*, но предлагает заведомо некорректные суждения. Сделанные выводы могут быть истинными, ложными, и бессмысленными одновременно. Все зависит от случая. Методы неформальной логики дают результат, «*истинный по вероятности*». Но речь идет не о математической теории вероятности, а о субъективной оценке степени правильности. Сам процесс аргументации относят к области профанированного искусства.

Предвестником считают «Диалоги» Платона, нелепость кото-

рых, между прочим, состоит в том, что один из спорящих (ученик) искусно подыгрывает другому (учителю Сократу), чего в жизни не наблюдается. При этом возникает иллюзия, что Сократ побеждает в споре исключительно благодаря своему глубокому размышлению.

В действительности теория аргументации — набор приемов (то есть формализмов), маскирующих ошибки в высказываниях и доказательствах. В целом «неформальная логика» есть формализованная эклектика, а не логика. Это пособие для тех, кто защищает личные интересы, а не интересы истины.

Асимметрия прямой и обратной задач

Если подходить к проблеме логически, то прямая и обратная задачи должны быть взаимно симметричны: ведь первую можно назвать обратной по отношению ко второй. Тем не менее, вопреки логике, обратная задача отличается от прямой по сути. Действительно, если вы изобретаете машину, способную решать те же задачи, что и существующая, значит, вы повторно решаете прямую задачу, а не обратную: вы ищете (изобретаете, создаете) средство для достижения поставленной цели. Достигнув цели, вы тем самым создали каузальную пару «средство — цель». Если поиск средства по цели есть прямая задача, то обратная задача — это уже поиск пары «цель — средства». Таким образом, обратная задача суть не самостоятельная, но создается прямой.

Рассмотрим пример. Зная возможности ЭВМ, глубоко разбираясь в вопросах компьютерного программирования, невозможно, однако решить обратную задачу: сделать правильное заключение о действительной конструкции конкретной машины, исходя из решаемых ею задач. Это та же проблема «черного ящика». Можно изобрести свою ЭВМ (конструкция которой отлична от оригинала или случайно совпадает с ним) с точно такими же свойствами, из которых никак не вытекает ни конструкция ЭВМ, ни способ ее разработки.

Чтобы вникнуть в суть проблемы, зададимся вопросом: «Как должна выглядеть задача, обратная обратной»? Она, казалось бы, должна совпасть с первоначальной задачей, которая называлась прямой. Но симметрия при этом не возникает. Этот эффект проявляется, например, при обратном переводе стихов на язык оригинала.

Здесь мы говорили о телеологических задачах (типа «средство — цель»), но могут быть еще и детерминированные (типа «причина — следствие»). В последнем случае решение обратной задачи означает отыскание объективной причины по множеству ее проявлений. Но причин, как и средств, может быть множество. Поэтому обратная задача ставит перед собой цель найти некоторые из возможных причин,

в число которых случайно могут попасть конкретные причины конкретного действия.

Процесс формулирования («открытия») законов природы напоминает решение обратной задачи: «Есть группа схожих явлений, надо найти инвариантный принцип». Однако есть два отличия:

1. Формальное возражение заключается в том, что в этом случае отсутствует прямая задача (природа несотворима), а значит, не может возникнуть и обратная.

2. Логика формулирования законов природы носит не целевой, но детерминированный характер.

Законы природы имеют вид устойчивых (вневременных) связей между явлениями.

Законы истории, в отличие от законов природы, имеют вид обобщенных понятий, как-то: *общественный уклад, политический режим, семейный уклад, государственное устройство* и т.п. Их формулирование тоже подобно решению обратной задачи: из великого множества свойств, которыми характеризуется общество, выбирают группы, имеющие какой-либо единый признак при прочем разнообразии. Этот признак и играет роль общественного закона.

Закономерные связи между общественными явлениями носят *сравнительно-вероятностный* характер (как в квантовой физике). Например, такая закономерность: «Вероятность встретить полигамную семью (полигинию) среди мусульман выше, чем среди приверженцев христианской религии», — и т.п.

Эпистемическая логика доказательств

Доказательство — однозначная последовательность самоочевидных утверждений. Например, таких: «Бегемот и гиппопотам — синонимы». Если бы для человеческого ума были непосредственно доступны (очевидны) более сложные элементы рассуждений, то и доказательства стали бы короче, то есть проще. Непосредственно достичь этого невозможно. Поэтому логика пошла по пути агрегирования аргументов. В общем случае каждой из последовательностей, доказывающей некий промежуточный момент, сопоставляют некое понятие, а затем из этих понятий, как готовых истин, складывают окончательную цепь доказательства. Проще получается не само доказательство, но процедура доказывания.

Таки образом, *доказательство* — мысленная процедура установления (обнаружения, выяснения) смысловой тождественности двух высказываний. Одно высказывание должно содержать все логические посылки и известные условия, а другое — ту же информацию, но пред-

ставленную под другим углом зрения.

Очевидные утверждения недоказуемы по определению... Но очевидность относительна. Поэтому, между прочим, одни математики доказывают такие суждения, которые другим представляются самоочевидными. Со временем при близком постижении реальности очевидность становится сомнительной, а значит, требует доказательства (или опровержения). Это означает лишь, что нечто очевидное должно быть связано с иными очевидными вещами очевидным образом. В качестве примера *неочевидности очевидного* достаточно обратиться к теме миражей, цирковых иллюзий или софистических рассуждений.

Так, существование покоя доказывают существованием иной очевидности — движением. И наоборот: без покоя понятие движения теряет смысл и какую-либо содержательность. Напротив, опровержение возможности движения (как-то: «дихотомия» Зенона Элеата) вовсе не опирается на что-либо очевидное, и поэтому не является опровержением по сути. «Чтобы сделать шаг, нужно сначала сделать полшага», — говорит Зенон, и с этим можно согласиться. «И это утверждение можно повторять многократно», — продолжает он, с чем также придется согласиться, как с очевидным. Но следующее утверждение, что «дихотомия должна продолжаться до бесконечности», вовсе не очевидно, а значит, его опровержение движения ничтожно.

С другой стороны, логика Зенона близка к исчислению бесконечно малых величин. Тонкость здесь в том, что заведомо неочевидное умозаключение (бесконечное стремление к нулю) математика постулирует, а не апеллирует к очевидному. Выходит, что дифференциальное исчисление правильно только в рамках своей аксиоматики, что тривиально.

Между тем, апорию Зенона Элеата можно свести к аксиоматике бесконечно малого. Но тогда станет ясно, что его выводы ошибочны. Речь идет не о том, что движение состоит из ничтожно малых отрезков. Речь лишь о том, что движение плавно изменяется со временем.

Теперь об иллюзорности парануки, например о телекинезе (Н.А. Аксаков, 1890). Можно ли силой мысли непосредственно передвигать небольшие предметы, философия не знает. Суть же в том, что и парапсихология этого не знает, хотя, в отличие от философии, утверждает противное. Ведь из очевидного факта, что некоторые индивиды, *вообще говоря*, обладают исключительными способностями, не следует, что, *в частности*, существует телекинез или, что он возможен. Напротив, известно немало случаев, когда удается раскрыть подлог как со стороны испытуемого (перцепиента), так и со стороны испытателя — парапсихолога. Иными словами, это один из тех случаев, когда «очевидное опровергается доказательствами» (Г.В.Ф. Гегель).

Заметим, что явление непосредственного взаимодействия мозга с окружающей средой известно медицинской науке с некоторых пор. Это электрические импульсы, улавливаемые прибором энцефалографом. Из этого открытия можно делать разнообразные далеко идущие предположения, но все они будут нуждаться в доказательстве, а значит — в дополнительной аргументации, которой, как раз недостает парапсихологам. Обвинять же каждого парапсихолога в откровенном шарлатанстве — все равно, что упрекать каждого верующего в циничном безверии.

Доказательство и аксиоматика

В чем заключается парадокс аксиоматического доказательства? Уже два века, как математическая логика уразумела, что самоочевидных, или абсолютных, истин не существует, но могут существовать *вмененные истины*: аксиомы и стандартизированные правила вывода. На первый взгляд, кажется, что тем самым логика избавилась от субъективного признака «очевидности». Чтобы перейти от суждения «А» к суждению «В» требуется однократно использовать правила вывода. Чтобы от суждения «А» перейти к «С» требуется двукратно использовать правила вывода. Почему? — Потому, что связь между «А» и «С» не очевидна непосредственно. Таким образом, очевидность как критерий доказательности не исчезла, а лишь переместилась на формальный уровень.

Для дальнейших рассуждений обратимся к понятию *гипотезы*, которую определим как утверждение о том, что *неочевидно*, но истинность чего, правильность или полезность можно проверить. Бывают гипотезы, которые в неявном виде предполагают некоторые действия, способные их подтвердить. Такие гипотезы можно попытаться доказать.

Доказать гипотезу — значит выполнить действия, предполагаемые самой гипотезой в неявном виде.

Например, утверждение потребителя: «Эта буханка хлеба весит около одного килограмма», — есть гипотеза, которая содержит предположение, что если буханку взвесить, то стрелка весов окажется вблизи деления «1». Доказать (или опровергнуть) гипотезу означает произвести взвешивание.

Но не всякие действия возможно выполнить непосредственно. Например, гипотеза: «В треугольнике против большей стороны лежит больший угол». Чтобы ее доказать непосредственными действиями, потребовалось бы измерить углы и стороны бесконечного числа треугольников, что невозможно. В подобных случаях доказать означает *све-*

сти гипотезу, как менее очевидное утверждение, к аксиоме — более очевидному утверждению, а именно: «Через одну точку нельзя провести две прямые, параллельные третьей». «Свести» означает использовать стандартизированный ход мыслей, который представляется самоочевидным. При этом *очевидность как таковая во всех случаях недоказуема, но воспринимается интуитивно*. Таким образом, самое строгое доказательство не способно ни заменить, ни исключить интуицию.

Физические законы аксиоматичны (то есть недоказуемы), независимо от того, насколько они очевидны. Но это такие аксиомы, которые сами являются гипотезами об *общем*, сформулированные на основании *частных* случайных экспериментов.

Следует понимать, что физический закон (даже физический) не может быть утверждением обо всем и на все случаи применения, несмотря на то, что выдает себя за таковой. Другое дело, что физики не знают границ его применения, пока не сформулируют новый закон.

Такое положение дел приводит к тому, что физика пересматривает свои законы по мере накопления опыта и информации о мире.

При этом устаревшие законы можно было бы считать *истинными*, если понимать их как гипотезы об *общем*, а не как объективные отношения, всегда и повсеместно существующие в природе. (Здесь истинность понимается расширительно: не только как приблизительное соответствие обобщающего умозаключения информации о разных сторонах своего объекта, но и как рефлексия, соответствующая процедуре познания).

Доказательство и закон

Как говорилось, доказательство есть редукция размышления, сводящего неочевидное к непосредственно *очевидному*, а именно очевидному для любого здравомыслящего математика, иного узкого специалиста, философа... Но очевидность — еще не истина, так что *доказательство не есть способ установления истины*. (Этой оговоркой данное определение отличается от конвенционализма А. Пуанкаре).

Например, можно доказать, что высказывание «Существует правильный шестигранник» тождественно высказыванию «Любая сторона куба — квадрат».

Другой пример: можно доказать, что формулировка «Квадрат гипотенузы равен сумме квадратов катетов» тождественна формулировке «Высота треугольника, опущенная из прямого угла на гипотенузу, есть среднее геометрическое проекций катетов». Оказалось, что можно построить такую алгебру, применение которой позволяет сделать эти доказательства формальными.

Доказательство позволяет *связать между собой* устойчивые высказывания *имплекативно*, то есть по принципу: «Как только возникает *A*, так сейчас же должно возникнуть *B*». Наличие устойчивой связи позволяет получить интересующую информацию об объекте, *не изучая его*.

Например, если стало известно, что рассматриваемый треугольник прямоуголен, значит (как доказано), сумма острых углов равна $\pi/2$, и для этого не требуется каждый раз измерять их.

Для эпистемологии важно, что математическое доказательство, позволяя обнаружить факт внутреннего единства между известными явлениями, не способно обнаружить (раскрыть) новую природу вещей. Представляя *атрибут логической формы мышления*, доказательство не является, единственным методом познания.

Так, фундаментальные законы природы недоказуемы по своему понятию. Действительно, метод *законопостижения* состоит в *разложении* сложного на элементарные абстракции: предельно простые отношения, «объективные постулаты», которые уже *не откуда вывести* при текущем уровне знаний.

С другой стороны, если бы те или иные устойчивые отношения вещей и явлений, признанные законами природы, можно было вывести из других известных отношений, то именно последние приобрели бы статус законов.

Так, согласно закону сохранения импульса, действие равно противодействию. Этот факт неизменной связи явлений необъясним по сегодняшний день, почему и относится к категории фундаментальных законов и т.д.

Фундаментальные законы не объяснимы, но не все непонятное может служить законом.

Так, необъяснимыми остаются жизнеописания святых, необъяснимо происхождение многих болезней, спонтанное поведение человека и т.п., что, разумеется, не имеет никакого отношения к законам природы.

Вообще говоря, в области *законопостижения* наука идет тремя путями:

- 1) фиксирует инвариантность множества известных отношений;
- 2) вскрывает ранее неизвестные отношения;
- 3) сводит старые законы к простым выводам или частным случаям вновь открытых законов.

Доказательства же используют законы как свою основу, как отправную точку, а также в качестве «тела» самого доказательства. Логическим путем можно *расширить* знание, показать явление с разных, отнюдь не очевидных, сторон и т.д. Однако путем *ограниченных фор-*

мальностями доказательств нельзя получить новые знания на уровне аксиом и законов. Причем формулировка аксиом не всегда очевидна, а формулировка законов вообще не очевидна. Так что доказательство — не единственный и не главный способ научного познания.

Таким образом, мы показали возможности методов доказательства и *законопостижения*, их общность и различие.

Раздел 17. ПАРАДОКСЫ И РЕАЛЬНОСТЬ

Здесь продолжим разговор о предметной области традиционной и математической логики, восходящей от Сократа и Платона, Зенона Элеата и Аристотеля, Г.Ю. Цицерона и М.Ф. Квинтилиана к Дж. Булю и Б. Расселу, К. Гёделю, А. Чёрчу и Г.Х. Вигту...

Отдельные моменты традиционной логики (силлогистики и софистики) используют в быту, ораторском искусстве, литературе, науке и технике. Современные исчисления математической логики могут служить моделями тех или иных дискретных процессов (в релейно-контактных схемах, в проектировании вычислительных машин, разработке автоматических устройств и др.), а также как средство унификации математических дисциплин.

Эпистемологию логики лучше всего, на наш взгляд, проясняют предельные ситуации — апории и парадоксы, что мы и рассмотрим.

Парадокс начала в астрономии

Ничто не бывает неизменным, хотя в каком-то виде существовало всегда. Все сущее когда-то возникло и продолжает возникать из чего-то другого.

Образ замкнутой орбиты, по которой движется планета, порождает проблему ее возникновения. Как могла возникнуть *замкнутая* траектория? Где расположена та точка, начиная с которой ранее разомкнутая траектория вдруг замкнулась? Представим, что планета залетела в солнечное окружение извне. Это означает, что она стала вращаться вокруг Солнца, но не по замкнутой орбите, а по спирали, все более и более приближающейся к эллипсу. Начиная с какого-то момента, можно было считать, что орбита стала более или менее замкнутой. Получается, что место, где разомкнутая траектория замкнулась, — это не одна определенная точка, но вся орбита в целом. Если представить, что планета была слеплена из пылегазового облака, которое уже вращалась вокруг Солнца, то придется рассматривать траекторию этого облака, которое в момент своего возникновения из сверхновой звезды двигалась прямолинейно, так что момент замыкания траектории планеты, сформировавшейся из облака, становится совершенно неопределенным.

Таким образом, при попытке расчленить замкнутый процесс, чтобы изучить его с точки зрения каузальности, становится ясно, что замкнутость возникала одновременно с рассматриваемым явлением, являясь его атрибутом, а не после него.

Но и это не все. Поскольку Солнечная система вращается вокруг

Млечного Пути, то никакого эллипса в действительности не существует, так как каждая из планет движется по вытянутой почти цилиндрической спирали. Эллипс же образуется как проекция этой спирали на некую плоскость. Выбрав иную плоскость, вы получите траекторию любого другого вида.

Интересно, что небольшие колебания атомов некой кристаллической решетки есть условный, не абсолютно истинный образ реальности, ибо при отстраненном рассмотрении каждый атом движется вместе с Землей вокруг Солнца со скоростью 30 км/с, пролетает вместе с солнечной системой 220 км/с вокруг нашей галактики и 400 км/с — относительно реликтового излучения. Таким образом, эти малые колебания оказываются невероятно длинными спиралевидными траекториями. Таким образом, земное бытие есть механическая проекция астрономической реальности на некую структуру, которая, вообще говоря, выбрана случайно. С изменением проективной структуры изменится и взгляд на жизнь. Судя по всему, должны существовать «проекции» реальности и в иных смыслах, отличных от механического.

Так, где же та сущность, возникновение которой мы хотели проследить?

Яйцо или курица?

Что возникло раньше: яйцо или курица? Этот вопрос подымался уже философами средневековья. Современные палеонтологи дали «окончательный ответ» на него. Выяснилось, что прапредком птиц был синозавроптерикс, который размножался путем кладки яиц. Отсюда, не задумываясь, был сделан «логический» вывод, что сначала появилось куриное яйцо. Но где произошли первые мутации: во взрослой особи прапредка или в его яйце, — палеонтология не знает. А именно в этом состоит вопрос.

Между тем, вопрос содержит ошибочное утверждение. Ведь цикл воспроизводства жизни не повторяет этапов ее зарождения, хотя кажется иначе. Яйцо и несушка — не самостоятельные сущности, вопреки очевидному, но единый атрибут популяции птиц. Для живой курицы раньше было яйцо, а для яйца — курица; а на раннем этапе зарождения жизни была бактерия и пр. Кроме того, в цикле яйцо-курица нарушена симметрия. Яйцо создается курицей не так, как курица яйцом. Яйцо создается путем отделения от курицы, тогда как курица — повзрослевшее яйцо. Поэтому в одном смысле раньше должна быть курица, в другом — яйцо.

В общем случае парадокс яйца и курицы есть проблема ребенка и взрослой особи. Что возникло раньше: большая бактерия, разделив-

шаяся затем пополам, или малая, выросшая затем в большую? Особь сначала возникла, а затем стала питаться, или некое «облако жизни» сначала начало питаться, а затем превратились в множество особей? И т.д.

Таким образом, вопрос первичности сводится к вопросам возникновения жизни: что есть жизнь, из чего она произошла и каким образом? Современная философия не располагает ответами. Но ясно, что жизнь, как и движение, относительна, а значит, относителен и способ ее возникновения.

Парадокс ДНК

Размножение организмов — это способ существования жизни, который также не понят в своей основе, как и сама жизнь. ДНК — одна из основных молекул, отвечающих за размножение, атрибут жизни. Относится к категории макромолекул, обладает большой сложностью и в выпрямленном положении имеет длину около одного метра. Пара молекул «ДНК — ферментный белок» есть логическое повторение пары «яйцо — курица». Но здесь рассмотрим иную проблему — возможность возникновения сложной молекулы естественным путем.

Некоторые мыслители считают это невероятным. Их аргументация такова:

1. Естественное возникновение означает, что структура молекулы возникла сама собой случайным, равновероятным образом.

Но ни философия, ни химия, ни биохимия никогда не сводили химические реакции к случайным процессам. Наоборот, законы химии столь строги, что позволяют планировать ход реакции. Какие, уж, тут случайности!

2. Из-за большой сложности, вероятность возникновения молекулы именно той конфигурации, которую можно сегодня наблюдать, должна быть очень мала. Эту вероятность оценивают числом десять в минус сотой степени, исходя, по-видимому, из числа перестановок атомов в молекуле.

Но, чтобы число перестановок обратить в вероятность возникновения ДНК, ее нынешняя структура должна быть целью создателя. Тогда, причем здесь естественное возникновение?

3. Малая вероятность возникновения ДНК означает, что для реализации цели потребуется число переборov, даже большее, чем число перестановок.

Но теория вероятностей допускает совершение маловероятных событий без долгих переборov в любой момент и многократно. Подходящими примерами *невероятных* событий, возникших в исторически

короткий период, могут служить украинский «Чернобыль» и японская «Фукусима».

4. Известно, что время отдельной мутации сопоставимо со временем жизни отдельного организма (20 минут для бактерий). Предполагается, что первая ДНК «собиралась» путем последовательного соединения химических элементов, притом что время соединения каждой пары атомов предположительно сопоставимо с временем отдельной мутации. Тогда для целой макромолекулы должно потребоваться чересчур много времени. Настолько много, что такая молекула не успела бы возникнуть за время существования вселенной, равное 13,8 млрд лет.

Как видим, высказанные предположения безосновательны. Корректность сравнительной базы тоже вызывает сомнение. Действительно, время существования вселенной, вытекает из космологической теории «Большого взрыва», основанной на еще большем числе допущений. Отсюда вывод о чересчур большом времени «собираания» первой молекулы ДНК несостоятелен.

5. Поскольку естественное возникновение ДНК невозможно, следовательно, она была создана кем-то более организованным, чем биосфера. Однако общеизвестно, что из незнания ничего не следует.

6. Безразлично, как назвать антропоморфного создателя ДНК: природой или богом. Одни говорят: «законы природы», — другие — «законы бога».

Хотя философия не знает, как и когда возникла первая молекула ДНК (если бы только это!), но вполне способна различать термины «природа» и «бог». Природу философия понимает как нечто простое и неорганизованное. Под богом же понимают сущность много более сложную, чем человек. Согласно идее (не обязательно религиозной), развитие (усложнение) биосферы и общества — результат внешнего воздействия чего-то намного более сложного давно существующего, но еще не познанного или ускользающего от понимания. Противоположная точка зрения — зарождение биосферы без создателя и саморазвитие.

Но способен ли человек обнаружить структуру, существенно более сложную, чем он сам, то есть бога? Что это за создатель, если он есть? Почему он ускользает от внимания философов? Для ответа на вопрос обратимся к сопоставлениям. Так, высокоорганизованные домашние животные признают в человеке своего хозяина, но этого нельзя сказать, например, о насекомых, для которых человек — абсолютно бессмысленное существо.

Так и люди. Хотя они различают между собой более развитых, талантливых, умных и т.д., из этого, однако, не следует, что люди спо-

собны узнать нечто существенно более сложное (если оно существует). По аналогии с насекомыми, людям следует искать деистического бога, целенаправленно усложняющего живую природу, как явление совершенно бессмысленное. (В качестве чего-то сверхсложного, кажущегося человеку простым, стодится, даже, популяция кишечной палочки, например).

Заметим, что в случае внешнего управления биосфера преобразуется не для себя, но в интересах своего создателя. Философии не известны особые интересы «создателя», однако ясно, что развитие происходит не в интересах биосферы. Значит, биосфера (в частности, человек) не могут быть субъектами развития.

Является ли человек субъектом истории?

Что было раньше фундамент или здание? Ответ, казалось бы, очевиден. Но если сделать обобщение, если учесть, что после разрушения здания закладывают новый фундамент, и так повторяется многократно, если принять во внимание, что хижины сооружались вообще без фундамента, то ответить на вопрос непросто. Тонкость же в том, что домостроение не есть самость: этим занимается третья сила — человек. В строительстве это очевидно. То есть раньше возник не фундамент и не здание, а его создатель человек.

Когда же речь заходит о биосфере или социальной сфере, то возникает представление, что они самовоспроизводятся. Кажется, что живое само себя производит, что хозяйственная деятельность суть самодостаточна и т.д. Но движитель этих процессов неизвестен. Поэтому постоянно слышим фантастическое и феноменологическое «объяснение» первопричины: то бог, то природа, то случайность, то хаос... Наука, правда, несколько продвинулась в понимании изменчивости, введя представление об обмене веществ, поглощении и излучении энергии, превращении (эволюции) видов, историческом превращении общественных укладов и пр. Однако целостное объяснение отсутствует, так что если настаивать на «очевидном» (что фундамент закладывают раньше, чем строят здание), то истина ускользает.

Мы говорим, что гнезда создают не птицы, но природа ... с помощью птиц. Не так ли строится и человеческая история? «Создается ли мир нашим умом или наш ум создается миром»? (Дэвид Гребер). Что бы человек ни делал, что бы ни измышлял, — его руками творит природа. Человеком управляет природа, ее непознанный срез. Отказаться от этого тезиса равносильно признанию, что человечество изолировано настолько, что способно само ставить цель и добиваться ее.

Природа вообще — это нечто иное, более отдаленное, нежели

природа человека. Противоречивая сущность человека состоит в том, что он одновременно есть субъект общественных отношений и объект *естественного нечто* (например, кишечной палочки), которое управляет его биологическим и историческим процессом (развитием и деградацией).

Тем не менее, общественное мнение сходится в том, чтобы возложить ответственность в юридическом или моральном плане за изменение социально-экономической ситуации (или ее консервацию) на то или иное лицо, как центральный (главный, абсолютный) субъект действия. Этим лицом может быть как индивид, так и любая категория лиц, причем не обязательно взаимодействующих между собой, но классифицируемая по признаку единства интересов или любому иному. Часто, не находя виновных (особенно в таких деяниях, как война, голод, пандемия, экономический кризис...), народ легко выдумывает своих врагов. Например, народное гонение на врачей в очагах эпидемий (что можно было наблюдать в дореволюционной России); обвинение отдельного банкира в возникновении мирового экономического кризиса (предъявленное Соединенными Штатами в 2009 году). Иные связывают массовые несчастья с деяниями богов или менее определенного начала — судьбы. Но *без виновного несчастья не мыслимы.*

Парадоксы первопричины в социальных учениях

Человек более или менее успешно преобразует природу, вовсе не задаваясь вопросом о первопричине. Примером может служить селекция в биологии и зоологии без выяснения первопричины. Там же, где людям мало что удастся, они начинают искать «философский камень» в форме *первопричины*, в надежде, что этот путь приведет к решению задачи.

Одной из таких первопричин является, как полагают, *изменение формы общественных отношений*. «Философы лишь различным образом объясняли мир, но дело заключается в том, чтобы его изменить», — К. Маркс, «Тезисы о Фейербахе». Так называемые утопии, известные еще с древних времен, описывающие фантастический мир, состоящий из фантастических личностей, пытаются решить вопрос первопричины, предлагая разнообразные способы изменения структуры общества. Такое мнение укрепилось в результате победы великих революций во Франции и России в 18—20 веках.

В более узком аспекте речь идет об изменении государственных законов или полном упразднении государственных институтов. Иные концепции кладут во главу угла просвещение народа, моральное вос-

питание, избрание хорошего тирана, приведение к власти философов, священников или «национально сознательных», захват чужих земель и пр., и пр.

Это все тот же вопрос о первичном и вторичном, яйце и курице (заведомо неразрешимый), ставший камнем преткновения в политической социологии.

Парадокс интерпретации

Парадоксы (когда оба противоположных утверждения правильны), как и непротиворечивые структуры речи, имеют смысл лишь на формальном уровне. Иными словами, вопрос правильности касается именно *структуры, но не ее содержания*. Когда же парадоксальному по форме высказыванию пытаются придать какое-либо содержание (то есть наполнить абстракцию конкретным), получают ложное утверждение, которое по форме напоминает истинное — софизм. Парадокс уводит от поиска решений, софизм же приводит к ошибочным выводам.

По происхождению софизмы могут быть как умышленными, так и плодом добросовестных заблуждений. Здесь рассматриваем второй вариант. Как же возникают добросовестные заблуждения? —

Любое высказывание понимается в некотором контекстном окружении. Если контекст недоступен, то он имплицитно и неосознанно *домысливается*, представляя собой бытующие представления, закрепленные в памяти индивида как некий стандарт мышления. Домысел может совпадать с истинным положением дел лишь случайно.

Интерпретация логических высказываний — задача неформальная. Интерпретация логики, то есть наполнение формы содержанием, есть отражение сверхлогических, сверхрассудочных «тонкостей» непосредственного восприятия и личного опыта. Интерпретации могут быть как правильными, так и ошибочными, и, вопреки мнению Аристотеля, *никакая логика не способна сама по себе гарантировать правильность своего применения*.

Известно, что комплексное восприятие реальности (когда задействованы все чувства) более информативно, чем теоретическое. Говорят же: «Лучше один раз увидеть, чем сто раз услышать». Но обыденное мышление упускает, что для полноценного понимания необходимо не только наблюдать, но и действовать. Поэтому, если читатель будет апеллировать к одной только логике, игнорируя фактор непосредственного восприятия и действия, то тем самым ограничит себя в постижении истины.

Примеры:

1. По одним только медицинским книгам невозможно научить-

ся ни диагностировать болезнь, ни лечить пациента.

2. Согласно теории, вероятность падения монеты два раза подряд аверсом вверх при двух бросаниях равна $1/4$. Но нужно очень постараться, чтобы в действительности получить ряд равномерно распределенных случайных чисел, дающий результат, близкий к расчетному. Ведь природа ничем не обязана ни человеку, ни его продукту — математике.

Но эти примеры не означают, что вообще ничего нельзя доказать, исходя из логических представлений. Проблема заключается в отсутствии единого критерия истинности.

Об иных интерпретациях логических парадоксов поговорим далее.

Ни покоя, ни скачка, ни движения

Философия, вообще говоря, не собирается ни доказывать, ни опровергать возможность движения, скачка или покоя. Хотя обычно декларируют, что покой — всего лишь момент, разновидность движения, но имплицитно полагают первозданность именно покоя. В таком случае движение, как вторичное, требует доказательства, что нелепо. С философской точки зрения невозможно определить движение в отрыве от его противоположности — покоя. Движение немыслимо без его атрибута — скорости, а конечность скорости есть момент покоя и т.д.

Вообще, определение движения — это описание его характеристик: времени, скорости, ускорения, расстояния, спина, частоты, параметра Хаббла, системы отсчета, и т.д. Однако покой — всегда и во всем покой, тогда как движение — одна из сторон более общего понятия — изменчивости.

Другая разновидность изменчивости связана с понятием структуры. Изменчивость характеризуется такими параметрами, как скорость возникновения и преобразования структуры, скорость изменения ее упорядоченности (например: изменение политического режима, государственной границы, структуры населения по доходам, эволюция биосферы и т.п.).

Третья форма изменчивости связана с понятием безвременности. Речь идет о скачке.

В диалектике укоренилось представление о движении, как непрерывной сущности (Гераклит Темный, Зенон Элейский, Г.В.Ф. Гегель, Ф. Энгельс и др.). В частности, утверждение, что движение не может мгновенно начаться («Дихотомия»), означает, что оно понимается Зеноном как непрерывная во времени сущность. Но квантовая физика открыла еще один вид изменчивости — скачкообразное

перемещение физического тела («волнового пакета»), то есть перемещение, происходящее вне времени. Так, обнаружено мгновенное перескакивание субатомных частиц с одной орбиты на другую (Л. Бройль, А. Зоммерфельд, Н. Бор), мгновенный обмен импульсами между так называемыми запутанными частицами — фермионами — и т.п.

Разумеется, и покой, и изменчивость во всех ее видах — один из срезов модели реальности, а не атрибуты реальности как таковой. Вопреки убеждению «материалистов», что все это реально, философские понятия навсегда останутся лишь моделью реальности. Такой взгляд не означает, что реальность непостижима. Эффективное познание возможно, ... в том числе путем построения мысленных моделей.

Попытка втиснуть в модель движения противоречивые представления о скачках и непрерывности породила известную проблему *дискретного и непрерывного*. Напрасно Д. Гильберт писал по этому поводу, что проблема не логическая, а материальная. Именно такое его утверждение и есть проблемным.

Дискретность изменчивости не мыслима в отрыве от дискретности пространства. Что касается философии природы, здесь уместен следующий вопрос: «Дискретность элементарных частиц истинная или это лишь одна из возможных моделей реальности»? Если вы постулируете существование элементарных частиц, то тем самым постулируете и дискретность. Поэтому вопрос следует переиначить: «Субатомные частицы действительно элементарны (то есть предельны, имеют конечные и вполне определенные размеры) или это только человеческое представление? Квантовая физика тяготеет к «материализму». Однако открытие кварков и субкварков (частиц, меньших электрона) дает двусмысленный ответ на вопрос. С одной стороны, было показано, что электрон не является элементарной частицей, с другой — эту позицию занял субкварк. Мы не спрашиваем: «На каком основании именно эти частицы были признаны элементарными»? В самой постановке вопроса уже содержится ответ, что таких оснований быть не может.

Парадокс Б. Рассела из теории множеств

Б. Рассел сформулировал проблему так («Мое философское развитие»): *«Размышляя по линиям, которые до тех пор казались адекватными, я полагал, что класс в некоторых случаях является, а в других — не является членом самого себя. Класс чайных ложек, например, не является сам чайной ложкой, но класс вещей, которые не являются чайными ложками, сам является одной из вещей, которые не являются чайными ложками... Применение доказательства Кантора привело меня к рассмотрению клас-*

сов, не являющихся членами самих себя; эти классы, видимо, должны образовывать некоторый класс. Я задался вопросом, является ли этот класс членом самого себя или нет. Если он член самого себя, то должен обладать определяющим свойством класса, т.е. не являться членом самого себя. Если он не является членом самого себя, то не должен обладать определяющим свойством класса, и потому должен быть членом самого себя. Таким образом, каждая из альтернатив ведет к своей противоположности. В этом и состоит противоречие».

Заметим, фраза «Являться членом самого себя», или быть собственным множеством, означает, что множеству вменяется признак (свойство), присущий каждому из его членов.

Но является ли свойством вещи определение «не быть свойством»? Обладает ли бублик без дырки свойством «не быть бубликом с дыркой»? Если отсутствие свойства — то же свойство, то, что означает отсутствие последнего? Если бублик без дырки лишится своего свойства, превратится ли он тогда в бублик с дыркой? Если превратится, тогда отсутствие свойства следует считать самостоятельным свойством.

Интерпретация логики может существенно отличаться от ее формализации. Различия между теорией множеств и ее интерпретацией на реальных объектах продемонстрируем на следующем примере. Согласно теории, из трех абстрактных элементов можно создать пятнадцать *одновременно существующих* последовательностей: 1, 2, 3, 12, 13, 21, 31, 23, 32, 123, 132, 213, 231, 312, 321. Если же объективировать теорию, то из трех объектов можно создать не более трех *одновременно существующих* множеств (по одному элементу в множестве): три карандаша.

В строго логической системе нельзя зацепиться за смысл высказывания, ибо в формальной системе он отсутствует по определению. Признать парадокс приходится без сомнения точно так же, как мы признаем истинность формальных доказательств.

Напротив, при содержательной интерпретации логики суждений парадокс может быть устранен изменением смысла. Заметим, что содержательное утверждение: «Множество ложек не является ложкой», — не доказательное, но интуитивное, тогда как формализованное утверждение: «Существует множество предметов, не являющееся членом самого себя» — суть вмененное, постулируемое.

Далее, множество вещей, обладающих неким свойством, может быть или не быть членом самого себя, если оно — тоже вещь. Множество событий само должно быть событием и т.д. В противном случае вопрос теряет смысл. У Рассела несобственное множество превратилось в собственное, когда его члены изменили *гносеологический статус*,

превратившись из вещей в абстракции.

Обратившись к Расселу, отметим, прежде всего, некорректность приведенного примера-интерпретации. Автор объединил абстрактное понятие «множество» с конкретным понятием «чайная ложка», что делает сравнение неопределенным. Одно дело, когда речь идет о множестве ложек, разбросанных на разных континентах и существовавших в разное время, другое — связанное множество (мешок ложек). Мешок ложек обладает определенными свойствами, по которым его можно сравнить с отдельной ложкой. Кушать им, разумеется, нельзя, но можно использовать в качестве грузила для удочки, как и отдельную ложку. Значит, его можно рассматривать как собственное множество. Напротив, первое множество есть абстракция, то есть то, что лишено конкретных свойств. Такое множество несравнимо с его элементом, то есть не может быть ни собственным, ни несобственным.

Пойдем далее. *Множество определено только тогда, когда определены его элементы и их количество.* Определить элементы множества значит наделить их единым свойством. Множество, количество элементов которого задано конкретным числом, не может быть собственным, так как «собственность» увеличивает число элементов, сверх заданного. Напротив, формулировка «множество *всех* элементов, обладающих заданным свойством», предполагает возможность существования собственного множества.

Теперь обратимся к формулировке «класс вещей, которые не являются чайными ложками». Здесь Рассел лукавил, пытаясь выдать чистую абстракцию за содержательную интерпретацию. Указанную формулировку можно интерпретировать двояко:

1) «множество бесконечного разнообразия вещей, не являющихся чайными ложками». В такой интерпретации нельзя привести конкретного примера;

2) «множество всех вещей некоторой категории, не являющихся чайными ложками». Например, *множество всех гвоздей*. Согласно Расселу, такое множество должно быть собственным, ибо не является столовым прибором. Но тогда возникает вопрос: «Почему множество ложек является несобственным, а множество гвоздей собственным»? Суть в том, что новое множество не потому не является ложкой, что состоит из гвоздей, но потому, что является абстракцией (не-вещью). В таком случае вопрос принадлежности вообще не существует. Очевидно, интерпретация полностью исказила формализм.

Предложим собственный вариант интерпретации. Возьмем множество космических объектов, видимых, как звезды. Если это множество компактно расположенных звезд, оно может быть собственным, например Туманность Андромеды видится как звезда. Если это

множество несвязанных объектов (например, «желтых карликов») — оно несобственное. Все зависит от содержания, а не формы.

Наконец, обратимся к собственно парадоксу. Имеем:

M_1 Несобственное множество — множество вещей, не являющихся своим членом, то есть не обладающее свойством, присущим его членам.

M_2 Собственное множество — множество вещей, являющихся своим членом, то есть обладающее свойством, присущим его членам.

M_3 Множество, состоящее из несобственных множеств M_1 .

M_4 Множество, состоящее из собственных множеств M_2 .

Здесь с элементами множеств M_3 и M_4 происходит скрытая подмена понятий. Теперь множества M_1 и M_2 больше не являются множествами вещей, а рассматриваются как абстрактные сущности, наделенные абстрактным свойством *быть или не быть своим членом*, что исключает какую бы то ни было содержательную интерпретацию. При этом исчезает возможность интуитивно определить, являются ли M_3 и M_4 собственными множествами.

Далее Рассел анализирует множество M_3 и приходит к выводу, что ответить на вопрос: «Является ли M_3 собственным множеством»? — невозможно, вследствие возникшего парадокса. Иными словами, появляется третий класс множеств: не собственных и не несобственных. Но это заключение, как было показано, *следует из эпистемологического анализа* высказываний и не нуждается в логических доказательствах.

Интересно применить рассуждения Рассела к M_4 (множеству собственных множеств).

Если M_4 — член самого себя, то должен обладать определяющим свойством класса, т.е. являться членом самого себя. Здесь нет противоречия; значит, такое возможно.

Если M_4 не является членом самого себя, то не должен обладать определяющим свойством класса, и потому не должен быть членом самого себя. Здесь также нет противоречия; значит, и такое возможно.

Если же провести последовательную интерпретацию, то окажется, что множество, элементами которого являются множества вещей всегда суть *собственные*. Так, множество, элементами которого являются множества ложек, само является множеством ложек. От него уже не требуется быть столовым прибором. Множество атомов не является атомом, но множество молекул является одновременно множеством атомов, как и отдельная молекула и т.д.

Никаких противоречий в интерпретационном высказывании философия не обнаружила. Почему же аналогичное утверждение, выраженное в абстрактно-логической форме, становится парадоксаль-

ным? — В трактовке, которая имеет смысл, противоречие не возникает, а из парадоксальной трактовки возникает парадокс суждения, что не удивительно.

Упомянем, что существует область дискретной математики, основанная Б. Расселом, которая занимается созданием непротиворечивой теории множеств, например теория типов. Для нас же важно, что множества, парадоксально содержащие самих себя, широко распространены в общественной жизни и науке. Например:

1. Связка двух физических тел сама становится тяжелым телом. (Гравитационная логика Г. Галилея, согласно которой скорость падающего тела не может зависеть от его массы, иначе бы легкое тело, находясь в связке с тяжелым, тормозило бы последнее, тогда как сама связка должна падать быстрее тяжелого тела. Но та же логика позволяет предположить, что скорость падения обратно пропорциональна массе тела, что, разумеется, тоже неверно. Как говорилось, законы природы неподвластны логике суждений).

2. Судебная позиция: «государство против обвиняемого». (Здесь общество приравнивают к члену общества).

3. Корпорация как один из членов профсоюза. (Профсоюз организуют внутри корпорации, и он же включает корпорацию своим членом).

4. Должность государственного омбудсмана (тот, кто должен контролировать государство, прямо зависит от него).

Парадокс лжеца

Рассмотрим две формулировки парадокса:

1. «Критянин Эпименид утверждал, что все критяне лжецы». Если Эпименид прав, что все критяне лжецы, то он тоже лжец, а значит, не все критяне лжецы. Если он не прав, значит, сам Эпименид *возможно* не лжет, то есть все критяне действительно *могут* оказаться лжецами.

2. Вариант Евбулида: «То, что я утверждаю сейчас, ложно». Если высказывание истинно, следовательно, Евбулид лжет. Если ложно, значит, Евбулид говорит правду.

Здесь приведены смысловые интерпретации все того же парадокса Б. Рассела из теории множеств, формулировка которого была дана выше. Поскольку эти примеры можно формализовать в отвлеченных терминах математической логики, постольку высказывание «лжец» есть истинный парадокс. Напротив, при любой попытке его содержательной интерпретации парадоксальность исчезает, что мы

продемонстрируем ниже.

Проанализируем обе формулировки парадокса поочередно.

1А. Если все критяне лжецы, значит им всем запрещено говорить правду. В таком случае отдельный критянин не имеет права говорить: «Все критяне лжецы». Раз Эпименид это говорит, значит, наше предположение ошибочно, и *не все критяне лжецы*.

Допустим, не все критяне лжецы. Тогда, если бы Эпименид был правдив, то не делал бы такого заявления. Выходит, он лжец, что согласуется с его высказыванием.

Если все критяне правдивы, значит им всем запрещено лгать. В таком случае отдельный критянин, опять-таки, не имеет права говорить: «Все критяне лжецы». Раз Эпименид это говорит, значит, это предположение ошибочно, и *не все критяне правдивы*, что равносильно предыдущему выводу.

Таким образом, из высказывания Эпименида следует однозначный вывод:

«Не все критяне лжецы, а значит, не все правдивы». Поэтому из ложности утверждения Эпименида не следует, что он прав.

Рассмотрим проблему всесторонне, для чего изменим высказывание Эпименида на противоположное: «Все критяне правдивы», — то есть им запрещено лгать. Это утверждение не противоречит предположению, что все критяне действительно правдивы (тогда он правдив) и одновременно не противоречит мнению, что все они лжецы (тогда он лжив), а также мнению, что не все критяне правдивы (тогда он тоже лжив). В отличие от предыдущего, это высказывание оказалось неинформативным. По нему нельзя определить, правдивы критяне или лживы.

Тонкость здесь в том, что проверке на истинность подвергается связка трех высказываний: «Эпименид — критянин», «Эпименид делает заявление» и «Все критяне лжецы», — но кажется, что только последнее.

2А. Высказывание: «То, что я утверждаю сейчас, ложно», — представляет собой *формальное, бессодержательное утверждение*. Известно, что именно ложно. Столь же неопределенным было бы противоположное высказывание: «Все, что я утверждаю сейчас, истинно». В нем тоже ничего не утверждается. Но *высказывание, в котором ничего не утверждает, не может быть ни истинным, ни ложным*.

Для раскрытия софизма достаточно сравнить высказывание Евбулида с подобным ему, но осмысленным, например: «Этот дом белый, но это утверждение ложно». Иными словами, Евбулид утверждает, что дом небелый. Но цвет дома не зависит от высказывания Евбулида. Если дом белый, значит Евбулид солгал, и наоборот. По этому выска-

зыванию Евбулида нельзя определить свойства денотата, что отличает его от первого варианта.

Парадокс лжеца нетрудно связать с проблемой правдивости в выступлениях государственных деятелей и «четвертой ветви власти». Верить или нет — эта позиция зависит не от содержания текста, но от личности выступающего, связи его возможностей и интереса с информацией. Только сопоставление текста с информацией о политическом статусе ангажированного оратора, позволяет более или менее правильно оценить обман и догадаться, в чем он состоит. Окончательно верить нельзя даже официальным сообщениям о катаклизмах, что подтверждают нередкие случаи непреднамеренного или преднамеренного обмана.

Тень и черепаха

Здесь рассмотрим известную апорию Зенона Элеата: «Быстроногий Ахиллес *никогда* не сможет догнать медлительную черепаху, поскольку каждый раз, как только Ахиллес будет настигать черепаху, последняя, хоть на волосок, но будет продвигаться вперед». (Изложение вольное).

Вообще, апории — это логически верные высказывания, лишенные денотата. Вопрос, разумеется, не в том, действительно ли сможет Ахиллес обогнать черепаху. Эта информация дается в условии задачи: «Ахиллес быстроног». В этом смысле рассуждение Зенона *ab ova* содержит распространенную логическую ошибку типа *petitio principii*.

Вопрос и не в том, как придумать такую логическую конструкцию (или математическое доказательство), из которой бы вытекала *необходимость* обгона черепахи. Движение и покой суть первичные понятия — результат непосредственного восприятия. Их нельзя вывести из других понятий, а значит, нельзя и опровергнуть.

Философский интерес могут представлять другие вопросы, навеянные Зеноном:

1. Не скрыта ли в приведенном высказывании логическая ошибка?
2. Обладает ли логика атрибутивным свойством, жестко связывающим десигнат с денотатом?
3. Что является денотатом логики: реальность или мысль о реальности, модель реальности?
4. Можно ли создать всегда правильную логику?

Для ответа на первый вопрос приведем высказывание иного содержания, *формально* тождественное предыдущему: «Ахиллес *никогда* не сможет догнать свою тень, поскольку, *всякий раз*, как только Ахиллес

достигнет того места, где находилась его тень, последняя переместится вперед (на такое же расстояние)». Мы видим, что одно и то же логическое построение, абсурдное в применении к явлениям одного свойства, может служить адекватной моделью для иного рода явлений.

Если бы логика была прообразом мышления, как это утверждает традиционная философия, а не моделью объективных явлений, тогда она должна была бы по своему понятию в равной мере контролировать любое суждение, а значит быть определенной на всей предметной области. Но тогда, будь выводы Зенона логичны, Ахиллес действительно не смог бы догнать черепаху...

Отметим, что логику, позволяющую якобы всегда делать правильные выводы, построил уже Аристотель («Аналитики»). Вот пример силлогизма *a la* Аристотель: «Все быстроногие способны обогнать движущихся медленно. Ахиллес быстроног, а черепаха едва ползает. Вывод: Ахиллес способен обогнать черепаху».

Логика Зенона “сработала” бы верно, если бы постулировала, что черепаха движется с той же скоростью, что и Ахиллес. Но раз черепаха движется медленнее, то Ахиллесу на каждом этапе требуется все меньше и меньше времени, чтобы достичь того места, где перед этим она находилась. Общее время, необходимое Ахиллесу, чтобы догнать черепаху, складывается из *бесконечного* числа слагаемых временных отрезков, где каждый последующий отрезок времени тем меньше предыдущего, чем больше попыток сделает Ахиллес. Но бесконечное число бесконечно малых периодов, вопреки выводу Зенона, не создает бесконечно большого времени.

Следует обратить внимание на то, что заключение Зенонова пассажа касается понятия *времени* (термин «никогда»). Зенон, по существу, приходит к выводу, что Ахиллес может поравняться с черепахой лишь спустя бесконечный промежуток времени. Но, вопреки его выводу, понятие времени отсутствует в посылах, а значит, любой вывод о длительности процесса неправилен.

Интересно отметить живучесть мышления по Зенону, когда софизмы выдают за истину.

Так, современная экономическая наука утверждает: «Страна, отстающая в развитии, способна «догнать и перегнать» более развитую, если *темп роста* внутреннего валового продукта первой страны выше *темпа роста* второй». Парадокс заключается в том, что темп — это не скорость, хотя кажется, что эти понятия тождественны. Что касается черепахи, то, *при малой скорости движения* темп ее перемещения (отношение пути, пройденного за некоторое время к пути, пройденному за часть этого времени) выше, чем у быстрого Ахиллеса. Поэтому, согласно с экономической логикой, черепаха со временем должна обо-

гнать Ахиллеса. Если бы Зенон был экономистом, то не утруждал бы себя глубокомысленными рассуждениями, но воспользовался вместо скоростных характеристик движения темповыми.

Между прочим, Н. Хрущёв в знаменитом тезисе «Догнать и перегнать Америку» опирался как раз на тот факт, что *темпы роста* экономики СССР были выше, чем у США, хотя *скорость роста* (неискаженный образ экономической динамики) всегда была ниже.

Так можно ли создать всегда правильную логику? — Если считать, что логика всеобъемлюща в практическом приложении — значит признать, что можно доказать все, что угодно (на чем настаивали софисты). Такой подход лишает логику эвристического смысла.

Как известно, Аристотель, возражая софистам, утверждал, что его логика, не грешит подобным недостатком.

Тем не менее, *логическая конструкция*, не имеющая «контекстно-зависимого» содержания, ничего не моделирует. Вот пример силлогизма: «Все люди имеют сердце. Иван — человек. Вывод: Иван имеет сердце». Теперь попробуем применить приведенную выше логическую формулу к термодинамической теории. «Все физические тела имеют определенную температуру. Молекула воды — физическое тело. Вывод: «Молекула воды имеет определенную температуру»... Вывод оказался абсурдным. Это произошло потому, что понятие «температура» вышло за границы своей применимости. Оно не применимо к физическим телам, состоящим из одной молекулы или небольшого числа молекул. Можно было бы возразить, что «просто» большая посылка была ошибочной. Надо было сказать: «Все многомолекулярные тела имеют температуру». Но никакая *формально-логическая модель не знает заранее всех своих границ*.

Силлогистический метод можно смоделировать тремя матрешками, входящими одна в другую. Тогда получим такую логическую конструкцию: «Если матрешка (А) находится внутри матрешки (Б), а матрешка (Б) находится в матрешке (В), то матрешка (А) одновременно находится в матрешке (В)». Все это тривиально. Но используем ту же логическую конструкцию для иной предметной области: «Если Иван видит Петра (то есть Петр находится в поле зрения Ивана), а Петр видит Павла, то Иван должен видеть Павла», что не всегда верно, ибо Павел может оказаться за углом и т.п. Да, смысл понятия «видит» не тот, что понятия «находиться внутри», но логическая структура предложения *этого не знает*. Таким образом, Аристотелевой логике присущи те же свойства «контекстной зависимости», что и логике его предшественников.

Такому выводу противоречит, казалось бы, всеобщая применимость так называемого «*закона исключенного третьего*». Прежде, чем

его анализировать, представим некоторые из его формулировок:

1. Некое высказывание может быть или истинным, или ложным, но не одновременно;

2. Некое свойство может быть присуще или не присуще вещи, но не одновременно;

3. Противные высказывания (не спутайте с противоположными!) не совместны. (Например, белое *противоположно* только черному, но *противно* всему небелому: зеленому, синему, деревянному, живому и т.п.).

Коварство и «непобедимость» этого «закона» заложены в тавтологии его формулировки, ибо он сам себя утверждает, не оставляя выбора для сопоставления с реальностью. В этом смысле он столь же схоластичен, как и утверждение, что «между двумя горами должна быть впадина». Иными словами, это не *закон природы*, но *постулат*, «работающий», как часы, на циферблате которых имеется всего одно деление, и поэтому они всегда показывают правильное время, даже когда стоят.

Все обстоит наоборот. Высказывание всегда не вполне истинно, свойства вещей всегда нечетко определены и т.д. Постулат же есть императив, он не может быть ни истинным, ни ложным. Приписывание постулату смысла закона *есть разновидность гносеологической ошибки*.

Чтобы нагляднее продемонстрировать, о чем идет речь, приведем примеры из *приложения математики*.

Всем известно, что два плюс два равно четырем. Действительно, если вы к двум карандашам добавите еще два, то получите ровно четыре — ни больше, ни меньше. Если же карандаши склеить своими торцами, то в результате сложения будем иметь всего лишь один длинный карандаш.

Если, далее, в емкость с двумя кубометрами воздуха закачать еще два кубометра, то всего станет два кубометра воздуха — ни больше, ни меньше.

Известно, что такую геометрическую фигуру, как квадрат, можно вполне идентифицировать длиной его стороны, так что если мы к квадрату со стороной 2 прибавим такой же квадрат, то получим квадрат со стороной, равной не 4, но квадратному корню из 8, или 2.83... и т.д.

Любая логика моделирует свой объект лишь поверхностно, грубо, частично. Отсюда ясно, что *каждый правильный логический вывод есть в известной мере заблуждение, которое может быть снято парадоксальным образом*.

Причина парадоксов кроется в том, что математическая формула есть тождественное само себе, «всегда истинное» понятие в том

смысле, что *всегда* найдется такая реальность, которая адекватно моделируется этой формулой, что, однако, не означает противное — что любая ситуация может быть адекватно смоделирована таким образом.

Итак, логика не является моделью мышления. Напротив, как одна из форм мыслительного процесса, она сама может служить моделью для той или иной предметной области.

С другой стороны, если пытаться подобрать модели для той или иной области мыслительной деятельности, то это должно быть нечто противоположное мышлению, то есть объективное: простые счеты, вычислительная машина, восковой отпечаток, автоматическое устройство...

Таковы возможности и границы логического метода.

Зенон и Ахиллес

Здесь предметом нашего рассмотрения будет не соревнование между Ахиллесом и черепахой, но рассуждения Зенона Элеата. Как отмечает В.Ф. Асмус, элеаты отрицали не сами видимые нами движение и множественность мира, а их *мыслимость*. Здесь мы не задаемся вопросом, может ли Ахиллес догнать черепаху: это — как ему захочется. Мы также не спрашиваем, как словами описать их соревнование: это задача для младших классов школы. Вопрос не в правильности или ошибочности утверждений Зенона по существу. Здесь нас интересует, логичны ли рассуждения Зенона Элеата.

1. Означает ли вменяемая Ахиллесу быстрота, что он должен перегнать черепаху? Зенон дает отрицательный ответ на вопрос. Он, по существу, описал систему саморегулирования, когда Ахиллес отслеживает поведение черепахи, задавшись целью приблизиться к ней как можно ближе, но так, чтобы не сравняться с ней. Это хорошо известная задача из теории автоматического регулирования. Речь идет о следящей системе со «статизмом». Благодаря действию механизма отрицательной обратной связи, при приближении к цели скорость преследования уменьшается, так что между преследующим и преследуемым сохраняется неустранимый зазор — статизм. Этот широко используемый в технике механизм связи полностью следует смыслу апории.

Поэтому Зенона следует считать, если не основателем, то предвестником теории авторегулирования.

2. Нюанс в том, что рассуждения Зенона неявно наталкивают на мысль, что иной исход невозможен. Когда он делает вывод, что Ахиллес никогда не догонит черепаху, то тем самым обращается к понятию времени, тогда как в посылах это понятие не упоминает, следовательно-

но, вывод некорректен. В то же время в выводе не используется понятие скорости (термин «быстроногий»), которое есть в посылке. Налицо две логические ошибки типа «*подмены тезиса*».

3. Но это не единственная и, возможно, не самая интересная алогичность. Рассуждения Зенона ошибочны процедурно. «Прежде, чем догнать черепаху, Ахиллес должен достичь *того места*, где перед этим она была» — рассуждает он. Хотя рассуждение Элеата вращается вокруг «*того места*», он «забыл» придумать, как его обозначить. Посему его посыл не определен.

Поможем «изобретателю диалектики» и заставим черепаху время от времени ставить на земле метки, которые должны служить вехами для Ахиллеса. (Это механизм отрицательной обратной связи, о чем мы говорили выше). Но тогда преследователю не обязательно достигать каждой очередной метки, ибо он может догнать черепаху в промежутке между ними. Сделает ли это Ахиллес или нет, — это, опять-таки, его личное дело. Важно, что автор апории не исследовал такую возможность.

Можно, наконец, представить вариант, когда черепаха ставит метки непрерывно, вычерчивая сплошную линию. Но тогда «*то место*» становится неопределимым, а вместе с ним становится неопределенным и все рассуждение Зенона.

Зенон выстроил бесконечную последовательность точек (то есть создал дискретную модель пространства), через которые должен пройти Ахиллес, и говорит, что последний сделать этого не сможет: по определению подвижная точка будет «убегать» бессчетное число раз. Ахиллес не сможет этого сделать не потому, что ослабнет и не потому, что от него требуется особое глубокомыслие, но из-за запрета Зенона. Сам Зенон сумел построить бесконечную модель, но отказывается в ее реализации Ахиллесу.

Представление о быстроногом Ахиллесе, вообще говоря, не предполагает никакой связи между ним и черепахой. Каждый перемещается сам по себе, а кто кого перегонит — пусть выяснит сторонний наблюдатель. Если бы Ахиллес бежал с постоянной скоростью (а не преследовал черепаху), то не было бы этой бесконечной последовательности событий. Она не могла бы возникнуть процедурно.

Пусть Ахиллес и черепаха движутся вдоль некой аллеи, не мешая друг другу. Когда он добежит до первого дерева, что впереди черепахи, она проползет немного вперед относительно начального положения. Когда до следующего дерева, черепаха проползет еще немного и т.д. Таким образом, Ахиллес обогнал черепаху, не заметив ее. Но почему не заметил? — Потому, что никто это ему не поручил. Напротив, в авторской интерпретации Зенон обязал, по сути, Ахиллеса

соизмерять и регулировать свои действия в соответствии с действиями черепахи, и сделал это в неявной форме.

4. Обратимся к критикам. По этому поводу Д. Гильберт и П. Бернайс отмечали («Основания математики»): «Обычно этот парадокс пытаются обойти рассуждением о том, что сумма бесконечного числа этих временных интервалов всё-таки сходится и, таким образом, даёт конечный промежуток времени. Однако это рассуждение абсолютно не затрагивает один парадоксальный момент. *Парадокс заключается в том, что некая бесконечная последовательность следующих друг за другом событий, последовательность, завершаемость которой мы не можем себе даже представить (не только физически, но хотя бы в принципе), на самом деле всё-таки должна завершиться*». Гильберту вторит Николя Бурбаки: «Вопрос о бесконечной делимости пространства (бесспорно, поставленный ещё ранними пифагорейцами) привёл, как известно, к значительным затруднениям в философии: от Элеатов до Больцано и Кантора математики и философы не в силах были разрешить парадокса — как конечная величина может состоять из бесконечного числа точек, не имеющих размера».

Философы от математики упустили, что непредставимой является, прежде всего, сама бесконечно малая величина (хотя метод бесконечно малых успешно применяется). Непредставимость же суммы бесконечно малых есть следствие первой посылки. Как бы там ни было, вопрос поставлен правильно: «Как представить непредставимое»? Но логическое мышление не сводится к образному.

Другое дело, что вопрос бесконечной делимости не имеет непосредственного отношения к апории Зенона. Это самостоятельная проблема. Похоже, что древним вменяют попытку решения сегодняшних проблем. Что хотел показать Зенон: парадоксальность логического вывода или невозможность представить очевидное (в данном случае движение) в понятии? Поскольку сам Элеат не даёт ответа, мы вынуждены говорить об ином: «Из посылок Зенона о бесконечной делимости пространства (где ничего не говорится о делимости времени и скорости, зато утверждается, что за одно и то же время Ахиллес пробегает большее расстояние, чем черепаха) не следует вывод, сделанный автором, что Ахиллес никогда не догонит черепахи».

Интересна также критика Зенона Г. Кантором, основанная на противопоставлении *актуальной бесконечности потенциальной*. Однако как и Аристотель, Г. Кантор («Труды по теории множеств») не нашел ошибки в рассуждениях Зенона, но предложил собственную логику движения.

Эпистемологическая критика этой апории обычно основывается на альтернативности представления о природе вещей по типу дискрет-

ная (конечная) — непрерывная (бесконечно делимая). Именно с таких позиций критикуют Зенона тот же Аристотель («Физика»), Эпикур и вереница иных мыслителей вплоть до наших дней.

Напротив, иные философы (П. Бейль, И. Кант, Г.В.Ф. Гегель ...), казалось бы, согласны с Зеноном ... в плане парадоксальности его высказывания, а значит, ограниченности умственных способностей человека.

Еще один подход встречаем у Д. Гильберта и А. Робинсона, которые обратили внимание на то, что точечный континуум, в отличие от кусочечного, не дает представления о направленности процесса. (Речь о том, что непрерывную линию можно представить и как бесконечную последовательность точек, и как бесконечную последовательность бесконечно малых отрезков).

Все упомянутые подходы (и многие неупомянутые) интересны сами по себе, но ни один из них не затрагивает, по нашему мнению, логики Зенона как таковой. Между тем, *логика Зенона при ее содержательной интерпретации ошибочна, а значит, не может составлять апорию.*

По сути, Зенон в этой «апории» ничего не доказывает, но кажется иначе. Иллюзия доказательства зиждется на мнимой очевидности бесконечного. Между тем, очевидное требует доказательств (если перефразировать Гегеля).

Непрерывная дихотомия Зенона

Ее смысл: «Чтобы пройти весь путь надо сначала пройти его половину и т.д. Отсюда — движение никогда не может начаться».

Вначале кажется, что формулировка Зенона имеет всеобщий смысл. Действительно, чтобы пройти восемь шагов, сначала придется пройти четыре. Но при семи шагах такое требование выставлять нельзя. Семь не делится пополам. Можно сделать шаг большой и маленький, но нельзя сделать полшага, ибо «полшага» — это тоже шаг, пусть меньшего размера.

Но уточним шагающую модель Зенона: «Прежде, чем сделать семь шагов, нужно сделать шесть... Но что нужно сделать перед самым первым шагом»? Ответа нет. Здесь индуктивная логика стопорится. Вывод: «Не всякое явление можно описать наперед заданной логикой». Вот и вся апория.

Мы акцентировали внимание читателя на дискретности модели Зенона, но существует еще аспект причинности. Дело в том, что первый шаг не является причиной второго, а второй — третьего и т.д. Иными словами, каждый шаг есть начало и конец движения. Чтобы

сделать седьмой шаг, нужно сделать то же, что и перед первым шагом... «Зенон не знает ответа на немой вопрос и не ставит его перед собой».

Здесь есть тонкость. Если вы прошли восемь шагов, значит прошли и четыре. Это бесспорно. Но разговорный оборот использует понятие необходимости: «*необходимо пройти*», — хотя никакой необходимости не существует. Исходя из этих позиций, переформулируем Зенона: «Если вы прошли весь путь, значит прошли и его половину и т.д.». Отсюда не следует, что «движение никогда не может начаться», хотя само высказывание тождественно утверждению, что движение состоит из бесконечного числа бесконечно малых отрезков. Зенон вменяет движению именно такое свойство, из чего не следуют какие-либо логические выводы.

Дополнительные нюансы просматриваются при рассмотрении непрерывной модели движения. Пусть движение представлено непрерывным качением колеса колесницы. Здесь возникает противоречие между непрерывным образом движения и дискретной логикой дихотомии. Суть в том, что *непрерывное не сводится к дискретному в качественных (логических) понятиях*, хотя может быть сведено количественно в том или ином *приближении* (континуум точек или континуум мелких отрезков). Эта несводимость означает, что логика Зенона неприменима к избранному им объекту.

Парадокс знания

Когда говорят, что мы не можем знать, каков мир в действительности, то это предполагает, что человек знает, что такое действительность. Получается, мы не можем знать того, что уже знаем. Но в этом смысле нам как раз известны оба обстоятельства: и действительность и ее искаженное восприятие.

Парадокс знания присущ позитивистскому образу мышления, но не осознается им как таковой.

Парадокс биологического и социального развития

На сегодня млекопитающие — непревзойденный по сложности вид животных. Однако, заранее неизвестно, какой из существующих видов окажется отправной точкой для следующего шага развития животного мира (если оно продолжится): птицы, рыбы, млекопитающие или... В этом состоит парадокс биологического развития. В более широком плане допустимо предполагать возникновение качественно нового типа жизни, следующего за миром растений и животных.

Так и новый общественный уклад может возникнуть отнюдь не как развитие передового общественного строя — капитализма, — как считал К. Маркс, но из любого существующего. В этом состоит парадокс исторического развития.

Действительно, крепостное право появилось не как развитие рабовладельческого строя и не из колоната, а капитализм возник не из развитого феодализма, но из особых экономических отношений, дошедших до нас из древности.

Раздел 18. ПРИЧИННОСТЬ И СЛУЧАЙНОСТЬ

Понятие причинности

Обычно естественно-природный процесс представляют в виде набора разнокачественных явлений. Одно явление — химическая реакция, другое — движение планет, третье — горообразование, иное — человеческая цивилизация и т.д.

Моделирование целостного процесса посредством разнокачественных составляющих приводит нас к первому понятию причинности как непосредственной или опосредствованной связи и взаимообусловленности явлений.

Еще одно расширение познающей модели мира характеризуется тем, что все это разнообразие вещей и явлений непрерывно меняется. Но происходит это не синфазно, а волнообразно, одновременно. Представление о одновременности, последовательности и необратимости целостного во всех отношениях процесса — вот другая составляющая понятия причинности.

Далее, в зависимости от произвольно выбранной системы отсчета, то есть того, что вы приняли за *пассивное начало*, некое другое явление может быть определено как *активное* (или активное и пассивное одновременно). Так, брошенный камень «обладающий» энергией движения — суть активное начало, но одновременно ему присуща некоторая инертность в виде неизменной направленности (то есть пассивная составляющая этого явления). Расчленение «волнообразно дышащей» сети явлений на условно активные и условно пассивные узлы — вот третья сторона детерминизма.

Напротив, возможность рассматривать отдельное явление как активный, то есть самопроизвольный процесс, начавшийся в бесконечном прошлом и продолжающий самоактивироваться в каждый момент времени, вовсе снимает понятие причинности.

Так, общественный процесс, неся на себе багаж прошлой культуры и испытывая давление мертвых представлений, спонтанно обновляется с каждым новым поколением. Можно отыскать причины этих изменений в изменениях внешней природной среды или в историческом прошлом, но невозможно исключить *волевого произвола* человека нового поколения, то есть недетерминированного начала.

Последние рассуждения подводят нас к понятию *стохастического* (то есть *парадоксального*) *детерминизма*.

Из серии приведенных представлений напрашиваются следующие выводы.

1. Становится очевидными однобокость и вульгарность принципа первопричины: существования единственного истинного чисто

активного явления при пассивности всего остального мироздания. Вообще, когда утверждают, что «все имеет свою причину», то имеют в виду то, что активное начало всегда находится за пределами пробного явления. Иными словами, каузальность не присуща закрытой системе. Она есть атрибут открытой системы — системы с входящими и исходящими потоками информации.

2. Другой небезыңтересный вывод состоит в том, что пробное (пассивное) явление находится одновременно под воздействием всех остальных явлений. Таким образом, бытующие представления об изолированном воздействии одного отдельного процесса на другую должны уступить место *принципу множественности причин*. Причина — это всегда некая совокупность процессов, как результирующая сила их взаимодействия. Различное же сочетание активных начал дает отличные друг от друга результаты даже при одинаковых условиях протекания процессов. Дождь, град, снег, туман, иней — вот простейший пример разнородных явлений, ставших результатом разного взаимодействия одних и тех же причин.

Наконец, остановимся на одной трудности в теории детерминизма. Речь пойдет о поиске критерия, который бы позволил определить: «Что является причиной чего»? Проблема состоит в том, что неясна даже форма, в которой следует искать ответ на вопрос. Хотя некоторые атрибуты причинности, как то: непосредственность воздействия, сдвиг по времени, обмен энергиями между причиной и следствием и т.п., — общеизвестны, тем не менее, они не позволяют однозначно утверждать, что «Б» является следствием «А». Некое явление может оказаться вовсе не той причиной, о которой вы думаете, и т.д. И здесь бессильны любые определения и формализованные приемы.

Итак, понятие каузальности проистекает из четырех принципов-постулатов:

1) ничего нет вечного: все конкретное (любая сущность: вещь, явление процесс) когда-то возникло, произошло;

2) ничего нет первичного, так что возникшей сущности всегда предшествовала другая сущность, из которой она возникла;

3) ничего нет вполне неизменного. Неизменность относительна по существу и по времени;

4) ничего нет вполне нового, но новое всегда содержит момент старого, *по отношению к которому произошло изменение*.

Между тем, логический анализ реальных событий показывает, что *каузальные отношения не являются ни необходимыми, ни достаточными*. Указанные принципы присущи реальности лишь постольку, поскольку поддерживают причинность.

Старую преобразованную сущность называют причиной новой

сущности, или причиной возникновения новой сущности, что, разумеется, разные вещи. В общем случае новая сущность обязана своему возникновению не одной причине, но их бесконечному множеству, то есть всему сущему. Поэтому, ограничивая поиски некой единичной причиной или ограниченным их количеством, вы тем самым связываете причину с целью исследования.

Причинная связь антропоморфна, поскольку ее атрибутом служит телеологическая компонента. Философия же, стремясь избавиться от заинтересованного взгляда, ищет *немыслимую причину исторического развития* в чем-то третьем, например, в жизненных интересах кишечной палочки, специфических действиях на организм злаковых продуктов или чего-то подобного.

В то же время *выявление причины новой сущности означает выявление того общего, что есть между новым и старым*, обнаружения в новом старых признаков. Например, причиной появления ребенка являются его родители *etc.*

А наоборот? Содержится ли завтрашний день в сегодняшнем? И если содержится, то полностью или частично? — Если полностью, значит, никакие изменения в действительности не происходят, изменчивость иллюзорна. До какой степени должно нечто измениться, чтобы быть признанным? — *Общий критерий изменчивости не известен.*

Мы исходим из того, что изменчивость нуждается в причине или может пойти различными путями, каждый из которых впоследствии назовут причиной.

Когда известно множество явлений или путей, претендующих на звание причины, то из них можно выбрать одно или несколько, которые мы актуализируем как причину. Если же это множество не известно, то говорить о каузальности беспредметно.

Например, чтобы говорить о причине превращения феодального общества в буржуазное, следует быть уверенным, что существовало несколько путей социально-экономического процесса, из которых победил буржуазный. Если же вы сходитесь к тому, что вариантов быть не может, что «история не знает сослагательного наклонения», то тем самым отрицаете каузальность. Однако можно искать причину того, что капитализм начал формироваться именно в Европе, а не в Австралии, и именно в 16 веке, а не в 12 или в 21.

Отсюда, между прочим, правомерен вывод, что социализм — это еще одно направление исторического процесса, наравне с капитализмом, а не заблуждение горстки людей. Тогда уместен вопрос, почему в одних странах победил капитализм, а в других — социализм. В чем причина?

В заключение отметим взгляд, противоположный теории при-

чинности, когда отсутствует соподчиненность явлений, но все начала (явления, события, процессы, тенденции) в равной степени активны. Отсутствуют причины мира и причина войны, причина экономического бума и причина распада хозяйственных отношений, причина бедности и причина богатства и т.д. При этом все эти начала находятся в равноправном взаимодействии. Такой подход составляет сущность *математической теории игр* (Дж. Нейман и О. Моргенштерн). Правда, эта теория не ограничивается моделированием ситуации, но направлена на решение оптимизационных задач.

Спонтанность и причинность

Каузальность обычно представляют в виде бесконечной цепи односторонне зависимых (направленных) изменений. Иными словами, предполагается, что настоящее изменение ситуации является следствием некоего предшествующего ему изменения и так далее вглубь веков. Представление о реально существующей первоначальной, то есть беспричинной, причине, как и представление о потустороннем начале (боге), не может решить проблему бесконечного прошлого, ибо из потустороннего не может возникнуть посюстороннее, согласно их определению. Ясно, однако, что первопричины не бывает, как, впрочем, и конечной причины, ибо *между причиной и следствием всегда можно вставить хотя бы одно опосредующее звено*. Этими соображениями размывается понятие причины.

Заметим, что вопросами связности вещей (явлений, процессов, событий), а также философских категорий (!) занимался еще Демокрит Абдерский (принцип достаточного основания, исономии...). Его представление о связности выражалось в терминах детерминизма.

Из-за неопределенности понятия причинности, его концепция спекулятивно-произвольна. Однако момент истины не ускользнул от внимания И. Ньютона, сформулировавшего закон, что ни для инерциального движения, ни для покоя никакие силы (понимай: причины) не требуются. Философский смысл Первого закона Ньютона заключается в предположении, что в закрытой системе следует определить внепричинную категорию явлений, относительно которых все остальные явления должны иметь причину.

Из условности отношений причинности следует их симметрия. Поэтому причина должна существовать у каждого из антиподов: у войны, и у мира, у перехода мир—война, и у перехода война—мир, у монотонного экономического роста и у экономического кризиса и т.п.

В общем случае есть причина и... причина.

Существуют зависимости, похожие по характеру на причин-

ные, но не являющиеся оными. Например, если установлено, что сумма двух углов плоского треугольника равна 170° , то это можно выдать за причину того, что третий угол равен 10° . Но здесь отсутствует направленность действия. Это не причина, но логический вывод.

Каузальность, как было сказано, *не предполагает необходимости*, поэтому причинная связь проявляется лишь ретроспективно. Вот пример: «Ружье выстрелило — стекло треснуло». Кажется, что причинная связь между событиями необходима, но при ближайшем рассмотрении становится ясно, что она случайна. Ведь окно могли открыть, пока пуля летела, и тогда бы оно не треснуло. Значит, связь двух изучаемых явлений не может быть установлена, пока не произойдет «следствие».

В одном случае причина — это первотолчок (далее процесс развивается сам по себе), в другом — одна из сторон процесса. Можно, например, считать, что фашистский путч — следствие затянувшегося экономического кризиса. Но правильнее считать, что это не следствие, а одна из многочисленных сторон кризиса, наравне с иными его проявлениями: затянувшейся безработицей, снижением потребления и пр. И действительно, путчи возникают в процессе кризиса (как и иные признаки), а не по его окончании. Уже поэтому неправильно считать путч следствием кризиса. С этой точки зрения фашистский путч так же первичен (или вторичен), как и снижение производства внутреннего продукта или рост безработицы, возникшие до него, равно как и безвозмездный труд на ниве развития инфраструктуры, организованный впоследствии. Вывод говорит сам о себе. Нельзя остановить фашизм устранением «причин», но требуются также и целенаправленные действия.

Гносеологические проблемы причинности

Выяснение причины расширяет наши представления о сущем, но неспособно ничего объяснить, ибо нельзя отыскать причину причин. Кроме того, никакое действие не обусловлено одной-единственной причиной. По отношению к конкретному действию насчитывается, вообще говоря, бесчисленное множество причин. (Это знал, например, Пьер-Даниэль Юэ). Отсюда, даже зная причину или несколько причин, нельзя ничего предвидеть достоверно.

Случайность не антипод причинности, но способ ее выражения. Поэтому стохастическое (корреляционное) описание связей между событиями не только не отрицает причинность, но предполагает ее в обязательном порядке. С другой стороны, между тесно коррелирующими событиями может не быть никакой причинной связи, а в иных случаях связь скрывается в единой третьей причине.

Известны группы разнохарактерных, далеких одно от другого явлений, причинная связь между которыми остается непостижимой. Между ними могут существовать тесные вероятностные (корреляционные) связи. Вот примеры некоторых беспричинных социальных корреляций:

1. После больших военных потерь доля родившихся мальчиков возрастает против обычной пропорции 15/14.

2. Ухудшение состояния экономики влечет ужесточение политического режима. Последующее улучшение приводит к еще большей жестокости.

3. Ужесточение политического режима обостряет всегда сущие общественные противоречия, несущественные для либерального статуса, как-то: религиозные, национальные, культурные, классовые (быт и профессия), семейные и пр.

4. Развитие науки сужает экологическую нишу человечества. Сужение экологической ниши стимулирует науку...

Корреляционная связь здесь налицо, тогда как причинные связи не выявлены, а значит, неизвестно существуют ли они объективно.

Причина может находиться как в прошлом, так и в будущем или вообще не иметь временной принадлежности. Действительно, принятие любого решения исходит из прогноза событий, то есть именно из будущей реализации. Событие еще не произошло и, возможно, никогда не произойдет, но причиной уже послужило.

Можно также принять решение, если открылись некие обстоятельства, произошедшие в далеком прошлом. Таким образом, причина симметрична относительно вектора времени, хотя в научных кругах бытует противоположное мнение.

Рассмотрим пример. Если вы забили гвоздь в стену, то ваши действия каузальны: они послужили причиной того, что гвоздь застрял в стене. Гвоздь вошел в стену *не после* того, как вы долго стучали по нему, а одновременно с вашими действиями.

Пусть вы выстрелили во множество мишеней, изготовленных из материалов разной степени твердости, но пуля застряла только в одной из них. Почему одно случилось, а другое — нет? — Причиной тому не ваши действия, но мягкость материала. Как видим, временная последовательность здесь ни при чём.

Теперь зададимся вопросом: «Если бы субъект знал причины (часть причин) социальных явлений, то смог бы он ими управлять»? Добавляет ли силы, расширяет ли возможности простое знание причин? Астрономы сегодня знают причину, по которой Туманность Андромеды должна столкнуться с Млечным Путем. И что?

Только в исключительно редких случаях причины способны

служить орудиями управления тем или иным явлением. Иными словами, знание причины не является каким-то исключительным видом знания.

Существует категория жизненных процессов и общественных явлений лишенных причины, как действующей изнутри силы. Речь идет о замкнутых процессах и пересекающихся множествах явлений.

Пример замкнутого процесса: институт налогообложения — государственная казна — институт распределения. Каждый из моментов процесса в равной степени причина и ее следствие.

Пример пересекающихся множеств — феномен старения организма эукариот. К старости все органы живого организма деградируют, так что причина заболевания, приводящего к естественной смерти, — не более чем случайность. Однако истинная причина смерти была, казалось бы, открыта (60-е годы 20 века): это укорочение *теломер* — концевых участков хромосом. Но вопрос остался: «Укорочение теломер — это причина смерти или механизм умирания»?

Еще пример. Обострение национальных распрей в разное время могло иметь разные причины: территориальные, экономические, политические, культурологические, классовые, религиозные, междоусобные и пр. Такое многообразие «причин» наводит на мысль, что суть распрей в самих распрях, а вырванные из структуры моменты — это кажущиеся причины.

Сюда же: неприязненное отношение к цыганам проистекает, казалось бы, из образа жизни этой нации. Но с тем же правом можно считать, что неприязнь следует из отличительных особенностей не цыган, но многочисленных народов, имеющих с цыганами общий ареал обитания. Также алогично нарекать в качестве причины национальной нетерпимости этнические, религиозные, культурологические, классовые и прочие особенности евреев, армян, янки, дикарей Центральной Африки или австралийских туземцев.

Не имеют социальных (экономических, политических) причин и события, возникающие спорадически, например войны. После серии специальных наблюдений за поведением человекообразных обезьян стало ясно, что убийство представителей своего вида — атрибутика всеядных гоминид (человека и шимпанзе), в отличие от миролюбивого поведения растительноядных орангутана и гориллы. Таким образом, причина этого социального явления скрыта в биологической сфере. Но может существовать дополнительное причинное объяснение тому, что переход от мира к войне и наоборот произошел в определенное время и в конкретном месте.

Существуют ли причины возникновения или гибели государства? Вопрос остается без ответа, пока не будет уточнено, в каком виде вы ищете причину.

Произвол, необходимость, детерминизм

Проблема каузальности заключается в том, чтобы выяснить, является ли тот или иной процесс причиной наступившего явления, и этот момент каузальности в принципе не формализуем. Иными словами, философия не владеет критерием причинности.

Процитируем известный афоризм: «Не сознание людей определяет их бытие, а, наоборот, их общественное бытие определяет их сознание» (К. Маркс, «К критике политической экономии», 1859). В действительности сознание и прочие формы бытия сосуществуют одновременно. Их изменчивость взаимно обусловлена, но при этом и то, и другое отчасти независимо, произвольно.

Действует ли индивид (ячейка общества, общество в целом) произвольно или по необходимости (под давлением обстоятельств), это происходит не единственно возможным способом. Так, человек ест по необходимости, но вкусы у всех разные. Одни действуют по необходимости, преступая юридический закон, иные произвольно его изменяют и т.д.

Отсюда история должна иметь *сослагательное наклонение*, то есть включать известную долю случайности, или произвольности. (Заметим, что случайность и произвол обозначают одно и то же, но используются в разных контекстах. В терминах теории детерминизма, произвол означает несвязность событий).

Воля субъекта противостоит закономерности и в этом смысле свободна и произвольна. Воля, или (что то же самое) *свобода воли есть случайность*, с одной стороны, и возможность реализации некоторых желаний, с другой. Одновременно воля есть естественное явление и в этом смысле, напротив, ограничена. Так, субъект не может захотеть прожить 130 лет или в своих фантазиях полностью отвлечься от реальности. Его воля ограничена теми внешними обстоятельствами, на которые он не может повлиять, например 11-летний цикл Солнца.

Воля индивида есть продукт человеческого организма в целом, а не чистого сознания, отделенного от тела и внешней среды. В этом смысле воля всегда детерминирована, в том числе воля сумасшедшего (но в отличие от воли нормального человека она, скорее, самоубийственна и общественно разрушительна). Кстати, воля правителя более детерминирована по своей направленности (а значит, более предсказуема), чем воля бродяги, но, в отличие от последнего, воля правителя получает общественное усиление и реализацию, почему и представляется как произвол, хотя таковым не является.

Но не все так просто, как кажется. Окружающий нас макромир

во многом механистичен. В этом мире следствие однозначно связано с причиной. Поэтому нам кажется, что знание причины способно объяснить определенность принятого решения. И когда правитель сам объясняет свои действия и эти объяснения кажутся логичными, народ остается удовлетворенным. Но причинная связь имеет натуральную природу, а не понятийную. Иными словами, логически она не обусловлена. Уже по этой причине любые *объяснения* действий человека нельзя признать вполне корректными.

Суть в том, что мозг человека (животного вообще) не работает, как часы или компьютер. Его работа скорее напоминает случайные выбросы *квантомеханического устройства*. Решения человека жестко не определены обстоятельствами, но варьируют от случая к случаю. Этот феномен традиционная философия называет *свободой воли*.

Одна и та же причина при прочих равных условиях может вызывать принятие разных решений. Поэтому противоположные решения могут быть объяснены действием одной и той же причины.

И наоборот: противоположные причины могут повлечь одно и то же решение.

Рассмотрим выдуманную ситуацию. Летним утром на государство «А» напало государство «Б». В ответ король государства «А» объявляет государству «Б» войну. Но так бывает не всегда. В случае многократных нападений при одних и тех же внешних и внутренних обстоятельствах реакция нашего короля будет меняться с *необходимой неопределенностью*. Если подытожить последствия 10 нападений получим, что:

- в 5-и случаях король государства «А» объявит государству «Б» войну;

- в 2-х случаях он сдастся на милость победителя;

- в 2-х случаях затеет переговоры о выдаче врагу золотого запаса страны и

- в 1-ом случае откажется от короны.

То же самое представим в ином ракурсе. Если в течение 100 лет в государстве «А» у власти стояло 10 королей, то в случае нападения:

- пять из них объявят войну;

- двое сдадут страну на милость победителя;

- двое будут стремиться к переговорам и

- один откажется от короны.

Здесь обратим внимание на то, что одна и та же причина влечет разные решения.

Рассмотрим противоположную ситуацию. В прекрасный летний день наш король объявляет войну государству «Б». И так происходит неоднократно, но:

в одном случае причиной такого решения стал экономический кризис в государстве «Б», который его ослабил;

в другом случае причиной стал экономический бум в государстве «А», что усилило его в военном отношении, а

в третьем — моральное разложение армии государства «А», как следствие ее длительного бездействия.

Как видим, решение принималось одно и то же, но причина была разная.

Поэтому, когда называют причину какого-либо социального явления, следует понимать, что связь между причиной и явлением случайна: этой причины могло и не быть, а если она была, то могло не быть этого явления.

Каузальность или импликация?

Между явлениями, событиями, процессами различают разные типы связей. Здесь сравним связь *имплицативную* и *причинную*. Импликативная связь достаточна или необходима. Напротив, *причинная связь не достаточна и не необходима*; для нее возможно лишь индуктивное определение.

Импликация, как известно, — логический объект. Спрашивается: «Может ли причина быть объектом логики»? — Поскольку она дедуктивно не определима, — разумеется, нет. Причинная связь не является логическим отношением, в отличие от импликации. Причинность — это не связь между высказываниями, ибо имеется только одно высказывание.

Чтобы причинная связь могла стать элементом логического отношения, она должна быть постулирована. Например, постулируем (независимо от существа дела), что между событием «Б» и свойством «А» существует связь такая, что «А» служит причиной «Б». Тогда причину можно представить как вектор явлений: «АБ, но не БА». О векторе АБ можно утверждать, что известен явный способ его однозначной интерпретации. (Таким же однонаправленным вектором является и время. Поэтому часто время считают атрибутом причинности, что не корректно).

В ряде случаев вектор может иметь количественную (в частности, стохастическую, корреляционную) природу. Тонкость в том, что путем анализа тесноты корреляционной связи невозможно установить факт каузальности. *Математика не способна подменить содержательный анализ*. Иными словами, на основании тесноты связи между последовательными во времени событиями «А» и «Б» нельзя утверждать, что «А» скорее является причиной «Б», чем не является.

«Но в случае высокой корреляции иногда удастся делать устойчивые прогнозы», — возразит читатель. «Бывает, — ответим мы, — однако это не научные прогнозы». Научный вывод из факта корреляционной связи можно делать, если априори догадываться о существовании причинной зависимости.

Если сравнить вектор каузальности с вектором импликации, то обнаружим следующее различие. Импликация есть отношение между двумя разными высказываниями «В» и «Г», каждое из которых может быть или истинным, или ложным. Каузальный вектор «АВ» тоже можно рассматривать как истинностное высказывание, но при том только одно. Чтобы построить не очень примитивную логику, потребуется минимум два каузальных высказывания, например «АВ» и «ДЕ». Здесь уже речь пойдет о взаимоотношениях двух причинных связей, например, между причинами Февральской и Октябрьской революций 1917 года.

Заметим, что после Октябрьского переворота произошел еще один (третий), в результате которого к власти пришла одна единственная партия. Он растянулся с 1918 по 1924 годы и принял форму аппаратной борьбы. Это была борьба между автократией и несформировавшейся демократией. При этом автократический режим, установившийся после революции, потерял последние следы либерализма. Причина, благодаря которой победили большевики, сторонники которых в 1917 году составляли меньшинство в стране и Советах, остается неясной по сей день. Возможно, это была случайность.

Если сузить взгляд на природу вещей, то причинную связь можно представить как последовательность (цепь) отдельных причин-событий. Цель субъекта — отыскать в этой последовательности такое событие, на которое можно повлиять, полагая, что далее события будут разворачиваться сами по себе определенным их природой образом. В общем случае целевому действию предшествует не одна цепь причин, но сложная спутанная сеть, так что субъекту предстоит воздействовать сразу на несколько причин более или менее отдаленных от конечного события.

Можно представить феномен причинности процедурно — как зависимость поведения системы в данный момент не только от текущих значений переменных, но и от предыстории. Образно говоря, система содержит ячейку памяти в качестве одного из управляющих моментов. «Память» и означает вычленение конкретной единственности. Каузальная связь — та, которую удалось запомнить.

Вопреки сказанному, некоторые математики (Г. Рейхенбах, Н. Решар, Я. Лукасевич) пытаются разрабатывать логику причинности — «каузальную импликацию». При этом сужают и искажают понятие

причины, приписывая ей несвойственные атрибуты, как-то: необходимость, временную последовательность и т.п.

Здесь остановимся лишь на одном утверждении логики причинности: «Одно и то же событие не может быть одновременно как причиной наступления события, так и причиной его ненаступления». В опровержение перескажем содержание одной индийской притчи. «Некий путешественник в холодную и дождливую ночь забрел к орангутану. Зайдя в хижину, он стал дуть на свои руки. На вопрос орангутана, что он делает, ответил: «Грею руки». Когда орангутан подал чай, пришелец стал на него дуть. На аналогичный вопрос орангутана ответил: «Остужаю чай». «Как же так?! — возмутился хозяин, — то ты дуешь, чтобы нагреть, то — для того, чтобы остудить!». Действия гостя одинаковы по форме (то есть логически), но различны по смыслу. Таким образом, каузальная импликация есть логическая система, не имеющая отношения к философии причинности.

Причина причин

Понятие каузальности лишь тогда приобретает определенность, когда позволяет рассматривать себя как одну из сторон противоположности. Противоположно каузальным связям множество иных видов связей, например:

связи казуальные (акциденции);

беспричинные явления (инерциальное движение);

устойчивые *беспричинные связи*, например, когда причиной служит нечто третье и т.п.

Следующие рассуждения построим на противопоставлении связи *причинной* трем другим:

а) временной (одно строго после другого);

б) логической (*имплекативной*, достаточной и необходимой);

в) статистической (корреляционной).

Согласно определению, причинная связь:

а) не является последовательностью событий;

б) не достаточна и не необходима;

в) не зависит от тесноты связи между случайными событиями.

Причинная связь причинна (как сказал бы Норберт Винер). Иными словами, определить понятие причины можно лишь *индуктивно*, в частности, путем противопоставлений.

Эти примеры показывают, что *предметом причинности* может быть не только действие, но и обстоятельство, а в общем случае — все, что угодно.

Противоположной понятию причины является понятие слу-

чайности. Случайная — значит неопределенная и неопределимая. В этом смысле случайным является первичное состояние закрытой системы. Здесь смысла случайности *эпистемичен*.

Онтологически случайным следует считать явление (событие), совершенно не связанное с предыдущим миром. Но любое явление в некотором смысле изолировано от внешнего мира, то есть отчасти случайно. Иначе оно не существовало бы как отдельное явление. Поэтому онтологическая случайность, как и детерминизм, относительна.

Случайной может быть и причина, и последовательность причин. Но это уже определение модели открытой системы.

Что такое случайность?

Прежде всего отметим, что случайность нельзя определить на единичном акте. Случайным или неслучайным может быть ряд, состоящий из большего числа актов: событий, явлений, процессов, действий, чисел... Будем бросать шестигранную игральную кость, что даст устойчиво повторяющийся *конечный* ряд чисел, например:

5, 2, 6, 3, 1, 4,... 5, 2, 6, 3, 1, 4,... 5, 2, 6,...

Такой ряд называют неслучайным. Если далее на миллионном шаге *хотя бы один раз* порядок чисел будет как-либо изменен, такой ряд следует назвать случайным. Например, однажды получим:

5, 2, 6, 3, 1, 4,... 5, 2, 6, 1, 3, 4,... 5, 2, 6,...

Здесь не имеет значения, была ли вам известна причина изменения порядка и существует ли она вообще. Важно лишь, что из анализа ряда нельзя логически вывести случайные пертурбации. Пусть далее это изменение порядка повторяется через каждые 55 бросков кости. Наш ряд опять становится неслучайным. Но если изменение порядка будет повторяться не строго через каждые 55 бросков, а, скажем, с шагом от 50 до 55 бросков, то получим *частично случайный* ряд чисел. Выходит, однажды определив ряд как случайный, вы не можете быть уверены, что он останется таковым навсегда. Более того, могут существовать и детерминировано-случайные ряды объектов. Так, иррациональные числа представляют бесконечный случайный ряд цифр, хотя любая цифра вычислима по одному и тому же алгоритму.

Таким образом, случайность *в общем случае* — понятие относительное.

Номинальный 11-летний цикл солнечной активности имеет продолжительность от 7 до 17 лет, среднесрочные (пятилетние) мировые экономические кризисы повторяются с шагом от 3 до 11 лет. Где здесь случайность, а где закономерность? Так называемые *цивилизационные* и *исторические* циклы не имеют отношения к теме, ввиду большой путаницы и крайней неопределенности. Но исследователь, задавшийся целью отыскать закономерность и тем прославиться, как правило, «находит» ее в хаосе неопределенностей.

Полилектика случайности

Традиционной философии известны две диаметрально противоположные концепции связности элементов мира.

1. Все явления, все процессы, все отношения в мире закономерны и причинно обусловлены;

2. Все явления, все процессы, все отношения в мире, так или иначе, случайны.

В действительности всегда можно отыскать такой угол зрения, такую систему отсчета, что будет верно или первое, или второе утверждение.

Понятие случайности определяется *диалектикой* путем противопоставления необходимости.

Согласно *полилектическому* подходу, ей противостоят:

а) комплекс необходимости:

инертность;

устойчивость;

определенность;

б) комплекс каузальности:

связность явлений;

однозначность (возможность выявить для любого явления только одну причину);

в) комплекс рациональности:

логичность;

здоровый смысл (в отличие от болезненного состояния мозга);

методологическое единство;

прогнозируемость.

Вообще говоря, случайность определяют как отрицательную сущность. Согласно определению от противного, случайность — это не:

закономерность;

причинность;

упорядоченность;

прогнозируемость (несовпадение ожидаемого с реальностью);

регулярность;

инвариантность...

Противостояние случайного и неслучайного имплицитно входит в определение истинности. *Менее случайные моменты принято считать более истинными.*

Главное определение случайности сводится к следующему: «Случай относится к множеству». Когда некое событие (явление, процесс, действие...) воспринимают как единичное, случайности места

нет. Но, как только становится понятным, что оно — один из элементов множества, так сразу можно обнаружить признаки случайности.

Например, геоцентрическая концепция мироздания имеет, вообще говоря, такое же право на признание, как и гелиоцентрическая, однако не все в ней сходится, ибо она случайна. Гелиоцентризм менее случаен, что означает, что он способен объяснить много больше, однако и в нем не все сходится. Еще более устойчивой (менее случайной) концепцией следует считать представление о звездной системе с центром, совпадающим с центром Млечного Пути. С этой точки зрения Земля (этот приют покоя) вращается вокруг собственной оси и еще движется по спиралевидной траектории вокруг нашей галактики (вместе с галактикой). Но и эта концепция, разумеется, случайна, ибо оказалось, что Млечный Путь сам куда-то движется относительно реликтового электромагнитного излучения, центр которого, однако, неизвестен. (Современные астрофизики вообще отказались от идеи центра. Любую точку во вселенной они считают ее центром).

Но обратимся за примерами к экономическим явлениям. Часто утверждают, что инфляция есть следствие ошибок правительства и центрального банка. Между тем, более широкий (менее случайный) взгляд показывает, что постоянным источником инфляции служит неустранимая неравномерность внедрения новшеств в разных отраслях.

Заметим, что не только множество случайных событий может быть воспринято как необходимость (так называемый закон диалектики), но и отдельные необходимости можно рассматривать как случайное множество, если найти соответствующий угол зрения.

Так, мир в целом случаен (в смысле: не вполне познаваем), но в нем случайным образом обнаруживает себя закономерность (познаваемость).

Для философии важно, что случайность «просто» создается природой, тогда как для человека создание контролируемого потока информации, приближающейся к случайной — весьма сложный процесс. (Когда мы говорим: «создано природой», — то имеем в виду, что для текущего анализа безразлично, каким образом нечто возникло; достаточно, что оно существует как данность. В поисках первопричины мы, в конечном счете, упрямся в непознанное и непостижимое, что называют «природным явлением»). Примеры ситуаций, где стремятся создать потоки случайности: азартные игры, лотереи, криптография, статистические измерения... Заметим, что математическая статистика имеет дело не с любыми случайностями, но с теми, которые распределены тем или иным определенным образом. Иначе говоря, инвариантность заранее задана на объекте применения статистики, которой остается лишь ее обнаружить.

С понятием случайности связаны различные парадоксы, о чем читайте дальше.

Задача об обезьяне

Речь пойдет об обезьяне, бесконечно долго случайным образом набирающей на пишущей машинке текст шекспировской трагедии.

Смысл задачи следующий. Если воображаемая обезьяна будет достаточно долго хаотично ударять по клавишам машинки, то рано или поздно будет напечатан любой заранее заданный текст. В этой задаче случайность противопоставляют явлению неслучайному. Ведь трагедия «Гамлет» — далеко не случайный набор знаков письма. Он неслучаен по историческому содержанию, по литературной форме, по национальному языку, авторским особенностям и т.п.

Задачу можно разложить на несколько вопросов.

1. Можно ли сплошным перебором литер английского алфавита напечатать «Гамлета»? — Ответ: да, если известна точная длина текста!

2. Можно ли добиться того же случайным последовательным набором текста заданной длины? — Ответ: да, если в дополнение к предыдущему использовать алгоритм, позволяющий получить *все* варианты текста, как при сплошном переборе. Иными словами, если удастся свести случайный перебор к сплошному. Иначе некоторые куски текста можно никогда не получить.

3. Что тогда мешает сделать это обезьяне? — Ответ: само *понятие случайности, предполагающее одинаковую частоту равномерно распределенных знаков*.

Противоречие заложено в самом вопросе. Сначала имплицитно было постулировано, что задача неразрешима (поскольку случайны текст должен быть лишен каких-либо особенностей), а затем задан вопрос о возможности ее решения.

На последнее требование, казалось бы, можно наложить ограничения в виде особенностей нервной системы и мозга этой обезьяны (что делает ее работу неслучайной). Но тогда и особенности текста будут обезьяньими, а не шекспировскими.

Рассмотрим подробнее парадокс логико-математической интерпретации этой задачи. Можно предложить три определения понятия случайности.

В одном варианте под случайностью понимают *активное* начало — процесс, направленный на глобальную дезорганизацию некоторого множества, то есть на поиски любых элементов упорядоченности (в любом смысле) с целью их дезинтеграции.

В другом варианте под случайностью можно понимать неупорядоченный *выбор* (перебор) любых упорядоченностей, которые можно обнаружить (или которые обязаны существовать) в некотором мно-

жестве.

В третьем варианте под случайностью следует понимать *выбор*, характер которого заранее не определен. Здесь случайность включает в себя неслучайность в качестве своего элемента. Такой определение случайности можно считать наиболее приближенным к интуитивному восприятию понятия.

Согласно первому определению, обезьяна не только не должна когда-либо повторить «Гамлета», но обязана внести беспорядок в этот текст, если случайно обнаружит его среди множества символов.

Напротив, во втором варианте обезьяна рано или поздно *должна* напечатать «Гамлета», если будет действовать систематически (неслучайно), и *может* его напечатать (но *может* никогда не напечатать, сколь долго этот процесс не повторялся бы), если будет действовать случайным образом.

В последнем случае обезьяна, «случайным образом» перебирая клавиши, может воспроизвести не только «Гамлета», но и всю мировую литературу, включая навсегда утерянные произведения.

Причина и инерция в истории

Как известно, по закону Г. Галилея для того, чтобы физическое тело двигалось равномерно и прямолинейно, т.е. по инерции, не требуется ничего. Отсюда следует, что не все виды движения нуждаются в какой бы то ни было причине.

Но такое утверждение уместно лишь в модели мира с закрытой системой отсчета на условно ограниченном промежутке времени. Ведь науке не известны какие-нибудь вечные явления, вечные процессы или вечный покой. Это означает, что если тело находится сейчас в инерционном движении, то ранее оно должно было покоиться или двигаться по кривой, или вообще не существовало в теперешнем виде. То есть, так или иначе, должна быть причина, которая перевела бы тело в это новое для него состояние и позволила «закрыть» систему. (Так, пуля движется вперед по инерции, не подгоняемая никакой силой, ... но только после того, как покинет ствол ружья).

Для социологии из сказанного важно одно: общественное движение не исчезает в отсутствие причин (сил). Поэтому возможна такая закрытая модель социума, где инерционность общественных процессов не требует никаких объяснительных причин. Причины «работают» только тогда, когда меняется сам характер процесса. Иными словами, чтобы что-то объяснить, следует признать иные процессы (виды процессов) спонтанными, необъяснимыми.

Так, спонтанный (то есть беспричинный в социальной системе

отсчета) износ машин и зданий, снижение урожайности сортовых семян и пр. стало одной из причин экономических кризисов в последние два столетия. Однако чтобы эта причина возникла, сначала нужно было произвести эти самые машины и семена. Это означает, что *причина возникновения кризиса была заложена уже в процессе экономического развития общества*. Можно утверждать, что *инерция стабильного общественного процесса* создает и подпитывает причины, его разрушающие.

Это пример того, что, заглянув вглубь причинной последовательности, можно рано или поздно натолкнуться на такие причины, на которые невозможно воздействовать целенаправленно (сознательно-произвольно).

Думается, что этот подход применим также к пониманию причин изменчивости *общественной формации*.

Распад того или иного общественного строя может происходить разными путями, из которых выделим три.

1. Общественные отношения не исчезают, но превращаются в другие формы. В этом случае возможны откатные волны истории.

2. В других случаях исчезают не только устаревшие формы, но перестают существовать общественные отношения как таковые, ибо в это время прерываются *все* виды связей, как-то: государство — общество, начальник — подчиненный, собственник — пролетарий, производитель — воин, пекарь — хлебопашец, ученый — изобретатель и др.

3. Общественный уклад гибнет вместе с его носителями — населением страны.

Реальность менее разборчива, чем теория, и демонстрирует смешанные типы метаморфоз. В одних случаях новое зарождается и развивается внутри существующих отношений, в других — только после их гибели.

Однако самая новая формация по необходимости похожа на все старые. И не столько потому, что сумела перенять старые достижения, сколько потому, что это формация людей.

Как читатель видит, последующее возобновление общественных отношений, как таковых, может стать *продолгацией* ранее зародившихся процессов, например:

пробуждающие отношения, возникшие в недрах крепостничества;

чиновничий абсолютизм — предвестник социализма, — возникший в *крепостнической* России;

так называемый «хозяйственный расчет» — предвестник капиталистического рынка, созревший в рамках социализма и др.

С другой стороны, отжившие, казалось бы, формы обществен-

ных отношений не исчезают полностью, но время от времени воспроизводятся, принимая современные формы. Если это отголоски недавнего прошлого, то уместно говорить об откатных волнах истории.

Так, *коллективизация деревни 1929—1933 годов и корпоративизация города в форме «бригадного подряда» 80-х годов* — примеры исторических откатов, происходивших в СССР. Уже в постсоциалистическое время появилась благодатная почва для воссоздания рабских отношений (изнуряющая эксплуатация труда заключенных, невыплата заработной платы наемным работникам, редукция рабочего класса в прекариат) и фактического закрепощения крестьян-арендодателей за «своими» наделами путем запрещения рынка сельскохозяйственной земли, «принадлежащей» крестьянам. Непомерный рост тарифов на коммунальные услуги создает предпосылки для формирования контингента «лишних людей», *продающих свои органы и органы погибших родственников* и т.д. Заметим, что эти отношения в ряде случаев вступают в противоречие с существующим законодательством. Однако юридические законы постепенно дрейфуют в указанном направлении.

Но существует ли *причина изменчивости* как таковой?

Изменчивость мы обнаруживаем, сравнивая настоящее с *запомненным* прошедшим. *Память* же понимаем как неизменность реальности или ее символической копии.

Заметим, что для образования символа тоже требуется память. Иначе, как узнать, что это символ именно этой реальности? Значит, изменчивости не обойтись без неизменной реальности.

Если существует *причина изменчивости*, то должна быть и *причина у стагнации*. Чтобы выделить нечто неизменное, необходимо сопоставить его с однонаправленной и регулярной изменчивостью. Для такого вида памяти требуется *накопительный счетчик моментов времени*. (Например, число кругов на срезе дерева, растущая гора песка или отрывной календарь...).

Если рассуждать формально, то *причина покоя* (неизменности, стабильности) — это отрицание причины изменчивости и *v.v.*, так что достаточно рассмотреть одну из них.

Однако дело обстоит сложнее, чем кажется на первый взгляд. В абстрактно-логическом рассуждении мы упустили, что речь идет не только о проблеме существования (несуществования) причин, но также о том, чтобы сделать альтернативный выбор между многочисленными кандидатами на статус причины. Выделяя *действительную* причину, вы просто отсеиваете великое множество иных действий (обстоятельств), которые в других условиях могли бы претендовать на ее статус.

Исходя из приведенных представлений о природе изменчивости, обратимся к социально-экономической проблематике. Если произошли некие социально-экономические изменения, то должна ли быть у них *внутрисистемная* причина или эти изменения следует рассматривать как спонтанные, случайные, на которые невозможно повлиять? А если причина существует, то можно ли воздействовать на нее малыми усилиями, то есть управлять ею?

Для продолжения рассуждений предварительно скажем несколько слов о двух типах моделей исторической ситуации в виде закрытых и открытых систем (структур).

Рассмотрим мысленную модель *закрытой* (самодостаточной) *системы*, определенной на некотором временном промежутке. В этой модели (в отличие от открытой системы) до начального момента отсутствует причина, а после конечного момента отсутствует следствие (прогнозируемое действие или покой).

В *закрытой* системе может существовать *внутренняя конечная причина*, а в *открытой* — бесконечная последовательность внешних причин. При этом, в закрытой системе не может возникнуть *круг причин* (яйцо — курица), поскольку время в ней ограничено.

Обращаясь к социальным примерам, зададимся вопросом: «Есть ли место человеческому произволу в закрытой системе или закрытость тождественна строгому детерминизму»?

Это очень практический вопрос — вопрос о том, как разорвать порочный круг рассуждений. Что делать, когда «хорошо и разумно» сделать ничего нельзя, а сделать плохо — лучше не делать ничего. Война, экономический кризис, неурожай, смертельная болезнь, авторитарный политический режим или безответственность охлократического правления — вот примеры социального тупика. (Заметим, однако, что все перечисленное сулит невзгоды или гибель одним и благополучие другим).

Тонкость в том, что социальные причины более мощные, менее подвижные, чем их следствия. Иными словами, понимание таких причин сводится к тому, что на них невозможно оказать управляющего воздействия, и в этом смысле они сродни ситуации, когда причин вообще не существует.

В спокойных, равновесных условиях, когда голоса в правительстве или парламенте разделились почти поровну, а выбор «неправильного» пути ничем особенным не угрожает обществу, тогда некоторые моменты действительности можно менять произвольно, по случайному разумению властей. Но в такие моменты может произойти эффект *бабочки-бифуркации*, когда отдельная личность или государственный орган способны случайным образом повлиять на из-

менение хода истории, предвидеть которое никто не в состоянии. Этот эффект можно охарактеризовать как «появление причины того, причиной чего она *не* является».

Например, случайное согласие испанской короны финансировать путешествие Колумба создало современный мир, а случайное нападение Наполеона на Россию ускорило ее социальное развитие и т.д.

Разумеется, не может быть и речи о том, что эти решения были совсем уж произвольными, но неправильно думать, что осознанное человеческое влияние носит определяющий характер.

Возьмем политическую партию. С точки зрения стороннего наблюдателя ее деятельность (как закрытой системы) детерминирована, но с точки зрения самой партии (как открытой системы) — произвольна. Ввиду детерминированности, легко предсказать поведение той или иной партии (хотя их деятельность, как правило, законспирирована). Возникает парадокс: глава партии не знает, какие действия предпримет завтра, а сторонний наблюдатель знает: ведь он понимает детерминистскую составляющую «произвольного» решения.

Если вы, наш читатель, основываясь на разрозненных и противоречивых фактах, хотите найти *причину причин*, нужно учесть, что новое возникает на пересечении множества спонтанно протекающих общественных процессов.

Воля и детерминизм в истории. Степень проблемности

Из всего разнообразия поведения личности можно выделить такой уровень волевых действий, который не формируется, не воспитывается общественным бытием, но относится к видовым особенностям человека, к природе человеческой популяции как таковой. Более того, представляется, что в значительной степени явление этой *видовой воли* (введем такое понятие) присуще (о, ужас!) всему классу млекопитающих и составляет ту ступень *психической* деятельности, по отношению к которой рациональное мышление вторично.

Исходя из означенной позиции, воспользуемся методом абстрагирования и сформируем определения *видовой воли* на модели поведения некоего почти общественного животного. Пусть им будет гипотетический волк.

Шатаясь по лесу, наш волк *волен* идти в любом направлении и свободно изменять его по своему произволу (спонтанно, из прихоти). Этот произвол уже сам по себе есть необходимое для данного вида животного состояние равновероятного поведения, состояние свободной

реализации выбора, или, пользуясь кибернетической терминологией, состоянии наивысшей энтропии.

Такое состояние назовем *волевым*, или *свободой воли*. Свобода воли, как понятие многовариантного выбора, не зависящего (или мало зависящего) от внешних причин, действует подобно генератору случайных решений, ограниченному тем или иным объемом информации и выдающему ее малыми порциями произвольным образом, независимо ни от чего.

Но вот, наш волк подошел к краю обрыва. В этой ситуации поведение его изменяется: он замер, какое-то время не в силах сдвинуться с места. Это состояние психики назовем *параличом воли*. (В человеческой популяции паралич воли присущ, независимо от ситуации, алкоголикам, наркоманам и т.п., а в соответствии с условиями войны — солдатам).

Проходит некоторое время, и такие волевые свойства волка, как способность принимать и исполнять решения, частично восстанавливаются. Хотя он уже не движется в *любом* направлении, но ограниченный выбор сохранился: он может пойти вдоль кромки обрыва или повернуть назад.

Так мы пришли к понятию *ситуационно-ограниченной воли*, соответствующей снижению энтропии.

Пойдем за волком дальше. Он узрел в стороне зайца — свою пищу. Опять свобода выбора волка резко ограничивается. Но если в предыдущем случае мы наблюдали ограничение движения в одном определенном направлении, то в последнем примере запрет возник на движение во *всех* направлениях, кроме одного: того, куда побежал заяц. Раз выбор стал однозначным, то это уже не выбор, а предопределенность, возникшая на стыке внутренней потребности (голода) и внешней ситуации — средства его утоления. Мы пришли к понятию *ситуационно-направленной воли*.

Откушавши, волк вернулся к краю обрыва, на другой стороне которого его ожидает волчица. Когда выбор ограничен двумя возможностями (прыгать или повернуть назад), а результат действия не определен, возникает борьба между ситуационно-ограниченной и ситуационно-направленной волей. Такой процесс характеризуется понятием *альтернативной воли*.

Моделирование волчьей жизни можно было бы продолжить, но не оно является целью настоящей главы. Дело в том, что традиционно мы любые действия склонны приписывать самому волку (или человеку), хотя в действительности далеко не всегда он выступал, как субъект, как инициативное начало.

Свободная воля, то есть 100-процентная инициатива, была присуща волку только тогда, когда он был сыт и доволен. Во всех иных слу-

чаях его действия были предопределены *контактом* объективного и субъективного начал. Ни волк сам по себе, ни внешняя реальность, а «*контакт*» выступает в качестве субъекта действий. (Так, химическую реакцию создает контакт двух и более веществ).

Транспонируя видовое поведение животного на «человека разумного», можно сделать вывод, что каждый «кадр» общественного бытия определен «контактами» между индивидами внутри экологической и исторической ниши.

Предложенная концепция *противоречит* традиционной склонности мыслителей *приписывать статус* общественных отношений действию лишь одной из сторон «контакта»: *работе* «чистого разума» или *выражению* свободной воли отдельного политика, или *проявлению* интересов отдельной партии, или *менталитету* отдельной нации и т.п.

Как отдельный кадр истории, так и историческая лента в целом суть объективны в своей интенции в том смысле, что *субъектом истории* являются не разум и воля индивидов, но *контакт между психофизиологическим, видовым, естественным началом и внешней ситуацией*, которая или вообще не зависит от людей, или, будучи созданной людьми, уже вышла из-под их контроля.

С другой стороны, если все в природе взаимообусловлено и стеснено ограничениями, то откуда вообще могла возникнуть *проблема свободного волеизъявления*? Цивилизация, как нам представляется, оказалась способной создать особо благоприятные условия для жизнедеятельности некоторой общественной прослойки (господствующих классов) или отдельных личностей (властителей), что позволило ослабить тесноту связи между потребностями и направленностью действий. *Отсюда и возникло представление о личной свободе, представление, целиком порожденное эпохой цивилизации.*

Напротив, полная *ответственность*, как понятие противное свободе и комплементарное к нему, есть выражение личной зависимости, незащитности, неотвратимости возмездия. Это чувство присуще классам зависимым и угнетенным.

Итак, свобода воли существует, но эта свобода ограничена объемом и содержанием располагаемой информации и физиологическими рамками работы мозга.

Так, командир отряда располагает лишь той свободой, которую ему предоставили. Принимая решение в указанных рамках, он, опять-таки, вынужден считаться со множеством объективных условностей и по-настоящему свободен лишь в выборе одного из *равнозначных* решений. В последнем случае свобода воли смыкается с *безразличием*. Здесь действительно нужно проявить волю, чтобы не оказаться в положении Буриданова осла.

Уместно отметить, что существуют обстоятельства, *уничтожающие волю* как таковую, так что говорить о степени ее зависимости от обстоятельств не приходится. Различные мании, парализующие волю. Токсико-, нарко-, клипто-, игромания — вот примеры того, как философия терпит поражение от физиологии.

С другой стороны, вопрос свободы воли — это вопрос о том, должна ли *социальная изменчивость иметь причину*. Если *должна*, то ответственность обычно возлагают на власть. Если *не должна*, то рушится принцип ответственности, а с ним и основы юриспруденции.

Социология не делает различий между объективной *исполнимостью* решений и субъективной свободой их принятия (*выбора*), из-за чего возникает теоретическая путаница. Так, решения министра *исполняют* значительно точнее и чаще, чем решения рабочего, но это обстоятельство не относится к свободе выбора решений. Однако кажется, что министр более свободен именно в принятии решений.

Если свобода воли — это *произвол* в принятии решений, то полезное решение может быть принято только случайно. Но обычно под свободой понимают отнюдь не произвол, а *разумность* — то, что каждый «эксперт» волен толковать по-своему.

Обратимся в этой связи к проблеме сравнения общественных формаций между собой. Где здесь свобода воли, а где слепой детерминизм? Тут возникает трудность. Пока не определена мера *взаимопревращаемых* явлений, до тех пор не может быть уверенности в объективности устоявшихся представлений. Но нашла ли политическая экономия такую структурную единицу, с помощью которой можно было бы измерить и сравнить, например, капитализм и социализм?

Чтобы как-то продвинуться в нужном направлении, введем целевое понятие «*степень проблемности*», как необходимость принятия жизненно важного решения в ситуации возможного выбора.

Раб, как известно, лишен необходимости выбирать, (т.е. имеет нулевую *степень проблемности*), так как за него все решает рабовладелец. (Известно и иное определение рабства, как «формы выдавливания человека из его среды» (Али Абд аль-Вахид Вафи). В таком определении рабу отведено исключительное, ни с чем не сопоставимое, потустороннее место в обществе).

Крепостному присущи, на наш взгляд, две *степени проблемности*, так как, во-первых, ему нужно заботиться о своей семье и, во-вторых, ему нужно обрабатывать свой участок земли. Что касается барщины, оброка и пр. — там выбирать не приходится.

Социалистический колхозник получает дополнительную (третью) возможность что-либо украсть с общественного поля или скотоводческой фермы.

Социалистический рабочий имеет уже четыре *степени проблемности*:

- 1) забота о семье;
- 2) выбор профессии;
- 3) выбор места работы (ограничен по сравнению с выбором буржуазного рабочего);
- 4) выбор места жительства (ограничен по сравнению с выбором буржуазного рабочего).

Капиталистический рабочий имеет пять *степеней проблемности*. По сравнению с социализмом добавляется ограниченный выбор между наемным трудом и предпринимательской деятельностью.

Отметим, что в отличие от рабочего, солдат и заключенный тяготеют к *рабоидному* типу, так как имеют нулевую степень необходимости выбора, у офицеров всего две степени *проблемности*: забота о семье и продвижение по службе и т.д.

В то же время «тех, кому *нравится думать*, будто успехи науки и технологии, накопление знаний, экономический рост, одним словом «прогресс человечества», непременно ведет к большей свободе, *возмущает*, что для женщин все было ровно наоборот, по крайней мере до недавних пор» (Д. Гербер. «Долг: первые 5000 лет истории», 2015). «Если обратиться к историческим фактам, по-настоящему, примечательно то, что рабство уничтожалось — или фактически уничтожалось — много раз» (*ibid*).

Так, простая постановка вопроса о противопоставлении воли детерминизму способна привести к выявлению глубинных форм социальных отношений.

Раздел 19. ПРОГНОСТИКА В ОБЩЕСТВЕННОМ ПРОЦЕССЕ

Основы прогнозирования

Если поиски причины есть способ установления связи явлений ретроспективно, то составление прогноза есть путь отыскания связей в перспективе.

Прогноз есть частичное знание, согласно своему понятию, поскольку будущее, взятое за достаточно большой промежуток времени, неопределенно. Оно не определено не только в отношении ограничено моделирующей способности человека, но и любой другой (нечеловеческой) моделирующей системы, то есть системы, «прокручивающей» образ событий быстрее, чем они бы развивались на самом деле.

Более того, нам представляется, что говорить о связи времен вне понятия модели бессмысленно, ибо время, взятое вообще, едино и не имеет границы между прошлым и будущим. Так же бессмысленно рассуждать об истинности вне познания.

Так, вне конкретной политической модели бессодержательной представляется постановка вопроса: «Определяет ли социальный статус сегодняшнего дня день завтрашний»? Если, например, моделируем нынешнее политико-экономическое положение в Украине, как начальную фазу процесса разгосударствления полукрепостнической экономики, то и набор возможных вариантов «завтрашнего дня» следует брать из истории государств, преодолевших этот барьер. Если же мы оцениваем нынешнее состояние, как модификацию социализма, то и поле вариантов «развития» находится в прошлом.

Вообще, отношение времен удобно сравнить с работой музея. Его экспозиция — это настоящее-актуальное, а бесконечное хранилище — настоящее-потенциальное. Смена экспозиции есть непрерывный процесс перехода от настоящего к будущему, а частичный возврат экспонатов в хранилище — «формирование» прошлого. Поскольку же обновляют не все экспонаты, постольку настоящее частично присутствует в будущем. А поскольку часть вещей повторно возвращается в экспозицию, постольку прошлое присутствует в настоящем.

Прошлое, настоящее и будущее — не состояния, но процессы, переходящие из одного в другой. Если бы будущее не включало в себя элементы настоящего как некий инвариант для сравнения, то не могло бы возникнуть и ощущение процесса.

Непредсказуемость будущего в приведенной аналогии означает, что не известен бесконечный перечень хранящихся экспонатов, но известно лишь кое-что из того, что когда-то экспонировалось и было возвращено в хранилище.

Поэтому будущее в какой-то мере не знает самого себя.

Не только человеческий мозг обладает способностью прогностического моделирования. Прогнозирование — это момент природы вещей.

Геном моделирует будущий организм... Принято почему-то считать, что в геноме заложен код будущего организма целиком. При этом выпадает из виду то, что развитие организма есть взаимодействие генома с окружающей средой. Если предположить, что в геноме заложен полный образ будущего организма, то в числе ее элементов должен быть и прообраз будущего генома (самого себя), в котором, естественно, должен содержаться прообраз генома третьего поколения и так до бесконечности, что абсурдно с чисто логической точки зрения. Посему зародыш жизни не мог возникнуть вне условий ее существования, например в жерле вулкана, и т.п.

Однако тогда остается не решенным другой вопрос: «Если в яйце не заложен образ будущей бабочки, то тогда откуда он появляется в гусенице»? Это возможно лишь в том случае, если будущая конструкция создается природой непрерывно (то есть геном не первичен в цикле воспроизводства жизни). Природа, таким образом, трудится непрерывно, а не только пожинает плоды прежних своих достижений.

Но подобные рассуждения опасны для постижения истины. Их опасность состоит в том, что они подобны апориям Зенона Элеата.

В отличие от гаданий

Предсказуем ли общественный процесс? Это легко проверить, попытавшись угадать историческое прошлое. Это также можно выяснить, попытавшись доказуемо спрогнозировать день сегодняшний, исходя из обстоятельств столетней давности.

Способна ли теория общественных отношений, культуры вообще, забегать вперед их развития? Это было бы возможно (хотя бы в принципе), если бы будущее человечества содержалось в его прошлом. Хотя будущее не содержится в прошлом, по крайней мере в плане каузальных связей, однако частичная связь все же прослеживается. Поэтому, казалось бы, некоторая возможность предвидения каких-то черт будущего должна бы существовать. Однако примеров тому вы в истории не найдете. Даже содержание всевозможных социалистических утопий, как оказалось, способно «предвидеть» лишь некоторые моменты ретроспективы — тот путь, который отсталым народам еще предстоит пройти.

Дело в том, что прогнозируемость присуща лишь необходимым процессам, то есть имеющим единый стержень. Напротив, история общества (как и история превращения типов и видов животных)

не может быть прогнозируемой, ибо *ее процессами движет не необходимость, но лишь достаточность.*

Одно дело ретроспективная каузальность, когда в прошлом мы находим истоки настоящего, другое — перспективная, когда требуется определить, какое из существующих явлений получит дальнейшее развитие и какой оно примет облик под влиянием множества неизвестных факторов.

Посему вопрос не в том, можно ли прогнозировать общество будущего, но в том, почему это не удастся в целом и систематически, но удастся в частностях и случайным образом.

Например, вы создали трехминутный кинофильм из жизни колонии муравьев неизвестной популяции, пока они не успели убежать из своих гнезд. Спрашивается: «Можно ли доказательно воссоздать быт этой популяции в целом»? — Ответ отрицательный, ибо известен лишь один способ изучения муравьиного общества — полноценное наблюдение, что исключал предложенный эксперимент. В то же время всего по нескольким найденным зубам удастся сделать предположение об образе жизни вымершего животного. Однозначного ответа нет.

Невозможность прогнозировать означает, что:

1) общественная жизнь не обладает прогностическими свойствами;

2) в социальной области не удастся обнаружить достаточно устойчивые связи, как это позволяют делать некоторые естественные науки.

Даже такая простая вещь, как ежегодное прогнозирование объема производства мирового продукта опирается исключительно на *предположение об инерционности существующей динамики роста.* Никакой устойчивой зависимости между явлениями и процессами, генерирующими экономические изменения, обнаружить не удастся. Попытки (изначально ошибочные) обнаружить такой закон «ощупью» (например формула Кобба—Дугласа) оказались несостоятельными. Для понимания существа философских претензий к экономической науке предложим *формальный* пример научной формулировки экономического закона: «Ускорение изменения валового мирового продукта пропорционально уровню безработицы и обратно пропорционально доли населения в опережающих странах, отнесенной ко всему населению планеты». Отличительная особенность такой формулировки в том, что она связывает динамические параметры со статическими — всегда располагаемыми. Сформулированный подобным образом закон (если бы он оказался истинным) позволял бы делать условные экономические прогнозы. Но нет же таких законов. Вместо этого ши-

роко распространены методы, пролонгирующие прошлые тенденции на будущее. Но инерционность экономических процессов не из чего не вытекает и ничем не подтверждена. *Экономическая инерционность случайна*. Такие «модели» нельзя назвать прогностическими. Это чистое гадание, «обеспеченное» медленно изменяющейся скоростью развития.

К понятиям акциденции и прогноза

Случайные процессы не прогнозируемы по определению. Но степень случайности зависит от уровня рассмотрения. Так, отдельные календарные события настолько случайны, что не поддаются прогнозированию, но множество однородных событий, происшедших за достаточно длительный период в среднем, менее случайно, а значит, до некоторой степени прогнозируемо. Усредненное определенным образом множество случайностей называют *вероятностью*. Показатель вероятности тоже меняется случайным образом, но в меньшей степени, чем отдельные события. Преобразование множества случайностей в показатель вероятности наступления события означает переход от неустойчивой модели к более или менее устойчивой.

Но более или менее устойчивую связь между отдельными последовательными событиями в макроэкономике выявить не удастся. Скорее всего, она объективно отсутствует. Напротив, между фазой возникновения вихря (циклона или антициклона) в Атлантике и погодой в Европе прослеживается четкая причинная зависимость, которая, правда, уже спустя две недели становится чисто случайной. Поэтому краткосрочные метеорологические прогнозы возможны, а макроэкономические — нет.

(Интересно отметить, что Солнечную систему также относят к категории слабо прогнозируемых нелинейных динамических объектов. Так что сама природа не знает, как изменятся орбиты планет через какие-нибудь несколько миллиардов лет).

Прогнозируемые объекты сами по себе есть редкая случайность. Большинство объектов не прогнозируемо. Задача исследователя состоит не столько в том, чтобы различать прогнозируемые и не прогнозируемые объекты, сколько в том, чтобы из непрогнозируемого объекта сконструировать прогнозируемый.

Так например, нельзя предвидеть, в какой месяц или год возникнет очередной мировой кризис, однако известно, что за последние 200 лет суммарная продолжительность среднесрочных мировых кризисов составляла 40 лет, или 20%. Эта величина устойчивая, что позволяет сделать вероятностный прогноз на последующие 50 лет. (Мировым

принято называть кризис, если хотя бы в нескольких передовых странах Европы или Америки снизился показатель внутреннего продукта). В то же время разброс кризисных состояний по странам мира столь велик, что не позволяет составлять корректные прогнозы на уровне отдельного государства. Напротив валовой мировой продукт снижался лишь дважды: в 1932 и 2009 годах, — и то незначительно, что позволяет уверенно прогнозировать хотя бы направленность мирового экономического процесса.

Так, можно уверенно прогнозировать неуменьшение объема мирового продукта в 2018 году, но нельзя то же самое утверждать относительно любого отдельного государства и т.д.

Даже тектонические процессы более прогнозируемы, чем макроэкономические. Неплохо «работают» вероятностные прогнозы землетрясений, составленные для разных регионов мира. Благодаря такому знанию, существует возможность выделения сейсмоопасных зон, в которых строят здания повышенной устойчивости *etc.* Напротив, создать надежный запас экономической прочности на случай кризиса не удастся ни на государственном, ни на международном уровнях. Но некоторые приемы регулирования, не основанного на календарном прогнозировании, давно применяют в экономике. Это и резервы производственных мощностей и сырья на предприятиях, и формирование потребительского резерва страны, и золотовалютные резервы казначейства и центрального банка, известные приемы финансирования бюджетного дефицита и стабилизации денежного обращения...

Однако не удастся составить календарный прогноз экономических кризисов, не удастся повысить качество прогноза ВВП хотя бы до уровня случайного перебора, превышающего 20% угадывания. Но виноваты в этом не экономические теории, такова природа общества. Непонимание существа проблемы выливается в бесплодные попытки бесконечного усложнения так называемых экономико-математических моделей прогнозирования, что равносильно поиску «философского камня».

Прогнозирование от возможного

Речь пойдет о методе прогнозирования, не опирающегося на анализ причин. Основанием для такого прогнозирования служат противоположные сущности: изменчивость и инертность.

Формулировка прогноза первого рода: «Если дождя нет, значит будет». Иными словами, то, что возможно, то и случится безотносительно к причинам.

Так, для Швеции, не знавшей войны на протяжении 300 лет,

можно прогнозировать войну; для США — крах финансовой системы и деградацию науки; для России и Китая — распад на отдельные государства. Будет ли доллар заменен на амеро или биткойны? — оба варианта возможны, наряду с третьим неизвестным. В демократической Украине, где парламент выражает консервативно-реакционную волю народа, напрашивается приход диктатуры, а вызванная затянувшимся кризисом эмиграция украинцев может обратиться иммиграцией китайцев и пакистанцев.

Невозможно предсказать, какие формы политических отношений придут на смену вооруженным войнам, но предвидеть такой поворот событий вполне допустимо. Уже в наше время диверсифицируются формы международного насилия: экономическая блокада, взламывание информационных сетей, нерыночное изменение цены на экспортируемую продукцию, проведение рестрикционной политики в отношении отдельной категории лиц и др.

Формулировка прогноза второго рода: «То, что уже зародилось, будет развиваться в дальнейшем безотносительно к причинам».

Например, следует предположить нарастание метеорологических аномалий, что приведет к переселению народов. Получит развитие торговля особо здоровыми людьми, чьи органы пригодны для трансплантации. Но ликвидацию планетарного голода (во всех его проявлениях) в обозримом будущем предположить трудно, ибо примеры тому отсутствуют.

Фатальность и прогноз

Фатальность означает, что природа обладает «памятью», содержащей план или алгоритм развития будущих процессов.

Чтобы составить прогноз, нужно вскрыть план, хорошо спрятанный природой. Прогнозирование в таком случае состоит в отыскании естественного плана природы.

Но наличие плана не обязательно для успешного прогнозирования. Открытие пошаговых алгоритмов конструирования событий (когда второй шаг не может быть сделан, пока не будут известны результаты первого) демонстрирует возможность развития процесса совершенно определенным и весьма сложным образом и тогда, когда плана не существует. В этом случае прогнозирование сводится к ускоренному моделированию объективных процессов. Однако такой алгоритм сам должен где-то храниться, или реплицировать по мере развития событий. И то, и другое есть разновидности памяти. Таким образом, *фактор памяти является атрибутом фатальности и прогнозирования.*

Жизненный фатализм означает, что действия индивида лишь кажутся произвольными, тогда как ими нечто всецело управляет: не то природа, не то бог. Вопрос сводится к тому, подвластен ли индивид сам себе, когда его называют субъектом действий.

Раздел 20. ФИЛОСОФИЯ НАУЧНОСТИ

Общие положения

Пытаясь отделить не-науку от науки, философия тем самым наделяет разные науки общими признаками. *Общим признаком научности является честность суждений.* Признак честности — не критерий научности, не принцип, не метод отделения не-науки от науки, но момент ее определения как понятия.

Объем понятия научной честности много больший объема одноименной моральной категории. Это не просто внутреннее чувство, не только нравственная установка учёного, но результат непрерывной и сложной работы, тщательного и тонкого исследования. Даже простое отнесение той или иной теории или отдельных высказываний к категории научных (ненаучных) должно быть предварено сложными исследованиями.

Наука отличается от ненауки (псевдонауки, антинауки, паранауки, а также религии, эзотерики и прочей умозрительности) не принципами, не подходом и, даже, не методами, но добросовестностью, честностью, самокритичностью и открытостью, которые в полной мере способны проявить себя лишь в коллективном (общественном) мышлении.

При этом наука — поток (последовательность) полезных заблуждений. Она вечный вопрос и череда сменяющих друг друга ответов. «Очевидные» ляпсусы, обычно сопутствующие выдающимся открытиям, не должны вызывать раздражения и возмущения, ибо такова природа научности. Похожий посыл высказал Манфред в контексте одноименной поэмы Дж. Байрона: «Наука — обмен одних незнаний на другие». Но он выражает познавательный предел человека в сравнении с божественным промыслом, не касаясь историзма научного мышления.

Если, например, вы заявите, что «полагаете, что Землю посещают пришельцы, несмотря на то, что никаких доказательств этому нет» — это научный подход. Если же кто-либо станет утверждать, что «Землю посещают пришельцы, ибо это подтверждается многими фактами» — это уже ненаучный подход, ибо ни один из «фактов» недостоверен.

То, что «некая религия истинна в том смысле, что оказывает психологическую помощь некоторым людям в некоторых случаях», есть научное утверждение. Тезис, что «любая религия истинна сама по себе и поэтому готова помочь всем и всегда», ненаучен и т.п.

В детерминистских науках (точных, естественно-природных) любое исключение из правил разрушает теорию. Напротив, в неточ-

ных науках (о живой природе, искусстве, социальных) *редкость исключений подтверждает правильность теории*. Здесь-то и проявляется различие в образе мышления ученых, представляющих эти классы наук, при том, что наука как таковая едина.

Любой критерий истинности и научности предполагает, что сам автор критерия мыслит правильно и научно. Однако история науки не знает теорий всегда и во всем правильных. Даже, теорема Пифагора оказалась верной только в рамках евклидовой геометрии. И нет основания считать, что современные философские теории окажутся удачливее предшественниц.

Методы научных открытий носят условно-целевой характер. Не может существовать некий общий метод, который бы помогал исследователю решить произвольно поставленную им задачу без того, чтобы такая возможность исторически созрела, то есть без накопления человечеством новых знаний в самых разных областях, которые, как правило, имеют мало общего с целью ученого. Таков анамнез практически всех великих открытий. Когда «научная инфраструктура» созревает, тогда только реализуются таланты, которым выпала удача первооткрывателей.

Наука развивается между верой в науку и научным скептицизмом. Вера в науку — это вера в то, что наука знает то, чего она в действительности не знает, и эта вера способна принести человеку пользу! Скептицизм, с одной стороны умеряет масштабы практической деятельности, что позволяет избежать некоторых непоправимых ошибок, а с другой — позволяет науке развиваться.

Метод парафилософского и паранаучного познания, как и метод науки, имеет свои социально-психологические корни. В чем же он состоит? — Аудитории, которая не обладает специальными знаниями, внушают, что она способна быть экспертом во всем, что угодно, поскольку наука — якобы простая вещь. Таким путем перцепиента убеждают, что он умнее и образованнее, чем это есть на самом деле, тем самым оглушая его.

Но, вообще говоря, паранаучная деятельность — такой же срез человеческого бытия, как и бытие науки. Никому еще не удавалось проложить между ними демаркационную линию. Поэтому с философской точки зрения паранаука не может быть ни хуже, ни лучше науки: они рядоположные *объекты исследования* и постижения.

Влияние специальных наук на философское мышление

Науки, вообще говоря, можно подразделить на специальные и синтетические. Синтетические, междисциплинарные науки родственны то ли математике, то ли философии.

Определяющий признак математических наук — это формализация.

Определяющий признак философских наук — аналогия.

Определяющий признак специальной науки — гомология.

Такое разделение, однако, не означает, что между противоположными категориям наук отсутствует взаимодействие. Ряд открытий, сделанных специальными науками за последнее столетие, следует отметить как революционизирующие философские представления об обществе. Сюда отнесем, в частности:

1. Признание за некоторыми животными развитого в антропоморфном смысле мышления (гоминида, вороны, дельфины, слоны...). Это позволяет отказаться от понимания человеческой психики как исключительного явления, подобно тому, как в свое время отказались от исключительности геоцентризма.

2. Признание за некоторыми низшими животными (муравьи, пчелы) разумности общественной организации. Это наталкивает на мысль, что человеческая психика — вовсе не тот уникальный фундамент, на котором зиждутся законы общественной структуризации.

3. Открытие (осознание как таковой) разумной структурности некоторых явлений и объектов неживой природы (естественных и искусственных), как то: затейливый орнамент колец Юпитера; спиралевидная форма ряда галактик; работа программируемых электронно-вычислительных машин, способных играть в шахматы; химические волны Б.П. Белоусова — А.М. Жаботинского и т.п. Это заставляет полагать, что человеческий разум не уникален, но является моментом некоего «обобщенного разума», построенного на очень простых принципах. Речь идет об *общих принципах разумности*, а не о чем-то особо мудренном под названием человеческий мозг.

Заметим, что «обобщенный разум» есть понятие феноменологическое и одновременно нон-антропоморфное. Оно не имеет ничего общего ни с панпсихизмом в духе У. Клиффорда, ни с квантовой физикой разума Р. Пенроуза и С. Хамерофа и пр.

4. Столкновение культур кроманьонцев и неандертальцев на ближневосточном ареале в преддверии человеческой цивилизации. Отсюда можно *предположить*, что именно оно послужило причиной рождения человеческой цивилизации, *спавшей* беспричинно около миллиона лет.

5. Открытие феномена карго-культа в Меланезии, косвенно указующего на реальную подоснову религиозной и иной мифологии (Захария Ситчин) и раскрывающих психологическую природу *ненаучных* мотивов в самых, казалось бы, научных областях знаний (Р. Фейнман).

6. Раскрытие экономической сущности золотых денег, состоящей в ускоренном росте затрат на золотодобычу, опережающем ее расширение. Одновременно выявлена юридическая природа бумаж-

ных («вне золотого стандарта»), электронных и безналичных денег и денежных суррогатов (акций, облигаций). Все это позволяет отказаться как от примитивизма «теории редкостей», так и монизма «трудо-вой теории стоимости».

В 21 веке возник феномен криптовалюты (биткойны), общественная сущность которого до конца не выяснена. Ясно лишь, что эта наднациональная и внебанковская система безналичных расчетов действует в рамках гражданского права, в виде договорных отношений, имеющих технически бесспорное подтверждение, и одновременно базируется на феномене опережающего роста затрат на расширение эмиссии (подобно золотодобыче). При приближении масштабов эмиссии к наперед заданному пределу затраты на нее будут, по-видимому, превышать любые разумные пределы.

7. Осознание двойственной природы внешних капитальных инвестиций, заключающейся в том, что для перемещения капитала требуется не только заинтересованность капиталиста-донора, но и готовность страны-реципиента. Инвестиции осуществимы лишь в экономику такой страны, где тому нет препятствий, а именно страны с буржуазным (пусть только зарождающимся) укладом, определяющим моментом чего служит полноценное право частной собственности. Так, инвестиции в страны социализма и постсоветские страны, аграрные экономики Южной Америки и т.п. были и остаются минимальными не из-за пониженного интереса стран-доноров, но из-за сопротивления представителей крупного капитала этих стран, рискующих потерять феодальный контроль над своими капиталами.

8. Открытие случайной природы мировых экономических кризисов, что влечет за собой их непредсказуемость в календарном срезе и др. Это означает, что государственное и межгосударственное регулирование происходит в условиях неустранимой неопределенности.

9. Переосмысление ускоренного удешевления производства потребительных благ, создающего и стимулирующего спрос (а не наоборот). Пример — тысячекратное в течение нескольких десятилетий удешевление изделий электронной (компьютерной) памяти. Это обстоятельство ставит под сомнение осмысленность стоимостного анализа и лишает каузальной основы неоклассическую теорию спроса — предложения.

10. Раскрытие феномена эмиссионной инфляции как результата асинхронности инновационного экономического роста. Это показывает, как положительные тенденции в своем развитии приводят к отрицательным результатам.

11. Раскрыта двойственная природа смерти эукариот: 1) на генетическом уровне и 2) под воздействием среды обитания.

Предсказать влияние этих открытий на социальные теории трудно. Можно лишь ожидать, что они будут амбивалентными: как гомологичными, так и аналогичными. Современная философия — философия *постмодернизма* — выражает растерянность перед потоком нахлынувших извне идей, отмеченных большой сложностью и специфичностью, требующих переключения мышления с одного образа на другой.

О критериях научности

Перечислим наиболее известные критерии отличия науки от не-науки, как то:

«бритва» У. Оккама;

позитивистский принцип верифицируемости (опытное подтверждение высказывания);

принцип фальсифицируемости К. Поппера (теоретико-эмпирическая проверка высказывания на наличие ошибок, позволяющая опровергнуть высказывание);

«чайник» Б. Рассела;

принцип единственности (сводимый то ли к единственности истины, то ли к методологическому монизму).

принцип конвенционализма А. Пуанкаре, противоположный монизму;

принцип объективности. Принцип объективной научности — это желание ученого продвинуться в понимании природы вещей на полшага по отношению к известному, а также способность мыслить категориями и методами, соответствующими этому желанию;

принцип intersубъективной проверяемости. Научное знание считается обоснованным, если существует принципиальная возможность его проверки всем сообществом. И пр.

Любой критерий, согласно его понятию, формален, тогда как наука отлична от ненауки содержательно. Кроме того, а возможно, вследствие того, все эти и подобные им критерии на проверку оказываются логически противоречивыми. (Для демонстрации противоречия обычно используют прием обращения критерия самого на себя).

В то же время указанные мыслительные приемы можно рассматривать не как критерии, а как неатрибутивные свойства, расширяющие понятие науки, в чем и состоит их полезность.

Из перечисленных критериев научности остановимся более подробно на критерии К. Поппера — особо популярном из-за каверзости, присущей так называемым «обратным задачам», к решению которых он якобы применим. Теория, которую нельзя фальсифици-

ровать, считают ненаучной.

Критерий фальсифицируемости, по мнению ее автора, призван отделить науку от ненауки. Однако К. Поппер не определяет научность как таковую, так что нет оснований считать его принцип критерием именно научности. Правильнее считать, что Поппер предложил критерий, отделяющий объективизм от субъективизма. По сути, он предложил водораздел между двумя типами высказываний, под которыми угадывается два типа мышления, одновременно присущих каждому ученому. В таком качестве его критерий можно было бы только приветствовать, если бы не тезис о том, что субъективный способ мышления является синонимом антинаучности. То есть необходимо сначала стать объективистом в узком смысле, чтобы согласиться с К. Поппером. (Именно такой вид релятивного объективизма отстаивал В. Ленин в «Материализме и эмпириокритицизме»). Но в таком случае его критерий постулирует основание. Его критерий — всего лишь вмененный науке атрибут, а не нечто независимое от науки, нечто беспристрастное. С равным успехом К. Поппер мог бы в формулировке критерия поменять местами понятия «наука» и «антинаука». Другое дело, если рассматривать этот принцип не как критерий, но как определение (еще одно) научности.

Для сравнения дадим иные определения и критерии научности.

Так, согласно Р.Д. Коллингвуду, «Всякая наука начинается с сознания незнания».

Для обозначения «метанаучного» подхода Т. Куном было введено понятие парадигмы — «признанных всеми научных достижений, которые определяют модели постановки научных проблем и способы их решения». Именно на уровне парадигмы автор формулирует нормы отграничения научного знания от ненаучного. Заметим только, что здесь науку определяют через самоё себя.

И. Лакатос связывает вопрос отделения научных теорий от ненаучных с проблемой удовлетворительной методологии, что означает поиск не формального, а содержательного критерия отграничения научного знания от ненаучного. Но разве такое возможно, коль скоро критерий — антипод неформальности?

Наконец, согласно П. Фейерабенду, понятие научности всецело относительно как в историческом плане, так и в персональном срезе, меняясь от одного ученого к другому. Поэтому истинно научный метод — это когда «все дозволено», что означает, на наш взгляд, «выплеснуть воду вместе с ребенком».

Раздел 21. РАЗВИТИЕ И ДЕГРАДАЦИЯ В ИСТОРИИ

Общие определения

Изменчивость может быть хаотичной и однонаправленной. Направленная историческая изменчивость — это *развитие* или *деградация*. Под развитием подразумевают усложнение некой системы, под деградацией — ее упрощение. Но не все так однозначно. Усложнение (упрощение) — это *количественная* характеристика процесса, означающая накопление (разукрупнение) каких-либо признаков, свойств и пр. Но при однонаправленном процессе время от времени система или ее элементы изменяются *качественно*. Причем, изменение качества сопровождается усложнением системы в одних случаях и упрощением в других. Поэтому развитие не выглядит, как последовательное усложнение, но как хаотичное чередование сложного и простого. Однако сложность раз от разу возрастает в среднем.

Новое качество тоже бывает двух видов. В одном случае его можно представить, как измененное количество, что послужило основанием для формулировки диалектического «закона превращения количества в качество». В другом — такой связи обнаружить не удастся. Это и понятно, ибо в противном случае качество не могло бы фигурировать, как самостоятельное понятие, а было бы свойством количества. Качество не может накапливаться или разукрупняться. Поэтому качественная изменчивость не имеет направленности. Правда, процесс изменения качества все же может иметь количественную характеристику: это качественное (номенклатурное) разнообразие.

Противоположная точка зрения сводится к тому, что «ничто не ново под луной». Так что изменчивость иллюзорна. Философская мысль легко прослеживает аналогии между настоящим и далеким прошлым как в технических достижениях, так и в общественной организации. Она находит *общее* между пулей и стрелой, выпущенной из духовой трубки дикаря, между колесницей и автомобилем, хижинкой и дворцом, самокатом и гироскутером, между космической ракетой и ракетой для фейерверков китайского средневековья, а также между колхозом и сектой терапевтов, Всемирным банком и ростовщичеством древности, между рынком «форекс» и древними менялами, между узниками трудовых лагерей и рабами Древнего Египта, между современной и пуналуальной семьей *etc.* Отыскивают также параллели между фантастическим замыслом и его реализацией, как-то: между самолетом и ковром-самолетом, атомным подводным крейсером и подводной лодкой капитана Немо, между конструкцией современных космических ракет и математическими расчетами К.Э. Циолковского *etc.* Находят сходство и в известных теориях, например, между антино-

мией Рассела-Цермело и апорией Зенона Элеата, алгеброй Дж. Буля и силлогистикой Аристотеля, космологической теорией «Большого взрыва» и божественным началом, изложенном в «Танахе» *etc.*

Следует отметить, что приведенные примеры представляют собой *анalogии по функциональному признаку*. Все сравниваемые вещи признаны удовлетворять функциональные потребности человека, имеющие биологическое происхождение и потому носящие *внеисторический* характер.

На что указывают эти примеры: на ошибки мышления или фатальную условность человеческого развития?

Здесь отметим, что идентификация исторических инвариантов возможна не на всем промежутке человеческого существования. Первый качественный скачок произошел на рубеже неолита и палеолита, когда не было ни колес, ни стрел. Второй — на рубеже исторического и доисторического прошлого, когда не было ни философии, ни математики, ни письменности. Третий — на рубеже 19—20 столетий, когда не было ни атомной энергетики, ни космонавтики, ни компьютеров, ни средств электросвязи, ни открытий генетики... То есть мы отыскиали в процессе человечества всего три рубежа, когда не прослеживаются исторические параллели, когда нельзя утверждать, что «ничто не ново под луной».

Но как человек существовал, пока не придумал, чем и как удовлетворять природные потребности? — Так же, как и остальные животные. Здесь отметим, что человек — не единственное животное, которое изобретает вспомогательные средства для удовлетворения потребностей в течение жизни одного поколения. Кроме людей известны также сороки, слоны, обезьяны...

Многоликость общественного уклада

Как в человеческом зародыше можно увидеть жабры и хвост, в новом общественном укладе можно увидеть рудименты предшествующих эпох. Физиологические рудименты исчезают к моменту рождения, тогда как психические проявляются на протяжении человеческой жизни.

Так и текущий общественный уклад латентно хранит историческую многоукладность — рудименты истории. Попытки полностью элиминировать негативные проявления старины, вообще говоря, тщетны, хотя в частностях могут оказаться успешными.

Например, члены коммунистической партии (в основном партийная номенклатура) представляли новую привилегированную категорию граждан Советского Союза, но как сословие они были руди-

ментом феодализма, в чем-то подобным «почетным гражданам» или ненаследуемому дворянству. Как и при феодализме, принадлежность к сословию давала права, но не служила гарантией. Партийцы были неподсудны, им гарантировалось рабочее место. Только получив партбилет можно было претендовать на руководящую должность. Исключения лишь подтверждали правило. Со вступлением во властвующее сословие были известные трудности по национальному и социальному признаку... Заметим, что в послевоенный период (после гибели немногочисленного рабочего класса) большинство партийных должностей сверху до самого низу занимали выходцы из крестьян или горожане в первом поколении, которые сместили коренных горожан. Наибольшая чистка произошла по национальному признаку. Наряду с привилегиями, были и ограничения, например, невозможность свободного выбора местожительства и места приложения труда...

Ради справедливости заметим, что государство, даже самое демократическое, без сословий и кастовости невозможно, хотя их далеко не всегда удается распознать, в особенности, если смотреть изнутри. Так, уже в современных Украине и России восстановили некоторые формы кастовости, присущей средневековой, как-то:

ввели пожизненное судейство и, даже, вернули средневековый титул «ваша честь»;

в Украине ввели особый пункт в конституцию, защищающий честь и достоинство главы государства как будто он не является равноправным гражданином республики;

продолжает действовать введенный в 70-е годы 20 века особый закон по защите милиционера (более строгий, чем для остальных граждан);

высшее руководство страны объединяется в масонской организации;

сюда же следует отнести nepoтизм власти, или кумовство, и др.

Немного из эсхатологии

Философию всегда интересовали общие вопросы возникновения и гибели общества. Но подходы были разные.

Так, философы-финалисты прогнозировали необходимость гибели всего человечества или только отдельной цивилизации (Ф. Фукуяма, В. Соловьев...). Действительно, поскольку существовало начало цивилизационного (исторического) саморазвития, то должен наступить и его конец. Ведь начало, по определению, есть конец того, что было до того. Конец должен наступить по внутренним причинам, порожденным обществом. Каким будет этот конец, когда, и в чем он

будет состоять — это вопросы к фантастам, но бесспорно он будет катастрофическим.

Другие же считали, что история уже достигла оптимума и притом к моменту, совпадающему с рождением теоретиков (Г.В.Ф. Гегель).

Третьи, наоборот, полагали, что общество дошло до крайней точки, после чего все пойдет иначе, и именно им посчастливилось жить в переломный момент истории (утопические социалисты, К. Маркс, Ф. Энгельс, В.И. Ленин, А. Гитлер...).

В эсхатологическую концепцию также вписывается феномен сужения экологической ниши человека, принявший в 21 веке угрожающие размеры. Хотя этот феномен прослеживается давно, но именно теперь ускоренно прогрессирует.

Вопрос в том, как примирить эсхатологические концепции с представлениями о потенциально бесконечных возможностях человеческого мышления и его деяний. На него у философии ответа нет.

Является ли общественное развитие адаптационным?

Существующая организация общества обеспечивает воспроизводство популяции (и животных и человека). Но всегда ли так было? Теория адаптационного развития дает отрицательный ответ на вопрос. Предполагается, что структура общества, пошагово изменяясь, адаптировалась к способу его воспроизводства.

Так, натуралист застаёт общество термитов в виде вполне сформировавшейся структуры, но предполагает, что она до этого целенаправленно эволюционировала, чтобы обеспечить наилучшее воспроизводство популяции. Здесь следует обратить внимание на следующее. Определённую последовательность действий (событий) следует считать целенаправленной, если существует предварительный план последовательности событий и проект целевой ситуации. Планирование же предполагает ситуацию, когда простое создается сложным. Поэтому телеологизм предполагает антропоморфизм. Однако антропоморфное представление, нельзя признать научным *ab ova*, ибо не существует ни плана, ни проекта развития популяции термитов.

Но возможен ли человеческий образ мышления, свободный от антропоморфизма? Религия знает ответ на все вопросы, в том числе и на этот: человек, в отличие от бога, не способен что-либо понять. А что говорит философия? Рассмотрим два простых примера.

Посмотрим сначала, можно ли без использования антропоморфных представлений охарактеризовать, например, работу печени. С точки зрения антропоморфизма печень очищает кровь от вредных

примесей. Для этого сначала должны были возникнуть вредные примеси, а вслед за ними образовался и аппарат очистки — печень (что само по себе нелепо). При этом сначала печень плохо справлялась с задачей, но постепенно ее устройство самоулучшалось, что означает адаптационное развитие...

Но зададимся риторическими вопросами:

1. Как печень узнала, что примеси вредны для организма?
2. Что заставило печень целенаправленно изменять свою структуру?

Иными словами, невозможно описать работу *немыслящего* органа (печени) без использования антропоморфных представлений, да и неудовлетворительность такого описания налицо.

Обратимся теперь к еще более простой модели, для чего рассмотрим пример телеологической связи, присущей *неживой* природе. В метagalacticke одновременно существуют миллиарды звезд типа сверхновых. Продолжительность жизни каждой сверхновой составляет всего несколько дней. Для их возникновения должны непрерывно взрываться так называемые «белые карлики», которые, в свою очередь, возникли в результате многократных и многосложных превращений небесных тел иной природы. *Чтобы обеспечить воспроизводство сверхновых*, должно было миллиарды лет существовать великое множество иных небесных тел, занятых последовательным превращением одного в другое. Таким образом, непрерывное образование сверхновых является односторонним процессом, а значит, к нему может быть применима логика целеполагания. Однако план процесса и проект конечного состояния отсутствуют, поэтому, по сути, это не направленный на результат процесс, хотя и кажется таковым. Но тогда это не целеполагание, а *закономерность*, обусловленная одинаковой природой космических сил.

Та же проблема возникает при моделировании общественных процессов с использованием категорий цели, адаптации, развития. Рассмотрим в качестве примера известные тезисы, приписываемые Ч. Дарвину, как-то:

- «борьба за существование»,
- «естественный целенаправленный отбор» и
- «адаптационная эволюция».

Они ничего не объясняют, но создают иллюзию понимания, благодаря простоте формулировок. (Попутно заметим, что теология потому избрала дарвинизм объектом своей критики, что увидела в нем конкурента, нашедшего простые ответы на сложные вопросы). Но здесь есть тонкость.

Одно дело — научная гипотеза Ч. Дарвина об изменчивости

видов, другое — постулирование ее причины. Одно дело — гипотеза о превращении простых организмов в сложные (а не наоборот), другое — ее телеологическое объяснение. Одно дело — идея Г.В.Ф. Гегеля о развитии (то есть односторонности) истории, иное — объяснение этого феномена развитием духа и т.п. Иными словами, одно дело — открыть явление природы или общества, иное — дать ему мнимое объяснение за неимением лучшего. Сказанного достаточно, чтобы сделать негативный вывод: природа общественного развития не может быть такой, какой ее обычно представляют. Это открытая проблема.

Особый путь избранного народа

В царской России, даже народы с наиболее продвинутыми укладами, тяготели к полудикому состоянию. Курные избы просуществовали в центральной России до начала 20 века, тогда как в странах Западной Европы — только до 13. Земляные полы и поныне можно встретить в деревнях России, Украины, Беларуси. Однако начиная с 18 века, дух первооткрывательства — признак мировой науки — не был чужд России как метрополии, хотя не мог возникнуть ни в одной из многочисленных колоний.

Перестройка общественных укладов, охватившая Европу в 19 — начале 20 века сопровождалась повсеместно народными восстаниями социалистического толка. Но прижиться социализм смог лишь там, где для него сохранилось культурное основание — полудикость народа. В этом феномене проявилась избранность народов России их особый путь в истории.

Формирование социализма в России — это одновременно:
шаг назад к крепостничеству;
шаг вперед к буржуазии;
иной путь на исторически коротком отрезке времени.

Отличный от Запада путь определялся не национальными особенностями разношерстных народов России, но неразвитым укладом, бытом, производством, культурой. Социализм способствовал цивилизационному взрыву. Именно социализм вырвал народы России из состояния полудикости и варварства. Другое дело, что все это давалось ценой неисчислимых жертв.

Существенным моментом социальных преобразований стала эмансипация женщин. Речь идет об эмансипации в общенародном аспекте, как это имело место в Западной Европе. В верхних слоях общества женщины были эмансипированы во все времена и при любых укладах, хотя и не при всех политических режимах. Так, в СССР партийное руководство, директорат состояли почти исключительно из

мужчин. В постсоциалистический период эмансипация распространилась, казалось бы, на все слои общества. Однако и сейчас женщину на государственный пост ставят в качестве одолжения, податки мировому общественному мнению, чтобы ею легко можно было негласно управлять для прикрытия непопулярных поступков властвующих мужчин.

Социализма уже нет, но особый путь остался. Это путь продолжающейся цивилизации полудиких народов.

Информационный взрыв в живой природе

В какой-то момент человеческое общество начало развиваться, то есть расширять экологическую нишу и создавать искусственную надстройку к ней. Если на этапе первобытности память человека хранила информацию только об окружающей природе, то в результате культурного взрыва человечество стало накапливать в памяти информацию о продуктах собственного творения, как необходимое условие саморазвития. Информационно-биологический взрыв касается живого вообще, но реализован в одном виде — в виде развития человеческого общества. Это произошло приблизительно 10—15 тысяч лет тому назад на севере Африки, но, возможно, также и в Америке. Был дан толчок (или произошел скачок — как результат длительного накопления внутреннего напряжения) развитию суто человеческого феномена — интеллекта. Возник процесс самоускоряющегося развития отношений «человек—природа», «человек—человек», «человек — искусственные создания» и «искусственные создания — природа».

Ясно, что этот процесс должен, имея начало, иметь и конец в виде свертывания информации — «информационного коллапса».

Раздел 22. НАУЧНЫЙ УТОПИЗМ, ИЛИ СОЦИАЛЬНАЯ ОПТИМИЗАЦИЯ Оптимум или благо?

Можно желать накормить весь мир, надеяться, что большая часть населения защитит ученую степень доктора наук или все поочередно станут чемпионами мира по прыжкам в высоту и прочие суто конкретные вещи. Но невозможно желать блага (хоть всеобщего, хоть для избранных), ибо само понятие не определено.

Все социалистические проекты всегда содержали, так или иначе, двойственную идею. Во-первых, они предлагали конкретные изменения общественного устройства. Во-вторых, в них утверждалось, что это будет хорошо.

Философский вопрос заключается не в выяснении того, насколько социальный проект реализуем и действительно ли его реализация даст ожидаемые результаты, но в том, можно ли эти результаты считать благом и в каком смысле.

Парадокс в том, что идеи, изложенные в подобных учениях, направленные по замыслу их авторов на достижение всеобщего блага (или, хотя бы, блага для большинства людей), оказались реакционными в своей основе, вопреки свободомыслию их авторов. Тем не менее, социалисты-утописты оказались провидцами. Но реализация тех или иных утопических идей (что стало возможным в отсталых странах) проявила их антигуманную направленность.

Оптимальный утопизм

Вообще говоря, идея социальной адаптации стара, как мир.

Так, стоический космополитизм древних определял цель человека как жизнь в согласии с природой. У стоиков речь идет не о равенстве как таковом, но о моральном равенстве (свободомыслии) и равноправии всех: рабов и рабовладельцев, греков и варваров, мужчин и женщин.

Утописты 16—17 веков (эпоха Ренессанса): Т. Мор (трактат «О наилучшем государстве») и Т. Кампанелла («Город Солнца») — сочинили сказки о том, что было бы хорошо, но, увы, недостижимо. Подобные фантазии — скорее попытка сформировать точку зрения для критики текущей реальности, а не призыв к осуществлению.

18 столетие — век Просвещения — озаменовалось идеей «здорового смысла». Это, прежде всего, французские социалисты: Ж. Мелье (священник-атеист, идеолог общины-коммуны), Э.-Г. Морелли (счастливое общество существовало в прошлом, а зна-

чит, его можно воспроизвести и будущем) и Г.Б. Мабли (предлагал уменьшить экономическое неравенство законодательным путем; нравственность против разума). Общая идея: достаточно понять, что есть хорошо, чтобы таковое самореализовалось.

19 век: Р. Оуэн (безуспешно пытался на практике показать, что оптимальное общество возможно), А. Сен-Симон, Ш. Фурье, К. Маркс, Ф. Энгельс. Они предлагали различные конструкции оптимального общества, которое можно и следует построить (социалисты) или которое должно наступить само собой, если этому помочь (марксисты). Правда, следуя логике классиков марксизма, общество лишь в среднем движется к лучшему, время от времени давая сбой. (Читайте, например, «Крестьянская война в Германии» Ф. Энгельса).

Существует два противоположных взгляда:

1. Счастливых эпох никогда не было, и быть не могло. Удовлетворенность настоящим означает остановку в развитии.

2. Общества наилучшего благоденствия возможны, но только как локальные и кратковременные. Пример тому — империя древних инков и скандинавские страны в наше время. Их благоденствие не самопроизвольное, но подпитывается ущербным окружением. Будущего у таких обществ нет.

Заметим, история социалистических учений отчасти подобна истории космогонических теорий. И там и тут имеем ряд несуразностей, которые со временем раскрываются, чтобы быть замененными новыми. При этом, однако, момент истины присутствует всегда.

Утопия или законотворческая деятельность

Социальное учение (гуманитарное или человеконенавистническое) в чем-то подобно проекту конституции. Его задача — описать правила поведения в оптимальном обществе. Проект конституции — это формализованное социальное учение. И то и другое преследует определенные социальные цели. Но есть и отличие. Некоторые положения конституции поддерживаются властью на регулярной основе, чего не скажешь о литературном труде, который есть разновидность идеологии. При этом наука остается безразличной к выбору социальной цели. Ведь нет такой науки, которая бы отдавала предпочтение наемному труду против рабского, либеральному режиму против тоталитарного, демократическому правлению против автократического и т.д.

С точки зрения философии любые социальные учения и проекты конституций утопичны, то есть ненаучны, поскольку цели социального устройства находятся вне научной области. Даже такая, казалось бы бесспорная цель, как сохранение человеческой популяции, не явля-

ется научной: ведь природа ничем не обязана человеку, а тот не обязан сохранять природу (вопреки наивным убеждениям экологов).

Интересно отметить, что К. Маркс, чувствуя бездоказательность учения о пролетарской революции, попытался объединить приспособительное и целевое начала социальной изменчивости, что назвал материалистическим подходом. (Прежние мыслители не делали и этого). Он построил метатеорию, где постулировал, что практика важнее теории. Интерпретировался же этот постулат так, что его социальная идея не требует доказательств, оставаясь научной. Вот суть учения:

во-первых, коммунизм неизбежен;

во-вторых, коммунизм — светлое будущее человечества, к которому оно почему-то обязано стремиться;

в-третьих, момент поворота истории к светлому будущему оказался чудесным образом приурочен к тому периоду, когда жил мыслитель.

Если наступление коммунизма неизбежно, то возникал вопрос: «Зачем нужна революционная деятельность»? Ответ был найден самим К. Марксом: «Чтобы помочь мукам родов». Но это намерение (как и всякое другое) не вытекает из научной теории; оно суть чисто моральное. (Заметим попутно, что метод Маркса подпадает под определения современной «теории аргументации», или неформальной логики, о которой говорилось ранее).

Марксово учение было не то, что более разработано, но, в отличие от иных, получило, казалось бы, свое подтверждение. Однако это не более, чем распространенное заблуждение. Ведь суть социального прогноза Маркса вовсе не в наступлении социализма любым путем. Социализм должен наступить в самой передовой станы мира, как следствие *развития капитализма* ... после того, как весь мир станет достаточно цивилизованным. Превращение отсталой феодальной страны (России) в социалистическую *никак* не следовало из его учения. *Вопреки учению*, социализм возник и получил некоторое распространение именно в отсталых странах, как промежуточная ступень их движения к капитализму. Социализм оказался не шагом к коммунизму, но своеобразным шагом к капитализму в условиях многоукладности мира. Своеобразие перехода заключается в откатах к условиям крепостного права.

Кроме того, Марксов социализм был концепцией прогресса и счастья. Отчасти совпадая по форме, советский социализм противоречил своей идее по сути. (Так называемый «социализм» в современных скандинавских странах не имеет отношения к социальным идеям утопизма).

Раздел 23. ПАРАГЕНЕТИЧЕСКАЯ СОЦИОЛОГИЯ И ИДЕОЛОГИЯ

Этническое разнообразие и ассимиляция

В наше время в мире насчитывается 226 государств и от трех до пяти тысяч этносов, шесть тысяч языков, разделенных на двенадцать языковых семей.

Известны три основных подхода к вопросу о разделении общества на этносы: 1) *примордиалистский* (немецкая классическая философия); 2) *инструменталистский* (философия французского просвещения); 3) *конструктивистский* (феноменологическая философия Э. Гуссерля). Все они, однако, изучают процессы смешения уже состоявшихся этносов, но не их образования. Как возникало разнообразие этносов (родов, племен, народностей, наций) можно только догадываться.

Здесь заметим: если бы существовал один-единственный этнос, то и понятие такое возникнуть не могло бы. Оно совпало бы с видовым понятием «человек». Иными словами, формирование особых этносов из однородной популяции (хотя первичная однородность не доказана и, вообще, сомнительна) и их последующее нивелирование должны были происходить одновременно. Процесс этнообразования происходит и в наше время. За мощными потоками этнографической ассимиляции и аккультурации и тонким ручейком реассимиляции можно наблюдать непосредственно.

Чем завершится ассимиляция и завершится ли когда-либо? — Ответ на этот вопрос, опять-таки, лежит в области фантазии. Однако ясно, что сокращение числа этносов снижает устойчивость человеческого общества к воздействию внешних факторов. Обстоятельства могут обернуться самым неожиданным образом, например так, что смогут выжить только племена антропофагов, и т.п.

Этническая принадлежность — далеко не единственная отличительная особенность, присущая людям от рождения, как может показаться на первый взгляд. Сюда в равной степени следует отнести и социальные феномены, как например, наследственное рабство, крепостное состояние, кастовые различия, статус иммигранта... На это обстоятельство обратил внимание еще Гегель в лекциях по эстетике.

Это сфера знаний остро политизирована, и поэтому научные изыскания изначально идеологизированы, а значит, их результаты искажены. Скудность научной информации не позволяет развернуть философскую дискуссию в полной мере.

Феномен общественной мизантропии

Проявления мизантропии многообразны. Начнем с генетической ксенофобии как инструмента политической борьбы, а именно — с национализма.

Идеология национализма «облагораживает» политические устремления, сводя их к извращенному чувству. Политики облачают своего врага, жертву репрессий в жупел национальности, обвиняя, таким образом, его в генетической порочности. В противном случае пришлось бы раскрыть собственный политический интерес — интерес тотального господства.

Так например, немецкие нацисты соединяли в одном понятии коммунизм и еврейство, а неофашисты, интегральные националисты и пр. рассматривают гитлеризм как разновидность сионизма. В неуютном политическом деморализованном обществе ищут следы инородной крови и пр. (Об антисемитизме мы говорим не с позиции мнимой исключительности евреев, но потому, что в нем более ярко проявляется сущность национализма вообще).

Известный феномен «антисемитизм без евреев» вызывает недоумение у тех, кто причиной антисемитизма считает особенности национального характера, род занятий, особенности религиозной веры, незаслуженно высокое материальное и социальное положение и т.п. Между тем, этот феномен объясняется повышенной внушаемостью, присущей обществу, оказавшемуся в ситуации длительного стресса. Известен исторический курьез, когда власти Японии в конце Второй мировой войны для ведения сепаратных переговоров с США пытались использовать шанхайских евреев, не сомневаясь в могуществе организации мирового еврейства, существование которой оказалось мифом.

Вообще говоря, безосновательная вера (во что бы то ни было) непобедима, поскольку она — кратчайший путь к познанию. Что удивительного, если государственные лидеры большинства стран мира верят в телепатию, телекинез, астрологию? Что уж говорить о вере в официальную науку? В частности, все они считают себя знатоками таких наук, как экономика, финансы, политология, социальная психология и т.п., где на одну здравую мысль приходится десять заблуждений. Того же свойства вера в политизированные мифы.

Мифы заразительны и живучи. Уже в наше время С.Г. Кара-Мурза пишет: «Власть денег, мамона являются всемирной властью еврейства. Этот неоспоримый факт не противоречит тому, что значительная, даже большая часть еврейства и донныне пребывает в глубокой нищете». Действительно, нельзя оспорить то, что недоказуемо. Почему это исламский заговор возможен, русский возможен, а

еврейский — нет? А то, что последний не идентифицирован, так-ведь он секретный. Ответа на эти вопросы нет и быть не может. Но этого и не требуется. Достаточно предположения о возможном, чтобы в действительности преследовать «нацию заговорщиков», ... но не каждую, а только еврейскую, как наиболее малочисленную и наименее защищенную.

Феномен «антисемитизма без евреев» отчетливо показывает, что объект преследования с его социальными, национальными, религиозными особенностями здесь ни при чем.

Понятие национализма неразрывно связано с противоположными понятиями: интернационализмом, космополитизмом, национальным нейтралитетом, без которых оно не полно.

Интернационализм — социально ориентированный образ мышления, отвергающий национальные преграды в политической борьбе.

Космополитизм — это не спекулятивное воззрение, но самооценка. Космополитами, как известно, могут быть только избранные: люди богатые или знаменитые, те, кто имеет возможность свободно перемещаться по странам мира, участвовать в международном бизнесе или мировой культуре и т.д.

Наконец, *национальный нейтралитет* — это интернационализм на бытовом уровне. По форме он подобен религиозному нейтралитету — светскости.

На первый взгляд кажется, что только темные люди способны верить в идеи национализма. Между тем, вера в национальную исключительность (как вера вообще) может быть или не быть присуща индивиду, независимо от образовательного ценза, социального статуса, экономического положения, рода деятельности и т.д.

Можно, конечно, те или иные убеждения считать иррациональными. Но тогда *иррациональность придется признать атрибутом человека*. И это действительно так и есть.

Выбор обществом одной из альтернативных идеологий должен иметь причину. Однако не ясно, что искать: то ли причину национализма, то ли интернационализма, то ли причину национального нейтралитета... Все эти идеологии можно считать беспричинными в социальном локусе. Но, безусловно, должна существовать причина *изменчивости* общественной идеологии, *причина смены идеологии*.

Действительно, чтобы вызвать общественную неприязнь, не обязательно иметь биологические или социальные отличия. Достаточно любой мелочи, например, изящно одеваться («стиляги» в 60-е годы в СССР) или проявлять интерес к заграничной музыке («Сегодня ты играешь джаз, а завтра родину продашь»)... Достаточно также быть представителем иной культуры — более высокой (неприязнь к

москвичам и американцам) или более низкой (выходцы из китайской деревни) и т.п.

Если исследователь в качестве аргумента будет выдвигать собственную нравственную позицию, то это будет нечто бездоказательное: «мнение против мнения». Не задача философии упрекать одних, превозносить других, подвергать сомнению моральные достоинства третьих...

В царской России именно для иудеев была создана специальная категория ограничений. В Советском Союзе к национальному вопросу подошли иначе: всюду, где были введены общие ограничения, они касались, прежде всего, евреев. Это обстоятельство указывает на социально-экономическую природу шовинизма. Шовинизм — не столько самостоятельное явление, сколько случайный признак, который может быть использован в общественной борьбе любого генезиса.

Мы видим, что проявления национализма весьма разнообразны и имеют массу тонкостей. Разобраться в тонкостях национального феномена оказалось не по силам даже такому признанному аналитику как К. Маркс, который объяснял антисемитизм социальными особенностями еврейской нации. В известной статье он усмотрел недостаток еврея в том, что тот был носителем буржуазных порядков. По Марксу получалось, что представителю любой иной национальности быть капиталистом непредвсудительно, только еврею. Вина евреев для него несомненна. Другое дело, что лежит она, по его мнению, не в религиозной плоскости, а в практической. Столь поверхностное мышление называлось у Маркса материалистическим подходом.

Идея К. Маркса получила развитие в работах С.Г. Кара-Мурзы. Согласно его теории, евреи как национальность превратились в обособленный, единый и монолитный социальный слой. Так что юдофобы выступают не против некой национальности как таковой, но против особого социального слоя.

С советских времен в народе бытует мнение, что евреи обязаны быть в чем-то лучше основного населения. Только в таком случае их существование оправдано и терпимо. Отметим, например, реплику Н. Хрущева. «Узнав, что Лобков — русский, он сказал, что бессовестный русский, конечно, хуже честного еврея...», — пишет Кара-Мурза в книге «Евреи, диссиденты, еврокоммунисты».

Национализм изобретателен. Его нельзя понять раз и навсегда, впрочем, как и любую реальность. Согласно идеологии государственного и околосредственного антисемитизма, еврей — не просто нехороший человек, но его негативность имеет биологическое «объяснение»: он не совсем человек. Евреи вполне могут оказаться иноплане-

тянами, потомками неандертальцев, эльфами, представителями антимира — в общем, людьми иной крови, хотя «ученые это скрывают» и пр.

Понятие «еврей» не означает ни единый этнос, ни единую нацию, ни единую культуру, ни религиозную принадлежность... Они — «всегда другие» (даже, если неотличимы от остальных), тогда как нация, этнос, раса — это разновидность «полноценных» людей.

Нация как социальный слой

Между тем, многовековые преследования действительно превратили еврейскую нацию в подобие социального слоя (но не в смысле Кара-Мурзы). Евреи стали носителями, в основном, городской культуры. Поэтому в периоды пиков урбанизации, когда возникает социальное противостояние, евреи оказываются под угрозой уничтожения, как слабый элемент. Это одна из причин «неясно, откуда возникших» волн антисемитизма.

Исторические примеры многочисленны и касаются не только евреев.

Развитие городов в Испании 14—15 веках, сопровождавшееся массовым освобождением крепостных крестьян (ременсов) путем самовыкупа, создало социальную напряженность в стране. Результат — изгнание евреев из страны в 1492 г. Эта же участь и по той же причине постигла испанских мусульман. Это происходило под лозунгом борьбы за веру. Но обращение тех и других в христианство не смогло уберечь их от изгнания, ибо в действительности это было социальное, а не религиозное противостояние, прикрытое жупелом веры.

В средневековой Испании, где тысячу лет мирно уживались три близкородственные авраамические религии, антиеврейский национализм не носил оттенка исключительности, которые он приобрел в чисто христианских странах. Это еще раз подчеркивает случайную природу антисемитизма.

История национального противостояния в Испании 1492—1614 годов (период интенсивной урбанизации, присущий эпохе возрождения) показательна. Сначала из страны были изгнаны мавры и сефарды, как нехристиане. Затем были изгнаны мориски и марраны, то есть выкресты. Знаменательно, что предварительно в 1571 году мориски были изгнаны из городов в деревни внутри страны. В особо тяжелом положении оказались цыгане-католики, как инородное тело западной деспотии.

Эти события можно также квалифицировать как «культурную революцию». Ведь высокая культура обеспечивает более высокий со-

циальный статус — предмет желаний *урбанизированных крестьян*. Впрочем, существует и иная точка зрения на те же события, которая во главу угла ставит реконкиту — национально-освободительное движение испанцев, длившееся 1000 лет.

С фактором урбанизации связано и усиление антисемитизма в Германии в конце 19 — первой половине 20 века. Это был период бурного развития страны, потребовавший объединения отдельных «земель» в государство. В 1879 году А. Штеккер создал «Христианско-социальную партию» с антисемитским уклоном, а в 1890 г. в рейхстаг впервые вошла политическая партия, публично призывающая к гонению на евреев. В 1919 году Ю. Штрейхер создал антисемитскую организацию под гуманным названием «Социалистическая партия Германии». И т.д. Политики искали опору в превращенном общественном мнении.

Таким образом, воинственный (погромный) антисемитизм появился в Германии в конце 19 века, как реакция на бурную урбанизацию, которая захватила и первую половину 20 столетия. Так что не фашизм был инициатором погромного шовинистического движения в Германии. Гитлеровцы обратились к нацизму в целях привлечения на свою сторону морально разложившегося пролетариата — готового сырья для формирования немецкой опричнины.

Сама постановка вопроса, связывающая шовинизм с одной и только одной нацией — евреями — *ab ova* отсекает от предмета изучения общечеловеческие корни общественного противостояния, отрицая очевидный факт, что на месте евреев мог оказаться кто угодно. Действительно, в подобной ситуации в начале 20 века оказались христиане-армяне — коренной народ Турции. Или возьмем Узбекистан и Азербайджан, где и ныне кипят средневековые страсти на национальной почве, разгоревшиеся еще в советское время.

Задача исследователя состоит, однако, не в том, чтобы отыскать баланс справедливости (это вопрос практической политики и идеологии), но в том, чтобы рассмотреть вопрос всесторонне.

Евреев традиционно обвиняют в занятиях «грязным промыслом». Но когда это учинялись погромы против ростовщиков, врачей, юристов, торговцев, государственных чиновников, мясников, ремесленников, рабочего люда нееврейского происхождения? Впрочем, погромы против интеллигенции как таковой, особенно творческой интеллигенции, происходили и происходят время от времени в разных странах. («Ежовщина» в 1937 году и «ждановщина» в период после Второй мировой войны в СССР, «культурная революция» в Китае в 1966—1976 гг., режим «красных кхмеров» в Камбодже и пр.). Между прочим, и то, и другое, и третье есть следствие ситуации, когда ур-

банизированные крестьяне, стремясь сместить горожан с престижных, доходных и руководящих должностей, выбирали наименее защищенные слои городского населения.

Сродни «урбанистической» известны и иные виды социальной конкуренции, как например, конкуренция за нишу обитания (в частности, негритянско-еврейская конкуренция в США).

Особняком выступает такой социальный фактор, как нежелание возвращать награбленное имущество после изменения политической конъюнктуры, как это имело место в послевоенной Польше и, в меньшей степени, Украине.

«Справедливое» негодование вызывала у демобилизованных после войны солдат ситуация, когда, возвратившись домой, но не получив ни свободы, ни достатка, ни почета, они встретили некоторых евреев, еще оставшихся в живых, которые, по их мнению, должны были бы погибнуть в первую очередь, как менее значимые существа. Не получив ничего, демобилизованные после войны крестьяне и рабочие «осознали», что жертвовали собою на войне ради кого-то другого. Но отдавать жизнь за еврея — все равно, что за свою собаку, как бы ты ее ни любил.

Вообще, у национального противостояния не столько этнический, сколько политико-экономический оттенок. Под воздействием безысходной нужды, страха и отчаяния действия народа становятся иррациональными. (Иррациональность — когда в мыслях объединяют то, что в реальности несовместимо). Что касается погромов различного генеза, они нередко связаны с природными или социальными катаклизмами, когда народ в своей злобе ищет и не находит иного выхода. И действительно, история знает бессмысленные холерные бунты, погромы на земских врачах, цыган, армян, помещиков, кулаков, а также аборигенов Америки, афроамериканцев, и т.д.

Иными словами, национализм нельзя упрощенно и прямолинейно связывать с направленной антисоциальной политикой властей.

Национализм и исключительность

В чем философия видит сущность национализма — идеологии, распространенной на бытовом уровне и не отягощенной политикой? — Определяющую роль в национальном чувстве играет противопоставление личностной ущербности и социальной значимости.

Действительно, человек ощущает свою неполноценность уже по сравнению с другими животными, от природы обладающими качествами, которых не имеет он: умением летать, плавать, быстро передвигаться и т.д. Еще более человек ощущает *социальную ущербность*, то

есть неполноценность по отношению к другому человеку — более умелому, талантливому и т.п. Тем самым он ощущает себя обделенным в отношении более уважаемой, социально-значимой личности.

Поэтому национализм, выступая как психологическое средство, восстанавливающее моральное равновесие, есть *форма самосознания индивида*, воспринимающего себя, как *личность, выдающуюся по своей природе*, значительную по своему рождению, по «крови», не нуждающуюся ни в каких социальных доказательствах своей самости.

Одновременно, *бытовой* национализм, как постоянно присутствующий момент общественных отношений, имеет тенденцию к выделению национальной культуры путем отмежевания от иных культур и направлен на сохранение видовых особенностей путем *своего* отказа от смешанных браков и т.д.

Таким образом, идея *национальной исключительности* есть корень национализма, как такового. (Иное дело — национальные преференции и «активная жизненная позиция»). Национализм, как бы отрицательно или положительно к нему ни относиться — это не заблуждение, не суеверие, не защитная реакция, но *самоmnение*.

Как самоmnение национализм наиболее активен на крайних полюсах общественной иерархии. Верхние слои общества имеют перед собой «наглядное подтверждение» своей исключительности, тогда как национальная гордость низов есть проявление заниженной самооценки и, одновременно, способ моральной самозащиты.

Однако феномен исключительности свойственен не только национальному, но и сословному самосознанию, и религиозному, и профессиональному, и эготическому, и др. Тогда, в чем состоит особенность именно национального самосознания? — Можно изменить сословную принадлежность, принять иную веру, получить лучшее образование и др., но нельзя, разумеется, изменить *расово-национальную* принадлежность.

Науке не известны какие-либо иерархические критерии сопоставимости разных рас, этносов, наций, хотя налицо ряд биологически-значимых конституциональных различий: специфическое отложение жира у народов Севера, повышенная резистентность к заболеванию чумой у монголоидов, повышенный процент заболеваемости муковисцидозом среди евреев, особый состав крови, предрасполагающий к заболеванию серповидной лихорадкой у иных народов... Объективные процессы нивелирования одних биологических признаков и обособленности иных происходят непрерывно и повсеместно, но причины, способствующие или препятствующие этим процессам, не поддаются научной формализации. (В последние годы были обнаружены незначительные генетические различия между наследниками чистых кро-

маньонцев — африканцами — и наследниками метисов (кроманьонцев и неандертальцев) — остальным человечеством).

Одновременно с идеей *исключительности*, как *чувства* национального достоинства, национальной гордости, национальной равноценности, *другим определением национализма* служит идея национального превосходства и *исключительной* ущербности «не своей» нации. *Здесь заложена моральная основа требования национальных преференций.*

К «особо ущербным» категориям в Европе принято относить негров, евреев, цыган, армян, «американцев», славян и многих других.

Независимо от первопричин антисемитизма, он стал центральной частью христианского и исламистского учений и, таким образом, прививается с детства во всем христианском и исламском мире. Именно широкое распространение христианства и ислама (еще одной *авраамической* религии) способствует столь широкому распространению антисемитизма. В тех христианских странах, где временно и отчасти одержал победу атеизм, религиозные истоки антисемитизма не утратили своего значения в силу известной религиозной — и еще больше социальной — инерции.

В форме антисемитизма христианство (ислам) пролонгировало идею кровной мести, присущую родовому строю и патриархату, а именно, идею вины всего народа и всех последующих поколений евреев за содеянное несколькими его представителями *преступление против совести* (грех). Однако в наше время некоторые религиозные институты стали отказываться от пропаганды антисемитизма. Еще в 1945 году протестантские церкви признали за собой вину в разжигании антисемитизма. В середине 60-х годов 20 века католическая церковь признала ошибочным гонение против евреев. В результате «христианский» антисемитизм ослаб, хотя никуда не делся. Так что папе римскому Иоанну Павлу II приходилось произносить речи в защиту евреев уже в 21 веке. Здесь интересно отметить, что, следуя путем либерализации взглядов, церковь всегда отставала от светской морали и веяний в законодательной сфере. Например, православная церковь и теперь продолжает настаивать на справедливости юдофобской догматики Нового завета. Так или иначе, различия в вероисповедании — не главный и не единственный момент в плане поддержания национальной исключительности, хотя в средние века (когда вера отождествлялась с прогосударственными институтами веры) казалось наоборот.

Следует также заметить, что юдофобский национализм имеет глубокие исторические корни. Против евреев как носителей *новой веры* восставали еще древние язычники: греки, египтяне, римляне. Судя по Библии и Корану, древние евреи цивилизационно стояли выше тех народов, среди которых они расселялись, так что речь может идти о

межцивилизационных распрях. Тем не менее, в истории отсутствуют указания на то, что евреи были главными париями древнего общества, как это случилось в средние века.

Феномен диверсификационного расселения *оседлого народа*, каким были стародавние евреи, все еще ожидает своих исследователей. В бытующих представлениях о евреях немало мифического. Так, закрытость иудейской веры действительно прописана в Танахе, но она вовсе не такого свойства, как закрытость зороастризма. Напротив, выраженный прозелитизм иудаизма нашел отражение в иудейских поселениях в Китае, религии Хазарского каганата и некоторых русских деревнях современности. Среди евреев средневековья более широко было распространено ремесленничество, в меньшей мере — торговля, и совсем малое число было занято ростовщичеством. Вообще, ростовщичество возникло в глубокой древности, еще до изобретения письменности (Д. Гербер). Другое дело, что оно *осуждалось* церковью и мечетью, хотя было разрешено светскими властями, а норму процента регулировало государство. При всем при том, православные монастыри давали ссуды под залог земли; ростовщичеством занимались архиерейские дома и приходские церкви, впрочем, как и бояре и иные частные лица. Синагога также осуждает ростовщичество, но ограничивает запрет единоверцами. Таким образом, евреи-ростовщики с давних времен преследовались не как вредные элементы общества, но как конкуренты.

Одни исследователи «еврейского вопроса» усматривают избирательность антисемитизма в антихристианском грехе, другие — в особенностях иудаизма, третьи — в распространении евреями купеческо-буржуазных отношений, иные — в специфическом характере евреев и т.д. Так или иначе, все они усматривают *причину* антисемитизма в отличительных особенностях еврейской нации, возлагая тем самым вину на самих гонимых.

Капиталист не доволен рабочим движением: поэтому еврей для него тождественен коммунисту;

мелкий собственник не доволен конкурентами: поэтому еврей для него — хитрый мошенник, карьерист;

рабочий не доволен своим нанимателем: поэтому для него еврей тождественен буржуа и т.д.

Таким образом, *еврей стал символом отрицания*. Поистине, ничто человеческое еврею не чуждо (если перефразировать П. Теренция, «Самоистязатель»). Эта простая мысль отчетливо выражена в поговорке: «Была бы палка, а собака найдется». Вопреки бытующему мнению, избирательность антисемитизма есть избирательность исторического плана (т.е. дело случая), из чего вовсе не следует исключительность еврейской нации, как таковой.

Очередной раз подчеркнем: речь идет не о еврейской специфике, но о сути национализма как такового. Грабить, убивать, эксплуатировать, ограничивать в правах — все это, как известно, в природе человека, как подвид гоминид. Поэтому национализм (а также религиозная, гендерная, классовая нетерпимость и пр.) — просто избирательное проявление человечности.

Точка зрения о *внеэтнической* природе антисемитизма находит свое подтверждение, в частности, в синхронизации колебаний антисемитского накала с изменениями уровня антидемократических настроений в обществе. (Здесь наша позиция перекликается с учением Рауля Хильберга, «*The Destruction of the European Jews*»). Хотя национализм явление не политическое, а социальное, он широко используется как инструмент политической борьбы.

Неестественность привилегированного положения деморализует «титულную» нацию так же, как деморализуют ее захватнические войны, повсеместное воровство, поощряемое государством пьянство и т.д., лишая ее тем самым морального права противостоять политическому и экономическому гнету.

Идеологию национализма нередко протаскивают под лозунгом борьбы за защиту национальных прав, за право на самоопределение и т.д. Но национальная борьба не имеет ничего общего с национализмом. Борьба за национальные права предполагает равноправие, но не преференции, на чем нередко настаивают националисты. Как раб восстает для того, чтобы заместить рабовладельца (а не ликвидировать рабство), так и угнетенная нация восстает, чтобы заместить угнетающую.

Можно ли говорить об общеисторической тенденции либерализации в вопросах национальной исключительности? Ответа нет.

Нацизм и тоталитаризм

Под *нацизмом*, или шовинизмом, принято понимать форму политизированного расизма, поставленного на государственную основу.

Нацизм есть средство государственной политики, направленной на дискриминацию граждан по генетическому признаку (конституции). Более жестким средством национального различия служат не конституционные особенности человека, а инструмент фиксации социальной принадлежности (отметка в паспорте и т.п.). Отличительной чертой репрессий нацистского толка является их неотвратимость: объект геноцида обречен фактом своего рождения.

Но действительная политика государства может и не быть юридически закрепленной (читай, например, Рауля Хильберга). Опреде-

ляющую роль могут играть закрытые постановления и устные распоряжения. (Это замечание относится не собственно к нацизму или тоталитаризму, но к методам отправления властных полномочий вообще. Государство невозможно без монополии на информацию. Поэтому *тайна — основа государственности*).

Действительная задача нацизма (как инструмента тоталитаризма) — моральное разложение господствующей («титულიной») нации. Актуально нацизм направлен против «своей» нации, против «своего» народа. Он парализует политическое самосознание широких масс в плане выражения ими собственных (неправительственных) интересов: политических, экономических, экологических, религиозно-атеистических, культурных и пр.

«Вы и так привилегированная нация, — как бы говорит правительство избранному народу. — Так чего же вам еще надо?» — Такова логика нацистского воздействия.

Но нацизм — лишь одно из средств деморализации населения. Поэтому, обычно одновременно с нацизмом, государство организует и поощряет иные деморализующие действия, как-то: доноительство, атрибутику «благонадежности», религиозную или атеистическую нетерпимость, судебный произвол и т.п.

Речь идет о добровольном согласии широких масс нести все тяготы, вызванные мировым экономическим кризисом (или другими неурядицами, слабо поддающимися урегулированию), и дополнительные тяготы, связанные с выходом из него. Ведь что такое фашистский режим? — *Это когда сам народ выступает против политических свобод и демократии.*

Так, немецкие фашисты, поддерживая политику избирательного геноцида, привлекли политически пассивную часть населения — обывателей — на свою сторону, сделав их заложниками массовых зверств (аморальных действий, совершаемых толпой в акцентуированном состоянии). В фашистской Германии была создана ситуация, при которой каждый нееврей, нецыган, неславянин... должен был понять, что отверженные стали той *естественной жертвой* исторических обстоятельств, на месте которой, в других условиях, мог бы оказаться он сам. Такое положение создает искусственную заинтересованность населения в широкомасштабном гонении на париев нацизма. (Вот почему, между прочим, многие из тех, кто побывал в немецко-фашистской оккупации, превратились из идеологически нейтральных обывателей в активных шовинистов). (Заметим, что А. Гитлер был не первым, кто выдвинул лозунг об «окончательном решении еврейского вопроса» (возьмем, например, йеменского имама Ахмеда Ибн-Хасана, 1676—1681 гг.), а значит, нет оснований считать его последним).

Многие путают нацизм с тоталитаризмом. Между тем, нацизм есть лишь одной из форм существования, но *не самой сущностью тоталитаризма*, который имеет своей целью *широкое использование элементов рабодного труда* вне зависимости от базового типа экономической формации. (После победы СССР и стран Коалиции во Второй мировой войне большинство стран, в которых сохранился фашизм (Аргентина, Бразилия, Испания...) отмежевалось от нацистской идеологии, чтобы отличаться от модели германского фашизма).

Тоталитаризм не создает армию рабов, присущую античности, однако распространяет ограничительные моменты на все общество.

Обычным для тоталитаризма, как *рабогенного* режима, является:

- ограничение зон проживания населения;
- ограничение перемещения;
- закрепление работника за местом работы;
- ограничение в выборе профессии и места работы;
- сокращение заработной платы одновременно с повышением интенсивности труда;
- использование бесплатного труда;
- принудительная рурализация;
- лишение работников права на забастовки и др.

«Погоня за ведьмами» становится основным средством массового производства *государственных рабов* в классическом понимании: заключенных, солдат, «добровольцев» тяжелого труда и пр.

Как ни странно это звучит с «практической» точки зрения, для существования авторитарных режимов (фундаментализм, фашизм, диктаторское правление) существенна не столько силовая, сколько моральная и идеологическая атрибутика. Речь идет о пропаганде культа государственной власти (не обязательно вождя!). Это необходимые моменты и критериальные признаки авторитаризма. (Оговоримся, что научная классификация политических режимов в настоящее время отсутствует, как отсутствует понимание общественного процесса в целом. Отсюда неизбежная путаница в терминологии).

Не все государства авторитарны, но в любом обществе и во все времена существовали и продолжают существовать сторонники автократии.

Если взять новейшую историю, то тоталитаризм был, так или иначе, присущ и японской деспотии (до ее поражения во Второй мировой войне), и Китаю в период «культурной революции», и советскому социализму, и итальянскому, испанскому, португальскому, болгарскому, австрийскому, немецкому, аргентинскому, бразильскому фашизму, и южноафриканскому апартеиду, и иранскому фундамен-

тализму и т.д.

Особенно дико *выглядел* тоталитаризм в Камбодже (Кампучии) в 1975—1979 годах, в течение которых погибла треть населения страны (главным образом городского). Был выхолощен «средний класс», полностью уничтожена цивилизационная основа общества. Но при ближайшем рассмотрении приходится признать, что эта дикость является суто человеческой реакцией, отражающей внутреннюю неустойчивость цивилизаторской тенденции как таковой. То есть тоталитаризм возник не по злой воле Пол Пота, но вследствие социального противостояния.

Уже из простого перечисления фашистских режимов видно, что *тоталитаризм* есть историческое явление, присуще 20 и началу 21 веков — этапу разложения остатков феодально-крепостнического строя в господствующем буржуазном окружении. (Достаточные основания для прогноза отсутствуют). Иными словами, тоталитаризм конкретизируется переходным периодом от полуфеодального строя к буржуазному. Он присущ определенной *волне* этого перехода, когда возникает угроза ликвидации сословных привилегий в момент смены (замещения) их носителей. При этом не следует исключать возможность многократных подъемов и откатов реакционной волны.

Остановимся, далее, на сравнении двух видов *тоталитаризма*, идентичных по сути, но проросших на, казалось бы, противоположных формах общественных отношений:

социалистическом (сталинизм, маоизм, «красные кхмеры» и пр.). Здесь крестьяне составляют треть населения и более;

необуржуазном (фашизм, неофашизм). Здесь крестьяне составляют 10% и менее, но феодальная кастовость не преодолена.

Существуют и промежуточные формы: буржуазный строй с преобладанием крестьянской идеологии, — например Латинская Америка.

Советский социализм, как одна из *естественных* форм общественных отношений (вне связи с *одноименными* учениями «социалистов-утопистов», марксистов и пр., а также в отличие от *омонимического монархо-социализма* Швеции и пр.), революционным путем преодолел сословные привилегии дворян и купцов, одновременно ликвидировал общественно-необходимые привилегии интеллигенции и... вынужден был возродить полуфеодальные отношения в новом качестве. Его историческую необходимость можно понять, если исходить из представления о том, что становление буржуазных отношений в отстающих странах *ситуативно ускорялось капиталистическим окружением и, как бы забегаало вперед*, не преодолев инерцию крепостничества.

С общеисторической точки зрения *социалистический уклад* яв-

ляется откатной волной от *квазибуржуазных* отношений к *постфеодальным*, процессам, не подвластным ни идеологическим ветрам, ни революционным бурям. (Заметим, что общественный уклад, например в Аргентине, тоже представляет смесь прошлого и незавершенного настоящего, но он не был сформирован *откатной волной революции*).

Необуржуазный уклад, искаженный глубоким экономическим кризисом (фашистская Испания, Италия, Германия...), также можно характеризовать как откат в прошлое.

Эти неустоявшиеся уклады представляют *благоприятную* почву для возникновения тоталитарного режима, однако фатальной связи между укладом и политическим режимом *не прослеживается*.

Отличительной особенностью тоталитаризма, как профашистского, так и просталинского толка, является система взаимопроникновения *экономического и бюрократического начал*. В этом смысле тоталитаризм не связан с определенной исторической эпохой, то есть, *в отличие от ранее сказанного*, представляет собой более широкое понятие.

Так, древнекитайский философ-легист Шан Ян полагал, что благосостояние народа отвращает его от войны и поэтому внутренний террор — единственно эффективный способ управления государством. Всем известен *средневековый* тоталитаризм «восточных деспотий» и *квазикрепостной* тоталитаризм в Северной Корее, пролетарско-крепостной тоталитаризм в бывшем СССР и Албании, и пролетарский тоталитаризм в странах «народной демократии»: Чехословакии, ГДР, Венгрии и т.д. Элементы тоталитаризма присущи и среднеазиатским станам, входившим ранее в состав СССР. (В последнем случае речь идет, скорее, об антидемократическом строе и специфичном политическом режиме).

С другой стороны, *необуржуазный тоталитаризм* смыкается с *социалистическим* в той мере, в какой первому присущи признаки «*авторитарной социализации*», как-то: ограниченная экспроприация частной собственности (в том числе по национальному и религиозному признакам) и ликвидация сословных привилегий. Этот момент, между прочим, нашел свое отражение в названии *Национал-социалистической рабочей партии Германии* и ее социальном составе, где рабочие составляли 1/3 (как и в ВКП(б)).

Следует отметить, что высокая доля рабочих еще не означает, что партия выражает мировоззрение и интересы рабочего класса: ведь партийцы не составляют *равномерно распределенную случайную выборку* из его представителей. (Из того обстоятельства, что все 100% партийцев состоят из людей, не следует, что партия выражает чаяния всего человечества и т.п.).

И действительно, в 1991 году вдруг стало очевидным, что пар-

тийцы вовсе не исповедовали партийных идеалов, сомневались в методах партийной работы и не преследовали иных целей, кроме карьерных. То же произошло и в поствоенной Германии. (Правда, в ГДР на смену фашистам пришли коммунисты).

Нам осталось ответить на самый трудный вопрос о естественной *необходимости* возникновения и воспроизводства тоталитаризма. Философия дает уклончивый ответ: лишь предельные моменты истории неотвратимы (гибель цивилизации, человечества и самой жизни), но в большинстве случаев речь может идти разве что о *достаточности* причин.

Развал общественно-экономических отношений в кризисные периоды различного генеза отбрасывает народ к прежнему общественному укладу, что позволяет обрести устойчивость на более низком уровне развития. Критические пертурбации вызывают к жизни наиболее суровые, иррациональные в своей дикости политические режимы.

Однако в столь прямолинейном виде связь общественных явлений не встречается (это свойство всех динамических систем), что создает особые трудности в их изучении. Но в любом случае следует констатировать, что *тоталитаризм есть движение народное*, а в определенные моменты — общенародное, а не выдумка политических отщепенцев, как это обычно представляют. В периоды естественной либерализации политического режима, власть склонна присваивать текущие социальные достижения себе в заслугу, для чего бывшие неурядицы вменяет в вину историческим визави.

Здесь мы не высказываем своего отношения к известным «-измам», не *обвиняем* и не *оправдываем*:

одних в национализме, других — в космополитизме;

одних в фашизме, других — в либерализме;

одних — в культурной ассимиляции, других — в защите национальной обособленности и т.д.

Осуждение, как и оправдание, — приемы мышления, «закрывающие» проблему еще до того, как она поставлена, тогда как задача философа искать научное объяснение.

Итак, было показано, что нацизм есть народное движение, возведенное в ранг государственной политики. Особенно яркую картину национального угнетения можно наблюдать при тоталитарном режиме, хотя нацизм не является его целью, а связь между ними факультативна.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Есть два независимых процесса, причина которых не установлена:
меняется взгляд на общество и
меняется само общество.

Каждый из процессов существует сам по себе. Взгляд на общество изменялся бы и тогда, когда общество не менялось. И наоборот: изменение общества не является результатом изменения взгляда на него.

Но генетически человек почти не меняется. Поэтому в новом всегда присутствует старое, обусловленное консервативной природой человека.

Постсоветские страны вступили в полосу трагических пертурбаций, обусловленных как внутренними причинами, так и ускоренным изменением всего мира. В наше время можно констатировать, что социальная напряженность растет. Судя по опыту продвинутых стран, в наших станах должны произойти классовые и общекультурные изменения. Отношения между классами станут подобны тем, что существуют в таких странах, как например современная Польша. Это займет по времени более века. При этом периоды продвижения вперед будут чередоваться с историческими откатами, как это всегда бывает.

Войдут ли наши страны в число передовых и благополучных (что не всегда совпадает)? — Исторической необходимости в этом нет, но возможность существует. Прогноз может быть только вероятностным. Так или иначе, социальная дифференциация по странам мира будет существовать, пока будет существовать направленное движение истории.

Другое дело, что за сто лет сама философия изменится не только в деталях, но и как область знаний. Изменяться и представления о природе общества, что станет возможным, благодаря непрерывной работе философской мысли.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие автора	V
Предисловие Мирослава Поповича к изданию 1995 года	IX
Послесловие Назипа Хамитова к изданию 1995 года	X
ВВЕДЕНИЕ	XI

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. В поисках ответа 1

Раздел 1. ФИЛОСОФСКОЕ ЗНАНИЕ	3
Философия как образ жизни	4
Определения философии	4
О методе философии	6
О философской классификации	6
О многообразии философских школ	7
Философия и метафилософия	8
Феноменологический и конструктивный подходы	9
Паранаука и парафилософия	10
В чем заключается полезность философии?	11
Антинаучность научного метода	11
Психологические и логические методы исследования	14
Раздел 2 ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ	15
Исследование и конструирование	16
Метод циклического возврата	18
Метод преодоления невозможного и Удивительный феномен управления	19
Метод безразличия	25
Метод расширения предмета познания	26
Метод акцентуации «трудных мест»	27

Эстетика науки как философская категория	29
Раздел 3. ЛОГИЧЕСКИЕ МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ	34
Закономерность и закон	34
Закон или необходимость?	36
Метод абстрагирования	37
Метод мысленного моделирования	38
Метод прогнозирования и выбор решения	40
Метод неопределенности	43
Метод классификации	46
Метод сопоставления	48
Методы диалектики и полилектики	48
Раздел 4. СОЦИАЛЬНАЯ ОНТОЛОГИЯ И ГНОСЕОЛОГИЯ	55
Воззрение на мировоззрение	55
Начала и пределы	58
Тождественность и иллюзорность мироощущений	59
Обобщенный разум как феноменологический принцип	62
Бытие сознания	67
Понятие о понятии	69
Об информации	72
Познание и активность	72
Научный практицизм	74
Произвол искусственного творения	78
Абсолютная истина и критерий истины	79
Авторитет критики	81
Раздел 5. ФЕНОМЕН ВЕРЫ	85
Вера и религия	85
Религия и атеизм	86
Вера и скептицизм	93

Естественное чудо	95
О доказательстве существования (несуществования) бога	96
Гносеология религии	98
Идеология как вера	100
Противостоящие модели мироздания	100
Раздел 6. ФИЛОСОФИЯ ИСТОРИИ	104
Исторический процесс общественной структуризации	104
Наука в историческом процессе	108
Научные предсказания	110
Исторический процесс и объективность	114
Общество разумных или разумное общество?	115
Субъект желаний	120
Генетическая социальность	123
Исторические иллюзии	124
Лучшая форма правления	125
Закон общественного мнения	125
Дифференцированное развитие и деградационное усреднение	126
Неустойчивость цивилизаций и глобализация.....	127
Чему учит исторический опыт?	128
Раздел 7. ЭТИКА	131
Ниша общественного поведения	131
Справедливость: за и против	134
М. Горький: «Правда — бог свободного человека»	136
Смысл жизни, или К кому примкнуть?	138
Раздел 8. ФИЛОСОФИЯ ВЛАСТВОВАНИЯ И ПОЛИТОЛОГИИ	143
Власть и управление	143
Марионетки истории	144
Фатальная декларация, или Антропогенность истории	149

Концепция «параллельных миров»	151
Слабости сильной власти	153
Произвол и договор	155
Без войны	156
Дезорганизация — момент развития	159
Мирные фазы гражданской войны	161
Раздел 9. ФИЛОСОФИЯ ХОЗЯЙСТВОВАНИЯ И ЭКОНОМИЧЕСКОЙ НАУКИ	164
Понятие общественных отношений	164
Общественный посредник, или Вавилонское столпотворение ..	164
Классификация по укладам	168
Власть собственности	171
Моральная категория политической экономии	174
Стоит ли платить за труд?	180
Модель экономики как логическая структура	182
Понятие стоимости в модели свободных рыночных отношений	185
Логика рынка и денег	190
Потребление, производство, цена. Что первично?	194
Монополизация рынка как форма экономического развития	196
Советский социализм: директорат и партийная система	197
Принципы экономической философии	201
Раздел 10. ТРАНСФОРМАЦИЯ ОБЩЕСТВЕННОГО УКЛАДА В ДЕРЕВНЕ	205
Возвращение зависимой свободы	205
Философия крестьянской истории	211

ЧАСТЬ ВТОРАЯ. Найденные вопросы	215
Раздел 11. К ВОПРОСАМ ИЗМЕНЧИВОСТИ	217
Философия изменчивости и времени	217
Дискретность и непрерывность	218
Темпоральность в живой природе и социальной сфере	220
Раздел 12. СУБЪЕКТ И ОБЪЕКТ	223
Об «-измах» и истине	223
Субъективизм философии или философия субъективизма?	223
О противопоставлении объективизма субъективизму	225
О независимости субъекта	226
Реальность и фантазии	227
Объективная составляющая позитивизма	228
Раздел 13. ВЕЗДЕСУЩИЙ АНТРОПОЦЕНТРИЗМ	231
Материализм или антропоцентризм?	231
Антропоцентрические циклы науки	232
Антропоцентризм и учение об адаптации	234
Антропоцентрические категории: аксиология и телеология	235
Раздел 14. О ЕДИНСТВЕ И ЕДИНСТВЕННОСТИ МИРА	237
Определения	237
Конечные и бесконечные модели мира	238
О единстве природы	239
Логика или космология?	242
Относительность понятия «единство»	245
О единственности мира и общества	246
Раздел 15. СТРУКТУРНОСТЬ БЫТИЯ	248
Понятие структуры	248
Сложность структуры	248
Общее конкретно	249

Структуры типа земной жизни в стратифицированных мирах	250
Жизненная сила	251
Закрытость и открытость структурных моделей как атрибуты познания	253
Об устойчивости структуры в контексте социальных отношений	254
Три свойства социальной структуры	254
Раздел 16. ФИЛОСОФИЯ ЛОГИКИ	256
Об устойчивости логических суждений	256
Логическая формализация	256
Чему учит логика?	257
Асимметрия прямой и обратной задач	259
Эпистемическая логика доказательств	260
Доказательство и аксиоматика	262
Доказательство и закон	263
Раздел 17. ПАРАДОКСЫ И РЕАЛЬНОСТЬ	266
Парадокс начала в астрономии	266
Яйцо или курица?	267
Парадокс ДНК	268
Является ли человек субъектом истории?	270
Парадоксы первопричины в социальных учениях	271
Парадокс интерпретации	272
Ни покоя, ни скачка, ни движения	273
Парадокс Б. Рассела из теории множеств	274
Парадокс лжеца	278
Тень и черепаха	280
Зенон и Ахиллес	284
Непрерывная дихотомия Зенона	287
Парадокс знания	288

Парадокс биологического и социального развития	288
Раздел 18. ПРИЧИННОСТЬ И СЛУЧАЙНОСТЬ	290
Понятие причинности	290
Спонтанность и причинность	293
Гносеологические проблемы причинности	294
Произвол, необходимость, детерминизм	297
Каузальность или импликация?	299
Причина причин	301
Что такое случайность?	302
Полилектика случайности	303
Задача об обезьяне	305
Причина и инерция в истории	306
Воля и детерминизм в истории. Степень проблемности	310
Раздел 19. ПРОГНОСТИКА В ОБЩЕСТВЕННОМ ПРОЦЕССЕ	315
Основы прогнозирования	315
В отличие от гаданий	316
К понятиям акциденции и прогноза	318
Прогнозирование от возможного	319
Фатальность и прогноз	320
Раздел 20. ФИЛОСОФИЯ НАУЧНОСТИ	321
Общие положения	321
Влияние специальных наук на философское мышление	322
О критериях научности	325
Раздел 21. РАЗВИТИЕ И ДЕГРАДАЦИЯ В ИСТОРИИ	327
Общие определения	327
Многоликость общественного уклада	328
Немного из эсхатологии	329
Является ли общественное развитие адаптационным?	330

Особый путь избранного народа	332
Информационный взрыв в живой природе	333
Раздел 22. НАУЧНЫЙ УТОПИЗМ, ИЛИ СОЦИАЛЬНАЯ ОПТИМИЗАЦИЯ	334
Оптимум или благо?	334
Оптимальный утопизм	334
Утопия или законотворческая деятельность	335
Раздел 23. ПАРАГЕНЕТИЧЕСКАЯ СОЦИОЛОГИЯ И ИДЕОЛОГИЯ	337
Этническое разнообразие и ассимиляция	337
Феномен общественной мизантропии	338
Нация как социальный слой	341
Национализм и исключительность	343
Нацизм и тоталитаризм	347
ПОСЛЕСЛОВИЕ	353

Александр Леонидович Вугальтер

ВАШЕ ОТКРЫТИЕ ОБЩЕСТВА

Издание переработанное и расширенное

Редакторы: **Е.А. Солодовник,**
Л.И. Файбушевич

Оригинал-макет изготовлен 10.06.2018

Формат 70x100/16.

Авт. л. 20.06. Уч.-изд. л. 20.39

Усл. печ. л. 40.56. Стр. 374

Издатель «ФЛП Середняк Т.К.», Днепр, 18, а/я 1212.

Свидетельство о внесении субъекта издательской деятельности в

Государственный реестр

издателей, изготовителей и распространителей издательской продукции

ДК № 4379 от 02.08.2012

Идентификатор издателя в системе ISBN 7696

тел. (066)-55-312-55, (056)-798-04-00

E-mail: 7984722@gmail.com

www.isbn.com.ua

